

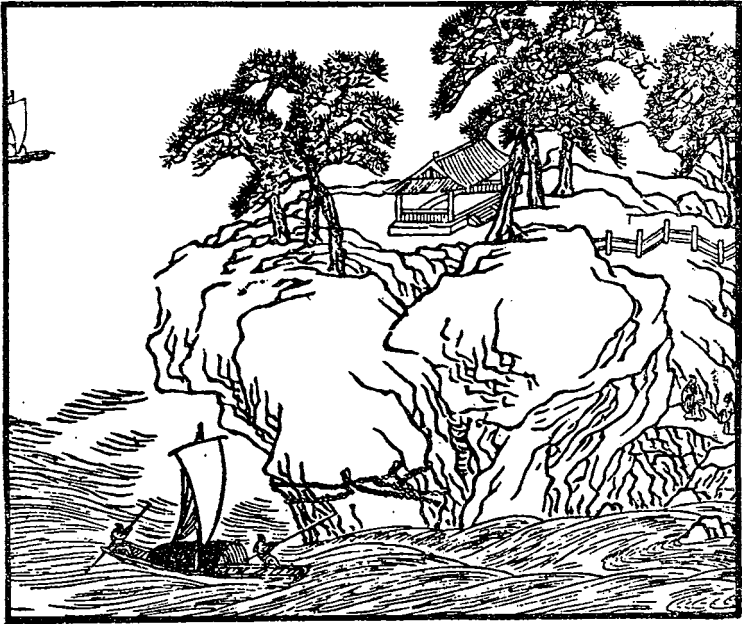
ЗАКЛЯТИЕ ДАОСА

ЗАКЛЯТИЕ ДАОСА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1982

ЗАКЛЯТИЕ ДАОСА

КИТАЙСКИЕ
ПОВЕСТИ
XVII ВЕКА

Ответственный редактор
В. Ф. СОРОКИН

*Составление, перевод, предисловие
и комментарий*
Д. Н. ВОСКРЕСЕНСКОГО

Стихи в переводе
И. СМЕРНОВА

З $\frac{4703000000-001}{013(02)-82}$ 195-82.

8И (Кит)

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1982.

КИТАЙСКАЯ ПОВЕСТЬ XVII ВЕКА

Повесть XVII в. в Китае — городская, или народная, повесть, как ее также нередко называют, — одна из блестящих страниц в истории китайской художественной прозы. Всех, кто когда-либо ознакомился с ней, будь то старый или современный ее читатель и исследователь, поражало в этом литературном явлении многое. Прежде всего, обилие произведений, написанных (или собранных и отредактированных) не на протяжении веков (как это было, например, в поэзии или изящной прозе), а за сравнительно короткий исторический отрезок — возможно, в течение одного-полутора столетий. Действительно, образцов повести, лишь тех из них, что дошли до нас, насчитываются даже не десятки, а сотни. Только две самые знаменитые коллекции XVII в. (собрания Фэн Мэйлуна и Лиц Мэнчу) включают двести крупных произведений. А кроме них можно назвать еще повести Ли Юя («Беззвучные пьесы», «Двенадцать башен»), сборники «Чаша, мир отражающая», «Камень Склонно-голову» и многие другие. Можно думать, что немало сборников, не говоря уже об отдельных произведениях, безвозвратно исчезло. Трудно сказать, сколько замечательных образцов прозы утрачено за прошедшие три столетия, сколько их погибло в пожарах войн или было уничтожено маньчжурскими властями.

Феномен городской повести, однако, не ограничивается числом произведений, которое, правда, уже само по себе впечатляет и заставляет задуматься о причинах и условиях бурного развития этого жанра на рубеже XVI—XVII вв. Поражает художественное богатство и многокрасочность поэтического мира, раскрывающегося в повести. В то же время поэтичность повестей сочетается с глубиной содержания, сюжетная занимательность несколько не мешает их серьезности. Не удивительно, что повесть, являющая собой образец высокохудожественной беллетристики, всегда привлекала внимание китайского читателя и пользовалась громадной популярностью в стране.

Какие факторы определили появление и развитие китайской повести?

Художественная (повествовательная, сюжетная) проза в Китае развивалась на протяжении веков в основном в русле двух крупных потоков: проза на книжном языке *вэньяне* и проза на разговорном языке *байхуа* (вернее, на литературном языке, в основе которого лежали нормы разговорной речи).

Они не были абсолютно замкнутыми и изолированными друг от друга художественными мирами, однако каждой были присущи свои особенности и свои поэтические принципы. Проза на байхуа отличалась от более изысканной и сложной прозы на вэньяне заметной простотой художественного языка и образов, демократичностью содержания, иначе говоря, той «простонародностью», которую старые литераторы ортодоксального толка расценивали как признак литературы «низкой». Понятие *су* («вульгарный», «простой») было наиболее распространенным эпитетом, когда шла речь о романе и повести, а также других жанрах демократической литературы.

Художественная специфика прозы на байхуа (в том числе и повести) определялась разными факторами. Едва ли не главным был «фольклорный» характер происхождения повести, что заметно отразилось в ее стиле. Как установлено исследователями старой китайской повествовательной прозы, истоки повести XVII в. следует искать в сказовых формах литературы эпох Тан — Сун (VII—XII вв.). Именно в ту пору в Китае бурно развивается феодальный город и начинает формироваться городская культура, давшая мощный толчок развитию последующих культурных явлений. Среди них можно назвать разные виды сказа (религиозного и светского), театрального действия, песенно-повествовательные жанры, широко распространенные в это время. Некоторые виды этого «полуофициального» творчества имели не только устные, но и письменные формы выражения, чему в значительной степени способствовало развитие книжной культуры. В книгах той поры (мемуарах, записках), например у Ло Е в «Записях бесед опьяненного старца» («Цауйвэн таньлу») или у Мэн Юаньлао в «Многоцветных записях снов о Восточной Столице» («Дунцзин мэнхуа лу»), нередко встречаются сведения о сказе *шохуа* и его новеллистической разновидности *сяошо*, легшей в основу письменной повести *хуабэнь*, а также о сюжетах, авторах или исполнителях. Названия отдельных сказовых произведений, имена героев, о которых писали старые авторы, встречаются в последующих повестях, что лишний раз говорит о ее ранних истоках. В старых книгах упоминались различные жанры сказа

(например, *шо гунъань* — «рассказы о судебных делах»), характерные и для поздней повествовательной прозы¹.

Но если устные истоки городской повести сейчас не вызывают больших сомнений, то ее первоначальные письменные формы таят еще немало загадок. Дело в том, что ранних сборников повестей, относящихся к эпохе Сун (не говоря уж о еще более ранней поре, например Тан), до нас не дошло. Почти все опубликованные произведения жанра повести относятся к XVII в. и лишь отдельные — к XVI в. И хотя это так, литературоведы-исследователи, начиная с Лу Сия и Тань Чжэнби и кончая современными учеными (Дж. Бишоп, Я. Прушек, П. Хэнэн и др.), определяя «возраст» повестей из коллекций Фэна и Лина, относят некоторые из них именно к эпохе Сун, т. е. к X—XII вв.² В их моделировании истоков повести содержится большая доля гипотезы, имеющей, впрочем, реальную основу.

Общую картину формирования жанра повести можно представить следующим образом. Сказители на основе готовых сюжетов (почерпнутых ими из исторических сочинений, сборников волшебных рассказов, легенд и сказаний), создавали свой, устный вариант рассказа (он нередко сопровождался музыкой и перемежался элементами театрального действия), который потом мог быть записан исполнителем или кем-то другим. Однако запись не обязательно воспроизводила рассказ в первоначальном его виде. Она могла делаться упрощенно и сокращенно, как запись фавулы, причем создавалась не на разговорном языке (им, естественно, пользовался рассказчик), а на книжном. Однако рассказ вполне мог быть записан и в том виде, в каком он воспроизводился сказителем. Вот почему, в частности, последующие повести, встречающиеся, например, в коллекции Хун Пяня «Хуабэнь из Зала Цинпин» (XVI в.) и в сборниках Фэна и Лина (если допустить, что они достаточно

¹ Об этом подробно рассказывается в книге А. Н. Желоховцева «Хуабэнь — городская повесть средневекового Китая» (М., 1969).

² Вопросом датировки повести занимались многие ученые в Китае и на Западе. Одна из сравнительно недавних серьезных работ в этой области — книга П. Хэнэла «Китайский рассказ. Исследование в области датировки, авторства и композиции» (Patric Hanan. *The Chinese Short Story: Studies in Dating, Authorship and Composition.* Harvard University Press. Cambridge, Mass., 1973). Известный интерес представляет также работа В. Идэма «Китайская простонародная проза. Период формирования» (W. L. Idema. *Chinese Vernacular Fiction. The Formative Period.* Leiden, 1974).

точно воспроизводили форму сунских повествований), поражают разнородностью и пестротой стилистического рисунка. Но хотя старых изданий сунских хуабэнь не сохранилось, анализ стиля поздних повестей XVI—XVII вв. заставляет нас считать, что они возникли на старой фольклорной и полуфольклорной основе.

Конец XVI и XVII век занимают особое место в истории китайской духовной культуры. Несомненно, что возникновение многих интересных и серьезных явлений в духовной жизни страны, в ее литературе и искусстве далеко не случайно.

Рубеж этих двух столетий — одна из сложных и драматичных эпох в Китае. Своими внутренними и внешними коллизиями, противоречивостью общественных явлений, беспокойностью и неустойчивостью жизни она напоминает примерно тот же период на Западе (в том числе и в России). О нем историки обычно пишут как о периоде «острого болезненного кризиса», эпохе «переломной». Кризисный характер этого времени в Китае проявился не только в серьезных политических событиях (крушение династии Мин, установление маньчжурского господства), но прежде всего в глубинных социальных сдвигах и идейных трансформациях, обусловленных разрушением китайского феодального общества, в котором «крепны» общественного порядка (если использовать слова В. О. Ключевского, сказанные о «смутном времени» в России) оказались надломленными. Специфика этого отрезка истории, лежащего на стыке двух этапов развития китайского общества, сказалась на всех сторонах духовной и культурной жизни.

Внутренние неурядицы в стране, политические и военные поражения империи, неумелое правление последних Минских императоров — все это вызывало острое недовольство в обществе, и прежде всего среди низших и средних прослоек. Конец XVI и весь XVII век отмечены восстаниями крестьян, бунтами горожан, брожением среди привилегированных слоев — тогдашней интеллигенции. Громадная по масштабам крестьянская война 20—40-х годов XVII в. привела династию Мин к гибели. В 1644 г. по просьбе перепуганных китайских феодалов в страну вступила армия маньчжуров. В Китае была провозглашена новая династия Цин.

Глубокий социальный и духовный кризис, который переживало китайское общество, сыграл роль своеобразного катализатора, способствующего развитию и обострению многих культурных процессов. Это время (во всяком случае, конец

XVI и первая половина XVII в.) отличается большим оживлением духовной жизни, о чем свидетельствовало возникновение новых идеологических течений и культурных тенденций. Как это нередко бывало и в других странах в кризисные эпохи, в китайском обществе происходит ускоренное развитие многих сторон культуры, причем отдельные идеологические культурные явления и процессы предстают как бы в укрупненном виде. Об этом говорит, например, характерная для того времени борьба разных идеологических школ и направлений, бурный расцвет разного рода «неортодоксальных» и оппозиционных идей, глубокие трансформации в литературе, в частности проявившиеся в небывалом расцвете демократических жанров. Не случайны, к примеру, философские искания последователей мыслителя XV в. Ван Янмина с их пристальным вниманием к природе человека; религиозные поиски теоретика «Трех учений» Линь Чжаоэня; бунтарские идеи Ли Чжи в области истории и культуры; оригинальные литературные теории братьев Юань и Ли Юя и т. д.

Одним из ярких и своеобразных феноменов этого времени — сильно возросшая роль демократической культуры, как результат стремительного роста китайского города и укрепления городских прослоек. Ее выход на авансцену социальной и культурной жизни свидетельствовал о больших изменениях, которые произошли в обществе и соответственно в умонастроениях и миропонимании людей, в их отношении к ценностям. По существу, именно с этого времени демократическая культура как особая форма общественного сознания низших и средних прослоек населения и как важный эстетический фактор занимает все более значительное место в духовной жизни страны. Специфика условий ее формирования (ориентированность на средние и низшие слои общества) наполняла ее особым содержанием и смыслом. Ей была свойственна не только относительная простота форм, но прежде всего другая (нежели в аристократической культуре) содержательность, другое видение и оценка действительности, общественной морали и социальных порядков. Зачастую в ней проглядывался откровенный эпатаж по отношению к культуре социальных верхов, а порой критика и осмеяние существующих сторон жизни. Эти особенности хорошо видны в художественной литературе той поры, в частности, очень заметны они в повести.

Демократическая культура развивалась прежде всего под знаком города и отражала его особенности. Не случайно, например, что место действия большого числа произведений про-

зы и песенно-повествовательных жанров город, а действующие лица представители городских прослоек: торговцы, ремесленники, простолюдины — городской плебс. В создании разных форм демократической культуры (и литературы как ее важного звена), а также в ее «потреблении» принимали участие разные слои общества, в том числе мелкая интеллигенция и даже чиновничество, люди «свободных» профессий — актеры, сказители и т. д. Большую роль в распространении демократических форм искусства играли также торговцы. По многим произведениям той поры можно видеть, что представители этого сословия (как это было в свое время и на Западе) активно содействовали развитию демократической культуры. Они были и меценатами и непосредственными участниками творческой деятельности (люди типа Юй Сяндюу или Ли Юя, которые широкую торгово-издательскую деятельность совмещали с литературской). Участие выходцев из средних и низших слоев общества в создании многочисленных и разных образцов демократической культуры, разумеется, сказалось на характере произведений и их стиле. Например, отсюда не случайны в произведениях «низкой» прозы той поры (роман и повесть) особый колорит простой реальности, изображение «низкого быта», показ чувственной и плотской стороны человеческих взаимоотношений.

Развитию жанров и форм демократической культуры в немалой степени содействовал огромный размах книжного дела. Масштабы книгопечатания в конце династии Мин были огромны, а то, что книгопечатание сосредоточивалось в городах, явилось дополнительным важным фактором, способствующим развитию письменных форм демократической культуры и ее распространению среди разных прослоек общества. В конце XVI и в XVII в. были известны многие города — центры книгопечатания и издательской деятельности (Нанкин, Фучжоу, Пекин), а в них — знаменитые районы книгопечатания (Люличан в Пекине, район улицы Трех Гор в Нанкине). Крупные литераторы и библиофилы той поры (Ху Инлинь и др.) писали, например, с прекрасных и редких изданиях романов и повестей, сделанных в У (район Ханчжоу — Сучжоу), Минь (провинция Фуцзянь), о тех печатнях, продукция которых пользовалась спросом по всей стране. Так, повсюду были известны издания печатни Цинбайтан (Зал Чистой Белизны), Шидэтан (Зал Добродетели Мира), Вэньлипыгэ (Беседка Литературного Леса). В них в это время работали люди, снискавшие славу не только своей издательской, редакционной дея-

тельностью, но и литературным талантом. Например, в печатне Цинбайтан подвизался известный Ян Миньчжай, с именем которого связано издание разнообразных произведений демократической литературы.

На многих книгах той поры можно встретить имя издателя и редактора Сюн Лунфана (он же был и знаменитым резчиком). В печатне Зал Двух Горных Пиков, принадлежавшей роду Юй, трудился Юй Сяндю. В печатнях работали также талантливые художники и каллиграфы (Чэнь Хуншоу, Сян Наньчжоу, Дян Юаньпан), чье высокое искусство прославило книжную иллюстрацию той поры.

Среди громадной и многоликой книжной продукции, выпускавшейся печатнями, большое место занимали всякого рода популярные издания — произведения художественной беллетристики. Период конца Мин особенно славится этими изданиями. Эта литература рассчитана на читателя, эстетические потребности которого по сравнению с прошлым значительно изменились. Психология, культурные запросы и привычки этого нового читателя-горожанина заметно отличались от тех, что были у людей раньше. Иным было и его отношение к литературе. Так, в частности, жанры демократической прозы вполне удовлетворяли его порой не слишком взыскательные вкусы, поэтому их бурное развитие — процесс вполне объяснимый. Произведения повествовательной прозы (роман, повесть) пользовались громадной популярностью. Нередко они издавались значительными для того времени тиражами (2—3 тысячи экземпляров). Их покупали охотно, несмотря на сравнительно высокую цену (отдельные издания стоили несколько лянов серебром — сумма, на которую мог прожить простой человек в течение многих месяцев). Наиболее интересные книги, пользовавшиеся особым спросом, переписывались от руки. Известный литератор Юань Хундао — большой ценитель демократической литературы — переписал от руки роман «Цзинь, Пин, Мэй», так как не мог его приобрести. Нередко переписывались и популярные повести.

Сведения об авторах произведений повествовательной прозы, как правило, скудны и весьма противоречивы. О старых авторах повестей хуабэнь практически ничего неизвестно. Литературовед Сюй Чжэнъян в свое время писал: «Авторами рассказов хуабэнь несомненно были в основном люди из мира искусства (*ижэнь*, т. е. сказители, актеры.— Д. В.), подвизавшиеся в увеселительных заведениях (*вашэ* и *гоулань*). Однако уже в то время происходило приобщение к этой творческой

деятельности и литераторов»³. Видимо, «люди искусства» (в повестях употребляется термин *лаолан*) принимали непосредственное участие в написании произведений демократической прозы, тем более что некоторые из них были, по-видимому, весьма образованны. Известный исследователь старой повествовательной прозы Чэнь Жухэн называл имена отдельных сказителей-литераторов, которые сопровождались эпитетами *цзиньши*, *цзюэюань* (названия ученых степеней). Были ли это просто прозвища или в них действительно отражалась ученость этих людей? К сожалению, больше о старых авторах нам почти ничего не известно.

В пору расцвета демократических жанров в конце Мин к литературе приобщилось значительное число не просто грамотных, но высокообразованных и одаренных людей. Они-то, собственно, и стали главными создателями высокохудожественных повестей и романов. Среди них можно назвать упоминавшегося Юй Сяндюу — ему приписывается авторство волшебных повестей (например, «Путешествие на Юг» из книги «Четыре путешествия»), а также художественная обработка и редакция судебных рассказов; Дун Жоюя (автора интересной повести «Дополнение к путешествию на Запад»), принявшего монашество после захвата страны маньчжурами; Ли Юя, оставившего глубокий след в области театра и драматургии (Ли Юй был и автором произведений прозы: многих повестей, романа «Подстилка из плоти»); Дин Яокана (автора романа «Продолжение „Цзинь, Пин, Мэй“»), сделавшегося отшельником, и многих других. Среди талантливых литераторов той поры выделяются могучие фигуры Фэн Мэнлуна и Лин Мэнчу, произведения которых составили то лучшее, что было создано в жанре повести.

Фэн Мэнлун (1574—1646) — выдающийся литератор и деятель культуры. Выходец из привилегированной семьи, он получил хорошее образование, однако на ученой и чиновной стезе особенного успеха не имел и лишь в пятьдесят семь лет дослужился до звания гуншэна (одна из низших ученых степеней), хотя некоторое время занимал пост начальника уезда. Фэн прославился прежде всего на литературном поприще. Он известен как неутомимый собиратель и распространитель произведений народного творчества и демократической литературы, ее редактор и автор большого числа повестей. Можно без преувеличения сказать, что, не будь Фэн Мэнлуна,

³ Фэн Мэнлун. Гунцзинь сяшо (Рассказы древности и современности). Пекин, 1958, с. 5.

многое, что дошло до нас (например, в жанре романа или повести), имело бы куда менее представительный вид, а может быть, и вовсе не сохранилось. Фэн вдохнул жизнь в старые произведения фольклорных и полуфольклорных жанров, создал множество новых. Блестящим памятником его литературной деятельности является знаменитое «Троесловие» (или «Три слова») — три сборника повестей (в общей сложности 120 произведений), выпущенных примерно в течение одного десятилетия (с 1621 по 1627 г.).

Второй знаменитый автор повестей — Лин Мэнчу (1580—1644). Он родился в семье крупного мипского чиновника, имел степень сюэца, но на ученой стезе не продвинулся. Лин служил на государственной службе (как и Фэн Мэнлу, он некоторое время занимал пост начальника уезда), в последние годы династии Мип получил сравнительно высокую должность военного инспектора. Слава, однако, к нему пришла не в литературе. Вслед за Фэном (и в значительной степени подражая ему) он выпустил два сборника повестей (общим числом 78), которые назвал «Рассказами совершенно удивительными» — «Пайань цзинци», что в буквальном переводе значит «ударить по столу в крайнем удивлении».

В настоящей книге собраны образцы повествовательного жанра этих двух литераторов. Они ярко раскрывают художественные особенности прозы той эпохи. В них, например, прекрасно ощущается колорит «устной литературы». Во всех произведениях мы видим характерный рисунок повествования (своеобразный рассказ сказителя), которому свойственны, в частности, сказовые клише («А теперь мы поведем речь о том, что...») или обращения к слушателю («Уважаемые слушатели, вы можете спросить меня...») и т. д. и т. п.). Авторская речь, отражающая специфику устного рассказа, многочисленные диалоги хорошо и динамично передают атмосферу человеческого бытия. Живая картина жизни, которая раскрывается в повестях с помощью различных художественных средств (авторского текста, диалогов героев, всякого рода поговорок и пословиц, простонародных речений) — замечательная черта произведений Фэн Мэнлуна и Лин Мэнчу. В то же время талантливые авторы и редакторы повестей широко используют богатство иных литературных жанров (высокой прозы, поэзии), что придает произведениям Фэна и Лина особую утонченность.

Говоря о поэтике и художественном языке повестей, нельзя не подчеркнуть того большого места, которое занимает в них поэзия. Ее роль в тексте повестей очень многообразна. Поэтические включения присутствуют в произведениях в виде небольших зачинов, часто имеющих метафорический смысл. Или, наоборот, это развернутые стихотворные вступления, в которых излагаются основные линии сюжета и дается философское раскрытие содержания. Поэзия представлена также в основном повествовании — это стихотворные описания пейзажа, исторических событий, изображение портрета человека, деталей бытия и пр. Почти обязательны стихи в конце каждого рассказа — своего рода дидактические концовки, подводящие итог сказанному. Поэзия в прозаическом тексте обычно имеет вид традиционных стихов жанра *ши* (пяти- или семисложный стих) и *цы* (стихотворения, писавшиеся на заданный размер или мотив). Однако нередко можно видеть (особенно в повестях бытового содержания) стихи фольклорные по своему характеру: простенькие песенки, прибаутки, шутки. Разнообразные по форме и содержанию, эти поэтические включения создают особый колорит повествования, иногда подчеркивая литературное изящество, иногда безыскусную простоту.

Повести Фэна и Лина и других литераторов того времени нередко называли «подражательными хуабэнь» (*нихуабэнь*). В этом понятии отразилась такая их особенность, как воспроизведение стиля старых образцов повествовательной прозы. На самом деле повести Фэна и Лина можно с не меньшим (а может быть, и с большим) основанием считать вполне самостоятельными произведениями, ибо грань между редакторской деятельностью и оригинальным творчеством у этих авторов была неуловима.

Говоря о специфике городской повести XVII в., следует подчеркнуть ее необычайно богатую тематику и многообразие литературных сюжетов.

Подобного тематического и сюжетного разнообразия внутри одной жанровой разновидности нельзя увидеть не только, скажем, в знаменитой танской новеллистике, но и в последующей повествовательной прозе. В сборниках Фэна и Лина можно пайти литературные образцы самых различных сюжетных типов, от простейших «рассказов действия» (о приключениях и плутнях) до сложных судебных и философских повестей.

Многие сюжеты городских повестей (они, очевидно, восходят к народно-сказовому творчеству эпохи Сун — Юань) отражают специфику незамысловатого театрализованного рас-

сказа, близкого к фарсовому действию. Такова, например, история о городском мошеннике Суне и его ученике Чжао, сюжет которой строится как цепь занимательных, но довольно однообразных ситуаций, сцепленных между собой весьма свободно и как бы нанизанных одна на другую. В таких произведениях, изображающих похождения мошенников и озорников, сюжет сводится к быстрой смене смешных и грубоватых сцен, призванных, по мысли автора, заинтересовать читателя прежде всего динамичностью действия. Вся повесть о Суне Четвертом (и другие однотипные рассказы) представляет собой множество бурлескных эпизодов с кражами, мошенничеством, погонями, драками, переодеваниями, т. е. со всеми теми атрибутами, которые были важны для создания не слишком притязательного приключенческого повествования. Откровенно фарсовый характер многих сцен лишний раз свидетельствует о старых «уличных» истоках повестей этого типа.

Рассказ о Суне Четвертом или прекрасная повесть Лина о мошеннике Праздном Драконе из сборника «Эркэ» (второго сборника «Рассказов совершенно удивительных») типологически близки «озорным рассказам», широко распространенным в средневековой литературе Европы. Как это бывало и в западноевропейском рассказе-фарсе, похождения героев, их буффонные выходы и плутовство нередко сопровождают натуралистические подробности, характерные для «низкого» повествования. (Так выглядят многие эпизоды, скажем, сцена знакомства Суна с псевдокрасоткой в харчевне или сцена убийства Хоу Сином своего сына). Надо сказать, что такой натурализм носит именно «естественный» характер. Он присущ народному рассказу, к которому подобные повести восходят. Не будучи придуман специально и намеренно как особый литературный прием, он является продуктом жизни и культуры эпохи. Это — одна из особенностей художественного мира «низкой прозы».

Ускоренное и динамичное сюжетное действие, о чем очень заботился старый автор, создавая увлекательное и занимательное повествование, проявляло себя в рассказах о путешествиях и странствиях. В китайской прозе тема путешествия (травелогическая тема) звучит более приглушенно, нежели, скажем, в западноевропейской литературе (например, средневековые рыцарские повествования, отчасти романы-пикарески, не говоря уже о больших романах-травелогиях), однако она существовала, о чем свидетельствуют некоторые повести из коллекций Фэна и Лина. В них сюжетное действие, как это водится в подобных произведениях, строится на основе странствий героя

(героев), сопровождающихся преодолением препятствий и опасностей. С героями, конечно, происходят всякие (часто необыкновенные) приключения, которые (если использовать слова В. Б. Шкловского) являются «нарушением обычного» или, другими словами, формой проявления необычности бытия. Интересную интерпретацию темы путешествия можно видеть, например, в повестях Лина о Маленьком даосе — игроке в облавные шашки (сборник «Эркэ») или о разбойнике Черном Генерале (сборник «Чукэ»).

В настоящей книге тема путешествий своеобразно развивается в повести «Путь к Заоблачным Вратам». В этой истории, полуволшебной-полуреальной, действие в значительной степени строится на путешествии с приключениями, хотя тема реализуется также и в русле волшебного повествования. Герой рассказа Ли Цин, простой торговец, путешествует в край бессмертных. Герой преодолевает разные опасные преграды, которые гиперболизированы в соответствии с необычностью обстановки. Ли Цин спускается в пропасть неизмеримой глубины, попадает в мрачную пещеру, потом ползет по узкому лазу, чуть не умирает от голода и т. д. Преграды, которые должен преодолеть герой, подчеркивают приключенческие стороны повествования.

Множество сюжетов повестей, также носящих черты приключенчества, строится на разного рода забавных или, наоборот, злых проделках. В повести «Человечья нога» рассказывается о молодом ученом Чэнь Хэне, который вел беспутную жизнь и быстро промотал свое состояние. Он залез в долги и оказался в зависимости от ростовщика Вэя. Тот со временем стал требовать денег и всячески притеснять Чэня. Молодой человек решил отомстить ростовщику, для чего с помощью слуги подбросил в его дом человеческую ногу, чтобы обвинить Вэя в убийстве. Так разворачивается сюжет, построенный на занимательных коллизиях. В другой истории — «Чжан Проньра попал впросак» — говорится о сюэе Цаньжо, который после смерти любимой жены дал клятву не жепиться. Через какое-то время, однако, он встретил молодую жепщину, она пришла ему по душе, и он решил жепиться на ней. Неожиданно оказалось, что она замужем. Ее муж, Чжан Проньра, использовал свою жену для замапивания простаков. На сей раз оказывается обманутым сам Чжан, так как его жена сбежала с молодым сюэем.

Многие сюжеты строятся на какой-то ошибке, оплошности или необдуманной шутке, которые влекут за собой неожидан-

ные последствия. В повести «Опрометчивая шутка» говорится о легкомысленном и беспутном Цзяне, который во время одного из своих путешествий допустил досадную оплошность, обронив фразу о том, что хозяин дома, где он и его спутники хотели укрыться от дождя, будто бы является его тестем. Эти слова и ряд других случайных обстоятельств вызвали каскад забавных событий, приведших к неожиданным результатам. И в прологе этой повести рассказывается об ученом Ване, чья озорная проделка также вызвала неожиданные последствия. Шутка или оплошность, приведшие к неожиданным результатам, весьма распространенный прием в приключенческих повестях Фэна и Лина. Неожиданность действий, непредсказуемость их конечного результата, нарушение обычной логической схемы человеческих поступков — таковы сюжетные ходы авторов, старавшихся повествованию придать занимательность. Как пишет М. М. Бахтин (говоря об особенностях старого греческого романа), в подобных произведениях «неожиданного ждут и ждут только неожиданного. Весь мир подводится под категорию „вдруг“, под категорию чудесной и неожиданной случайности»⁴. Такую «неожиданность» мы находим и в сюжетах китайской городской повести.

Весьма характерны в связи с этим разного рода изменения и трансформации. Нередко они принимают вид «визуальных метаморфоз», зримо подчеркивающих живую и динамичную форму изображенного в повестях бытия. Не случайны, например, преобразование героев и их лицедейство, создающие неожиданные коллизии, осложняющие сюжетное действие. Такие преобразования-переодевания происходят, например, с Суном Четвертым (то он переодевается стражником, то слугою из чайной), Чжао Чжэн принимает вид певички из веселого заведения, и т. п. Метаморфозы и лицедейство часто встречаются в рассказах с любовной интригой, которых довольно много среди повестей Фэна и Лина. В повести «Опрометчивая шутка» герой прикидывается зятем богатого селянина, что влечет за собой разные забавные ситуации. В повестях о любовных похождениях монахов (например, «Любовные игрища Вэньжэня») лицедейством-преобразованием занимаются монахи и монахини. Такие превращения усиливают занимательный элемент сюжетного действия.

Большое место в коллекции Фэна и Лина занимают весьма разнообразные по содержанию рассказы судебного жанра, пред-

⁴ М. Бахтин. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975, с. 302.

ставленные в настоящей книге несколькими произведениями. Судебная повесть *гунъянь* (букв. «судебные» или «казенные» дела) в своей литературной основе восходит к аналогичным танским новеллам и сунско-юаньским рассказам *хуабэнь*. В то же время литературная фабула судебных повестей нередко строилась на основе книг-судебников (например, знаменитой книги «Сопоставление дел под сенью дикой груши» — «Танъинь биши» и др.), в которых описывались реальные судебные казусы, легшие в основу последующих многочисленных судебных повестей и романов. В XVII в. судебная проза составила целое жанровое направление. Повесть *гунъянь* — образец хорошо разработанного в сюжетном отношении повествования, отличавшегося сложной фабулой и затейливой интригой. Однако судебные повести интересны не только хитросплетениями сюжета, но и как образцы прозы социального, критического звучания.

Значительное место среди повестей судебного типа занимают истории о пропажах и кражах. К их числу можно отнести повесть Лин Мэнчу о загадочном деле двух братьев («Судья Сюй видит сон-загадку»). В ней можно заметить немало художественных деталей и приемов, часто встречающихся в повествованиях этого типа. Прежде всего, это всякого рода исчезновения, сопровождающиеся загадочными обстоятельствами, осложняющими сюжетное действие. В данной повести таких исчезновений несколько. Например, исчезает возница, совершивший кражу, и его никак не могут обнаружить. Это рождает мотив поисков, которые, в свою очередь, влекут за собой острые ситуации. Затем происходит таинственная кража и убийство Ван Цзюэ, причем о виновнике читатель ничего не знает. Это преступление порождает новую цепь поисков и преследований. В конце повествования обнаруживается исчезновение крупной суммы денег, которое также осложнено таинственными обстоятельствами. Все эти исчезновения, кражи, пропажи держат читателя в постоянном напряжении в ожидании того, что может еще что-то произойти.

Мотив поисков и преследования — почти обязательный художественный элемент судебных повествований, своего рода стержень, на котором держится динамичное сюжетное действие. Важной художественной деталью многих произведений такого типа является загадка в сюжете, ориентирующая читателя на однократное или многократное разгадывание какой-нибудь задачи. Загадка сгущает занимательность художественного произведения, как пишет В. Б. Шкловский, «загадка яв-

ляется предлогом к наслаждению узнавания»⁵. В китайских судебных повестях подобных загадок может быть несколько, они создают в повествовании затейливую сюжетную вязь. Именно такую сложную нить интриги мы видим в сюжете о двух незадачливых братьях.

Не менее сложно развивается сюжет повести «Трижды оживший Сунь». Повесть о стряпчем Суне (как и некоторые другие произведения этого типа, например прекрасный рассказ Фэн Мэнлуна о псевдобоге Эрлане⁶) представляет собой образец своеобразного средневекового детектива, который по своим художественным достоинствам (в частности, по запутанности сюжета) не уступает западноевропейским произведениям о тайнах (например, «готическим» повествованиям, в частности произведениям Рэдклифф). В повести о стряпчем Суне говорится, что герой однажды встретил гадалея и тот предрек ему скорую смерть, указав даже, когда это должно случиться. Сунь пришел домой, рассказал жене, а вскоре произошло таинственное — Сунь ночью вышел из дома и исчез. Так начинается повесть о не постижимой смерти стряпчего Суня и рождается та тайна (как в настоящей детективной истории, она является ядром сюжетного действия), которую читатель понимает лишь к концу рассказа, когда с появлением всеведущего судьи Бао раскрываются обстоятельства запутанного и странного дела.

В повести о стряпчем Суне можно видеть особенность, характерную для многих судебных повествований: соединение таинственного и волшебного. Надо сказать, что появление сверхъестественного в сюжете — довольно распространенная черта в старой китайской прозе. Это вызвано разными обстоятельствами. Сверхъестественное, волшебное было распространенным элементом литературной традиции и занимало важное место в художественной прозе той поры. Сочетание правдоподобного и неправдоподобного, сплетение реального и волшебного в одном повествовании (не только в волшебных, но и в реалистических сюжетах) — общее явление в произведениях разных типов, в которых реалистический характер сюжета нередко сочетается с ирреальными деталями в отдельных сценах и эпизодах. Художественный метод литераторов того вре-

⁵ Виктор Шкловский. Тетива. О несходстве сходного. М., 1970, с. 72.

⁶ Перевод этой повести Фэна (из сборника «Синши хэньян») можно найти в книге «Классическая проза Дальнего Востока». М., 1975.

мении подразумевал такое соединение, которое современным читателем воспринимается как художественная условность. В судебной прозе появление волшебного элемента часто было связано не только с традицией. Не умея разрешить сюжетные конфликты и коллизии средствами реалистического повествования, старый автор прибегал к приемам волшебного. К тому же сверхъестественное подчеркивало и усиливало ту мистическую загадочность, которую литератор хотел создать в своем произведении. В повести о Суне ирреальность занимает большое место — это и трехкратное явление погибшего хозяина служанке и вещей сон судьи Бао.

Художественные приемы, подчеркивающие таинственный характер исчезновения героя, увеличивают и заостряют читательский интерес. В то же время элементы волшебного, сверхъестественного (в частности, вещие сны) помогают автору разрешить те сюжетные загадки, которые он создал в своем повествовании. Скажем, во вполне реалистической повести о братьях Ван присутствует нереальное — вещей сон судьи Сюя, который с его помощью разрешает загадку с кражей денег и убийством одного из братьев. Такой же вещей сон встречается в реалистическом сюжете о монахах («Сожжение храма Драгоценного Лотоса»), где сон несет в себе некое предупреждение. Вещие сны как проявление волшебного в судебных повестях играют важную роль «двигателя» сюжетного действия — его *spiritus movens*. Таким образом, сны в повестях судебного типа («видения», с помощью которых предсказываются события) дают читателю туманные или, наоборот, прозрачные намеки, важные для прояснения таинственного, для разрешения поставленных загадок.

Во многих произведениях загадочность и таинственность — это не только литературный прием и «игра в узнавание». Они нередко несут более важную, идеологическую функцию, так как связаны с морально-этической, религиозной концепцией, лежащей в основе того или иного сюжета. Это, например, можно хорошо видеть в повести Фэн Мэнлуна «Золотой угорь». Суть авторской концепции в данном рассказе состоит в том, что люди должны остерегаться непонятных явлений и по возможности не задевать таинственных существ, чтобы не навлечь на себя беды (своеобразный вариант буддийской идеи о воздаянии, в соответствии с которой поступок обязательно влечет за собой возмездие). Словом, не нарушай порядка вещей — таков идейный подтекст этой истории. В повести «Золотой угорь», реалистической по характеру развертывания сю-

жета, в начальной сцене появляется элемент сверхъестественного, ирреального. Конвойный Цзи Ань поймал в Пруду Золотого Сияния странного угря. Таинственная тварь человеческим голосом просит отпустить ее обратно в пруд (элемент ирреальности значительно ослаблен или замаскирован тем, что читатель не вполне понимает, действительно ли говорит угорь или это «внутренний голос» самого автора). Жена конвойного зажаривает угря, и с этого момента пачинаются злоключения семьи, описанные уже по законам судебной повести. Волшебный элемент дает толчок последующему вполне правдоподобию и реалистическому повествованию. В конце повести автор возвращается к таинственному угрю, чтобы выразить свою моральную позицию, которую он затронул вначале. Таким образом, в занимательном сюжете судебного вида таится серьезная морально-этическая концепция, которая находит свое выражение равно в реалистическом и в волшебном художественном материале.

Городская повесть XVII в.— это вид старой беллетристики, которая предназначалась для развлекательного чтения. Так к ней подходили современники — читатели и сами литераторы. В своих предисловиях и комментариях старые авторы нередко писали, что созданные ими произведения — суть небывлицы и досужие выдумки, цель которых доставить читателям удовольствие — таковой бывает приятная и легкая «беседа после чая». Однако характерно, что в ту же пору существовали и другие мнения, как правило распространявшиеся литераторами неортодоксального направления. Фэн Мэнлун, Лин Мэнчу, Ли Юй, крупные литераторы Юань Хундао, Цзинь Шэнтаь и другие видели в произведениях демократической прозы не только занимательный сюжет, но и глубокое содержание и большой смысл. Они подходили к ним как к серьезной по мысли литературе, которая учит людей, раскрывая перед ними разные стороны человеческого бытия. Для такого суждения старые авторы и литераторы имели все основания.

Городская повесть в большой своей массе (в том числе и занимательные повествования) представляет собой литературу бытовой и правоописательной направленности, получившую очень широкое распространение в XVI—XVII вв. Быто- и правописание как способ художественного изображения действительности встречались в литературе, конечно, и раньше (скажем, в танской новелле), однако тогда они не имели того ши-

рокого развития, которое приобрели впоследствии, в пору расцвета демократических жанров, и в частности повествовательной прозы. С этой точки зрения повести Фэна и Лина представляют исключительный интерес. Они дают богатейший материал для понимания жизни и эпохи, быта и нравов тогдашнего общества. Каждая повесть, будь то фарсовая эпопея о мошеннике Суне Четвертом и Чжао Чжэне или судебная история о гибели братьев Ван,— это небольшая, но яркая иллюстрация бытия той поры. Изображением жизни и нравов людей повести Фэна и Лина очень ценны. В повестях мы видим сцены жизни самых разных слоев: привилегированных прослоек, торгового сословия, ремесленников, монашества, городской голытьбы и т. д. Например, в повести «Утаенный договор» показаны нравы семьи зажиточного селянина. В рассказе о братьях Ван читатель видит картинку жизни торговцев. Во многих повестях (особенно судебного типа) изображается деятельность административных управ — ямыней и в этой связи показываются нравы чиновничества («Трижды оживший Сунь», «Подметное письмо» и др.). Изображая представителей той или иной среды, авторы живописуют социальный фон и те общественные условия, в которых действуют герои, иначе говоря, описывают образ мыслей и действий той или иной социальной группы. Без большого преувеличения можно сказать, что по многочисленным произведениям, принадлежащим к разным сюжетным типам, нетрудно представить себе общественную и частную жизнь людей, находящихся на разных ступенях социальной лестницы. Что касается приключений, являющихся почти непременной принадлежностью старой беллетристики, то они, как правило, не только не мешают широкому показу действительности, но даже способствуют ему. Сложные сюжетные авантюры, присущие образцам старой занимательной прозы, являются тем важным художественным средством или приемом, с помощью которых «узнаются» разные стороны человеческого бытия.

Принадлежа к разряду быто- и правописательной литературы, многие повести содержат богатейший этнографический и социологический материал, помогающий раскрыть перед читателем общественные обычаи и обряды, привычки и повадки. Например, в повести о братьях Ван можно наблюдать картины коммерческого предпринимательства с его специфическими подробностями. В повести «Утаенный договор» показываются взаимоотношения в семье в связи с делом о наследстве. В истории «Украденная невеста» читатель видит зажиточную китай-

скую семью во время свадебной церемонии. В рассказе «Человечья нога» раскрывается механизм ростовщической деятельности. Весьма интересны повести, где изображается монашество. В этих произведениях читатель найдет многочисленные и яркие сцены жизни и нравов больших монастырей и скромных скитов, увидит обряды, связанные с храмовой жизнью. В сценах, изображающих монастырскую действительность, раскрываются картины религиозных служб, молений, гадааний и т. д.

Судебная разповидность повести дает многочисленные примеры сложного судебного административного механизма той поры (чиновное делопроизводство, ведение расследования, техника наказаний и пр.). Например, в повести «Утаенный договор» интересны подробности заключения «частных» договоров и соглашений, а также детали судебного разбирательства. В рассказе «Сожжение храма Драгоценного Лотоса» показываются взаимоотношения между светской властью и религиозными учреждениями, те сложные коллизии, которые могут возникать между ними. «Этнографические» и «профессиональные» описания, сопровождающие рассказы разной тематики, не только придают особый колорит повествованию, но и создают широкий социальный фон, который позволяет рассматривать многие повести как произведения большой общественной наполненности.

Это особенно заметно в тех повестях, где авторы стараются заострить внимание на отдельных социальных явлениях, где сюжеты ориентированы на показ сложностей человеческой жизни. Авторы повестей раскрывают какие-то отрицательные стороны действительности, показывают социальные непорядки и общественные пороки. Особенно заметно социальное звучание в повестях судебного типа, которые в силу жанровой специфики (показ какой-то общественной аномалии) нацелены на критическое изображение, в них повествование часто носит разоблачительный характер. В таких произведениях изображаются и недостатки отдельных людей и социальные пороки, присущие, например, чиновничеству или монашеству как социальным прослойкам.

Не случайно значительное число повестей связано с деятельностью буддийской церкви и ее представителей. Надо сказать, что монах — весьма распространенный персонаж старых китайских повестей, причем роль его в произведениях повествовательной прозы довольно многообразна. Характерно, что во многих рассказах (в частности, судебной направленности) мо-

нахи (обычно буддийские), как и представители чиновного сословия и торговцы, часто выступают в качестве отрицательных героев — соучастников разного рода преступлений (мошенничеств, грабежей, но чаще всего любоддеяний). Так, в прологе к повести «Человечья нога» рассказывается о монахе, который занимается вымогательством и шантажом. В повести «Любовные игрища Вэньжэня» в прологе повести говорится о монахе-лицедее, который, переодевшись монахиней, развратничает в монашеской обители. Деяния монахов, как это видно из некоторых сюжетов, — совсем не безобидные плутни. Порой это серьезные преступления и даже убийства. В повести «Судья Сюй видит сон-загадку» монах грабит и убивает, в рассказе «Сожжение храма Драгоценного Лотоса» говорится о том, как монахи во главе со своим настоятелем устроили в обители вертеп, а когда их поймали с поличным, подняли вооруженный бунт.

Глубокий социальный конфликт, раскрывающий сложные взаимоотношения между местными административными властями и представителями богатой торговой прослойки, показан в повести «Бунт Ван Синьчжи». Герой этой истории, торговец и предприниматель Ван Синьчжи (тип своеобразного буржуа) устраивает нечто вроде восстания против властей, причем для этого создает многолюдную армию из своих арендаторов и работников. В повести показывается сложная социальная коллизия, имеющая антиправительственный оттенок. Автор отнюдь не осуждает действия своего героя и показывает причины, которые как бы против воли сделали Ван Синьчжи мятежником: несправедливость, царящая в верхах, и злоупотребления на местах. Такое авторское отношение говорит о сложном подходе литераторов той поры к общественным явлениям, что и отразилось в их оценках человеческих характеров и событий.

Повесть XVII в., как в общем всю старую повествовательную прозу, отличает сильная дидактическая и морализаторская струя. Повесть почти всегда нравоучительна, даже в развлекательных своих образцах. Дидактическая идея автора (его суждения о людях, общественных нравах, социальных явлениях) нередко раскрывается в прямых авторских ремарках и рассуждениях. В повести о Чжане Проньре, чисто занимательной по своему сюжету, уже в самом начале даны авторские сентенции, переключающие повествование на серьезный лад. Нравоучительные рассуждения о вреде мошенничества, предпосланные основному повествованию, создают специфи-

ческую настроенность, благодаря чему читатель воспринимает повесть не только как развлекательное чтение, но и как серьезное произведение, которое может предупредить его от чего-то дурного, наставить на правильный путь.

В рассказе «Человечья нога» повествование начинается с осуждения человеческой жадности. «Из стихов видно, что если кого-то обуяла алчность, ее не смогут обуздать даже сто тысяч загробных стражей Цзипыганов. Этого человека ничто не оставит — даже самые страшные пытки. Недаром в книге мудреца Ледзы есть такие слова: „Не видит людей, но зрит лишь золото“. Вот уж истинная правда! Коли кем-то завладела мысль о наживе, он готов устремить к ней все жизненные силы и всю душу свою. Какое ему дело до мнения других!..» Такое дидактическое вступление сразу же переводит последующее повествование в серьезное русло. Читатель благодаря таким авторским пояснениям приобретает какой-то общественный опыт, извлекал социальный урок.

В повести о Вэньжэне рассуждения автора выходят за рамки морализирования по поводу нравственных качеств человека, но получают сильное социальное звучание. «Любезные слушатели, надо вам знать, что ушедший из мира иннок, если он вправду хочет стать учеником Будды, должен отринуть прочь все суетные мысли и ступать по земле, словно пребывая в пустоте, имея в груди застывшее сердце, в котором не трепещет ни единая жилка. Только совершенствуя себя дено и ношно, можно достичь успеха на этом пути. В нашей же жизни происходит обычно не так. С малолетства отрок во всем зависит от неразумных прихотей своих родителей, которые отправляют его к Вратам Пустоты, проявляя излишнюю волю свою. И то, что вначале кажется легким, потом оборачивается большими печальми. Вырос отрок, раскрылись чувства его, и понял он вкус жизни. И тут он неожиданно сознает, что все произошло вопреки его желанию, по грубому настоянию других...» Это авторское рассуждение заставляет читателя задуматься над социальными последствиями такого явления, как пострижение в монахи. И вся повесть выглядит уже не просто забавной историей о проделках распутных монахов и монахинь, но правоучительным повествованием, рассчитанным на воспитательный эффект.

В книге повестей, которую видит перед собой читатель, есть произведения (и это довольно распространенное явление в повествовательной прозе той поры), которые с большими трудностями поддаются жанровой классификации. Например,

повесть о хитроумном Янь Ине относится к группе произведений типа исторических притч. В сюжетном отношении повесть довольно проста: она строится на нескольких занимательных эпизодах, призванных подчеркнуть мысль о победе человеческого разума (или смекалки) над глупостью и невежеством. Таких произведений, в которых излагается историческая притча, легенда, исторический эпизод, довольно много у Фэна и Лина. Среди них рассказы о философе Чжуанцзы, древнем музыканте Боя и т. д. В этих рассказах исторический эпизод или отдельные реминисценции нередко становятся основой сложных авторских рассуждений о человеке и обществе. Многие повести приближаются к образцам «интеллектуального» чтения. Например, сложен по характеру сюжет поэтической и глубокой по мысли повести о пастухе Цзиэре — Подкидыше («Заключение даоса»). Сюжет этой своеобразной философской притчи строится на внешне забавных эпизодах из жизни незадачливого пастуха Цзиэра и рассказе о его снах. Но во всем этом таится важный философский подтекст. Сопоставление картин реальной жизни пастуха и его сновидений (своего рода инобытия, или иллюзорного бытия) подчеркивает буддийско-даосскую мысль о хрупкости и призрачности человеческого бытия, что составляет истинную концепцию этой повести.

По-своему интересна и глубока повесть о сюэе Сыма («Сюдай в царстве теней»), сочетающая в себе особенности волшебного и судебного повествования, содержание которого к тому же обращено в прошлое. Сюдай творит загробный суд над известными историческими личностями, в свое время сыгравшими значительную роль в китайской истории. Среди них основатель Хапской династии Лю Бан, его сподвижник, а потом основной противник Сян Юй, полководец Хань Синь, жестокая и коварная жена Лю Бана — государыня Люй и др. Весь сюжет построен на изображении этого своеобразного судебного разбирательства, во время которого всплывают преступления или проступки исторических героев. Движение сюжетного материала несколько замедлено, однако повесть привлекает интересным раскрытием замысла автора, проецирующего свое отношение к древности на современную действительность и дающего ей таким образом свою оценку. Иначе говоря, повесть о суде над героями Хань являет пример сложного эпоса, в котором история помогает понять современность.

Художественное своеобразие повестей из сборников Фэн Мэнлуна и Лин Мэнчу давнонискало им популярность в Ки-

тае, однако судьба первых полных изданий сложилась далеко не счастливо. По разным причинам (одна из главных — «культурная политика» маньчжурских властей) они были надолго потеряны в Китае и обнаружены лишь в XX в. (некоторые издания, например, были найдены в Японии, где они хранятся и сейчас).

Начиная с 30-х годов нашего века повести неоднократно переиздавались, а их исследованием занимались такие замечательные китайские ученые-литературоведы, как Лу Синь, Чжэн Чжэньдо, Тань Чжэнби, Ван Гулу, Чжао Цзиншэнь. Примерно в то же время появились квалифицированные исследования повести, сделанные японскими учеными (Синоя Он и др.). Последние хорошо прокомментированные издания вышли в свет в КНР в 50-х годах, после чего в течение двух десятилетий они не только не переиздавались, но подвергались остракизму, подобно другим «ядовитым травам» из сада «феодалной литературы».

Повести Фэн Мэнлуна и Лип Мэнчу давно стали объектом переводческой деятельности. Переводы появились в Париже еще в XVIII в. (перевод первых четырех рассказов сделан французским миссионером Д'Антреколем в 1735 г.). В Японии китайская городская повесть была хорошо известна в XVII и особенно в XVIII в. Она оказала заметное влияние на развитие разных жанров повествовательной литературы в Японии. В наше время существуют переводы на всех крупных европейских языках, а также на японском и других восточных языках (правда, как правило, это лишь переводы отдельных произведений, а не всех повестей из громадной коллекции Фэн Мэнлуна и Лип Мэнчу). Назовем некоторые из наиболее значительных переводов последних десятилетий. В 1957 г. переводчики и литературоведы Ян Сяньи и Гледис Ян выпустили в Китае книгу «Жемчужная шкатулка певички» («The Courtesan's Jewel Box»), в которую вошли двадцать повестей, переведенных ими на английский язык. В 50-х годах перевод отдельных повестей также на английский язык предпринял китаевед и переводчик С. Бэрч (Stories from a Ming Collection. L., 1958). Квалифицированные переводы повестей (или переиздания) за последние два десятилетия неоднократно делались в Японии, например «Собрание памятников китайской литературы» («Тюгоку котэн бунгаку тайкэй», 1970 г.), в котором принимали участие многие японские специалисты по китайской средневековой литературе. Переводами и исследованиями повестей на Западе занимались многие крупные спологи:

Андрэ Леви, Линь Юйтан, Дж. Бишоп, Я. Прушек, Ф. Куя, П. Хэнэн, Ма Юань и др.⁷.

Большую работу в области перевода и исследования китайских повестей сделали советские синологи, которые за последний период подготовили несколько изданий. В числе их, например: «Удивительные истории нашего времени и древности». М., 1962 и «Разоблачение божества». М., 1977 (пер. В. Вельгуса и И. Циперович); «Проделки Праздного Дракона». М., 1966 и «Дважды умершая». М., 1978, а также две повести в Библиотеке Всемирной Литературы: «Классическая проза Дальнего Востока». М., 1975 (пер. Д. Воскресенского); «Нефритовая Гуаньинь». М., 1972 (пер. А. П. Рогачева). Надо сказать, что число русских переводов превосходит количество переводов на западноевропейских языках, но далеко не исчерпывает того, что существует в сборниках Фэна и Лина.

Настоящая публикация (выходит в двух книгах: «Заклятие даоса» и «Возвращенная драгоценность») представляет собой перевод новой большой группы произведений знаменитых китайских литераторов. При отборе повестей мы прежде всего исходили из их художественных качеств, стараясь представить в переводе произведения, обладающие высокими литературными достоинствами. В то же время важно было показать образцы повестей, которые ярко и живо воспроизводят реалии эпохи, общественной и частной жизни людей, культурные традиции, особенности быта, нравы и привычки. Как увидит читатель, «этнографическая» насыщенность повестей очень велика. Не последнюю роль при отборе произведений для перевода сыграл «принцип жанра»: нам хотелось представить в книге образцы жанровых разновидностей во всем их своеобразии. Старая китайская проза разнообразна и сложна, и эту ее многоликость и сложность следует хорошо себе представлять, чтобы правильно понять тот или иной памятник старой литературы и дать ему объективную оценку.

Переводчики стремились передать китайский текст (как прозаический, так и стихотворный) максимально точно, воспроизводя сложную образность его структуры.

Перевод выполнен по китайским изданиям 50-х годов.

Д. Н. Воскресенский

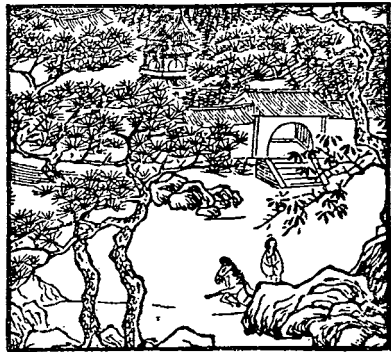
⁷ Обстоятельно о существующих переводах и некоторых исследованиях пишут В. Вельгус и И. Циперович в послесловии к книге «Разоблачение божества» (М., 1977, с. 514—516).

КИТАЙСКИЕ
ПОВЕСТИ
XVII ВЕКА

**ЧЖАН ПРОНЫРА
ПОПАЛ ВПРОСАК**

В стихах говорится:

Коварные замыслы, тайные планы
бывают повергнуты в прах.
Хитрые козни и злые решенья
всегда постигает крах.

У преступных деяний итог один —
горе и гибель везде.
Глупо ждать от коварства удачи —
как месяц ловить в воде.

Некоторые считают, что самые дурные люди на свете — мошенники, а другие думают, что разбойники. Этих-то больше всех и надобно опасаться. Да так ли это? Вот, к примеру, живет рядом какой-нибудь мошенник, ходит под одним небом с тобой, а ты будто его и не видишь, словно он дух бесплотный — ведь даже тень не падает от него. И не подумаешь, что затеял он пакость или какой-то обман, а он взял и устроил. Часто ни мудрец, ни прозорливец-святой не распознает пройдоху и верит ему всем сердцем, пока тот не сотворит свое мерзкое дело. Иногда все же удается разгадать, но уже поздно. Да, истинно, мошенник не похож на грабителя, который, словно нечистая сила, выползает на дорогу, не похож он и на разбойника, что затаился в каком-нибудь месте укромном.

Мы поведем наш рассказ об одном человеке, который проживал за северными воротами областного города Ханчжоу, что находится в провинции Чжэцзян. Звали его Ху, и было ему лет пятьдесят. Жена его давно

умерла, и он остался с двумя женатыми сыновьями. Их жены (надо заметить, совсем не дурнушки) весьма почитали свекра. Так вот, однажды — а было это в шестнадцатый год эры Нескончаемые Годы¹ — отец с сыновьями уехали в другие места, и дома остались лишь две женщины. Они заперли дверь, и каждая занялась своим делом. Лил проливной дождь, дорога была пуста — ни одного прохожего. Вдруг в полдень они услышали снаружи странный плач, жалобный и тоскливый. Плакала будто женщина. Странные звуки продолжались до самого вечера, пока хозяйки, которым уж стало невмоготу, не вышли наружу посмотреть. Верно говорится:

И двери заперешь, и дома сидишь,
и не ходишь уже никуда,
Но обязательно, словно с неба,
сваливается беда.

Эх, если бы рассказчик был одних лет с ними да плечами пошире, расставил бы он поперек руки и не пустил бы из дому. И не случилось бы с ними беды, ни большой, ни малой. Я так полагаю, что женщине нужно быть осмотрительной и осторожной и не совать нос во всякие пустые дела. Когда дома муж — дело другое, но когда его нет, лучше сидеть в дальних комнатах и ни гугу. Тогда не будет у нее ни бед, ни печалей. Если же по своему легкомыслию она ввяжется в какую историю, непременно случится неприятность. Так получилось и сейчас. Молодым женщинам, конечно, не следовало открывать дверь, а они возьми, да открой. Вышли наружу, а там у порога сидит женщина средних лет, с виду довольно приличная. Ну, коли женщина, значит, как будто бояться и нечего.

— Мамаша! Откуда вы и почему так убиваетесь? — спросили они незнакомку. — Поведайте нам!

— Ах, голубушки, послушайте мою историю, — ответила женщина, вытирая слезы. — Живу я за городом в деревне. Старик умер, и осталась я с сыном. Он женат, да только жена его очень хвора. Ну, а сам он — парень совсем никудышный, нет в нем ни почтительности, ни уважения к людям. То и дело ругает меня, старую, и клянет, а относится ко мне хуже некуда. Если сегодня поем — хорошо, а завтра — хоть ноги протягивай с голоду. Так вот, нынче я сильно осерчала на него,

и решили мы с братом, что надо идти жаловаться на сына в уезд. Брат говорит, иди, мол, вперед, я тебя нагоню. Жду его жду, целый день прождала, а его все нет и нет. А тут, как на грех, дождь разошелся. Возвращаться домой как будто негоже, сын с невесткой совсем засмеют. Словом, плохо дело! Вспомнила я о своей горькой доле, стало мне тяжело, заплакала я... Не думала, что вас потревожу... Всю правду я вам рассказала, ничего не утаила.

В голосе незнакомки слышалась такая обида, а печаль ее была столь неподдельна, что женщины сразу ей поверили и предложили:

— Матушка, обождите у нас, пока ваш брат не пришел,— и повели женщину в дом.

— Устраивайтесь и посидите,— сказали они.— Переждите дождь, а потом вернетесь к себе. Как-никак, там ваши родные, люди вы близкие, что кости и мясо. Конечно, всякое может в семье случиться, но дело можно решить полюбовно. Стоит ли беспокоить власти и терять лицо?

— Спасибо вам за советы,— ответила женщина,— пожалуй, я и вправду вернусь, потерплю еще...

Поговорили они, потолковали, а на дворе тем временем стало смеркаться.

— Ай-я! Уже стемнело, а брата все нет,— запричитала женщина,— мне одной не дойти. Что делать?

— Не беда! — воскликнули хозяйки.— Оставайтесь у нас, переночуете. Чай у нас, правда, дешевый, да и угощения скромные, но все же перекусите немного и деньги свои сбережете.

— Как-то неудобно беспокоить,— проговорила гостья, но осталась.

Закатав рукава своей кофты, она принялась разводить печь и хлопотать по дому: вместе с хозяйками отмерила рис, приготовила ужин, вытерла стол и лавки, припесла и вскипятила воды.

— Матушка, не хлопочите, сидите спокойно, мы сами все сделаем,— говорили ей женщины.

— Я привычная, дома все время приходится работать одной. Когда что-то делаешь — и на душе радостней, а сидишь сложа руки — скука одолевает. Ах, голубушки мои, если есть у вас какое-то дело, я вам помогу, не стесняйтесь.

К ночи гостья отправила молодых женщин на покой и, умывшись, пошла спать сама. Утром она встала чуть свет, раньше хозяйек. Вскипятив воду, она приготовила из остатков ужина завтрак и принялась накрывать на стол, вытирать скамьи. Она хлопотала и трудилась, пока не навела во всем доме порядок. А когда поднялись хозяйки, она была уже возле них и выполняла каждое их поручение, так что им не надо было ступить лишнего шагу. Женщины были от нее без ума.

— До чего же наша гостья работающая! А какая услужливая! — переговаривались они. — Жаль, конечно, что у нее дома не ладно. А может, ей остаться здесь? Как раз нет у нас человека в помощь. К тому же свекор когда-то говорил, что собирается жениться. Вот и надо ему посоветовать: пусть возьмет ее в жены. Так, глядишь, можно сразу двух зайцев убить. Только ей об этом говорить неудобно. Пусть остается до присзда свекра, он сам и решит.

Наступил день, когда старик с сыновьями вернулись домой. Видят, в доме хлопочет посторонняя женщина. Спросили, кто такая, те объяснили и рассказали про домашние неурядицы гостьи.

— Ей некуда возвращаться, муж ее умер, а сын совсем непутевый. Бедная женщина, а ведь какая работающая и правом добрая, — сказали они и, поделившись с мужьями своими планами, велели им переговорить с отцом о сватовстве. Однако старый Ху, услышав предложение, возразил.

— Такие дела нельзя решать с ходу, ведь мы даже не знаем, кто она и что за человек. Пусть поживет у нас, присмотримся, тогда решим.

Отклонив предложение сыновей, старик, однако, был совсем не прочь иметь при себе эту ладную и чистоплотную женщину. Прошло два дня, и ему стало невтерпеж, будто его охватил зуд. Вечером, когда стемнело, он попытался погладить да пощупать гостью. Невестки сразу это приметили.

— Надо их поженить, — сказали они мужьям. — Свекор и сам все время твердил, что возьмет себе жену. Нечего больше тянуть и забивать голову пустяками. К тому же деньги сэкономим.

Мужья согласились и стали уговаривать отца. Наконец, все пришли к общему согласию. Накрыли свадеб-

ный стол, сели за него и на радостях выпили вина. Так старый Ху и гостя стали мужем и женой.

Через несколько дней в дом постучали два незнакомого. Один назвался братом женщины, а второй — ее сыном.

— Сколько дней мы искали ее, и вот только сейчас случайно узнали, что она здесь, — сказали они.

Женщина, услышав голоса, вышла из дома. Увидев ее, сын упал на колени и принялся молить о прощении. Дядя, заступаясь за племянника, также просил сестру вернуться домой. Однако разгневанная женщина обрушилась на мужчин с бранью. Старый Ху попытался как-то их помирить, но не тут-то было.

— В этом доме мне и простая вода по душе, — сказала женщина сыну. — А вернусь я обратно, придется просить у тебя каждый кусок. Разве не так? Посмотри, как за мной ухаживают невестки, как они почтительны ко мне...

Только сейчас сын догадался, что мать вышла замуж за хозяина дома. Тем временем Ху велел невесткам приготовить вина и закуски и стал потчевать гостей. Сып, поклонившись ему, сказал:

— Значит, теперь вы мой отчим. Какая радость, что моя матушка нашла себе опору в жизни!

Наконец, мужчины простились и ушли, но еще не раз приходили они в последующие два-три месяца.

Однажды сын появился неожиданно-негаданно.

— Завтра будем сватать вашего внука, — сказал он матери, — приходите отведать праздничного вина.

— Мы, конечно, придем и сыновья тоже, а вот невесткам идти пока неудобно, — сказала мать.

На следующее утро они отправились на празднество и вернулись вечером довольные и навеселе.

Прошло более месяца. Однажды в доме появился внук. Едва вошел в дверь, сказал:

— Завтра я женюсь, приходите посмотреть, как горят свадебные свечи... Просим всех пожаловать: вас, дедушка и бабушка, и вас, тетушки...

Женщинам и раньше хотелось познакомиться с новой родней, и они очень жалели, что не пришлось пойти в гости в прошлый раз. Сейчас они с удовольствием приняли приглашение.

На следующий день, празднично одетые, все отпра-

вились в путь. Их встретила невестка, тощая, с желтым лицом — по виду и впрямь очень болезненная. После полудня сын попросил мать и жену идти встречать молодую и обратился с такой же просьбой к гостям-невесткам.

— У нас в деревне такой обычай: вся женская половина должна встречать невесту, иначе нас обвинят в непочтительности.

— К чему тревожить гостей? — возразила мать. — Пусть пойдет со мной старшая невестка. Она, хотя и недужная, но все-таки твоя жена. Ей полагается идти в первую очередь.

— Очень уж вид у нее неказистый, будто дурная болезнь у нее, — сказал сын. — К тому же, глядишь, что-нибудь не так сделает, новые родственники могут еще обидеться. А младшие невестки все равно уже здесь, что им стоит пойти, хотя бы ненадолго. И почет будет...

Мать согласилась, тем более что женщины были сами не прочь посмотреть на молодую и познакомиться с ее родней.

Итак, четыре женщины сели в лодку и двинулись в путь. Прошло свыше двух часов, а они все не возвращались.

— Странно, очень странно! — проговорил сын. — Поеду узнаю, куда они запропастились.

Через некоторое время из внутренних комнат вышел внук, разодетый и довольный, как положено жениху.

— Дедушка! — сказал он. — Вы посидите, а я выйду за ворота, их встречу. — И он вразвалочку, небрежно вышел из дома, оставив старика и его сыновей в зале возле свадебных фонарей. Прошло довольно много времени, но никто не возвращался. Гости недоумевали. Голодные сыновья отправились на кухню в надежде найти съестное и закусить. Видят — очаг без огня, а в печи только холодная зола, совсем не так, как бывает в семьях, где ожидается свадьба. Вернувшись к отцу, сыновья поделились своими подозрениями. Взяв фонари, они втроем бросились в дом, а там пусто: ни ларей, ни корзины, ни одежды, ни утвари. Стоят лишь пустые столы да стулья.

— Непонятное дело! — всполошились мужчины. Они хотели разузнать у соседей, но час был поздний, окна и двери в соседних домах закрыты. Несчастные

метались, как муравьи на сковородке: суетились вплоть до самого утра. А когда рассвело, спросили соседей, куда, мол, могли подеваться женщины.

— Не знаем,— ответили соседи в один голос, будто сговорились.

— Ну, а дом, чей он?

— Дом принадлежит Яну, который служит в городском ямыне. Пять или шесть лун назад эта семья сняла у него дом, вот только не знаем, зачем он им... Впрочем, что мы вам рассказываем? Вам лучше знать — вы их родня, не раз бывали в гостях...

Расспросили нескольких человек, но ответ получили примерно такой же. И тут кто-то из догадливых смекнул:

— Не иначе, это шайка мошенников, которые увели ваших женщин. Вы попались на удочку.

От этих слов отца и сыновей пробрала дрожь. Слово побитые псы, они побрели домой, а потом разошлись во все стороны на поиски. А куда идти? Написали жалобу властям, оттуда пришла бумага, что преступников будут ловить. Но темное это дело ничуть не прояснилось.

Старый Ху проклинал себя за то, что на старости лет решил жениться. «Дело выгодное, почти задаром беру, а что получилось? — думал он.— Из-за одной старухи двух молодых потерял. Не зря говорят: негоже заглядываться на то, что плохо лежит, позаришься на малое, потеряешь крупное».

По этому поводу есть такие слова:

Не будь пикогда легковерным,
помни суровый урок:
Доброта показная опасна,
прямотою хвастает глуп.
Знай: на луну глазелют
те, кому невдомек,
Что истинное богатство
лежит у собственных ног.

Сейчас мы оставим в стороне нашу историю и поведем рассказ о другом мошеннике, который весь свой век обманывал людей, пока в конце концов сам не попал впросак. Произошло это в Тунсянском уезде Цзясинской области провинции Чжэцзян. Жил здесь в свое время один сюдай² по фамилии Шэнь, а по имени Цаньжо,

и было ему двадцать лет от роду. Известный во всей округе своими разнообразными талантами, он имел к тому же привлекательную внешность и отличался благородством. В школу он пошел в двенадцать лет, а уже в пятнадцать удостоился стипендии, миновав при этом положенные ступени. Юноша, поражающий всех блеском и остротой ума, сам понимал свою незаурядность и стремился всегда и во всем быть впереди. Под стать ему была и его супруга из рода Ван, женщина не только очень красивая, но и деловая. Правда, она была хрупкой, слабенькой и часто болела. И все же именно благодаря ей в доме царил порядок и был достаток. Супруги очень подходили друг другу и часто говорили об этом сами. И действительно, разве плохая пара: красавица и талантливый юноша! Не удивительно, что их союз был на редкость крепкий и были они неразлучны, как рыба с водой.

Сюцай имел друзей, с ними он развлекался, проводя время за вином и чтением стихов, или любовался видом окрестных гор и вод. Надо сказать, молодые люди во время встреч вели себя весьма свободно и веселились без удержу. Среди приятелей было четверо сюцаев, с которыми Шэнь особенно дружил. Издревле говорится:

Как для одной звезды
сияет другая звезда,
Так одному таланту
нужен товарищ всегда.

Вот эти друзья: Хуан Пинчжи из Цзяшаня, Хэ Чэн из Сюшуя, Лэ Эрцзя из Хайяня и Фан Чан из той же местности, что и наш герой. Молодые люди дружили по-настоящему. Каждый из них любил все, что было по душе приятелю. Само собой разумеется, Шэнь Цаньжо общался с талантливыми людьми из чужих уездов и областей. Словом, знакомых у него было очень много, просто не счесть.

Начальник уезда Цзи по имени Цин, уроженец Цзяньиньского уезда Чанчжоу, почитал экзаменационную ученость и благоволил к талантливым людям. Не удивительно, что он познакомился и с Шэнем и стал ходить к нему в гости. Они подружились, как нередко дружит учитель с учеником. Начальник уезда часто повторял, что Цаньжо — человек выдающийся, один из

тех, что окутаны синими облаками³. В год, о котором пойдет речь, происходили экзамены в области. Шэнь Цаньжо решил ехать в Ханчжоу и стал готовиться в путь. Госпожа Ван в то время была нездорова, но помогала мужу собираться.

— Господи, твой путь далек. Порапыше выезжай, поскорей возвращайся,— сказала она, и на глазах у нее выступили слезы.— Не знаю, суждено ли нам вместе вкусить радость твоих почестей и славы.

— Что ты говоришь! — воскликнул муж, и глаза его увлажнились.— Береги себя, ты ведь сейчас нездорова.

Они простились. Госпожа Ван вышла за ворота и долго смотрела вслед, пока муж не исчез из виду. Смахнув слезу, она вернулась в дом.

Тем временем Цаньжо ехал в Ханчжоу, и грустно было у него на душе. Через несколько дней он добрался до города и остановился на постоялом дворе. Быстро прошли три круга экзаменов, результаты были очень хорошие. Как-то раз Цаньжо с друзьями веселился на озере и вернулся домой лишь в полночь сильно навеселе. Только лег, как послышался стук в дверь. Он встал, накинул халат. Видит, у двери стоит человек, по виду монах-даос: в высокой шапке и в халате с широкими рукавами.

— Учитель! Что привело вас ко мне в столь поздний час? — спросил сющай.

— Простите, сударь, что вас потревожил. Я приехал с юго-востока и в это позднее время не мог пайти ночлега. Пришлось постучать в вашу дверь. Бедный скиталец, я узнаю судьбу, определяя ее по состоянию жизненного духа. Я решаю дела, принадлежащие к сфере двух стихий, темной и светлой, и предрекаю, откуда исходит зло, а откуда явится счастье.

— Если вы, учитель, ищете место для почлега, оставьтесь у меня. А коли вы к тому же мастер гадания, вы, может, предскажете мне судьбу по знакам моей жизни⁴. Ведь скоро объявят результаты экзаменов. Ждут ли меня почести и слава?

— Я не буду гадать вам по знакам жизни. Я выясню особенности вашего жизненного духа, ведь почести и слава имеют свою первопричину. Надо сказать, что ваши успехи придут лишь с пределом небесных годов вашей почтенной супруги. А посему вам следует хоро-

шенько запомнить две строки из стихов, которые объяснят путь вашей дальнейшей жизни: «Когда птица пэн⁵ в небе кружит, она поет о думах своих; клей птицы луань скрепил брачную нить⁶, и две неразлучницы-утки в танце сошлись».

Цаньжо, не поняв смысла этих строк, хотел было спросить, что они означают, как вдруг снаружи послышался шум — будто кошка гонялась за мышью. Цаньжо вздрогнул от неожиданности... и проснулся. Оказывается, все это приснилось, как в свое время приснился сон некоему герою, ставшему правителем области Нанькэ⁷.

«Странный, удивительный сон,— подумал Цаньжо.— Даос ясно сказал, что мои успехи и слава придут с кончиной жены. Так пусть же я навеки останусь скромным книжником! Ради своей карьеры я не стану рушить нашу любовь!.. Надо побыстрее возвращаться!»

Тут снаружи раздались какие-то крики и звон медных тарелок. Скоро выяснилось, что Цаньжо получил третье место на экзаменах. Гонцы, приехавшие сообщить радостную весть, потребовали вознаграждения. Когда они получили свое и удалились, молодой человек, умывшись и причесавшись, поспешил сесть в паланкин и отправился с визитом к начальнику экзаменационной палаты,— оказалось, что это начальник уезда Цзи Цин. Потом пришлось встретиться с другом — Хэ Чэном, который в то время уже имел ученое звание цзеюаня⁸, а также с приятелями Хуан Пинчжи, Лэ Эрцзя, Фан Чаном, которые прославились на ученой ниве. Так за делами и весельем прошел день, и лишь под вечер Цаньжо вернулся к себе.

— Господин Шэнь! — вдруг послышался голос хозяина, который, оказывается, давно бежал за паланкином.— Вас целый день ждут. Приехали из дома со срочным письмом!

Услышав о послании, Цаньжо тут же вспомнил слова даоса. Его охватило тревожное предчувствие. Сердце бешено застучало в груди — будто сразу загрохотали пятнадцать ведер. Правильно говорится:

Белый тигр и синий дракон⁹
всегда появляются вместе,
Потому-то сразу и трудно понять,
где горе, где добрые вести.

Выйдя из паланкина возле постоянного двора, он увидел человека в белой одежде — это был слуга Шэнь Вэнь.

— Кто тебя послал? Здорова ли госпожа? — спросил он.

— Меня послал управляющий Ли, — ответил слуга. — Вот прочтите письмо и вы сразу все поймете. Мне трудно вам объяснить...

На конверте был начертан знак несчастья, и сердце Цаньжо пронзила острая боль — словно ножом резануло. Пробежав письмо, он узнал, что двадцать шестого числа госпожа Ван скончалась. Молодой человек окаменел, охваченный страшным горем. В подобных случаях говорят:

Словно кости его надломились,
оборвалось нутро,
Будто бы вылили на него
холодной воды ведро.

Цаньжо стоял как громом пораженный, не в состоянии издать ни звука, а потом как подкошенный рухнул на землю. Когда его подняли и привели в чувство, он зарыдал, да так горько, как не плачут на похоронах много-много плакальщиц вместе. У всех, кто находился на постоялом дворе, невольно выступили на глазах слезы.

— Если бы я знал, что случится, ни за что бы не поехал на экзамены! Кто мог подумать, что нам суждено навеки расстаться! — восклицал несчастный, задыхаясь от рыданий. — Почему жепа не прислала мне весточку сразу, как только поняла, что тяжело заболела? — спросил он слугу.

— После вашего отъезда она чувствовала себя как обычно, ничуть не хуже, чем раньше. А вот двадцать шестого вдруг упала и скончалась. Той же ночью я поспешил к вам...

Цаньжо, горько заплакав, велел слуге побыстрее нанять лодку. О других делах он сейчас не думал. И тут ему вспомнился странный сон. Двадцать шестого числа скончалась жена, а двадцать седьмого объявили результаты экзаменов. Точь-в-точь, как в стихе: «Когда птица пав в небе кружит, опа поет о думах своих».

Едва он отъехал от постоянного двора, как встретил Хуан Пинчжи в паланкине.

— Брат мой, ты, кажется, чем-то расстроен? Что случилось? — спросил Хуан. Его вопрос был вполне естественным, ведь они были приятелями и коллегами по учению.

Цаньжо, едва сдерживая слезы, рассказал о вещем сне и о несчастье, которое заставляет его возвращаться на родину.

— Возьми себя в руки, не убивайся! — сказал Хуан, вздохнув. — Поезжай домой, а я здесь все объясню — вот только нанесу визит экзаменатору и повидаю друзей.

Они простились, и Цаньжо продолжал свой путь. Приехав домой, он, обливаясь слезами, бросился к телу усопшей. От плача и стонаний у него помутилось сознание...

И вот наступил день, когда прах был положен в гроб, который поставили в особое помещение, куда Цаньжо теперь приходил по ночам и плакал над умершей супругой. Прошло три или четыре недели. К сюцаю иногда заходили друзья, чтобы выразить соболезнование. Некоторые напоминали ему о предстоящих экзаменах, но Цаньжо всякий раз отвечал:

— Моя ученая слава столь ничтожна, что может поместиться в рожке улитки. К тому же она пришла ко мне через смерть жены — из-за того, что были порваны нити любви и разъединены ветви согласия. Если бы сейчас мне бросили под ноги самую высокую ученую степень, я прошел бы мимо, даже не оглянувшись.

Так говорил сюцай в начале своего траура. Но быстро промчались семь седьмин¹⁰, и вновь в его доме появились друзья, которые стали его уговаривать:

— Твоя супруга умерла, и никакие силы не вернут ее к жизни. Брат, ты напрасно презрел свои жизненные обязательства. Какой прок сидеть одному в тоскливом одиночестве и печально вздыхать? Поедем с нами в столицу. В новых местах ты немного развлечешься, и грусть твоя развеется в беседах с друзьями. Если же будешь бесцельно сидеть дома, ты можешь потерять самое важное дело жизни.

Цаньжо решил больше не противиться и дал согласие.

— Я принимаю ваше доброе предложение — еду с вами, — сказал он и повелел управляющему Ли каждый

день ставить на поминальный столик подношения и возжигать благовонные свечи.

Отдав последний поклон перед гробом, он с четырьмя приятелями отправился в дорогу. А было это в середине одиннадцатой луны. Молодые люди с утра трогались в путь, а в сумерки останавливались на ночлег. Через несколько дней они прибыли в столицу, где сразу же окунулись в веселую и разгульную жизнь. Целыми днями они занимались сочинительством стихов или слагали песни, а то порой шли в квартал цветочных улиц и ивовых переулков¹¹, где проводили время в праздном веселье с певичками, но Цаньжо так никто и не приглянулся. Время летело быстро. Незаметно прошел Новый год, за ним Праздник Фонарей¹², а там наступила пора, когда вокруг разлился волнами аромат персиковых цветов. Однажды вывесили экзаменационный щит, который определил начало экзаменов. Все его друзья преодолели три круга, чему они, разумеется, были очень рады и хвастались друг перед другом своими успехами. Один Цаньжо оставался грустным, задумчивым и экзамены провел неважно. Они не принесли ему славы, чему он, впрочем, не придавал никакого значения. Между тем четыре друга после оглашения результатов получили высокие должности и звания. Хэ Чэн, удостоившийся степени цзиньши¹³, стал одним из двух начальников военного ведомства. Получив этот пост, он сразу же привез в столицу семью. Хуан Пинчжи попал в Академию Ханьлин¹⁴. Ли Эрцзя был назначен доктором Высшего Постоянства при Училище Сынов Отечества¹⁵, а Фэн Чан стал инспектором по особым поручениям. Этот год был удачным и для начальника уезда Цзи, которого выдвинули на должность главы уголовного управления. Разумеется, каждый отправился на новое место службы, о чем мы пока рассказывать не станем, а вернемся к Шэнь Цаньжо.

После долгого пребывания в чужих краях он вернулся в Тунсян. Едва войдя в дом, он поспешил к алтарю с поминальной таблицей и, всплакнув, сделал несколько глубоких поклонов. Через два месяца он пригласил геоманта¹⁶, который определил место для захоронения. Наконец, все обряды закончились, и в доме Цаньжо появились свахи с предложениями о новой женитьбе. Только разве сыщешь ему жену под пару? Он считал себя пер-

воклассным талантом, а покойную жену величал любимой супругой, которую, увы, безвременно потерял. Сюда же сказал свахам, что дело о женитьбе он станет решать лишь тогда, когда сам повстречает невесту, которая придется ему по душе. Словом, с новой женитьбой он не спешил.

Время стрелой летит, солнце с луной снуют, как челнок. Если рассказывать нашу историю, она покажется длинной, молчание сильно ее укоротит. Итак, прошло ровно три года. Наш герой снова решил ехать на экзамены в столицу. Его беспокоило лишь то, что некому смотреть за домом. Верно гласит поговорка: коли нет хозяина в доме, все в нем идет вверх дном. Действительно, со времени кончины жены в доме не было порядка. И пытался Цаньжо кое-как, а это уж совсем никуда не годилось! Все чаще ему приходила в голову мысль о «продлении нити», то бишь о хозяйке в доме, да только не находил он женщины себе по вкусу, что теперь немало его удручало. Оставив домашние дела на управляющего, он собрал вещи и отправился в столицу. Стояла восьмая луна. Как иногда бывает в природе, золотой ветер¹⁷ вдруг переменялся и повеяло прохладой, что сделало путешествие Цаньжо более приятным. Однажды ночью молодой человек сидел в унылом одиночестве, взирая на окрестный пейзаж. В высотней пустоте сияла луна. Чистые волны лунного света заливали все вокруг на тысячи ли. Внезапно Цаньжо охватила тоска. Невольно в голове сложились стихи на мотив «Желтая иволга».

Пустое осеннее поле
росою увлажнено.
Занавеска бамбуковая
не закрывает окно,
Светом ясной луны
все в доме озарено.
Отбросив брачное одеяло —
Одинокий в дальнем краю
скитаюсь давным давно.
К солнечной пристани разве причалит
утлый мой плот?
Взор к луне поднимаю —
В небесной пустыне
она одиноко плывет,
А тот, кого хочу отыскать,
там, на луне, не живет.

Прочитав стихи, он выпил вина и, захмелевший, уснул. Впрочем, все это лишь праздные разговоры.

Цаньжо проплыл двадцать с лишним дней и наконец добрался до столицы. Он снял комнату к востоку от экзаменационной палаты и расположился там со своими пожитками.

Как-то раз наш герой отправился с друзьями в харчевню, что у Ворот Вечных Изменений — Цихуамынь. Вдруг он заметил женщину в белом, ехавшую на колченогом ослике. Позади следовал слуга, который нес короба с едой и бутылъ вина. Как видно, они возвращались с кладбища. Облик женщины можно описать такими словами:

Ослепительна ее белизна,
Нарумянены ярко щеки.
Одежда так ладно сидит на ней —
и коротка, и длинна.
Ни в чем не отыщешь изъяна —
прелести дивной полна.
Словно тончайшая пряжа,
прозрачна, нежна.
Сердца трепетать заставляет
чистый лукавый смех,
Едва посмотрит, и тотчас
замирает душа у всех.
Даже завистницы признают,
что прекрасна она,
Говорят, что больше не встретишь такую —
такая в мире одна!

Прелестная красавица повергла молодого человека в трепет. Все девять душ его всколыхнулись¹⁸ и покинули брренное тело. Он сбежал от друзей, нанял осла и устремился вслед за женщиной, пристально рассматривая ее на расстоянии. Заметив преследование, женщина несколько раз обернулась и бросила на юношу взгляд, схожий с осенней волною¹⁹. Они проехали немногим более ли и остановились в уединенном месте. Женщина вошла в дом. Юноша, охваченный волнением, спешил и подошел к воротам. Он долго стоял, вперив взор в дверь, за которой исчезла красавица. Однако она так и не появилась. И вдруг из дома вышел какой-то мужчина.

— Почтешный господин! — обратился он к Цаньжо. — Что это вы уставились на наши ворота?

— В дом вошла молодая женщина в белом, за которой я ехал вслед. Скажите, кто эта красотка? Вы знаете

ее? Она живет здесь?.. Мне не у кого больше спросить!

— Это моя двоюродная сестра Лу Хуэйян. Недавно она овдовела, а сегодня только что вернулась с кладбища... Она собирается выйти замуж снова. Я как раз подыскиваю ей жениха.

— Как вас зовут, уважаемый?

— Моя фамилия Чжан. Поскольку во всех делах мне очень везет, меня зовут Пропырой.

— Скажите, а за кого хочет выйти ваша сестра? Согласна ли она иметь мужа из чужих мест?

— Главное, чтобы это был человек ученый и молодой. А откуда он, из далеких мест или близких,— ей все равно.

— Не скрою от вас,— сказал Цаньжо,— на прошлых экзаменах я, позднорожденный²⁰, удостоился степени цзюйжэня²¹, а сейчас приехал сдавать столичные экзамены. Необыкновенная красота вашей сестры меня потрясла до глубины души. Если бы вы, уважаемый, согласились быть моим сватом, я щедро бы вас одарил.

— Проще простого! — воскликнул Чжан Пропыра. — Мне кажется, вы ей тоже приглянулись. Постараюсь выполнить вашу просьбу — устрою вам свадьбу.

— Очень прошу вас, расскажите ей о моих горячих чувствах,— воскликнул обрадованный Цаньжо. С этими словами он вытащил из рукава слиток серебра²².

— Это — скромный дар, но он идет от самого сердца,— проговорил он, протягивая серебро.— Если дело завершится удачей, я награжу вас более щедро!

По всей видимости, молодой человек не страдал скупостью и тратил деньги широко. Пропыра стал было отказываться от серебра, но тут же смекнул, что сума у молодого цзюйжэня, наверное, полная.

— Завтра мы продолжим разговор, господин! — сказал он.

Шэнь Цаньжо, переполненный радостными чувствами, вернулся в гостиницу.

На следующий день Шэнь снова отправился к дому красавицы, чтобы узнать, как дела. В воротах показался Пропыра.

— А вы, как я вижу, сегодня поднялись ни свет ни заря! Свадьба не дает покоя? — расплылся в улыбке Пропыра.— Вчера, как вы просили, я разговаривал с двоюродной сестрой. Оказывается, она тоже вас приме-

тила и вы ей весьма приглянулись. Мне не пришлось ее долго уговаривать, она сразу же согласилась. Вам придется только позаботиться о свадебных церемониях и некоторых подарках. Моя сестра — женщина самостоятельная и сама себе хозяйка, поэтому она тоже не постоит за расходами. И вы, сударь, должны потратиться!

Шэнь отдал Проныре тридцать ляпов серебра²³ и еще некоторую сумму для покупки нарядов и украшений. Со стороны невесты не было никаких проволочек, поэтому день свадьбы назначили быстро. Легкость, с какою все совершилось, вызвала подозрения. Невольно Шэню вспомнилась одна поговорка: «Если берешь жену на севере, получишь бесовку».

«Вот отчего так быстро и получается», — подумал он.

Подошел день, когда под грохот барабанов появился паланкин с Лу Хуэйнян, приехавшей в дом жениха для свершения брачной церемонии. А там наступил миг, когда при свете фонарей и светильников перед Шэнем предстала красавица-невеста, которую он встретил всего несколько дней назад. Все сомнения его разом отпали, и его охватило сладостное чувство восторга. Совершив поклоны Небу и Земле, молодые выпили чарку свадебного вина. Когда гости разошлись и наступила почная тишина, муж и жена отправились в свои покои. Но странное дело — вместо того чтобы ложиться в постель, молодая жена села на стул.

— Пора спать, дорогая, — сказал муж. После долгого поста молодой Цаньжо весь пылал от страстного желания.

— Нет, сначала ложитесь вы, господин. — Голос Хуэйнян походил на щебетание ласточки или иволги.

— Ты, может быть, стыдишься меня и поэтому не ложишься? — С этими словами Шэнь подошел к постели и лег, но, конечно, не уснул. Прошло не менее часа, а Хуэйнян продолжала сидеть.

— Ты за день устала, моя дорогая. Тебе падобно отдохнуть, — взмолился Шэнь. — Какой смысл сидеть там одной!

— Спите, спите! — проговорила жена и пристально на него поглядела.

Цаньжо понял, что перечить сейчас не стоит, и за-

крыл глаза. Но через какое-то время он не выдержал и подошел к ней.

— Почему ты все-таки не ложишься?

Бросив на мужа внимательный взгляд, молодая жещипа спросила:

— Скажите, есть у вас в столице какой-нибудь знакомый из влиятельных и знатных людей?

— Круг моего знакомства очень широк. У меня в столице много друзей по учению, а есть даже приятели-одногодки. Что до обыкновенных знакомцев — тех просто не счесть!

— Значит, я вышла за вас замуж па самом деле?

— Глупости ты говоришь! Я приехал издалека — за тысячи ли, чтобы взять тебя в жены, нашел свата, приготовил свадебные дары. Словом, сделал все, как надо! А ты словно сомневаешься в том, что свадьба настоящая!

— Ах, господин! Вам совсем невдомек, что этот Чжан — страшный прохвост и мошенник. Я вовсе не сестра его, а жена. Поскольку я недурна собой, он решил с моей помощью приманивать разных мужчин. Он говорил им, что я, мол, вдова, хочу выйти замуж и что он-де может сосватать. Многие охотники до женского пола не прочь были взять меня в жены, а он ради выгоды охотно отдавал меня им и даже сговорных подарков не брал. Мне было нестерпимо стыдно, я никогда не ложилась в постель к чужому мужчине, чтобы не подвергать себя еще большему позору. Проходило несколько дней, и Проныра вместе со своими дружками, такими же мошенниками, как и он, являлся к тому человеку и начинал угрожать, говоря, что тот, мол, обманом захватил чужую жену. Затем он отбирал у него все, что было, а меня уводил с собой. Поскольку тот человек находился на чужбине, ему вовсе не хотелось влезать в судебные дразги и оставалось лишь смириться с обидой и проглотить пилюлю. Такой обман удавался ему много раз.

Как-то на днях я собралась съездить на кладбище — к матушке на могилу (вовсе не к мужу, который будто бы умер). На обратном пути я встретила вас, господин. И тут у Проныры снова родился коварный план. Тогда я подумала, неужели всю свою жизнь придется мне жить обманом? Ведь рано или поздно правда всплывет наружу, и будет беда. А если ничего и не произойдет,

все равно мне больше невесте терпеть эти тайные встречи, грубые ласки, хотя я и сохранила чистоту и не дала себя испоганить. Несколько раз я говорила Проныре, но он даже слушать не хотел. Тогда я решила действовать на свой страх и риск — клин надобно вышибать клином! Если встречу человека, который придется мне по душе, отдам себя ему и убегу с ним отсюда. И вот сейчас я встретила вас. Мне нравится ваша мягкость, ваша искренность и честность, ваши изысканные маперы. Я хотела бы уехать отсюда, но боюсь, что муж отыщет меня и станет вас запугивать. У вас, господин, большие связи в столице, поэтому я охотно вверяю себя в ваши руки. Но только здесь я не буду в безопасности. Прошу вас, этой же ночью увезите меня в другое место — куда-нибудь к вашим друзьям, чтобы никто об этом не знал. Вы видите, я сватаю сама себя! Оцените же мои чувства!

Цаньжо находился в полной растерянности.

— Как я признателен тебе! — вскричал он, приди в себя от изумления. — Если бы не ты, я попал бы в ловушку.

Он подбежал к двери и, позвав слугу, велел ему немедленно складывать вещи. Хуэйнян села на ослика, слуга поднял короба с вещами, и они тронулись в путь. Перед уходом Цаньжо сказал хозяину, что срочные дела заставляют его вернуться домой.

Шэнь Цаньжо знал, что его друг Хэ Чэп живет в столице со своей семьей, и этой же ночью направился прямо к нему. На их стук ворота тотчас открылись. Шэнь в подробностях рассказал о том, что произошло, и попросил убежища для себя и жены. Дом Хэ Чэпа был просторный, и гостям отвели помещение с двумя двориками. Но об этом мы рассказывать не будем, а вернемся к Проныре.

Действительно, на следующий день Чжан Проныра вместе со своими дружками-бездельниками появился в гостинице, надеясь пожить за счет Шэня. Видят, комнаты, где жил молодой ученый, пусты, все двери распахнуты настежь. Шэнь и его жена исчезли. Проныра бросился к хозяину.

— Куда девался тот цзюйжэнь, что вчера поженился? — закричал он.

— Ночью уехал, — ответил хозяин.

В столичном городе было такое правило: если ты дал хозяину арендные деньги за дом, то живи себе на здоровье. Куда ты уходишь, куда направляешься — хозяина не касается. Вот и сейчас гость куда-то уехал, а куда — хозяина совсем не интересовало.

— В погою! — заорали мошенники после минутного замешательства.

С шумом и гамом они побежали к пристани, что у затона Чжанцзявань. Однако же место это большое, где искать беглецов — неизвестно.

В доме Хэ Чэна Шэнь Цаньжо с молодой женой прожили два месяца. Все это время Шэнь читал книги, готовясь к испытаниям. Но вот вывесили щит весенних экзаменов и возвестили о результатах. Цаньжо успешно прошел все три тура. Воистину: весенний гром прогремел и все услышали его первые раскаты! Появился «золотой щит» с именами выдержавших кандидатов. Шэнь Цаньжо удостоился звания цзиньши третьей степени и должности пачальника уезда Цзяньинь, где, как известно, в свое время служил Цзи Цин. Так Лу Хуэйнян нежданно-негаданно стала женой уездного начальника. Через несколько дней, когда была выдана грамота на должность, Шэнь вместе с молодой женой тронулся в путь к месту назначения. В это время его друг Фан Чап как раз должен был ехать в командировку в Сучжоу. Он предложил Шэню казенное судно. Вот так и сбылись слова, сказанные сюаю во сне: «Клей птицы луань скрепил брачную нить, и две неразлучницы-утки в танце сошлись»!

Впоследствии Шэнь Цаньжо стал генерал-губернатором. Лу Хуэйнян родила ему сына, который в свое время получил ученую степень. До нынешнего дня весь их род процветает и живет в высоком почете. Есть такие стихи:

И дева-рыцарь, верно, должна
высоко оценить Хуэйнян —
В случайном встречном смогла она
обрести достойного мужа.
Мошенник использовать не сумел
хитро задуманный план —
Честные люди способны раскрыть
и самый ловкий обман.

КРАСОТКА МО ПРОСЧИТАЛАСЬ

В стихах говорится:

Слива вянет с годами,
высыхает персика ствол,
Баран меняет свой облик,
и умирает вол.
Но вечно живет обида:
сколько б ни минуло лет,
В сердце она оставляет
неисчезающий след.

Рассказывают, что в эпоху Сун жил один чиновник-письмоводитель Хуан Цзе — уроженец уезда Даюй области Наньшань¹. Он был женат на некоей Ли Четвертой, женщине, к слову сказать, легкомысленной и склонной к любовным связям с мужчинами из породы ветротекучих². Ли Четвертая, родив письмоводителю сына (ему исполнилось сейчас вот уже три года), насколько не заботилась о ребенке и по-прежнему занималась своими любовными делишками. Как-то раз письмоводителю пришлось по служебным делам отправиться в управу и провести там дней десять или более. Ли Четвертая не замедлила воспользоваться отсутствием мужа. Она спуталась с каким-то шалопутом (имя его мы запомнили) и убежала с ним из дома, прихватив с собой ребенка. Когда они вышли за городские ворота, ребенок, испугавшись непривычного, принялся плакать. Мать, не медля, засунула мальчика в придорожную траву, а сама с полюбовником отправилась дальше.

Как раз в то же время шел из города ремесленник по имени Ли-сань — Третий Ли, который направлялся

по делам в деревню. Невдалеке от городской стены услышал он плач младенца, доносившийся из зарослей трав. Поспешил на крики — точно, ребенок, и залива-ется во весь голос. А рядом с ним никого: ни отца, ни матери. Ли-сань пожалел дитя и взял его на руки. По-чувствовав ласку, ребенок сразу же замолчал, хотя человек был чужой. И понятное дело — долгое время лежал он один-одинешенек и горько плакал от страха.

Надо вам сказать, что Ли был человеком бездетным и сейчас очень обрадовался, ршив, что само небо дало ему сына. Завернув ребенка в тряпицы, отнес он его домой. Симпатичный и смышленный, мальчик понравил-ся всем родственникам. Так ребенок остался в доме Ли и стал его сыном.

А теперь нам пора вернуться к письмоводителю Хуан Цзе. Закончив дела в управе, он вернулся домой, а там все пустынно и тихо, не видать ни души: ни жепы нет, ни сына. Встревоженный, бросился он к со-седам, а те объяснили, что дня через два-три, как ушел он на службу, жена взяла ребенка и куда-то ушла.

«Мы смотрим,— сказали соседи,— ворота закрыты, в доме тихо,— видно, пошла к своей родне».

Больше они ничего не сказали.

Хуан Цзе не па шутку перепугался. И понятно, кому-кому, а ему-то уж было известно о нраве суп-руги. Побежал к одним родственникам, к другим, но нигде и следов не обнаружил. Пришлось писать бума-гу о розыске, в которой он обещал десять связок монет тому, кто принесет хоть какую-то весть.

Однажды случайно он проходил мимо дома Треть-его Ли, как раз в то время, когда тот играл с мальчи-ком возле ворот. Письмоводитель внимательно посмот-рел на дитя. Сомнений не было — его сынишка!

— Это мой ребенок! Как он попал сюда? — спросил письмоводитель. — Где его мать?

— Какая мать? — удивился ремесленник. — Я его подобрал в траве.

— У меня пропала жена, все знают об этом, — я дал объявление. Если ребенок здесь, значит, и женщина недалече. Видно, ты с пей спутался, и она сейчас хоро-нится у тебя! Говори по-хорошему!

— Ничего я о пей не знаю! А дитя я нашел!

Хуан Цзе, вцепившись в Ли-саня, принялся громко

кричать об обиде, нанесенной ему. Крики, понятно, всполошили соседей. Все сбежались на шум и появились местные власти. Хуап начал им объяснять. В разговор вмешались соседи.

— У Третьего Ли детей не было, и где он подобрал младенца — не очень понятно, — говорили в толпе. — Кто мог подумать, что это ваше дитя!

— Если мой ребенок у него, значит, и жена моя здесь. Они вместе его утащили!

— А вот этого мы знать никак не можем, — сказали соседи.

— Никакой женщины я не видел! — разволновался Ли. — Я подобрал ребенка в траве. Вижу, плачет младенец, я пожалел его и принес домой. Если он ваш, забирайте, только, конечно, привык я к нему. Что до женщины, то зря на меня наговариваете!

— Зазя, говоришь? Мать твою так! А ты знаешь, что я повсюду развесил бумагу о розыске! Я тебя заставлю сознаться в управе! Распутник! — Хуап Цзе снова обратился к соседям:

— Придется вас потревожить, почтенные! Помогите мне стащить его в уездную управу. Здесь человека украли, и вы все ответите, если преступник уйдет от возмездия!

— Нет на мне никакой вины, и я не собираюсь никуда убегать! — сказал Ли. — Пойдем к начальнику, там все разъяснится!

Хуап Цзе вместе с соседями повели ремесленника в управу, прихватив с собою и ребенка.

Письмоводитель написал жалобу, в которой подробно изложил обстоятельства дела, и подал начальнику уезда. Чиновник тотчас приступил к допросу Третьего Ли, который, не таясь, рассказал, что подобрал дитя в траве у дороги и принес к себе домой.

— Больше ничего я не знаю! — закончил он.

— Ложь! — воскликнул начальник уезда. — Из дома письмоводителя исчезли двое, из коих один оказался у тебя. Куда же девался второй? Не иначе, ты учинил мерзкий стговор и кражу! Под батогами сознаешься!

По приказу начальника стражники поволокли беднягу к пыточному стапу и принялись нещадно бить. Били долго, пока, как говорится, один будда не появит-

ся на свет, а второй — не взлетит на небо. Но ремесленник стоял на своем.

Надо вам сказать, что в уездной управе служили больше двадцати чиновников, таких же, как наш письмоводитель Хуан. Желая сохранить лицо и поддержать сослуживца, они пришли к начальнику уезда и, пав на колени, умолили его допросить преступника со всей строгостью. Начальник усилил наказание, и Третий Ли, не выдержав пыток, признался:

— Я уже давно заметил жену Хуана с младенцем. А поскольку своих детей у меня не было, я решил ребенка украсть, а женщину прикончить. Уж раз меня поймали и разоблачили, я готов принять смерть!

— Где тело? — спросил уездный начальник.

— Бросил в реку, побоялся, что могут найти.

Записав показания Ли, начальник уезда составил бумагу, в которой, определив состав преступления, повелел бросить ремесленника в узилище, предназначенное для смертников. Уездному стряпчему он приказал заготовить другой документ — сопроводительную бумагу в область. Стряпчий, который, как и все, стоял на стороне Хуан Цзе, расписал суд так, что придаться к чему-то было никак невозможно. Документ составил 29-го дня восьмой луны в девятнадцатый год эры Наследовавшей Радости³ и в сей же день преступника вывели из темницы, чтобы отправить в область. Поскольку злодей совершил убийство, его заковали в железо, а на шею падали тяжелую колодку — кангу. Он стоял на коленях в зале суда, ожидая, когда огласят решение.

Неожиданно все вокруг потемнело. На небе собрались черные тучи, среди них засверкали молнии, раздались раскаты грома. И тут случилось непонятное. Канга на преступнике вдруг развалилась на части. Понесся новый удар грома, и стряпчий, упав на пол, испустил дух. Снова загрохотал гром. Неизвестно откуда налетевший вихрь сорвал с двадцати чиновников-письмоводителей шляпы и унес их прочь. Начальник уезда дрожал от ужаса. Мало-помалу он пришел в себя и приказал осмотреть тело внезапно скончавшегося стряпчего. Подчиненные подбежали к трупу и увидели, что на спине начертаны старинной вязью четыре красных знака: «Третьего Ли осудили несправедливо!»

Уездный начальник обратился к ремесленнику с вопросом, но тот будто потерял рассудок: стоит истуканом и ничего не соображает.

— Как случилось, что канга распалась на части? Смысл вопроса, наконец, дошел до несчастного.

— Ваша светлость, не ведаю, как она развалилась! — сказал Ли. — У меня вдруг потемнело в глазах, словно одурь какая напала. Ничего я не соображал.

Начальник понял, что в деле допущена досадная ошибка.

— Отвечай, откуда все-таки взялся младенец? — спросил он.

— Его кто-то оставил в траве, а вот кто — я не знаю. Плакал он горько, ну пожалел я дитя и взял его домой. А о жене Хуана, ваша светлость, я, правда, ничего не знаю. Сознался потому лишь, что не мог больше терпеть мучений.

Начальник уезда почувствовал, что подсудимый говорит правду.

— По всей видимости, ты и впрямь здесь не при чем!

Чиновник, испытывая угрызения совести, повелел освободить Ли-саня, а стражникам вместе с письмоводителем Хуаном наказал заняться поисками женщины. Через какое-то время ее нашли, правда, в чужих краях. Только тогда начальник уезда окончательно убедился, что вершить дела Поднебесной лишь по подозрению — значит напрасно обидеть невинного. Вряд ли бы смог оправдаться ремесленник Ли, если бы не дух грома, который явил перед всеми свое знамение.

А сейчас мы поведаем еще об одном человеке, от которого с чужим мужчиной убежала жена, из-за чего возвели напраслину на соседа и чуть было не довели его до гибели. Но, к счастью, все образовалось, и правда в конце концов всплыла наружу. Как мы увидим, эта история напоминает предшествующую — ту, что случилась в уезде Даюй. Ну а сейчас ничтожный потихоньку да полегоньку расскажет ее вам. Вот только послушайте стих:

Тайную встречу в тутах⁴
не удалось угаить.

Из-за малой ошибки
протянулась подлупная пить⁵.

А когда, наконец, собрались,
давнюю тяжбу решить,
Не ведали, что случайность
сможет все изменить.

Рассказывают, что в селении Чжанцзявань северной Чжили⁶ проживал некий Сюй Дэ, служивший в городском приказе порученцем. У него была жена по фамилии Мо, по виду весьма симпатичная, но с небольшим изъяном — была она падка до вина, а стоило ей выпить, как сразу теряла голову и загоралась любовным нетерпением. Приманивая посторонних мужчин и всячески обольщая их, она договаривалась с ними о тайных встречах. По соседству с семьей Сюя жил молодой вертопрах Ян Второй, такой же, как и она, любитель ветра и луны⁷. Склонный к легкомысленным развлечениям, этот бездельник и шалопай не имел никакого порядочного занятия. Ян Второй постоянно заигрывал с красоткой Мо, и она его ухаживания принимала весьма охотно. Словом, они очень быстро нашли общий язык, и само собой, соседи скоро об этом узнали. Красавица Мо дарила Яна пылкой любовью, но привечала и других мужчин, которые обычно проникали к ней в дом, пользуясь подставной лестницей.

Сюй Дэ часто подолгу отсутствовал: то был занят по службе в своем ямыне, то уезжал в другие места на месяц и больше. Отлучки мужа были любовникам кстати, и они проводили время как настоящие супруги. Скоро, однако, Сюй Дэ, обеспокоенный тем, что в доме у него неладно — все вкривь да вкось, решил найти себе на службе помощника. Теперь ему не надо было ежедневно ходить в управу, и он часто оставался дома. Муж очень скоро приметил, что жена занимается непотребством с Яном Вторым. Обратился к соседям по улице: спросил у одного, узнал у второго, и те рассказали — коротко, но ясно. Тогда Сюй Дэ решил поговорить с женой начистоту.

— Плохо ли, хорошо ли, а мы прожили с тобой много лет, и есть у нас в доме лишняя чашка риса, — сказал он. — А посему надобно соблюдать приличие, не смешить людей.

— Кого еще смешить? — притворилась жепа.

— Если в колокол не ударить — он сам не загудит, в барабан не стукнешь — он не загремит, — ответил

муж.— Одним словом, кто не хочет, чтобы люди знали о его безобразиях, пусть лучше их не делает. О твоих же шашнях все говорят в открытую. Поэтому голову мне не морочь! И запомни, с сегодняшнего дня веди себя пристойно!

Слова мужа попали в точку. Жена попыталась было словчить и отговориться пустыми фразами, однако спорить побоялась, чувствуя, что правда уже просочилась и надуть никого не удастся. Ее охватили печальные мысли: «Мы с Яном жили в свое удовольствие, как настоящие супруги, стараясь не разлучаться даже на мгновение. Сейчас мужу все стало известно, и он примет строгие меры. Что же делать? Надо посоветоваться с Яном... Лучше всего, наверное, собрать пожитки и бежать с ним в другую область. Там мы заживем припеваючи!» Эта мысль крепко запала ей в голову. Однажды в отсутствие мужа она договорилась с Яном о тайном свидании.

— Меня здесь ничего не связывает, мы можем пойти с тобой куда угодно, — сказал Ян Второй при встрече. — Но только, чтобы идти в чужие края, нужны деньги — как-то надо кормиться!

— Я захвачу кое-что из одежды, — успокоила его Мо. — На первое время хватит. Нам бы только закрепиться, а там мы займемся каким-нибудь подходящим делом.

— Верно!.. Вот что, ты пока собирайся, а потом уж решим, куда нам податься.

— Я буду ждать подходящего случая, подам тебе знак, и мы убежим. Только не проговорись! — предупредила она.

— Уж это само собой! — сказал Ян.

Договорившись о делах, любовники нежно расстались.

Когда через несколько дней муж возвратился домой, он застал жену чем-то встревоженной. Узнав, что в его отсутствие снова наведывался Ян Второй, муж сказал:

— Если я его встречу, разрублю пополам!

Жена через близких людей сообщила любовнику, чтобы он не появлялся, и Ян с этих пор обходил дом Сюя стороной. Мысль о побеге с любовником так крепко вошла в голову женщины, что она совсем перестала

думать о хозяйстве. Ну, а муж для нее стал как бельмо на глазу.

Надо сказать, что женщина по своей природе — существо непостоянное и даже шальное. Скажет одно, а сделает другое, да и в словах одна путаница. То она тупа и бесчувственна, как истукан, а иногда смотришь — в голове у нее что-то и есть, по толку-то все равно маловато. Такова была и красавица Мо. А тут еще, как на грех, пропал Яп Второй — ведь она не велела ему приходить. За обедом или за чаем она только и думала о возлюбленном, и от этих дум совсем потеряла голову и вконец извелась.

Однажды она сказала мужу, что сговорилась с соседками поехать в храм на богомолье. Зная свою жену, Сюй не позволял ей покидать дом, но тут в простоте душевной (а северяне, известно, народ простодушный) он сказал себе так: «Все это время я держал ее в строгости, и она, по-моему, сейчас не в себе. Как бы еще не заболела. Пусть съездит, прогуляется!»

По обычаям, заведенным на севере, женщина свободно выходит из дома и может идти куда заблагорассудится. Муж, у которого всегда найдутся дела, ее не сопровождает. Так и сейчас, красавица Мо, купив изображения священных животных⁸ и снадь для жертвоприношений, отправилась в горный храм с несколькими женщинами. Палапкины с богомолками торжественно выплыли из городских ворот. По этому поводу можно сказать:

В чертогах луны и дыма⁹
оказалась жепя-блудница.
Узником стал счастливый любовник
в страшной темнице.
Только если воды отхлынут,
морское дно обнажится,
В тазу, только если он перевернут,
солнечный луч отразится.

Рассказывают, что за воротами Цихуамынь жил пекий Юй Шэн, малый здоровый, крепкий и донельзя распутный. Наглый и коварный, он не знал никаких приличий и всегда был рад испоганить женщину из хорошей семьи. К тому же из всякой пакости он умудрялся извлечь выгоду и при любом случае свершить непотребное дело. Этот Юй Шэн (заметим, что

он приходился красавице Мо родственником по линии дяди) часто захаживал в дом Сюй Дэ, давно ожидая удобного момента, когда красотка попадет к нему в лапы. Он чувствовал, что с ее стороны не встретит особого отпора. Эта мысль застряла у него в голове, не давая покоя. В тот день он, как обычно, праздно стоял у ворот, когда заметил приближающиеся паланкины. По-воровски вобрав голову в плечи, он стал разглядывать женщин и вдруг в одной паланкине через щелку в занавеске приметил свою родственницу Мо. Увидев связки бумажных денег¹⁰, он сообразил, что женщины направляются в храм. Сзади с коробами и корзинами шли слуги. Богомолки, как водится, в храме собирались повеселиться и немного выпить и закусить.

«Если пойти за ними следом, вряд ли что получится. Пустая затея! — подумал беспутник. — Око, как говорится, увидит, да зуб не почувствует... К тому же с ней посторонние женщины, заигрывать при них неудобно. Лучше приготовлю дома вина и закуски и буду ждать ее здесь. Когда она поедет обратно, приглашу к себе, будто на обед. Вряд ли кто меня заподозрит — ведь все же я родственник... А уж сестрица Мо — это я знаю точно — любит пригубить чарку-другую. Женщина она щедрая — и мужчине вряд ли откажет. А раз будет она под хмельком, я мигом ее подцеплю на крючок. Дельный план!»

Приняв такое решение, он со всех ног бросился в торговый ряд, купил там рыбы и мяса, орешков и свежих фруктов и всяческих других закусок. Принес покупки домой, разложил на столе, постарался, чтоб было поаккуратнее. На сей счет есть такая поговорка:

Ароматные яства — наживку
приготовил он неспроста:
Ждет, когда на крючок
попадется самка кита.

Мо, вместе с подружками воскурив благовония и побывав во всех приделах храма, расположилась в сторонке на лужке. Носильщики принесли короба с закусками и бутыл с вином, и женщины принялись закусывать. Подруги Мо, к вину особенно не привыкшие, все же выпили по чарке-другой, но не больше. Зная, что Мо на выпивку горазда, они стали уговаривать ее

не стесняться. Красавица не заставила себя долго упрашивать. Взяв чарку, она тут же ее осушила, а вскоре прикончила и всю бутылку, которую привезли с собой. Понятно, что она изрядно охмелела.

Тем временем стало темнеть. Женщины стали собираться и поспешили к паланкинам. Процессия тронулась в путь. Когда приблизились к дому Юй Шэна, он выскочил вперед и, встав перед паланкином Мо, отвесил низкий поклон.

— Сестрица! — сказал он. — Наверное, в пути тебя измучила жажда. Зайди в мое убогое жилище, испей чашку чая.

Возбужденная от выпитого вина, женщина благосклонно взглянула на родственника, к заигрываниям которого к тому же давно привыкла, и приказала носильщикам остановиться.

— Вот ты, оказывается, где живешь, братец! — проговорила она, выйдя из паланкина и поздоровавшись.

— Прошу в мой дом, сестрица, отдохни! — Юй Шэн расплылся в улыбке.

Красавица Мо, все еще под хмельком, направилась за хозяином в комнаты. Видя, что она встретила родственника, подруги уехали, а носильщики паланкина Мо остались возле ворот. Юй Шэн провел женщину в комнату, где она увидела стол, заставленный яствами и сосудами с вином.

— Братец! К чему такие расходы? Зачем все это? — воскликнула Мо.

— Ты у меня никогда не бывала в гостях, — ответил Юй. — Этим скромным угощением и бокалом легкого вина я хочу выразить свое уважение!

С этими словами он разлил вино в чарки и стал усердно потчевать гостью. Как он наметил заранее, никого из слуг в этот день за столом не было, он делал все сам. Здесь уместно вспомнить одну поговорку:

Чай — посредник для тех, кто хочет
насладиться любовью всласть.

Вино — это сводня для тех, кого
сжигает любовная страсть.

Красавица Мо была и раньше навеселе, а тут еще подбавил вина хозяин, перед просьбами которого она никак не могла устоять. Словом, она выпила еще и еще,

При этом делая вид, что очень стесняется. А Юй Шэн, как говорится, умело работал веслом, медленно подводя лодку к ошалевшей рыбине. Выпитое вино скоро дало о себе знать. В сердце женщины вспыхнул огонь любово­страстия. Красотка Мо принялась закатывать глаза, бросать томные взгляды, откликаться на рискованные шутки. Юй Шэн подсел к ней поближе. Налив бокал, он предложил выпить его пополам и, вытянув шею, сделал глоток. Красавица Мо также отхлебнула глоток и при этом показала кончик своего язычка, который сладостра­стник не преминул чмокнуть. В их груди миг­гом вспыхнули весенние чувства. Тесно прижавшись друг к другу, они устремились к ложу, скинули лиш­ние одежды и принялись за дело...

Она, опьяненная,
отдается любви без опаски,
Он, еще трезвый,
дарит страстные ласки.

Она во хмелю похожа на бабочку,
что вдохнула цветочный дурман.
Он бешеным шмелем рвется к бутону,
хотя не так уж и пьян.

Она, обуянная страстью,
разгорается все сильней.
Он, сохраняя рассудок,
наблюдает с улыбкой за пей.

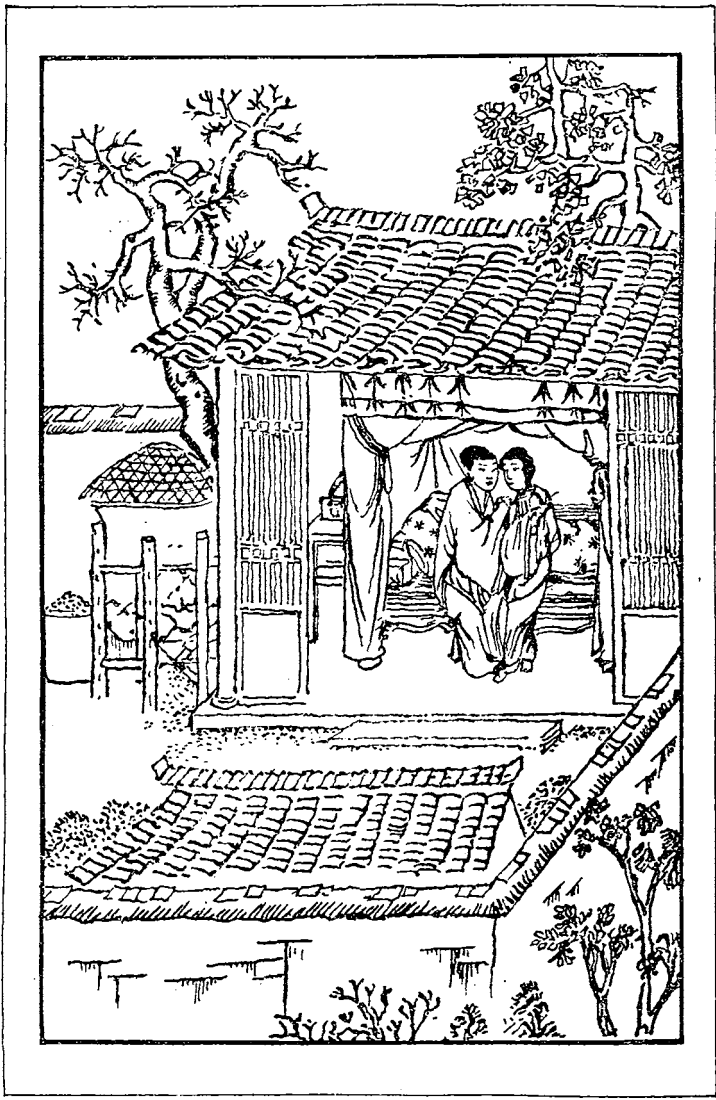
Как их любовь непохожа,
как различны ее проявления!
Но оба переживают
лучше в мире мгновенья.

В пылу любовного сражения женщина пена­роком обмолвилась, назвав Юй Шэна именем Яна, и тот сразу сообразил, что у Мо есть полюб­овник, имя которого она спяну выболтала.

«Ах потаскушка! Ты даже сейчас его вспоми­наешь! — подумал мошенник. — Но я тебя одурачу — вы­ведаю все твои секреты!» А вслух сказал:

— Скажи, а как мы будем делить наши радости впредь?

— Я на днях тебе говорила, что, как только сло­жу свои вещи, мы с тобой убежим. Дождаться бы удоб­ного случая! — ответила пьяная женщина. — Подойдет осенний срок¹¹, и мой муж (чтоб его пристукнуло!)

уйдет в свою управу по казненным делам. Вот тогда как-нибудь вечером мы и убежим.

— А если не получится? Что тогда?

— Главное, приготовь лодку. Когда он вернется из ямыня и догадается о побеге, будет поздно — нас не догнать.

— А знак какой дашь? Ведь осенние ночи темные!

— У ворот хлопнешь в ладоши, а я откликнусь и тотчас тебя впущу. Я уже давно все обдумала... Только не промахнись!

Она пробормотала еще что-то, но понять уже было трудно. Однако главное Юй Шэн ухватил и крепко запомнил.

Но вот, как говорится, дождь кончился, а тучи рассеялись¹². Красавица Мо привела в порядок прическу и спустилась с ложа. Голова у нее кружилась, перед глазами плыли круги. Юй Шэн позвал носильщиков, дал им выпить и закусить, затем помог красавице Мо взлезть в паланкин, и процессия удалилась. Довольный, Юй Шэн вернулся в дом. Наконец-то его давнишние планы сбылись, и ему удалось сорвать такой прекрасный куш. Еще бы не радоваться!

— Чудеса! Кто мог подумать, что она сговорилась бежать с этим Яном? — Он ухмыльнулся. — Разболтала мне все сокровенные планы, приняв за своего любовника. Смех, да и только! Само собой, надо воспользоваться! Той темной ночью найму я лодку и умыкну красотку — обрежу лепту, как говорится в этих случаях! Увезу голубку в дальние края и там уж попользуюсь властью. Складно получилось! Очень складно!

У Юй Шэна нрав был такой: раз что-то наметит — вынь да положь. Как говорят, где зудит, там и почешет. Словом, он нашел подходящую лодку и стал дожидаться срока. Но об этом мы пока умолчим.

Расскажем о том, что красотка Мо, вернувшись домой, весь следующий день провалялась от выпитого накануне вина. Свой визит к Юй Шэпу она помнила плохо — будто во сне дело было. Все позабылось, думала она лишь об одном — о побеге. Нужные вещи она уже давно собрала и ждала лишь удобного случая, когда они с Яном смогут бежать. Кто бы, однако, подумал, что Ян не придаст всему этому большого значения, хотя он и помнил о договоре, так как обсуждали

побег не раз и не два. В общем, Ян Второй никаких приготовлений не сделал.

Наступила пора осеннего срока. Поздно вечером во вторую стражу¹³ красавица Мо, с нетерпением ожидая условного знака, наконец, услышала снаружи хлопков в ладоши. Она подала ответный знак, как они заранее договорились, и, отворив дверь, вышла наружу. Чтобы никто не заметил, она погасила в доме огни и в темноте не разглядела, что за человек перед нею — да и кому же быть, кроме Яна? Она поспешила в дом и принялась вытаскивать короба и корзины. Мужчина принимал вещи одну за другой и укладывал в лодку. Осталось лишь затворить за собой дверь. Он помог ей забраться в лодку, и суденышко, отойдя от берега, быстро устремилось в темноту. Беглецы тихо, почти шепотом, перекинулись несколькими фразами. Красавица Мо, взволнованная событиями, не обращала внимания на спутника, она очень устала от всех дневных беспокойств и только сейчас постепенно приходила в себя. Беглецы поговорили немного, но разговор не клеился — мужчина отвечал как-то неохотно. Делать ей было решительно нечего. Красавица Мо, склонивши голову, задремала, не снимая одежды.

Забрезжил рассвет. Их лодка плыла по Лухэ и уже находилась в ста десяти ли¹⁴ от дома. Женщина разомкнула веки и, взглянув на своего спутника, к удивлению, обнаружила, что перед нею не Ян, а Юй Шэн, который живет за воротами Цихуамынь.

— Как ты здесь очутился? — в ее голосе слышался испуг.

— Чего забеспокоилась, сестрица? Ведь ты же сама назначила этот побег. — Юй Шэн рассмеялся. — В тот день по дороге из храма ты завернула к моему очагу и не погнушалась скромным столом. Благодарствую, что ты не отвергла мои ласки и одарила своею любовью. Ты что, запямятовала?

Красавица Мо сидела недвижимая, стараясь вспомнить, что произошло в тот злополучный день. В ее сознании всплыли отдельные картины. «...Я пила у него вино, потом мы побаловались любовью. А что было потом?.. Наверное, я обозналась и выболтала свой секрет, а когда пришла в себя, все позабыла. Думала, что договорилась с Яном, а на самом деле рассказала Юй

Шэну. Если все это так, мне остается помалкивать и безропотно следовать за ним... Вот только как бы сообщить Яну?»

— Куда мы едем, братец? — спросила она.

— В Линьцин! Это большое селение с пристанью. Там у меня есть знакомый. Немножко поживем у него, пока я не подыщу себе занятие. Будем с тобой нежиться в одном гнездышке. Ах, какое это удовольствие!

— У меня среди вещей схоронены деньги. На какое-то время нам хватит. Можешь взять на прожитье.

— Прекрасно! — обрадовался Юй.

Итак, красавица Мо и Юй Шэн направились в Линьцин.

В этом месте наш рассказ о беглецах прерывается, и мы должны возвратиться к Сюй Дэ. Закончив в ямыне свои дела, он возвратился домой, а там тихо и пусто — все вещи, хранившиеся в сундуках да баулах, исчезли.

— Потаскуха! — выругался Сюй. — Наверно, убежала со своим любовником!

Он пошел расспросить соседей, а те сказали:

— Видно, она исчезла ночью. Утром мы посмотрели — дверь на запоре, а что творится внутри — нам неизвестно. Ты, верно, и сам понимаешь, с кем она убежала.

— Наверняка она сейчас у Яна. Больше ей негде быть!

— Догадаться нетрудно! Мы думаем то же! — поддакнули соседи.

— Почтенные! — обратился к ним Сюй. — Раньше я скрывал безобразие, что творится в моем доме, но сейчас все равно оно всплыло наружу. Ясно, что это делшки Яна Второго и без суда здесь не обойдешься. Поэтому прошу двоих из вас быть у меня в свидетелях. А сейчас я пойду к этому Яну и устрою скандал. Пусть ответит, где моя жена!

— Если дойдет до суда, само собой, будем свидетелями, — сказал кто-то из соседей. — Твоя история всем известна.

— Очень прошу вас, почтенные, уж вы потрудитесь! — сказал Сюй. Кипя от злости, он устремился к

дому Яна Второго и подошел как раз в тот момент, когда Ян выходил из ворот.

— Куда девал мою жену, где ее спрятал? — Сюй схватил соперника за грудки. Ян хотя и не понял в чем дело, но все ж оробел, поскольку чувствовал себя виноватым.

— Чего пристаешь! Ничего я не знаю! — испуганно оправдывался он.

— Нечего юлить! У нас на улице все знают, что ты путался с моей женой. Вон и свидетели! Пойдешь со мной в управу!

— Знать не знаю, куда пропала твоя жена! Я сижу дома, а он, видите ли, требует жену! Да еще и в управу тащит неповинного человека!

Но Сюй Дэ не стал ничего слушать. Вместе с соседями потащил он Яна в сыскной приказ, где все его хорошо знали. Яна Второго сразу же бросили в темницу. На следующий день Сюй Дэ настрочил жалобу о краже жены и передал ее на имя столичного прокурора, откуда последовало распоряжение произвести самое строгое дознание. Чиновник по уголовным делам без промедления приступил к допросу, но Ян Второй все начисто отрицал. Тогда Сюй Дэ привел соседей, которые подтвердили, что Ян блудил с женой Сюя. Чиновник велел принести пыточный инструмент. Не выдержав истязаний, Ян сознался, что он имел с женщиной непристойную связь.

— Если с ней блудил, значит, ее и увел! — сказал чиновник.

— Блуд я с ней не скрываю, а вот что украд ее — этого на себя не возьму.

Чиновник допросил соседей и Сюя.

— А может быть, эта Мо еще с кем грешила? Кто-то еще был у нее?

— Больше как будто никого не было, — ответил Сюй. — Греховодила только с Яном Вторым.

— Крутил с ней лишь этот Ян, это все знают, — подтвердили соседи. — О другом разговоров вроде бы не было!

— И ты еще смеешь отрицать! — закричал чиновник. — Куда девал женщину? Признавайся!

— Нет ее у меня! Не знаю, куда она подевалась! — взмолился несчастный.

Рассвирепевший чиновник велел подчиненным усилить пытки, и Ян, не выдержав, признался:

— Мы договорились с ней о побеге, только до конца не решили, потому как сам я бежать не хотел. А вот, что с ней стряслось потом — этого сказать не могу!

— Если вдвоем замыслили побег, а сейчас ее нету, значит, твое это дело. Ты ее где-то скрываешь, и вы распутничаете по ночам. А здесь изворачиваешься и хитришь! Ничего! Посидишь в темнице дней пять, может, тогда признаешься, где прятать чужую жену!

Яна Второго бросили в тюрьму, а через несколько дней учинили новый допрос. Но Ян отвечал, как и прежде, ни в чем он другом не сознался. В управу то и дело наведывался Сюй Дэ, после его прихода заключенному учиняли очередную пытку и били нещадно батогами пониже спины, но дело так и не прояснилось. Об истории, в какую попал Ян, можно сказать поговоркой, несколько простоватой, но точной:

Кусок украл черный кобель,
а белому — нагорело.
Беда непременно нагрянет
в наказание за черное дело.

Ян Второй, несмотря на побои и пытки, не взял вину на себя и по-прежнему твердил, что на него возводят напраслину. Тогда его отправили на допрос в другой ямынь¹⁵, но и там повторилось то же. Однако ж отпустить Яна на свободу было не положено. Как-никак, а блуд доказан, и женщина исчезла. Кое-кто сомневался в вине подсудимого и советовал Яну написать объяснение, наконец, заплатить кому надо и попросить учинить розыск пропавшей. Но в ямыне девять чинов из десяти были уверены, что жену Сюя умыкнул Ян, и, конечно же, никто из них не собирался за него вступиться. Видно, ему суждено было расплачиваться за свое любострастие. А сейчас послушайте стихотворение:

Издавна женские чары
таили в себе беду.
Распутство всегда порождало
горестей череду.

Хоть Ян и не был виновен,
что сбежала чужая жена,
Но злосчастья его причина
разве вам не ясна?

Итак, Ян Второй попал в весьма запутанную историю, которую трудно было разрешить и за несколько лет.

Здесь мы на какое-то время оставим Япа в стороне и вернемся к Юй Шэну, который, как известно, вместе с красоткой Мо прпехал в Линьцин. Он снял домик, и беглецы прожили какое-то время, балуя друг друга любовными ласками. Но хотя красавица Мо и отдала свое тело Юй Шэну, она принимала его любовь без радости, так как постоянно вспоминала Яна Второго. Целыми днями она сидела, задумавшись, и тяжело вздыхала, а из груди ее нередко вырывались стоны. Так любовники прожили месяца два, и Юй в конце концов понял, что меж ними лада не будет. Им овладело беспокойство. «Вещи и деньги, что мы привезли с собой, вот-вот кончатся, а я никакого ремесла не знаю. Что делать? А тут еще чужая жена — этакое неудобство! История с ней рано или поздно всплывет наружу. Одним словом, здесь оставаться нечего, надо подаваться в родные края. А женщину я продам — найду подходящего покупателя. Бабенка она смазливая, может, заработаю на ней лянов сто, а то и побольше. Этих денег вместе с ее вещами мне хватит надолго».

Вскоре Юй Шэн узнал, что у Линьцинской переправы, возле почтовой станции находится веселое заведение какой-то мамыши Вэй, которая держит в нем довольно много «напомаженных головок». Узнав, что хозяйка нуждается в пополнении, Юй Шэн послал к ней знакомого для переговоров, и мамыша Вэй не замедлила пожаловать к Юю, чтобы самой оценить товар. Они сошлись на 80 лянах, которые хозяйка притона и передала Юй Шэну. Оставалось дело за красавицей Мо. Юй Шэн решил ее обмануть.

— Мамыша Вэй — моя дальняя родственница. Большой души человек, — сказал он Мо. — Надо поддерживать знакомство, почаще бывать у нее, да и тебе не будет скучно в дальних краях. Поскольку мамыша Вэй у нас побывала, пужно и ее навестить.

Как все женщины, красотка Мо была всегда не прочь выйти из дома и поразвлечься немного. Сразу же после разговора с любовником она принарядилась, привела в порядок прическу, а Юй Шэн вышел нанять паланкин. Мамыша Вэй встретила женщину без большого

радушая. Ухмыляясь и хихикая, она принялась разглядывать гостью с головы до пят, словно прицепиваясь. Когда Мо увидела стайку нарумяненных девиц, в ее сердце закралось сомнение. «Какая же это родственница! — подумала она. — Судя по виду, здесь притон с потаскухами!» Испив чашку чая, она поднялась и раскланялась.

— Куда изволите торопиться? — усмехнулась мамаша.

— Известно куда, домой!

— Какой еще дом? Теперь ваш дом здесь!

— То есть как? — удивилась женщина, и сердце ее захолонуло от страха.

— Ваш муженек, Юй Шэн, продал вас мне и получил с меня восемьдесят лянов серебра.

— Что за глупости? Как можно меня продать, если я сама себе хозяйка?

— Хозяйка или нет — меня не касается. Деньги уже уплачены!

— Я должна поговорить с ним, будь он неладен!

— Ищи ветра в поле! Он небось успел отмерить ли этак семь, а то и все восемь! Разве его теперь сыщешь? Словом, скрепите сердце и оставайтесь у нас, здесь даже очень неплохо! И не сердите меня понапрасну, а не то я возьмусь за палку!

Мо горько зарыдала, осознав все коварство Юй Шэна, который продал ее в заведение Вэй. Любовник нанес ей смертельную обиду. Мамаша Вэй прикрикнула на нее и велела замолчать, иначе, мол, будет ей взбучка. Нарумяненные девицы принялись ее утешать. Попав в капкан, легкомысленная женщина вынуждена была смириться. Она стала певичкой в блудилище мамаше Вэй или, как говорится, «смешалась с пылью». Так явилось ей воздаяние за то, что она вела себя недостойно, совсем не так, как должно определять себя в жизни приличной женщине.

Не следует честной женщине
преступный вынашивать план,
Предаваться разврату и блуду,
мужа вводить в обман.

Теперь оказалась обманутой
сама блудница-жена.
Такова небесная воля,
и всегда справедлива она!

С тех пор как Мо стала певичкой в заведении Вэй, ее часто грызло раскаяние. «Из-за того что я проговори-лась в хмельном угаре, этот Юй (чтоб его разбило Небо!) заманил меня сюда и продал в притон! — думала она. — А ведь я мечтала убежать с Яном и жить с ним припеваючи в чужих краях. Где ж он теперь, мой Ян?.. Интересно, что сделал муж, когда узнал, что я убежала?» Она постоянно думала об этом, а иногда даже рассказывала свою историю какому-нибудь гостю, особенно если тот пришелся ей по душе. Однако жалостливый ее рассказ и слезы не вызывали у мужчин большого сочувствия.

Время летит стрелой, и вот уже прошло года четыре или пять. Как-то в заведении Вэй появился гость. Пришел, как и все, чтобы выпить вина и провести ночь с певичкой. Заметив Мо, он бросил на нее пристальный взгляд, а потом принялся внимательно рассматривать, будто узнал. Лицо мужчины тоже показалось ей знакомым.

— Из каких мест пожаловали, уважаемый господин? — спросила певичка.

— Я из Чжанцзяваня. Мое ничтожное имя — Син Фэн.

— Из Чжанцзяваня? — на глаза женщины навернулись слезы. — А вы, часом, не знаете порученца из ямыня по имени Сюй Дэ?

— Как не знать? Он мой сосед!.. Несколько лет назад у него пропала жена... Не вы ли? Что-то лицо мне ваше очень знакомо!

— Я и есть! — ответила Мо. — Меня обманом увезли сюда, вот я и очутилась в этом притоне... Я тоже вас признала. Значит, вы Син, наш старый сосед!..

Надо вам сказать, что Син Фэн был большим блудодеем. В свое время он нередко засматривался на красоту Мо и всякий раз при виде ее глотал слюнки. Не мудрено, что он сразу узнал ее при встрече.

— То, что вы здесь — не страшно, — проговорил он, — худо, что человек из-за вас страдает!

— Как так? Кто же?

— Ваш муж подал в суд на Яна Второго. Судебное дело тянется уже несколько лет... Ян и сейчас в тюрьме. А уж били его — даже счесть невозможно!..

Эта новость сильно огорчила певичку.

— Я вам что-то хочу сказать, только вечером,— шепнула она,— на людях неудобно.

Ночью, когда они остались одни, Мо поведала Син Фэну:

— То, что у нас с Яном была любовь,— это правда. Но привез меня сюда совсем не он, а Юй Шэн, который обманно назвался Яном. Он-то и продал меня в заведение.

Она рассказала, ничего не тая, всю свою историю от начала до конца и попросила:

— Может быть, вы как старый наш сосед расскажете обо мне дома, и муж вызовет меня отсюда. Да и Яна, глядишь, освободят... Это доброе дело вам, конечно, зачтется... Ох, как мне хочется насолить Юй Шэну, через которого я столько перетерпела.

— Обязательно о вас расскажу! Непременно! — обещал Син.— Как-никак, а тот и другой — мои земляки. К тому же объявлено вознаграждение. Я непременно сообщу властям, пусть знают правду! Этот шельмец Юй Шэн должен повести наказание! Подумать только, какая гадость!

— Только не забудьте, надо держать все в тайне, чтобы, как говорится, никакой ветерок не просочился! Иначе хозяйка куда-нибудь меня упрячет!

— Об этом знаем лишь мы двое, а я не скажу ни слова! Как только приеду домой, сразу заявлю в управу!

Так они и порешили. Син Фэн, вернувшись в Чжанцзявань, тотчас направился к Сюй Дэ.

— Ваша жена отыскалась! Видел ее собственными глазами!

— Где ж она?

— Пойдем к начальнику, там расскажу!

Они направились в сыскной приказ, где Син Фэн подал челобитную. В ней говорилось: «Податель бумаги — Син Фэн из Чжанцзяваня. По делу о злоумышленной продаже человека. Сообщаю, что у жителя нашего селения Сюй Дэ в свое время пропала жена по имени Мо, о чем было своевременно доложено властям, однако женщину так и не нашли. На днях мы собственными глазами видели ее в Лильцине, где она „подпирает ворота“, торгуя собой в притопе некоей Вэй. Вышеназванная Мо сообщила, что ее продал в заведение местный бездельник по имени Юй Шэн. С тех пор ей приходится

заниматься подлым ремеслом, забыв о достойных деяниях. Все изложенное — истинная правда».

Начальник сыска принял челобитную и приобщил ее к делу. Направив докладную столичному прокурору, он наказал стражникам схватить Юй Шэна и доставить его на допрос. Мошенник, как ни юлил, не смог оправдаться и в конце концов рассказал все, как было. Его бросили в тюрьму до вынесения приговора, который должен был последовать после приезда Мо и ее показаний. Имея приказ свыше, начальник сыска послал в Линьцин стражников вместе с подателем жалобы Син Фэном и мужем Суй Дэ. Им следовало опознать женщину, ставшую певичкой в заведении Вэй, и подать бумагу в местную управу. В помощь сыщикам из Чжанцзяваня начальник Линьцинского ямыня выделил еще несколько стражников. Все они без промедления отправились в заведение мамы Вэй, о чем можно сказать такими словами:

Руку в глиняный чан
запустили без страху
И вытащили оттуда
огромную черепаху.

Линьцинские власти, задержав замешанных в деле лиц, составили сопроводительную бумагу и направили их под стражей в сыскной приказ. Ян Второй, который все еще томился в тюрьме, узнав о новостях, сразу же написал прошение. В своей челобитной он повторял, что ни в чем не виноват и что нынче, мол, правда вышла наружу. Начальник сыска принял его прошение и присоединил к делу. В это время в управу доставили людей из Линьцина, и начальник приступил к допросу. Сначала вызвали Мо, которая во всех подробностях рассказала о том, как Юй Шэн обманом привез ее в Линьцин, а затем продал в притон. Вслед за Мо допросили мамашу Вэй.

— Как ты смела покупать женщину из порядочной семьи? — строго спросил начальник.

— Ваша светлость, такова уж моя профессия, — объяснила хозяйка заведения. — Ведь этими девицами-певичками я промышляю. Юй Шэн сказал, что она его жена, которую он хочет продать. Поскольку он ее хозяин, я ее и купила. Кто же знал, что он женщину украл?

В разговор вмешался Суй Дэ.

— Ваша светлость! Когда жена убежала из дома, она прихватила с собой много ценных вещей. Поскольку злоумышленников схватили, прошу мне вернуть украденное!

Красотка Мо сказала:

— Когда Юй Шэн заманил меня в притон, у меня при себе ничего особенного не было, а что я взяла, то быстро истратила. Все ценности, которые я когда-то привезла с собой, попали к Юй Шэну. Мамаша Вэй здесь ни при чем.

— Каков негодяй! — начальник сыска в сердцах ударил кулаком по столу. — Мало того, что увел чужую жену и принуждал ее с ним сожительствовать, он еще продал ее в притон, а ценности украл! Низость, безобразие!

Чиновник кликнул эзекуторов и приказал бить мошенника жестоко и нещадно.

— Ваше превосходительство, господин начальник! — взмолился Юй. — То, что продал ее в певички — моя вина. Признаюсь и каюсь! А вот в ее побеге я не виноват! Сама пошла со мной, не обманывал я ее.

— Ты почему пошла за ним? — снова обратился начальник сыска к красавице Мо. — Говори правду или получишь батогов.

Женщине ничего не оставалось, как сознаться в прелюбодеяниях с Яном Вторым и рассказать о своей промашке в злополучный день, когда она обозналась.

— Теперь понятно, почему твой муж подал жалобу на Яна! — усмехнулся начальник. — Оказывается, этот Ян совсем не такой уж безвинный и просидел в тюрьме эти несколько лет, видно, не зря. И гнусная кража Юй Шэна не случайна.

Чиновник отдал приказ. Юй Шэну за продажу в притон женщины из приличной семьи дать 40 тяжелых батогов, а украденное вернуть Сюй Дэ. 80 лянв серебра, полученные за красотку Мо, внести в казну. Мамашу Вэй решено было к суду не привлекать по причине незнания ею всех обстоятельств дела, однако ж денег ей не возвращать, потому как за многие годы от своего непотребного занятия она получила большие барыши. Яна Второго из заключения освободить, поскольку он, хотя и занимался прелюбодейством, к последующим событиям отношения не имел, к тому же за свою вину по-

платился батогами и пытками. Син Фэна за подачу обоснованной и подтвержденной доказательствами бумаги было велено наградить. В приговоре было также сказано, что Мо должна возвратиться к своему супругу Сюй Дэ.

— Мне не нужна эта распутница, которая убежала от меня, неизвестно где скрывалась, а в довершение оказалась в блудилище! Отрекаюсь от нее! Пусть кто-нибудь другой ее берет!

— Дело твое! — сказал чиновник. — Но сейчас ты должен увести ее с собой. Когда найдешь ей мужа, тогда снова приведешь ее сюда.

Все разошлись по домам, в том числе и Ян Второй, который считал себя больше всех обиженным — ведь ему довелось за чужое мошенничество просидеть несколько лет в тюрьме. Соседям он сказал напрямик, что намерен свести с Сюй Дэ счеты. Чувствуя себя виноватым, Сюй Дэ попросил соседей решить дело миром, и те, посоветовавшись меж собой, согласились.

— По всей видимости, — сказали они, — Сюй Дэ со своей женой больше жить не станет, а посему ему придется искать ей мужа. Почему бы не выдать ее за Яна Второго? Все обиды тогда сразу бы разрешились!

Сказали об этом Сюй Дэ.

— Пусть будет по-вашему! — ответил он. — Я ему, и верно, много крови испортил.

Яну Второму такое решение также пришлось по душе.

— Ради такого дела готов просидеть еще несколько лет, — засмеялся он. — Обещаю никакого шума не поднимать!

От всех трех сторон составили бумагу и подали в ямынь на утверждение начальству. Начальник приказа чувствовал себя неловко, из-за того что Ян без вины просидел несколько лет в тюрьме. Он сразу же согласился и утвердил прошение Сюя о передаче супружеских прав Яну Второму. Надо ли говорить, как обрадовалась красотка Мо, узнав, что ее отдадут за Яна Второго. Перетерпев столько бед из-за легкомысленного поведения, она извлекла из своей истории горький урок и дала зарок вести себя смиренно, дабы не породить новых несчастий, и общала прожить с Яном Вторым достойно до самой кончины. Что до Яна, то все мытар-

ства и горести, которые ему довелось испытать, по всей видимости, объяснялись несчастливой судьбой. Поэтому его история для потомков звучит как предостережение. К этому есть и стихи:

В мрачной темнице долгие годы
томиться он был обречен.
А ныне, к счастью, женские ласки
снова вкушает он.
Но если достойно себя вести,
не гнушаться домашней едой,
Сможешь ты избежать суда,
в деньгах не потерпишь урон.

**ПУТЬ
К ЗАОБЛАЧНЫМ
ВРАТАМ**

О бессмертных толкуют, но их дела
сокрыты от глаз людских.

А кто из людей в жизни сумел
избегнуть соблазнов мирских?

Нынешним утром впервые прочли
повесть Заоблачных Врат:

Внезапный ветер прохладу принес
и неземной аромат.

Рассказывают, что в далекие времена, когда Суйский государь Ваньди¹ только-только вступил на престол и назвал свою эру Изначальное Правление, жил в Цинчжоу один богатый человек по имени Ли Цин, семья которого испокон веков владела красильнями. Хотя происходил он из торгового сословия, однако род его был славен и, к слову сказать, весьма обилен: душ этак пять или шесть тысяч — люди все деловые и хваткие, способные, как говорится, добыть деньги голыми руками. Богатство и сила рода Ли вошли в поговорку: «Наши Ли пол-округи замели», — шутили в этих краях. Поскольку Ли Цин был самым старшим, его признали главою рода. Все от мала до велика глубоко уважали почтенного Ли Цина за его справедливость и отзывчивость, а еще за то, что ко всем, будь то далекий или близкий родственник, он относился одинаково сердечно, не проявляя ни своекорыстия, ни двуличия. Не удивительно, что ежегодно в день его рождения все несли ему подарки и желали долгих лет жизни. Поскольку род был велик и славен, каждому хотелось преподнести что-то диковинное: атлас многоцветный или парчу узорчатую. Человек бережливый и экономный, Ли Цин старался не

разбазаривать ценности, а складывал их в особое хранилище, в котором за многие годы скопились неисчислимые сокровища. Однако почтенный Ли Цин не слишком дорожил ими, потому как имел в своей жизни одно пристрастие. Вы спросите какое? Еще с юных лет Ли Цин привык делать доброе людям и всячески старался им помочь. И еще у него была одна особенность: с великим почтением он относился к небожителям и ценил искусство даосов, которым готов был отдать тысячи связок монет. Повстречает, бывало, заоблачного странника², из мира ушедшего и во всем совершенного даоса, и тут же с низким поклоном зовет его в дом, щедро потчует гостя, а даос взамен разъясняет, как найти эликсир бессмертия, иль вещает о тайнах совершенствования. Правда, многие из этой братии были истинными мошенниками, старавшимися обманом выудить чужие деньги. Никакой учености у них за душой не было, а все их ремесло было сплошным комедианством. И все же мошенничество ворожеев нисколько не повлияло на простодушного и честного Ли Цина. Ежедневно он воскурял благовония и сидел в созерцательном молчании, укрепляя дух свой и закаляя сердце, и думал об одном — как он найдет путь из этого бренного мира.

В год, о котором пойдет сейчас речь, Ли Цину исполнилось ровно семьдесят лет. Месяца за два до славного дня его дети и внуки устроили совет.

— Семидесятилетие — день не обычный, такой возраст встречается не часто. Поэтому надобно поднести старику редкостный дар, пожелать ему бодрости и здорovia.

Прослышав о приготовлениях, Ли Цин пригласил к себе родственников из разных колен рода. Во время застолья старик им сказал:

— Все вы трудолюбивые люди и живете достойной жизнью. Я знаю, что вы чтите меня, ведь ежегодно вы несете подарки: одежду, сосуды, разные дорогие изделия. У меня скопилось много всякой всячины — тысячи вещей, которые, однако, лежат без употребления. Как вам известно, я человек бережливый: ко мне, как говорится, вещи приходят и не уходят. Вот и получается, что все эти богатства, годами лежащие в хранилище, я даже не успел хорошенько рассмотреть. Большая

их часть пришла в негодность. Мне жаль, что ваши деньги потрачены зря и превратились в кучу ненужного хлама. И вот что я решил. Скоро наступит день моего рождения. Слава Небу, что оно еще не определило последний срок моей жизни! Я знаю, что все вы готовите щедрые дары к этому дню. Но именно этого я и не хочу. Вот почему я нынче собрал вас всех вместе, чтобы заранее сказать вам о своем желании.

Кто-то из младших родственников заметил:

— Еще в древности говорили, что подарки по случаю дня рождения способствуют продлению жизни. Вам же исполняется семьдесят лет. Такое бывает лишь один раз. Если мы достойно не отметим годовщины, мы не сможем выразить своей почтительности, а это неприлично!

— Тогда сделаем так,— сказал Ли Цин.— Коли ваше решение твердо, подарите мне то, что я попрошу!

— Слушаем и повинемся! — обрадовались родственники.

— Я хочу, чтобы за десять дней до моего праздника каждый принес кусок пеньковой веревки толщиной в палец, а длиной в сто чи. В общей сложности получится 50 или 60 тысяч чжанов³. Вот это и будет «продление жизни». Что может быть длиннее?

Родственники подивились такому решению, но спорить не стали:

— Мы исполним вашу волю, отец! Правда, не очень попятно, зачем вам эти веревки?

— Сначала принесите, потом увидите,— улыбнулся Ли.— Сегодня это еще секрет.

Весть о чудной просьбе старика разнеслась среди всей родни. Один передал десяти, десять поведали сотне... И вот в назначенное время, за десять дней до праздника, возле дома почтенного Ли на земле лежала высоченная куча — прямо гора из веревок. Но пока что никто не понимал, для чего они нужны.

Надо вам знать, что в десяти ли от Цинчжоу была Гора Заоблачных Врат. Еще ее называли Расколотая Гора, так как вершина, словно рассеченная топором, была увенчана двумя пиками. Жители Цинчжоу, обратившись лицом к югу, могли видеть облака, плывущие меж двух пиков, и летящих над пропастью птиц. Глубины этого провала никто не знал. Некоторые из любо-

пытства кинут, бывало, вниз крупный камень, а звука падения не слышно. Поэтому возникло поверье, что провал бездонный.

В день, когда родственники принесли старику веревки, он велел работникам идти на гору и соорудить над жерлом страшной пропасти ворот, закрепив его меж двух толстых столбов. Затем он пошел к плетенщику и попросил его сплести из бамбуковых прутьев прочную корзину. Из лавки плетенщика он направился в заведение медника и купил у него несколько сот колокольцев разной величины.

Родственники, теряясь в догадках, пришли к Ли Цину с вопросами.

— В свое время я безо всякой утайки вам все объяснял. Как вы знаете, с малых лет я увлекался даосским учением, но за пятьдесят с лишним лет никаких успехов так и не добился. Совсем недавно, листая древние книги, я случайно наткнулся на место, где говорится, что Заоблачные Врата — один из семи путей, ведущих к небожителям. Я подумал: пока я бодр и здоров, руки и ноги еще крепкие, почему бы мне не попытаться счастья? Мне уже семьдесят, а ведь прожил я по настоящему всего года два или три. И вот тогда я решил в день своего рождения спуститься в пропасть. Четыре веревки вы привяжете к краям корзины, а пятая будет с колокольцами. Я залезу в плетеную люльку, а вы станете осторожно меня спускать. Если случится какая беда, я дерну за веревку и вы, услышав звон, поднимете меня наверх.

Кто знает, быть может, мне повезет и я встречу с бессмертными. В любом случае я обязательно вернусь обратно, чтобы рассказать вам о том, что увидел.

Слова старика привели родственников в большое волнение. Низко кланяясь, они принялись его отговаривать.

— Нельзя! Никак нельзя это делать! — сказал кто-то из них. — Конечно, в пропасти не обязательно водятся горная нечисть, однако ж змей и прочих гадов там наверняка не счесть. К тому же вы можете задохнуться от черного смрада, что скопился на дне.

— В столь почтенном возрасте нельзя подвергать себя таким испытаниям! — добавил второй.

— Я принял решение и не отступлюсь от него,

даже если мне грозит смерть. Не удерживайте меня, я все равно спущусь! Только я уверен, что непременно вернусь!

Один из старейших в роду, хорошо зная упрямство Ли Цина, заметил:

— Почтительность хороша, а исполнительность лучше! Придется нам смириться. Только вот что я скажу: такое серьезное дело никак нельзя совершать втайне! Надо обязательно оповестить всю нашу родню. Мы все проводим вас на гору. И тогда молва об этом чудном событии разнесется за пределы Четырех Морей⁴. Разве не прекрасно!

— Я не против... — Ли Цин кивнул в знак согласия.

Как мы уже говорили, Ли Цин принадлежал к роду, в котором насчитывалось пять или шесть тысяч человек. Но когда оповестили всех, то на проводы собралось никак не меньше десяти тысяч человек. В день рождения Ли Цина устроили пиршество, на которое пригласили музыкантов, после чего процессия родичей (а к ним присоединилось немало посторонних зевак) двинулась на Гору Заоблачных Врат. В этот день город, казалось, опустел. Поднявшись на вершину, люди замерли, восхищенные великолепным зрелищем:

Горной гряды
крутая стена
Зубчатыми скалами
окружена.

В глубоких ущельях, в расселинах скал
звенят-поют родники.
По отвесным утесам упрямо ползут
густые травы-вьюнки.

На обрывах причудливые деревья
ветвями тянутся ввысь.
По склонам диких цветы
среди камней разрослись.

Тропинок не видно —
дымка густа.
Буйством красок
любуюсь с моста.

Свежая зелень покрыла вершины
ближних и дальних холмов.
Шорохи сосен, журчание вод,
белеет гряда облаков.

Звонко-презвонко капли звенят —
па деревьях роса поутру.
Тихо-тихо, не слышно почти,
шепчет листва на ветру.

Веревки и корзина лежали возле пропасти. Ли Цина обступили родственники. У многих были чарки с вином. Кто-то из стариков сказал:

— Почтенный Ли! Тобой завладела мысль о Дао-Пути⁵, а сердце твое исполнено решимости. Вступив на стезю небожителей, ты непреклонен в своем желании уйти в иной мир. Однако, отпуская тебя, мы должны поступить как положено, чтобы впоследствии не пришлось нам раскаиваться. Ты знаешь, что эта мрачная пропасть бездонна и доселе никто еще не отваживался в нее спуститься. Зачем же столь неосмотрительно рисковать своей драгоценной жизнью? Не лучше ли сначала спустить в люльке собаку? Если с ней ничего не случится, вниз отправится какой-нибудь ловкий парень. Разузнав, есть ли внизу следы бессмертных, он поднимется наверх и расскажет нам. Тогда спустишься ты. Так будет безопасней и надежней!

Ли Цин улыбнулся:

— Спасибо за совет, почтенный! Но человек, который стремится к Дао-Пути, должен быть готов на смертельный риск, иначе бессмертные лишь пожалеют его, но никогда не сделают своим учеником. Что до этого провала, то он, как толкуют, — седьмой путь, что ведет в мир бессмертных. Почему бы мне не проверить самому, вместо того чтобы сидеть на месте, заранее страшась каких-то напастей? Подобные сомнения, я вам скажу, могут лишь ослабить веру в Путь, а с таким чувством невозможно оторваться от нашего бренного бытия. Мое решение твердо, и, как бы меня ни уговаривали, я спущусь вниз... Не беспокойтесь за меня, почтенные родичи! Вспомните поговорку: расставаясь, не станем смеяться над тем, что случится потом.

— Мы внемлем вашим словам драгоценным, как нефрит или жемчуг, — сказали родственники.

И тогда Ли Цин прочитал такой стих:

Земную жизнь презираю давно,
промелькнула она без следа.
Покинув вас, одиноким не буду
в горах Заоблачных Врат.

Над монахом, что с чайником ищет Дао^о,
сам я смеялся всегда.

Но чайник тайнств на шумном торжище
увидеть — горше стократ!

Прослушав стихи, родственники лишь покачали головой, ничего не уразумев, вздохнули. Кто-то смущенно проговорил:

— Почтенный Ли! Ваше стремление постигнуть Путь воистину безгранично. Желаем вам обязательно встретиться с бессмертными!

— Спасибо вам всем за внимание и заботы... Ну, а теперь приступим к делу... — сказал Ли Цин.

Обратившись к небесам, он сделал два поклона, а затем, не проронив лишнего слова, залез в бамбуковую люльку и помахал рукой в знак прощания. Веревка стала разматываться, и корзина поплыла вниз. У многих лица посерели от ужаса.

— Все было у старика, да, видно, показалось мало, — проговорил кто-то из родни. Он покачал головой и даже цокнул языком. — Захватила старого пустая затея полезть вниз искать бессмертных. Зачем? Наверно, за смертью своей полез!

Ну, а Ли Цин спускался в пропасть, и никто не знал, когда он вернется обратно. Говорят, что

Бессмертные кажутся очень похожими
на самых обычных людей,
Но люди живут, не стремясь к совершенству,
в тенетах земных страстей.

Ли Цин спустился вниз на много тысяч чжанов и, наконец, почувствовал, что корзина остановилась. Он выбрался из нее и огляделся в надежде обнаружить какие-нибудь следы бессмертных. Но кругом царил темнота, не видно ни верха, ни низа — хоть глаз выколи. А земля сырая и вязкая. Ноги скользили. Ли Цин сделал шаг-другой, поскользнулся и упал. С трудом поднявшись, старик сделал еще один шаг и снова грохнулся оземь. Он упал еще раз или два и потерял сознание. Тем временем наверху стало темнеть. Родственники, ожидавшие Ли Цина, потеряли надежду на его возвращение. Веревка больше не дергалась, колокольцы молчали.

— Старик не иначе попал в беду. Видно, окутал его смрадный и волглый туман,— предположил кто-то.

Несколько человек принялись крутить ручку ворота, пока не появилась корзина. Но она оказалась пустой: Ли Цин исчез. Родственников охватило беспокойство. Они снова спустили корзину вниз и, немного подождав, вновь подняли, но, как и в первый раз, она была пуста. В толпе послышались вздохи, но кое-где раздались и смешки. Посторонние люди, шумно обсуждая событие, стали расходиться, а родственники все еще стояли возле провала. Некоторые вытирали слезы, другие — горько сетовали.

— Мы уговаривали, всячески останавливали его, а он не послушал, сделал по-своему, полез-таки вниз! — сказал один, и в его голосе проскользнули потки обиды. — Семьдесят лет прожил на свете и умереть бы ему по-человечески, чтобы мы прах хотя бы захоронили. А сейчас как быть? Ничего от него не осталось!

Послышались причитания, кто-то всхлипнул. Один из родственников, видно, человек рассудительный, заметил:

— Рождение и смерть — великие события в человеческой жизни, и определены они Небом. Сегодняшний день рождения Ли Цина, наверное, означал конец его жизни. Он все равно бы умер, даже если б остался дома, поэтому не следует понапрасну себя терзать. К тому же он сам так захотел, хотя знал, что ему грозит смертельная опасность... Действительно, от него ничего не осталось, только кое-что из одежды. Вот что я думаю. Сегодня мы разойдемся по домам, потому как все равно уже поздно, а завтра утром надо позвать сведущих даосов. Пусть придут на гору и поκληчат душу Ли Цина. А одежду его мы захороним — так поступали и в древности. Я слышал историю про государя Сюань Юаня⁷, который, постигнув Великий Путь, вознесся на Небо возле Динху — Озера Треножника. Меч и сапоги, которые он оставил после себя, положили в гроб и захоронили возле Моста-Горы. Кто знает, быть может, и наш Ли Цин сделался бессмертным и ему следует сделать такую же могилу? А если так, к чему напрасно убиваться и заглядывать со страхом в отверстие провала? Кому пужны все эти причитания?

Родственники, согласившись с этими словами, вы-

терли слезы и разошлись по домам с тем, чтобы утром снова подняться на вершину горы. Собравшись, они воззвали к душе почтенного Ли, после чего устроили церемонию положения во гроб, а когда исполнилось семь седьмин, колоду предали земле. Но об этом можно и не рассказывать.

А сейчас мы вернемся к Ли Цину, который, как нам известно, упав, потерял сознание. Через какое-то время, придя в себя, он осторожно ощупал место, куда попал, и скоро обнаружил, что находится в каменной яме всего в один чжан шириной. Под ногами была все та же вязкая осклизлая глина, поэтому он мог двигаться с большим трудом. Ничего необычного старик пока не почувствовал. У него мелькнула мысль снова забраться в корзину. Стоит дернуть за веревку с колокольцами — его тут же вытащат наверх. Протянул руку в одну и другую сторону — люлька исчезла. Ли Цин крикнул, но звук его голоса словно замер в каменном мешке. Вот уж действительно: когда пришел — была дорога, а как уходить — не видно даже ворот. Что делать? У старика подогнулись колени, и он повалился на землю.

Прошло несколько дней, и он понял, что, если ничего не предпринять, можно умереть с голоду. Он вспомнил, что в древние времена, чтобы утолить голод и спастись от смерти, кто-то ел снег и войлок. Однако в яме нет ни того, ни другого, только скользкая глина. Задумавшись, он взял горсть вязкой земли и, отправив в рот, проглотил. О чудо! Глина оказалась съедобной и приятной на вкус. Она утоляла голод и жажду. Мог ли он знать, что в подобных пещерах — обиталищах бессмертных раз в три тысячи лет разверзается дно и оттуда выползает «синяя глина», которую небожители употребляют в пищу? Ли Цин, съев несколько горстей, почувствовал прилив сил и необычную бодрость. И тут он снова принялся шарить вокруг, и его рука нащупала в стене щель не больше двух чи⁸ высотой. «Какой прок здесь сидеть? — подумал он. — Глядишь, еще появятся ядовитые змеи или прочая нечисть. Жизнь моя все равно на пределе. Что мне терять? Попробую втиснуться в этот проход. Интересно, что впереди?»

И так получилось, что на этой мрачной и страшной дороге старец, презревший смерть, увидел новый мир и с жизнью столкнулся иной. Вот послушайте:

По воле Яньвана, властителя ада⁹,
смерти избежал старик.

Из страшной пропасти путь отыскал
и в иные миры проник.

Ли Цин, пренебрегая смертельной опасностью, проник в каменный лаз. Он прополз шесть или семь ли и вдруг почувствовал, что проход будто бы расширился. Правда, стоять было невозможно, но зато он уже мог передвигаться на четвереньках. Старик прополз еще около двадцати ли. Устав, он тут же валился и засыпал, а проголодавшись, съедал несколько горстей глины и полз дальше. Ли Цин потерял счет времени и не знал, когда день, а когда ночь. Вдруг впереди что-то блеснуло — будто мигнула звездочка. «Неужели выход?» — обрадовался старик. Сунув в рот горсть глины, чтобы подкрепиться и взбодрить дух, он пополз на свет. Наконец, он достиг выхода из лаза и выглянул — перед ним раскинулся прекрасный мир: темнели горы, синела гладь вод. Ли Цин поднялся на ноги и с облегчением потянулся. Поправив одежду и стряхнув грязь с туфель, он сделал поклон и, обратившись лицом к небесам, воскликнул:

— Хвала тебе, о Небо, что ты помогло мне избавиться от беды! — проговорил он.

Ли Цин увидел широкую дорогу, по которой он прошел около пятнадцати ли, пока не почувствовал голод. Дорога была безлюдной — он не встретил ни одного человека, у кого можно было купить чего-нибудь поесть. Впрочем, Ли Цин все равно не мог бы заплатить, так как в кошеле у него не было ни единой монеты. Старик пожалел, что не захватил с собой хоть несколько горстей чудесной глины. Последние силы покидали его, и тут он заметил сбоку от дороги ручей, в котором журчала бирюзово-синяя вода. По берегам росли кусты хризантем. Старик не знал, что это место на языке небожителей зовется Родником Хризантем, и не предполагал, что вода обладает чудесными свойствами — устраняет недуги и продлевает жизнь. Ли Цин поднес ко рту пригоршню воды. Несколько глотков чудесной

влаги подкрепили его душевные силы, он почувствовал необыкновенную бодрость, во всех его членах появилась удивительная легкость. Старик прошел еще около десяти ли и вдруг за верхушками деревьев увидел крыши зданий, крытых черепицей, сиявшей позолотой и бирюзой. Куда он попал, он не знал. Он бросился вперед, и тут перед ним выросли кроваво-красные ворота, по обе стороны от которых возвышалось сооружение из белого нефрита. Оно состояло из девяти ярусов, каждый больше чжана высотой. Ступеней не было, и он стал карабкаться вверх, цепляясь за лианы, рискуя сорваться вниз. Ворота оказались на запоре. Ли Цин решил, набравшись терпения, ожидать. Ждал он долго, как в поговорке: пока один будда не появится на свет, а второй не вознесется к небесам. Наконец ворота открылись, и в них показался отрок в синей одежде ¹⁰.

— Ли Цин, почему ты здесь?

Старик распростерся ниц в почтительном поклоне.

— Меня и впрямь зовут Ли Цином, — сказал он. — Я — владелец красильной лавки в Цинчжоу. Ничтожный рискнул отвергнуть бренный мир и проникнуть в чертоги бессмертных. Умоляю сделать меня своим учеником!

— Оставить тебя здесь — не в моей власти, — улыбнулся отрок. — Я провожу тебя к нашему владыке. Попроси его сам!

Отрок в синем удалился, но скоро вернулся опять и предложил гостю следовать за ним. Они оказались возле высокого здания из нефрита, расписанного затейливым узором. Перед ним был поистине небесный чертог. Это место можно описать такими словами:

Вспыхнул под солнцем
пурпур стропил.
Черепицу паверший
восход озарил.

Прекрасный дворец с глазурною крышей
гордо возносится ввысь.
Покрытые белым нефритом террасы
к голубым небесам поднялись.

Из пластин черепаховых венцы
украшают резные врата.
Кораллы вправлены в роспись колонн —
причудливы их цвета.

Карнизы яшмовых башен,
перламутровых теремов,
Круто вверх изгибаясь,
касаются облаков.

В нефритовых чертогах
драгоценный покой
Расписан так, словно стены
окутал туман голубой.

Повороты перил оттеняет искусно
многоцветных агатов кайма.
На бамбуковых занавесках —
жемчужная бахрома.

Пары спящих луаней¹¹ и журавлей
в вышине небесной кружат.
Цилинь киноварный¹² и белый олень¹³
обходят таинственный сад.

На укромных полянах раскрыли бутоны
удивительные цветы.
Из лесов доносится пение птиц
сказочной красоты.

В центре зала этого прекрасного дворца Ли Цин увидел владыку бессмертных. Его шляпа, в форме лотоса, была украшена пластинами из лазоревого нефрита, одежда из золотистых перьев в поясе подвязана желтым шнуром, на ногах — пурпурные туфли. В руке владыка держал жезл счастья жуи¹⁴ — знак того, что небожитель способен достигнуть восьми сторон света. По бокам от старейшины — к востоку и западу — восседали по четыре небожителя в разноцветных одеждах, обликом благородные и прекрасные. В зале клубились многоцветные облака — символы счастья, воздух был напоен нежнейшим ароматом. Плыли тихие звуки, и в то же время вокруг царило безмолвие. Все дышало торжественностью и неземным величием.

Ли Цин, подавшись вперед, сделал глубокий поклон. Он раскрыл было рот, собираясь рассказать о том, как, презрев опасность, решил отправиться к бессмертным, но владыка небожителей его опередил:

— Ли Цин! Как ты посмел явиться сюда? Тебе не должно было приходиться, ибо места твоего здесь еще нет. Уходи прочь, да поживей!

На глазах Ли Цина навернулись слезы.

— Всю жизнь я с благоговением относился к учению

о Дао-Пути, но ни разу мне не доводилось увидеть его чудодейственную силу. Нынче мне посчастливилось попасть в чертог небожителей, довелось лицезреть тебя, о старейшина всех бессмертных! Так неужели мне впустую возвращаться обратно? Мне уже семьдесят лет. Осталось жить совсем немного, и вряд ли еще раз доведется побывать в здешних местах. Нет! Пускай я умру у ступеней твоего чертога, но назад ни за что не вернусь!

Бессмертный неодобрительно покачал головой. В это время кто-то из подчиненных, стоявших рядом, проговорил:

— Верно, Ли Цин не должен был появляться здесь. Но он честный и справедливый человек, а посему достоин не только жалости, но и уважения. Если позволить ему остаться, люди увидят, что путь в бессмертие доступен каждому. А ведь по нашему учению главная заповедь Врат Закона — спасение людей. В этом и состоит наивысшая добродетель. Думается, что Ли Цина все же можно оставить в учениках, но, если обнаружится, что он не способен воспринять нашу мудрость, мы его отправим восвояси. Сделать это никогда не поздно.

— Так и быть! Пусть остается! — старейшина кивнул в знак согласия. — Отведите ему место в западной пристройке!

Ли Цин поспешил поклониться, выражая свою благодарность.

«Вряд ли я мог стать учеником бессмертных, если бы не был отмечен знаком Пути», — подумал он. Но по дороге к своему дому у него возникли сомнения: «Я обещал родичам вернуться и рассказать о встрече с небожителями, а сейчас сам упрашивал владыку оставить меня здесь! Кто-то из его подчиненных даже заступился за меня, и тот разрешил остаться. Как-то неудобно теперь снова просить о возвращении. Что делать? Не ровен час, еще обижу кого из них, и для меня это может плохо обернуться. Ведь я как-никак простой смертный и пока еще не очистился от мирской пыли! Видно, придется какое-то время посидеть здесь и смирить свою душу, погружившись в созерцание. А там будет видно!» Ли Цин вошел в дом и собрался было предаться созерцанию, как вдруг в двери появился старец.

— К нам пожаловал наставник Дин из Обители Сияния Зари, что на горе Пэнлай¹⁵. Богиня Запада Сиван-

му¹⁶ устраивает в честь него пир возле Нефритового пруда. Она просит всех небожителей пожаловать к ней.

Возле дворца ровными рядами стояли неизвестно откуда появившиеся экипажи и кареты, запряженные журавлями и луанями. В дверях дворца показался владыка небожителей в сопровождении восьми помощников. Ли Цин стоял возле жертвенной площадки, среди отроков в темной одежде. Взгляд владыки остановился на Ли Цине.

— Ты можешь здесь любоваться окрестными горами и водами. Только хорошенько запомни — не открывай вон то окно, что выходит на север!

Владыка и его свита взошли в экипажи, запряженные птицами, и взлетели в поднебесье. Их сразу же окутали облака, озаренные чудесным светом, откуда-то слышались звуки флейт и свирелей. Но об этом мы подробно рассказывать не будем.

Ли Цин, облокотясь на подоконник, любовался дивным видом, раскинувшимся перед ним. Среди диковинных трав и прекрасных цветов, которые, казалось, сверкали красками вечной весны, он видел странных птиц и чудных животных. Отовсюду до него доносился нескончаемый поток таинственных звуков. Ли Цин долго смотрел в одну сторону, потом он выглянул в другое и третье окно, и, наконец, его взор упал на северное окно. «Если такое великолепие с трех сторон, то уж в северной стороне творятся не такие чудеса! — подумал он. — Интересно, почему мне не дозволено открывать этого окна? Рискну! Владыка сейчас где-то далеко на пиру, а когда вернется — неизвестно. Осторожно приоткрою и загляну одним глазком. Авошь бессмертные не догадаются!» Он приблизился к северному окошку и легонько толкнул его рукой. Окно оказалось незапертым и тотчас отворилось. Ли Цин выглянул и остолбенел от изумления. Чудеса! Перед ним лежал его родной город Цинчжоу. На улицах сновали люди, он их видел вполне отчетливо. Вдруг он заметил свой большой дом, почему-то, однако, пришедший в полную ветхость. Ближние строения, в которых жили его родственники, тоже пришли в негодность. Из груди старика вырвался стон.

— В чем дело? Почему все так переменялось? Ведь я отсутствовал всего несколько дней... Как в по-

говорке: «хозяина нет, дом вот-вот рухнет»... Если бы знать, что все так получится, ни за что бы не пошел сюда! Подумать надо, до какого состояния довели наш род нерадивые потомки!

Его неудержимо потянуло домой, и он тяжело вздохнул.

— Ли Цин! Ли Цин! — вдруг раздался голос владыки небожителей.

Старик торопливо захлопнул окно и поспешил на зов.

— Я приказал тебе не открывать окна и не заглядывать в него, будто таты! — небожитель был вне себя от гнева. — Как ты посмел нарушить мой запрет? Да еще стенаешь и оглашаешь воздух вздохами! Не иначе подумываешь вернуться! Я с самого начала не хотел тебя оставлять, потому что знал, что твое сердце еще не оторвалось от мирской пыли. А посему уходи! Не окверняй обитель бессмертных!

Что мог ответить Ли Цин? Он лишь склонился в низком поклоне и попросил прощения, а потом с мольбой промолвил:

— Мне пришлось перенести множество невзгод, чтобы попасть сюда. Я даже рисковал жизнью. Сейчас у меня уже нет сил выбраться прежним путем — ведь надо проползти больше тридцати ли по узкому лазу. К тому же корзины, в которой я спустился, тоже нет, ее давно подняли наверх.

— Не тревожься! — улыбнулся бессмертный. — Есть другой путь. — Тебя проводят!

Успокоившись, Ли Цин низко поклонился старейшине и, поблагодарив его, направился к двери. В этот момент один из приближенных, сидевших в восточной стороне, что-то шепнул владыке на ухо.

— Вернись! — послышался приказ.

«Может быть, снова за меня кто-то заступился и посоветовал владыке оставить здесь?» — обрадовался Ли. Он поспешно вернулся на место и опустился на колени.

Интересно, зачем владыка позвал Ли Цина? Что сказал он ему?..

— Я отсылаю тебя обратно, — проговорил старейшина небожителей, — но ведь ты не сможешь там жить. У тебя нет никаких средств к существованию! Взгляни!

Вон там, на полках, лежит множество книг. Выбери одну, где говорится о том, как искать средства к жизни. Почитай ее, и тебе сразу все станет ясно.

«Забавно! Оказывается, небожителям известно только то, что у них под носом, а вот о том, что делается в Цинчжоу, они и не догадываются,— подумал Ли Цин.— Владыке невдомек, что у меня дома десятки тысяч монет, да моя родня надарила мне всяких ценностей на тысячи лянов серебра. Он же толкует, что мне не на что будет жить! Можно подумать, что-то изменилось за эти два дня!»

Отказываться было неудобно, и Ли Цин, подойдя к полке, взял самую тощую книжку.

— Отыскал? — спросил старейшина.

— Отыскал! — ответил Ли с поклоном.

— Коли так, иди!

Ли Цин снова пошел к двери. В этот момент второй небожитель, сидевший у западной стороны, склонился к владыке и что-то шепнул. Старец кивнул.

— Ли Цин! Вернись!

«Вот уж сейчас непременно оставят!» — решил он. И снова ошибся.

— Дорога длинная, и тебе придется идти довольно долго! — сказал владыка.— Закуси здесь, потому что дома ты ничего не найдешь из съестного!

К старьку подошел отрок и протянул ему два камешка величиной с гусиное яйцо, которые старик принял за клубни. Ароматные и сладкие, эти камни к тому же были мягкими и нежными, они оказались гораздо вкуснее темной глины, которую Ли Цин жевал в пропасти Заоблачных Врат. Старик поблагодарил низким поклоном.

— Ли Цин! — сказал владыка.— Ты сейчас уйдешь, а вернешься обратно через семьдесят лет. Помни, что жизнь многих отроков в Цинчжоу находится в твоих руках. Поэтому веди себя достойно и не замарай себя низким поступком. А теперь хорошенько запомни одно заклятие: «Взирая на камни, иди. Вещей дщице внемли. Подле злата живи. Пэй придет — уходи!»

Ли Цин, склонившись в поклоне, внимал заклятию, но ничего из него не понял. Владыка приказал отроку, который когда-то привел старика во дворец бессмертия, проводить его обратно в мир людей. Ли Цин гадал, ка-

кой дорогой они пойдут: «Хотя, может быть, веревки в тысячу чжанов не понадобятся, но все равно обратный путь будет очень трудным». Все оказалось не так, отрок повел Ли Цина совсем другим путем. Они обошли стороной широкий двор, сделали поворот и направились к высокому холму позади чертогов. На холме Ли Цин увидел много людей, которые добывали белый камень.

— К чему бессмертным камень? — спросил он у провожатого.

— Это — белый нефрит, из которого делают кресла для патриархов-наставников. Сейчас работники добывают камень для сидения десятого патриарха.

— А как зовут его? — поинтересовался Ли Цин.

— Мы слышали лишь, что есть такой, а кто он — нам неизвестно. Но даже если бы знал, я бы ничего не сказал, ибо мне не дозволено разглашать тайны небес. Иначе мне не поздоровится!

Так, беседуя, они прошли около пятнадцати ли. По обеим сторонам широкой дороги, похожей на панцирь черепахи, росли могучие деревья, вершины которых уходили в самое небо. Пестрели диковинные цветы, зеленели травы. Трудно было оторвать взор от всей этой красоты. Пройдя около двух ли, они достигли подножия высокой горы. Дорога, сузившись, превратилась в тропу. Вдруг провожатый Ли Цина остановился и, протянув руку, сказал:

— Пройдешь около десяти ли и окажешься у северных ворот Цинчжоу.

— Как у северных? — удивился Ли Цин. — В прошлый раз я выходил из южных! Я прожил в Цинчжоу семьдесят лет, и никогда не слышал, что Гора Заоблачных Врат окружает город кольцом. Я подивился еще в тот раз, когда, распахнув северное окно, увидел стены нашего города. Скажи, какая все-таки главная дорога, а какая окольная? По какой лучше идти сюда, если мне снова захочется повидать вашего владыку? Скорее всего я пойду по сегодняшней, по крайней мере не придется тратить на веревку!

Не успел он сомкнуть уста, как вдруг налетел страшный вихрь, и, откуда ни возьмись, появился тигр, который бросился на старика.

— Беда! — в ужасе закричал несчастный старец и упал недвижимый. Как говорят:

Только в чертоги бессмертных сумел
наконец проникнуть старик,
Как вдруг перед ним неизвестно откуда
тигр свирепый возник.

Рассказчик! Хочу узнать у тебя! Из древних сказаний известно, что темная глина и белый камень — пища бессмертных. Простому смертному найти ее очень трудно, но если уж кому суждено их отведать, то ни одна хворь к нему не пристанет, ни один зверь не нападет, а нечистая сила обойдет стороной. А ведь Ли Цину дважды удалось наесться этой чудесной пищи, к тому ж ему довелось пожить в чертогах бессмертных. Правда, как оказалось, душа его не была готова для постижения Дао-Пути, отчего его и отослали обратно. Но все же ему разрешили семьдесят лет спустя снова вернуться в обитель бессмертных. Значит, Ли Цин бессмертный, не так ли? Почему же он попал в пасть свирепого тигра?

Почтенные! Не торопитесь! Подождите немного, я все сейчас объясню! Лютый зверь, что появился перед стариком, был не простым тигром, который пожирает людей, но зверем священным. Он сторожил горы, окружавшие мир бессмертных, и врата на дороге. Отрок, провожавший Ли Цина, нарочно выпустил зверя, чтобы тот напугал старика. Ли Цин остался цел и невредим, но только он сразу же напрочь забыл дорогу, по которой шел. Трудно сказать, сколько пролежал Ли Цин без сознания, но, наконец, пришел в себя.

— Спасите! Спасите! — крикнул он слабым голосом и, с трудом приподнявшись, огляделся. Тигр исчез. Не было и отрока в темной одежде.

— Беда! Не иначе зверь его сожрал! Какая жалость! — пробормотал старик, пытаясь подняться на ноги. Но тут же он усомнился в своем предположении: «Отрок прислуживает бессмертным, значит, в нем тоже есть частица бессмертия. Вздор, тигр не мог его съесть! Просто он не хотел провожать меня до дома и вернулся назад с полпути!» Ли Цин поднялся на ноги и поправил одежду. Охваченный сомнениями, он оглянулся назад и замер от неожиданности — перед ним стеною возвышалась огромная гора. Дорога назад пропала.

— Чудеса, да и только! — прошептал старик. Кричать громко он не решался, опасаясь, что снова появится тигр. Ли Цин припустился прочь от страшного ме-

ста. Через четыре или пять ли он увидел развилку — две дороги шли в разные стороны. Куда идти — неизвестно. Людей не видно, и спросить не у кого. Тем временем спустились сумерки. Что делать? Собыешься с пути — беда! Пока он судил да рядил, он вдруг заметил еще одну дорогу, выложенную крупным камнем. И вдруг в голове мелькнуло: «Владыка бессмертных в своем заклятии, кажется, сказал: „Взирая на камни, иди“. Значит, надо идти именно этим путем». И действительно, через четыре или пять ли старик оказался возле северных ворот Цинчжоу. Он вошел в город и пошел по улице. Как будто она была знакома, и в то же время дома не походила на прежние. Непонятно! Он хотел было спросить у прохожих, но не увидел ни одного знакомого лица. Мало-помалу совсем стемнело, и старик заспешил к своему дому. Подошел и удивился: дом неузнаваемо изменился — над воротами появилась высокая башня, от которой в обе стороны шла стена. Новая пристройка придавала дому солидность.

— Уж не пришел ли я в чужой город? — пробормотал Ли Цин и внимательно осмотрелся. — Нет, вон наш ямынь, значит, и дом тоже мой. Наверное, его перестроили. Чудеса! Ведь я ушел несколько дней назад — можно по пальцам сосчитать. Сначала просидел в пропасти — правда, не знаю, сколько времени. Потом полз по каменному лазу, потом вышел наружу... и вот еще сегодняшней день... Времени прошло совсем немного, а сколько чудес!.. А может быть, власти, узнав, что я пропал, взяли мой дом под управу? Выходит, решили самолично, не спросив хозяина! Жаль, что сейчас уже поздно. Ну да подам жалобу завтра. Если они действительно отобрали мой дом, пусть хотя бы заплатят!

Ли Цин пошел к ближайшему постоялому двору. Стал было договариваться о ночлеге, но в карманах не оказалось ни одного медяка. Пришлось заложить кое-что из одежды. Ему удалось получить связку монет. Есть не хотелось, он заказал вина, выпил и отправился спать. Но разве уснешь, когда на сердце так беспокойно! Старик ворочался с боку на бок и тяжело вздыхал. В голову лезли разные мысли. «Зря я обиделся на владыку, когда он спросил, как я буду жить, вернувшись домой. Значит, правильно он дал мне книгу и посоветовал найти подходящее дело. Потом, помнится, еще ска-

зал, что мне нечего будет есть, и дал два камня. Выходит, он знал, что случится сегодня!» Ли Цин ощупал рукав халата и с радостью убедился, что книга цела. Однако читать он ее не стал.

Едва дождавшись рассвета, он расплатился за ночлег и пошел бродить по улицам города. Как ни странно, он не встретил никого из родственников, не увидел ни одной из своих красилен. Старик осторожно спросил у прохожих, знают ли они Ли Цина, но те только качали головами и отвечали в один голос:

— Никакого Ли Цина не знаем! Никогда не слышали, чтобы кто-нибудь спускался в пропасть Заоблачных Врат!

Наступил вечер, и пришлось возвращаться на постоянный двор. На следующий день он пошел бродить по узким переулкам, но и там не встретил знакомых. На все вопросы он получал прежний ответ. Старик растерялся. «В тот день, когда я заглянул в окошко, мне показалось что-то необычное — город будто весь перестроен, не похож на старый Цинчжоу. А сейчас здесь ни одного знакомого лица. Странно!.. Впрочем, в Поднебесной есть одна лишь Гора Заоблачных Врат, а не две. Пойду-ка я за южные ворота и взгляну хорошенько на нашу гору. Если она все та же, значит и город — Цинчжоу. Тогда я снова спрошу, вновь разузнаю, может, выясню что-нибудь!» Приняв такое решение, он быстро вышел за южные ворота и направился в гору. Ближе к вершине он заметил беседку. «Дорога несомненно та же и ведет к Заоблачным Вратам, — подумал Ли Цин. — Но откуда беседка? Подойду-ка поближе, взгляну на нее!» Он прочитал вывеску: «Беседка Сгнивших Веревочек. Построена в четвертый год эры Изначального Правления».

— Получается, как в старом сказании! — воскликнул старик. — Когда-то один дровосек встретил двух небожителей, которые играли в шахматы. Он посмотрел всего лишь одну партию, а за это время прошло много-много лет. Сгнила даже рукоятка от его топора. С тех пор и рассказывают предание о сгнившем топорике¹⁷. Не иначе беседку воздвигли мои родственники. Проводив меня к бессмертным, они, наверное, бросили веревки возле пропасти, и те, конечно же, сгнили. Оттуда и получилось название «Беседка Сгнивших Веревочек». На-

верное, об этом событии сейчас рассказывают целые истории. А как же с годами? Там написано: «..построена в четвертый год эры Изначального Правления». Но сейчас совсем другой год. Что это они все перепутали? Поднимусь-ка я выше!

Возле края пропасти он заметил каменную стелу с надписью: «Место, где вызывали душу Ли Цина». Старика даже передернуло: «Как это так? Я жив-здоров, умирать пока не собираюсь, а они — на́ тебе — душу мою вызывают!» И вдруг он догадался: «Точно! Точно! Когда я остался в пропасти, они вытащили пустую корзину и решили, что я погиб. Вот и стали вызывать мою душу!»

Он пошел обратно, обдумывая случившееся: «Может, я и впрямь умер, и сейчас здесь бродит моя душа?» Мысли старика вконец перепутались. «Но если родичи вызывали мою душу, стало быть, на родовом кладбище существует место моего захоронения! Они напутали в надписи на беседке, но на могиле они не могли ошибиться — надписи там никогда не меняются. Пойду на родовое кладбище. Возможно, там я найду ответ!»

Он спустился вниз и повернул к восточным воротам. Еще издали он увидел кладбище, над которым нависала гора, словно дракон, спустившийся с небес. Ли Цин подумал: «В „Книге Захоронений“¹⁸ говорится: „Если гора похожа на парящего феникса или свернувшегося дракона, значит, через тысячу лет здесь появится небожитель“. Странно, что при таком расположении гор только я один встретил бессмертных. Да и меня прогнали прочь! Так и не удалось мне вознестись на небо! Правда, возможно, расположение гор¹⁹ относится совсем не ко мне, а к кому-то другому?» Старик подошел к могилам предков и отвесил два низких поклона. Возле могильных холмов валялись срубленные сосны и белоствольные тополя в несколько обхватов толщиной. Многие плиты на могилах были повалены и отброшены в сторону или просто разбиты. Вид запустения поверг Ли Цина в уныние.

— Неужели все мои родственники умерли? И сейчас больше некому ухаживать за могилами? — вздохнул он.

Тут он заметил, что одна из плит стоит как будто прямо, и на ней видны какие-то знаки. «Могла праведного мужа Ли Цина», — прочитал старик.

— Наверняка захоронили мою одежду, а могила пустая! — пробормотал старик. — Ну, а плита? Она вся заросла мхом и изъедена временем, пришла в полную ветхость... Нет, ее поставили не в четвертый год Изначального Правления... Значит, я умер уже очень давно. А сегодня здесь блуждаю вовсе не я, а бродит моя душа. Пока я был в ином мире, все мои родственники, видно, умерли, иначе я встретил хотя бы одного.

И снова думы и сомнения охватили старого Ли Цина: «Будто мне снится сон среди бела дня. В самом деле, жив я или мертв? Кто мне ответит? У кого спросить?»

Вдруг в отдалении он услышал постукивание рыбьего барабанчика и треск колотушек²⁰. Он пошел на звуки и скоро увидел слепца, сидящего возле Храма Восточного Хребта.

Слепец что-то рассказывал, а потом стал просить подаяния. «Вот, кажется, и вторая фраза заклития, что сказал мне владыка бессмертных: „Вещей дщце внемли“, — подумал Ли Цин. — Спрошу-ка я у слепца, что он мне скажет. Надо только подождать, пока все разойдутся!»

В плошке у слепца лежало всего десяток медяков — на большее слушатели не расщедрились. Кто-то из толпы сказал:

— Учитель! Пора пачинать, а мы пока соберем еще помпого денег!

— Так не пойдет, — возразил слепец. — Я ведь незрячий. Кончу петь, а вы все разбежитесь! Где потом вас разыскивать?

— Ерунду городишь! — крикнули из толпы. — Кто тебя станет обманывать, ты же увечный!

Слепец, поверив, ударил по барабанчику и застучал деревянными дощечками. Его история начиналась стихами:

Проходит жара, настают холода —
весен и осепей череда.
Солнце закатное скрылось за мост,
на восток струится вода.

Где же теперь полководцы-герои,
где гордые их скакуны?
Цветущими травами все поросло,
грустью поля полны.

Прочитав эти строки, слепец приступил к истории, которую часто исполняли даосы-сказители. Ли Цин знал и любил этот рассказ о Чжуанцзы, который скорбел над черепом²¹. Протиснувшись вперед, он, склонив голову, внимательно слушал. Слепец продолжал рассказ, перемежая слова пением. Он прочитал ровно половину истории и дошел до того места, когда череп оброс мясом и кожей, вдруг ожил и покатился по земле. Толпа внимательно слушала. Кто-то хихикнул, кто-то охнул. Вдруг стук барабачика и колотушек прекратился. Слепец оборвал свой рассказ, чтобы собрать деньги, как это обычно бывало у сказителей.

Все слушали слепца, затаив дыхание, но когда дошло дело до денег, зрители, смущенно переглядываясь, срыгали руки за спину. Ссылаясь на то, что не захватили с собой денег, они, бросив несколько малозначащих слов, стали расходиться. В плошке оказалось лишь пять медяков. Слепой сказитель, возмущенный несправедливостью, разразился бранью. Какой-то парень, любитель скандалов, ему ответил. Слово за слово, и началась перепалка. Никто не хотел уступать, и дело кончилось потасовкой, во время которой медяки, что успел собрать слепец, раскатились по земле. Пошумев и посудачив, народ разошелся, но несколько человек подзуживали спорщиков продолжать драку. Скоро ушли и они.

Слепец остался один.

Ли Цин, пожалев слепца, собрал рассыпавшиеся монеты и протянул их сказителю.

— Да, чувства людей оскудели, в мире ценят лишь деньги! — вздохнул Ли Цин.

— Кто вы? — спросил слепец, забирая выручку.

— Да вот хочу спросить кое о чем. Может быть, ты знаешь. Дам несколько десятков монет на выпивку, если ответишь, как надо.

— Что желаете узнать, почтенный?

— В свое время в Цинчжоу жили некие Ли — владельцы красилен. Ты знал их?

— Я и сам из этого рода. А кто вы? Как вас зовут?

— Меня кличут Ли Цином. В нынешнем году мне исполнилось семьдесят лет.

Слепец рассмеялся.

— Надуть хотите слепого! Может, думаете чем по-

живиться? Только я не дитя. К тому же я постарше вас — мне уже семьдесят шесть... Какой же вы Ли Цин? Так звали моего прадеда по дядюшкиной линии.

Слепец несомненно что-то знал, и Ли Цин решил подойти с другого конца.

— Нет, уважаемый, я вовсе не собираюсь тебя обманывать. Ведь в Поднебесной много ходит людей с одинаковой фамилией и именем... Я вот только хочу спросить: этот твой прадед, куда он делся?

— Долгая история... — задумался слепец. — Помнится, в четвертый год эры Изначального Правления Суйского государя Вэньди моему прадеду исполнилось семьдесят лет. В тот день решил он подняться на Гору Заоблачных Брат, а потом спуститься в провал, где будто бы живут какие-то бессмертные. Ему принесли много-много веревок, и он полез в пропасть. Вы, может, думаете, все это враки? Как бы не так! В общем, погиб он... Весь наш род опирался на этого Ли Цина и его богатства, а как он умер, дела пошли все хуже и хуже. А тут еще началась война, в которой погибли все родичи. Только я, горемыка, один в живых и остался. Нет у меня ни сынов, ни дочерей... Читаю свои сказы, этим и перебиваюсь.

«Значит, они решили, что я погиб!» — подумал Ли Цин и спросил:

— Отчего же так быстро род пришел в упадок, и к тому же все погибли, ведь с тех пор, как этот Ли Цин спустился в пропасть, прошло не больше года.

— Ай-я! Да вы, почтенный, никак грезите наяву! — вскричал слепец. — Нынче не четвертый год Изначального Правления. Ведь сейчас правит династия Тан. Нынче у нас пятый год эры Вечного Благоденствия²² государя нашего Гаоцзуна. Суйский Вэньди восседал на престоле двадцать четыре года, после чего передал его Янди, который находился на троне четырнадцать лет. Когда трон захватил Юйвэнь Хуацзи, в Поднебесной началась великая смута. Танскому Тайцзу удалось завоевать всю Поднебесную, но он уступил место монарха Гаоцзу, а тот сидел на троне девять лет, пока его не сменил Тайцзун, занимавший престол двадцать три года. Сейчас вот уже пять лет правит сын Тайцзуна. Таким образом, получается, что с четвертого года Изначального Правления по нынешний день прошло уже

семьдесят два года²³. Когда мой прадед, Ли Цин, покинул наш мир, мне было всего пять лет, а сейчас — семьдесят шесть! А вы говорите: быстро!

— Я слышал, что в роду Ли было пять или шесть тысяч человек. Как же случилось, что за семьдесят лет никого не осталось, кроме тебя?

— Разве вы ничего не знаете?.. А получилось все из-за того, что в нашем роду люди были толковые и умели добывать деньги, как говорится, голыми руками. Так вот. После смерти Суйского Янди начался мятеж Ван Шичуна²⁴. Однажды он появился у нас в Цинчжоу. Мужчины из нашего рода были все как на подбор — ладные да крепкие, он и забрал их в солдаты. Ван Шичуну, как известно, сильно не повезло — в нескольких сражениях он потерпел поражение и погубил всю свою армию. Вот так. Я бы тоже не выжил, если бы не был увечным.

Только сейчас понял Ли Цин, что произошло. Все разом прояснилось — словно он протрезвел от хмельного дурмана. Сунув слепцу все свои деньги — монет тридцать или сорок — и не сказав больше ни слова, он повернулся и зашагал в город. Ему на ум пришел один древний стих: «В горах побывал всего лишь семь дней, а в мире тысяча лет пронеслась».

«Именно так и случилось, — подумал старый Ли, — я спустился в пропасть в четвертый год эры Изначального Правления и через несколько дней вернулся обратно, а оказалось, что за это время прошло ровно семьдесят два года, и сейчас уже пятый год эры Вечного Благодеяния танского государя Гаоцзуна. Почти мгновенно пролетела целая жизнь. Если бы я провел у небожителей еще немного времени, возможно, и вовсе бы не увидел моего Цинчжоу... Все родственники умерли, а в моем большом доме живут чужие люди. Ничего не сделаешь! Вот только плохо — остался я без единого медяка, а занять не у кого — никого не знаю. Как же дальше жить? Не иначе ноги придется протянуть... Впрочем, владыка бессмертных сказал, что я вернусь в их обитель!» Ли Цин тяжело вздохнул. Немного поразмыслив, он решил не мечтать более о возвращении к небожителям. «Старый чурбан! Хотел сделаться бессмертным! Думай лучше, как прокормиться... Вспомнил! Перед расставанием владыка дал мне книгу... — Ли Цин пощупал ру-

кав.— Загляну-ка в псе, может быть, отыщу в ней подходящую профессию».

Вы спросите, что за книгу дал почтенному Ли Цину владыка бессмертных? Это был лечебный трактат с рецептами, в котором говорилось о том, как исцелять людей от недугов. Старику припомнились слова владыки: «Он мне сказал, что через семьдесят с небольшим лет я снова вернусь к ним. Наверное, все эти годы мне придется провести среди людей. Конечно, я хлебну горя, но вряд ли это будет хуже, чем на дне пропасти у Заоблачных Врат. И все же, что мне делать? Я уже стар, да и ничего не смыслу во врачевании. Как я буду лечить людей? Это же бессовестно! Да и денег нет, чтобы начать новое дело, ведь для этого надо закупить кучу всяких лекарств... А что, если пойти посоветоваться со сведущим лекарем? Может, что и получится!»

Он прошел несколько сот шагов и вдруг заметил белую вывеску: «Наша лавка, основанная благодаря нашим предкам, продает настои и свежие лекарственные травы из провинций Сычуань и Гуандун». Ли Цин обрадовался: «Ну вот, кажется, нашлась разгадка третьей фразы заклития: „Подле злата живи“. Наверняка здесь есть человек с фамилией Цзинь²⁵... Да, недаром говорят, что бессмертным все известно, им и гадать не приходится. Действительно, что бы они ни сказали, всему надо верить».

Возле аптечной лавки он увидел молодого человека лет двадцати. Юношу звали Цзинь Далан, или Цзинь Старший. Ли Цин поспешил поклониться.

— Простите за беспокойство, лекарства в вашей лавке продаются за наличные деньги или можно купить в кредит?

— Обычным покупателям, что к нам приходят за снадобьями, мы продаем за наличные. А для тех, кто держит свое заведение, открываем счет. В конце месяца или сезона с ними производится расчет. У нас это называется «полу-в-долг-полуналичными».

— Я детский врач,— схитрил Ли Цин.— Все время ходил по деревням с сумой за плечами, а сейчас вот состарился и решил открыть свое заведение, чтобы лечить на одном месте. Я мог бы стать вашим клиентом. Вот только не знаю, есть ли здесь дом, который сдается в аренду?

— Разве вы не заметили соседского дома—на воротах висит объявление о сдаче? Правда, домишко до крайности тесный. Боюсь, вам там будет не слишком удобно.

— Одному мне вполне хватит, ведь у меня нет малых детей! Понятно, придется сделать вывеску да привести в порядок помещение: поставить лари для лекарств, приобрести нужный инструмент — ножи и прочее. Тогда можно будет начать дело. Скажите, а где все это можно достать? Вы не продадите в кредит?

— В моей лавке есть все, что вам нужно, и даже гораздо больше. Могу дать и в долг, а когда ваши дела пойдут на лад, рассчитаемся. Расплатитесь заодно и за лекарства. Оба не останемся в накладе.

Так, благодаря помощи Старшего Цзиня Ли Цин поселился в доме подле аптекарской лавки. Невольно ему пришли на ум стихи, которые он прочитал своим родственникам перед тем, как идти на Гору Заоблачных Врат: «Над монахом, что с чайником ищет Дао, сам я смеялся всегда. Но чайник таинств на шумном торжище увидеть — горше стократ!»

Ли Цин подумал: «Никогда не предполагал, что придется заняться врачеванием. Правда, не все еще получается, как говорится в этих строках».

И тогда над воротами лавки он водрузил небольшую поперечную вывеску с тремя иероглифами: «Заведение подвешенного чайника», а рядом — большую продольную таблицу с десятью словами: «Лекарь Ли лечит всевозможные детские болезни, сомнительные и тяжелые». В лавке появились разные врачебные инструменты и другие необходимые вещи, и лавка сразу же стала походять на заведение настоящего медика. Как говорят в подобных случаях: придали Будде облик Будды.

Как раз в этот год в Цинчжоу появился страшный недуг под названием «детская хворь». Заразная болезнь не щадила ни богатых, ни бедных. Умирили все, кого она только касалась. Детских врачей в городе было мало, к больным детям приглашали и врачей Божьих Колена²⁶. Но недуг был столь тяжел, что едва какой-нибудь лекарь, пусть даже самый знаменитый, давал больному свое зелье, как у того выкатывались глаза из орбит, и он тотчас испускал дух. А вот Ли Цин творил прямо чудеса. Он даже не ходил к больным, не щупал пульс²⁷. Достаточно было рассказать ему, как протекает

недуг и как выглядит больной. Он брал щепотку лекарства и давал одну порцию для больного. Было лекарство дорогое или дешевое, сильное или слабое, каждая порция стоила ровно сто монет. Некоторые требовали себе две порции, но Ли Цин им отвечал:

— Для исцеления вполне достаточно одной порции моего лекарства!

Люди не знали, верить старику или нет, но поскольку хворь у детей развивалась почти мгновенно, они спешили купить щепотку зелья. Вам, конечно, интересно узнать, как действовало чудесное зелье. А вот как. Стоило поднести его ко рту ребенка, и болезнь исчезала наполовину, а если дитя проглатывало всю порцию, оно выздоравливало. Случалось и так: купят лекарство, принесут домой, а ребенок уже и не дышит. Тогда порошок нужно было прожарить, а дым вдунуть в поздравленного, и тот сразу же оживал.

Слава о Ли Цине по прозвищу Ли Одна Щепоть пошла по всему городу. Трудно сказать, сколько детей излечил он и сколько денег заработал! Как и прежде, он жил один и расходовал на себя самую малость. Однако по возвращении его от бессмертных некоторые привычки его изменились. Рассчитавшись за дом и лекарства, Ли Цин перестал копить деньги и не собирал больше подарков, как раньше, когда его одаривали родственники ко дню рождения. Он тратил деньги широко и с размахом, отдавая тем, кто в них нуждался. Он действовал щедро и великодушно, проявляя высокую человечность.

Молва о старом лекаре распространялась. Его знали уже не только в Цинчжоу, но также в Ци и Лу²⁸. Многие лекари, прослышав о чудесах, которые творит Ли, стали обивать порог его дома в надежде поучиться у него. Они готовы были даже пойти к нему в ученики. Многие из них дивились, узнав, что Ли не читает медицинских книг, не ходит к больным, не проверяет их пульс. Вся его наука, казалось, состояла в том, что он давал больному щепоть какого-то зелья, на вкус довольно обычного. Некоторые говорили, что при одной болезни он дает разные лекарства, а другие утверждали, что ничего, мол, подобного, — он дает одно и то же снадобье при разных болезнях. Все сходилось, однако, на том, что стоит больному принять лекарство, и любую хворь

как рукой снимет. В чем тут дело, никто не понимал. Улучив момент, лекари осторожно расспрашивали старика, стараясь выведать секрет, на что Ли отвечал:

— Вас удивляет, что я даю лекарство, не щупая пульса. Ничего странного нет. В лечебном деле существует четыре главные заповеди: присмотришься к облику больного; прислушайся к его речи; узнай о ходе его болезни; прощупай пульс. Это называется у нас определить «дух», «звук», «деяние» и «жизнеспособность». Обратите внимание, что прощупывание пульса стоит на четвертом, и последнем месте. К тому же надобно знать, что лечение детей отличается от врачевания взрослых. У детей дух и кровь еще не созрели, поэтому их недуг не всегда можно определить прощупыванием пульса. Да, врачебное искусство таит в себе глубокий смысл. Но самое важное, чтобы у врача было чистое сердце и чуткие пальцы. Надобно глубоко вдуматься в существо недуга, а вовсе не полагаться на мертвые рецепты. И еще: читайте книгу «Большое обозрение кореньев и трав», которая, как известно, появилась у нас в Шаньдуне. Хорошо изучив ее, вы постигнете свойства разных лекарств, а следовательно, будете правильно их употреблять в своей практике. И еще не забудьте: прежде всего важно интересоваться погодой в течение года и представлять себе, как могут влиять на больного тепло или холод. Затем следует выяснить, из каких мест больной, какие горы и воды находятся вблизи его родины, так как сухость или избыток влаги также связаны с его недугом. В-третьих, надобно знать, что из себя представляет больной: богатый он или бедный. Если богатый, значит, он изнеженный и хрупкий. Если бедняк, значит, твердый и стойкий. В этом случае добавляйте одно зелье и сокращайте другое. Внимательно изучив болезнь, подумайте о лекарствах и хорошенько прикиньте, кому вы их даете: вельможе или вассалу, или какому мелкому чину. Ибо точно следует взвесить, кому должно прибавить, а кому убавить. Недуг и лекарства связаны тесно, и болезнь уходит бесследно, если лекарство выбрано точно. Еще в древности лекарства сравнивали с солдатами. Важно не то, что их много, а то, что они к месту. Помните Чжао Ко²⁹, который потерпел поражение потому, что читал много разных, но мало полезных книг. Хороший пример для всех нас!

Лекари, поблагодарив Ли Цина за наставления, ушли. И никто из них не знал, что у старика есть небольшая книжка, которую ему подарили бессмертные. А старик не собирался раскрывать свою тайну. Вот уж действительно:

Тяжким недугом страдает дитя —
поможет старик ему.

Но в волшебную книгу свою заглянуть
не позволит он никому.

С тех пор как Ли Цин начал свое врачевание в пятый год Вечного Благодеяния правления танского государя Гаоцзупа, незаметно пролетел год. После этого пробежали еще пять лет эры Правления Радости, три года эры Драконова Начинания, два года Добродетели Единорога, два года эры Знака Триграмм, два года эры Главных Установлений, четыре года эры Ровного Благополучия, два года эры Высшего Начала, три года эры Образцового Феникса, один год Спокойного Выявления, один год эры Вечного Торжества, один год Начала Сияния — всего двадцать семь лет. Наступил первый год эры Вечной Доброты³⁰. В этот год императорский двор направил во все провинции бумагу, в коей говорилось о том, что в связи с предстоящим путешествием государя на гору Тайшань³¹ властям предлагается возродить церемонию подношения духам, которую когда-то совершил ханьский государь Уди³².

Вы, конечно, захотите узнать, что это за церемония? Сейчас объясню. Как известно, в Поднебесной есть пять знаменитых гор, или Пять Хребтов, по среди них гора Тайшань обладает наибольшей чудодейственной силой. Говорят, что она соединяется с Небом, и потому здесь берут начало тучи и дождь. Издревле повелось, что высоко нравственные люди, почитающие Дао-Путь, желая установить в Поднебесной великий мир или, как говорится, сделать ветры спокойными, а дожди послушными, отправлялись на самую вершину для жертвоприношений в честь духа гор. Они вопрошали Небо и Землю и слагали хвалебный стих о достойных деяниях, слова которого вырезались на особой стеле. Поскольку иероглифы потом заполнялись золотой краской, стих назывался Золотым Посланием. Каменную стелу окружал павильон из белого нефрита, он назывался Нефритовым

Футляром. Императорский двор проводил эту церемонию весьма торжественно и пышно. Все знали, что слова торжественного стиха Владыке небес должны быть исполнены искренности и правды, иначе может ненароком подуть страшный ветер и разразиться буря. Ясно, что в этом случае церемонию уже не закончишь. Сей обычай возник вовсе не в годы правления ханьского Уди, он был известен еще до Великого Юя³³ и существовал, таким образом, уже семьдесят девять поколений. Впоследствии Цинь Шихуан и ханьский Уди, которых, к слову сказать, трудно назвать высоконравственными правителями, очень любили разглагольствовать о «Великом мире» и устраивать пышные церемонии, часто закачивавшиеся, однако, неудачно. Например, при Цинь Шихуане разразился ливень, и государь был вынужден прятаться под сосною. Ханьский Уди даже спустился с горы, причем многие его слуги при спуске получили увечья. Вот почему после Уди никто больше не отваживался проводить церемонию поклонения духам. И только танский Гаоцзун рискнул справиться ее в третий раз.

Дорога на Тайшань проходила через Цинчжоу, поэтому местные власти, получив высокую грамоту, немедленно повелели выделить от каждого двора работников для ремонта улиц и дорог, чтобы достойно встретить императора. Поскольку лавка Ли Цина выходила на улицу, дом старика также включили в список семей, которым полагалось нести службу. Надо сказать, что, с тех пор как старый Ли начал врачевать, все детские лекари города, повергнутые в большое смущение, закрыли свои заведения. Если бы старика Ли Цина взяли на строительство дороги, то, случись кому заболеть, лекаря не найти. Тогда жители города, выбрав из своей среды самых бойких на язык ходоков, отправили их в ямынь просить освободить Ли Цина от повинности.

— Ли Цину сейчас девяносто семь лет, почти сто. У него нет сил работать,— сказали ходоки.— Позвольте нам собрать деньги и нанять какого-нибудь крепкого парня, который за него отработает. А лекарь пускай остается в своей аптеке и продолжает лечить детей.

Так доложили ходоки. Ведь некоторые из них помнили, что много лет назад, когда Ли Цин открыл свое

дело, он сказал, будто ему семьдесят лет. Никто из жителей не подозревал, что сейчас Ли Цину вовсе не девяносто семь лет, а все сто шестьдесят восемь. По существовавшему в те времена закону тех, кому исполнилось семьдесят лет; следовало считать стариками, а поэтому освобождать от всяких работ и повинностей. Помня эту статью, жители хотели оставить Ли Цина в аптеке, а вместе него послать кого-то другого. Однако не знали они, что их окружной начальник родом из Линнани³⁴, где, как известно, не верят во врачебное искусство, но весьма почитают ворожбу. Начальник округа ответил так:

— Хотя Ли Цину девяносто лет, он крепок и здоров и еще может потрудиться. Если он способен держать в руках лекарства, почему бы ему не поработать на дороге? Вспомните Цзян Тайгуна³⁵. Ему исполнилось восемьдесят два года, когда он вызвался помочь Чжаоускому государю Увану и даже повел войска в бой. Потом он, как простолудин, трудился до самой своей копчины. Разве он отлынивал от работы? Вы толкуете, что Ли Цин очень хороший лекарь. Но неужели в таком большом городе, как Цинчжоу, всего один детский врач? Я как-то уже выяснял, что он действительно открыл свое заведение двадцать семь лет назад. Однако до него тоже лечили детей, и вовсе не все дети умирали. Так почему же в городе остался лишь он один? Почему только он, Ли Цин, лечит всех?

Ходоки вновь и вновь упрашивали окружного начальника, но тот оставался непреклонным. Что делать? Куда идти жаловаться? Ходоки возвратились в лавку Ли Цина и принялись совещаться. Кто-то предложил собрать деньги и сходить в ямынь еще раз — вновь просить начальство заменить лекаря. Однако Ли их остановил.

— Спасибо, почтенные, за ваше доброе ко мне расположение, — сказал он. — Только я, никчемный старик, думаю, что лучше вам туда не ходить. Окружной начальник не станет заниматься пустяками — он обеспокоен приездом государя. Дело это весьма необычное, и он должен проявить твердость. Подумайте сами. Случись у него какая промашка — с него голову снимут. В общем, я пойду на работы сам. К тому же с постороннего человека ведь ничего не спросишь. Если что прои-

зойдет, его и не сыщешь. Наверное, наш начальник думает примерно так же, а потому и слушать вас больше не станет... К тому же мне известно, что государев приказ все равно не исполнится. Вспомните! Церемонию на горе хотели свершить еще во второй год эры Добродетель Единорога, а в следующий раз — в первый год эры Спокойного Выявления. Если не сумели провести дважды, значит, церемонии не будет и в третий раз. Вот увидите, дней через пять все прояснится. Поэтому успокойтесь и делайте, что вам приказано.

— Как же так? — удивились соседи, а между собой заметили: — Мы собственными глазами видели, что в ямыне готовят особое предписание, делят дороги на отрезки, составляют список рабочих. Все торопятся, как на пожаре... Один наш старик как замороженный. Интересно, что он будет делать, если приказ не отменят? Уж мы, кажется, нашли хороший выход: собрать деньги и еще попробовать уломать начальство. Так нет, теперь старик отказывается, сам хочет работать. Видно, мало ему того, что получает в своей лавке, нужен еще и казенный харч!

Кто-то хихикнул. Все разошлись.

Между тем император Гаоцзун, приняв решение свершить на горе Тайшань ритуал поклонения духам, повелел сановникам из Ведомства Церемоний определить порядок предстоящего торжества. Двор ждал благоприятного дня, чтобы можно было отправиться в путь. И надо же так случиться, что императора неожиданно разбил паралич, да так, что он не мог даже ногой двинуть. Разве здесь до церемонии? Не прошло трех дней, как цинчжоуский ямынь разослал на места уведомление о том, что государев приказ откладывается. Жители Цинчжоу сразу же вспомнили слова почтенного Ли и, подивившись его умению предвидеть грядущее, прониклись к нему еще большим уважением.

Надо вам знать, что в провинции Шандун всегда жило очень много даосов-ворожеев. Еще во времена государя Цинь Шихуана, как известно весьма почитавшего искусство магов, на священную гору Пэнлай как-то отправили Сюй Фу³⁶, человека из Ци, а с ним пятьсот отроков и юных дев, коим велено было искать эликсир бессмертия. Впоследствии ханьский правитель Уди, который также поклонялся даосскому учению, назвал дао-

са Ли Шаоцзюня³⁷ Полководцем Литературных Достижений, а Луань Дао присвоил титул полководца Пяти Благодеяний. Оба они были жителями Ци. Каждый день вместе с ними на площадке Общения с Небесами, в Бамбуковом Дворце и Павильоне Коричного Древа император обращался к духам и небожителям, моля их спуститься на землю. Так сложился обычай, который передавался в этих местах из поколения в поколение. Многие считали, что Ли Цину тоже знакомы тайны даосской магии. И действительно, в семьдесят лет он открыл аптечную лавку и вот уже двадцать семь лет занимался своим ремеслом. Сейчас ему уже около ста лет, а он совсем еще не старик: духом крепок, а видом моложав. После того как Ли Цин предсказал грядущие события, ни у кого не осталось сомнений, что он постиг учение даосов и, подобно Дун Фэну или Хань Капу³⁸, дарует людям чудесные снадобья, скрывшись под другим именем. Не удивительно, что к нему зачастили маги и ворожеи, они называли его учителем, старались выведать тайны даосского ремесла или хотя бы узнать какой-нибудь мелкий секрет. Не раз и не два спрашивали они старика о Пути, но тот всякий раз отнекивался или, ссылаясь на свой возраст, отвечал, что ничего не помнит. Впрочем, иногда он им объяснял, что, если после тридцати лет человек отринет все страсти и отбросит мирские заботы, если, погрузившись в созерцательное спокойствие, займется своим совершенствованием, он избавится от болей и у него пропадут все недуги. Говорил он еще что-то в этом роде, но даосские маги были убеждены, что Ли Цин неохотно делится своими тайнами, потому что он — отшельник, скрывший настоящее имя, — и они продолжали допытывать его расспросами.

— Оно, конечно, — твердили они, — самосовершенствование помогает долголетию, а вот как с предсказанием грядущего? Наверное, понять сие весьма затруднительно? Учитель, как, скажем, вы узнали, что в течение пяти дней отменят государев приказ?

— Я не святой и не умею предсказывать будущее, — говорил им Ли Цин. — Разве вы не слышали историю о том, как Конфуций, увидев ком ряски и одноногую птицу шанъян, предсказал грядущие события?³⁹ Просто, слушая детские песенки, он задумывался над их смыслом, а потом неожиданно получалось так, как он и гово-

рил. Детские песни, исторгнутые из души бесхитростной и прямой, являются чудесным знаменем того, что происходит в природе. И если ты задашься целью что-то познать, то обязательно получишь ответ. Как вам известно, свое заведение я открыл в пятый год эры Вечно-го Благоденствия. Как-то в годы Драконова Начинания я услышал детскую песенку, которую, возможно, слышали и вы. В ней были такие слова:

Тайшань-гора высока.
От земли
До вершины
сколько ли?
Как ни старался,
взобраться туда не смогли.
Как ни пытались,
на самый верх не дошли.

Трижды солдаты
собирались в дальний поход.
Трижды солдаты
седлали коней у ворот.

Трижды в путь отправлялся отряд.
Трижды отряд возвращался назад.
На гору взобраться не мог никак.
Вот так!

Я понял, что если не смогли подняться на гору два раза, значит, не суждено взобраться и в третий раз. У меня, старика, много опыта, я многое видел. Ну, а каких-то тайн у меня нет и не было.

И старик продолжал делать свое дело: то получал деньги от посетителей, то отмеривал лекарства, а тем, кто обращался за советом, что-то объяснял. Словом, суетился так, что, казалось, у него нет ни минуты покоя. Решив, что старик не хочет делиться своими секретами, маги расходились по домам.

В следующем году неожиданно-негаданно скончался государь Гаоцзун, и на престол взошла императрица У Цзэтянь⁴⁰, которая держала в своих руках правление двадцать один год, пока ее не сменил на престоле царевич Чжунцзун. Он был па троне шесть лет, и его устранила в результате мятежа императрица Вэй, а ее, в свою очередь, сверг Жуйцзун, правивший страной также шесть лет. Он передал трон Сюаньцзуну, который

начало своего правления пазвал эрой Открытого Начинания⁴¹.

Наступил девятый год его царствования, а значит, со времени копчины Гаоцзуна прошло сорок три года. Все в Цинчжоу знали, что Ли Цину сейчас уже сто сорок лет. Но он по-прежнему нисколько не постарел, а его лекарства, как и прежде, обладали чудесными свойствами. «Может, он и не бессмертный,— думали люди, но песомненно, он одарен счастливым свойством долголетия». Вот почему к нему шли не только те, кто занимался врачеванием, но и все, кто хотел постичь тайны учения даосов. В его доме постоянно толпился народ, и люди, которые верили в него, всегда медлили расходиться. Вспоминаются такие стихи:

Обитель бессмертных в далеком море,
на острове Яньфути⁴²,
Но могут бессмертные в мире земном
плоть свою обрести.

В этом месте наша история прерывается, и сейчас мы расскажем о государе Сюаньцзупе. Как известно, Сын Неба с большим почтением относился к даосскому учению, и все его мысли были устремлены к небожителям. С особенным уважением монарх относился к даосским наставникам Е Фашаню и Син Хэпу, которые приводили к Сюаньцзуну диковинных людей, рассказывали ему о постижении черно-белого и ало-желтого начал⁴³, о поисках эликсира бессмертия, о тайне общения с духами, а также раскрывали секреты омоложения и восстановления сил.

Был девятый год эры Открытого Начинания. Однажды наставники Син и Е доложили государю:

— Сейчас на земле лишь трое бессмертных. Одного зовут Чжан Го, и живет он в горах Цяошань под Хэнчжоу. Другой — Ло Гунъюань из Синчжоу. А третий — Ли Цин из Бэйхая⁴⁴. Все трое — обитатели заоблачных высот, и им постыла суeta бренного мира. Если вы, государь, преисполнившись чистыми помыслами, пошлете за ними своих гонцов, возможно, они согласятся прийти ко двору.

Сюаньцзун выслушал даосских наставников и послал к Чжан Го помощника начальника дворцового ведомства Сюй Цзюю. К отшельнику Ло был отправлен ученый

муж Цуй Чжуифан, имевший звание тайчап боши — доктора Вечного Постоянства⁴⁵. К Ли Цину император направил Пэй Пыля, сановника из приказа общих дел. Все три высоких посланника, поклонившись императору, взяли особую бумагу, скрепленную государевой печатью, и отправились каждый в свою сторону на поиски небожителей. Но об этом мы пока умолчим, а вернемся к Ли Цину.

Годы жизни Ли Цина в этом бренном мире подходили к концу. Он свершил много достойных деяний, предначертанных ему, и, конечно, достиг высшего прозрения, которым обладают бессмертные. Он заранее знал, что к нему в какой-то момент пожалует чиновник по фамилии Шэй, и ему вспомнилась четвертая строка заклания, которое прочитал когда-то владыка бессмертных: «Шэй придет — уходи». Ли Цин подумал: «Иероглиф „дунь“ в заклании означает „уйти“ или „исчезнуть“». Куда же мне исчезать? Наверное, это слово обозначает исчезновение плоти!»

Вам, несомненно, интересно узнать, что значит «исчезновение плоти»? Испокоин веков происходило так. В тот день, когда человек до конца постигал Дао, он покидал мир людей. Некоторые среди бела дня возносились на небо, что называлось «оперившись, взлететь»⁴⁶. Другие умирали, как обычные люди, но их останки куда-то вдруг пропадали из гроба. Это и называлось «исчезновение плоти». Однако у разных людей происходило оно по-своему и в полном согласии с пятью качествами человека⁴⁷, а поэтому люди часто не догадывались, что ушедший из мира стал небожителем.

Рассказывают, что в тот день, о котором сейчас пойдет речь, Ли Цин подвнялся ни свет ни заря.

— Сегодня я не буду продавать лекарства, — сказал он ученикам и приказал снять таблицу. — В полдень я с вами навсегда расстанусь.

— Что вы говорите, учитель? Вы же совсем здоровы! — удивились ученики. — К тому же вы не можете нас покинуть, ведь мы не успели постигнуть и частицы вашего мастерства. Оставайтесь с нами хотя бы ненадолго, передайте нам ваши тайны. Тогда все узнают, учитель, что вы настоящий небожитель, и потомки поверят в то, что вы постигли Дао-Путь.

— У меня, как вам известно, нет особых тайн, кото-

рые я мог бы передать. И вовсе не обязательно, чтобы обо мне знали потомки, — улыбнулся Ли Цин. — Сегодня наступает великий предел моей жизни, и вам не по силам меня удержать. Жаль только, что пынче нет здесь моего старого соседа Цзиня, поэтому придется побеспокоить вас. Купите гроб, а когда остановится мое дыхание, положите в него мое тело и закройте крышку. Только прошу вас, не откладывайте этого до завтра. Все хозяйство, а также инструменты я дарю Цзиню, с которым мы знакомы вот уже семьдесят лет. Ведь я как-никак не только его сосед, но и клиент.

Ученики поспешили выполнить его распоряжение и купили все, о чем их просил Ли.

Надо сказать, что Цзиню в это время исполнилось восемьдесят девять лет. Это был крепкий и здоровый старик, ходил он быстро и стремительно, будто летел по воздуху. У Цзиня, основателя большого дела, сейчас была куча внуков, а поэтому его величали Дедушкой Цзинем. Только Ли Цин, знавший торговца еще юношей, по-прежнему звал его Цзинь Даланом, то есть Цзинем Старшим. В тот день Цзиня действительно не было дома. Он поднялся в пятую стражу⁴⁸ и отправился за город.

Наступил полдень. Ли Цин совершил омовение и, переодевшись во все новое, направился во внутренние комнаты. Ученики хотели было последовать за ним, но старик их остановил.

— Подождите у ворот. Мне нужно спокойно посидеть одному и очистить свое сердце, дабы освободить его от забот и волнений... Когда придет Старший Цзинь, мой давний приятель, пошлите его ко мне проститься.

Ученики столпились возле ворот. Кто-то сходил к Цзиню, но оказалось, что тот еще не вернулся. Через некоторое время ученики вошли в дом посмотреть, что с учителем, а он уже испустил дух. Кто-то из старых учеников, живших у Ли Цина давно, заплакал. Другие — из тех, кто пришел недавно, — шныряли по углам в поисках ценностей. После некоторого замешательства, вызванного неожиданной смертью старика, ученики, выполняя волю умершего, решили положить тело в гроб. Стали класть — пичего не получается. Руки и ноги странно скрючились возле груди, и тело папанипало свернувшегося дракона. Ученики попытались было распрямить ко-

печности, но куда там — они будто окаменели или затвердели, как железо. Положив старика в гроб, как есть, заколотили крышку и оставили гроб в доме.

За долгую и славную жизнь, которую прожил Ли Цин, его узнали много людей и проститься с ним пришлось полгорода. Ученики едва успевали встречать и провожать бывших больных старого Ли Цина, у них чуть язык не отсох от приветствий, а спины не разгибались от бесчисленных поклонов. Верно говорится в стихах:

Больше ста лет следы его пог
оставались в мирской пыли.
Но однажды, простившись, на облаке белом
он скрылся в небесной дали.

Балдахин из перьев и радужный стяг
больше не встретятся вам.
Лишь ступка и снадобья в мире остались,
завещанные ученикам.

А теперь мы расскажем о сановнике Пэй Пине, который, добравшись до города Цинчжоу, был встречен старейшинами города во главе с начальником округа. В зале, куда проводили столичного гостя, горели свечи и дымились благовония. Пэй Пинь зачитал государев указ, повелевающий пригласить ко двору бессмертного Ли Цина. Начальник округа первый раз слышал эту фамилию и спросил у местных старейшин. Кто-то из них доложил:

— Есть в Цинчжоу некий Ли Цин, но он детский лекарь. В этом году ему исполнилось сто сорок лет. Говорят, что вчера в полдень он вдруг скончался — без всякой болезни. Только этот Ли Цин и жил здесь, а вот о бессмертных мы ничего не слышали.

Новость очень огорчила сановника. «Сколько мне пришлось претерпеть в пути, чтобы добраться сюда с государевым приказом! — подумал он, вздохнув. — Я должен был найти этого лекаря и пригласить его ко двору. Увы! Я не выполнил государева распоряжения. Какое невезение! Приехал не раньше, не позже, а именно тогда, когда этот старик протянул ноги. Даже лица его не видел. Какая жалость!.. Помнится, еще в стародавние времена ханьский Уди, узнав, что где-то живет человек, добывавший снадобье бессмертия, послал к нему большого вельможу с приказом узнать рецепт эликсира. Но

сановник не успел добраться — тот человек уже умер. Уди страшно разгневался на вельможу за то, что тот вернулся с пустыми руками, и приказал его казнить. Хорошо еще, что за него вступился Дунфан Шо⁴⁹. Он сказал, что если покойник обладал эликсиром бессмертия, значит, он должен был сам его испробовать и остаться живым. А коли он умер, значит, его снадобье не приносит бессмертия, поэтому нет в нем никакого проку. Уди понял, что совершил оплошность. По счастью, наш Сын Неба, не в пример ханьскому владыке, отличается светлым умом, и, хотя при дворе сейчас нет второго Дунфан Шо, который бы за меня вступился, дело, быть может, не дойдет до того, что произошло с тем вельможей... Но вот что непонятно. Оба даосских наставника сказали, что этот Ли Цин — бессмертный. Если это так, он не должен был стареть, тем более — не мог умереть. Однако он все-таки умер. Значит, он никакой не бессмертный. Впрочем, дожить до ста сорока лет и скончаться без всякого недуга — такое тоже встречается редко».

Государев посланник Пэй Пинь повелел окружным властям собрать от соседей Ли Цина сведения о нем, чем он занимался, какие добрые дела совершил, в каком году, в какую луну и в какой день он преставился. Это было необходимо вельможе для отчета. Областные чиновники сей же час приказали соседям старого лекаря написать бумагу и немедленно принести ее для вручения императорскому посланцу. Соседи почесали в затылке и задумались.

— Что писать? Как писать? Все мы гораздо моложе Ли Цина. Откуда нам знать о нем?!

Кто-то из соседей вспомнил:

— Кажется, один только дедушка Цзинь знает лекаря сызначала и наверняка ему известна вся его жизнь. Жаль только, Цзиня нынче здесь нет. Может быть, он все же сегодня вернется или, па худой конец, — завтра утром. Пусть он и сочинит эту бумагу, а потом передадим начальству.

Все согласились с предложением и пошли по домам. И вдруг им навстречу идет сам Цзинь, а за ним парень с вязанкой травы за спиной.

— Какая удача! Дедушка Цзинь, как хорошо, что ты вернулся! Если бы ты вчера не ушел в деревню, ты

успел бы проститься со своим старым другом — лекарем Ли Цинном.

— А чего с ним прощаться?.. Он что, куда ушел?

— Вчера в полдень преставился...

— Я же его вчера встретил у южных ворот. Что вы чепуху несете! Грех какой! Грех!

Соседи опешили от неожиданности.

— Он взаправду умер. Не мог ты его видеть!.. А может, ты повстречался с духом?

— Чудно! Ни за что не поверю! — воскликнул изумленный старик и, не поворачивая к себе, поспешил к дому Ли Цина. Вошел и видит: стоит гроб, подле которого толпятся ученики лекаря, одетые в белую одежду, и кто-то из знакомых, пришедших проститься с покойным.

— Чудеса! Чудеса! — замотал головой старый Цзинь.

Ученики обступили его.

— Душа учителя отлетела на небо вчера в полдень. Поскольку вас вчера не было, мы гроб пока оставили здесь, — сказал кто-то.

Другой ученик протянул Цзиню бумагу со списком вещей, которые Ли Цин оставлял ему в дар.

— Неужели он действительно умер? — Цзинь взял бумагу, но даже не взглянул на нее. — Не верю я, не верю!

— Дедушка Цзинь! Ты сказал, что вчера будто ты его видел? — спросил кто-то.

— Вчера я вышел из дома очень рано, но не успел я дойти до южных ворот, как встретил родственника, который затащил меня к себе домой выпить и закусить. Я, понятно, у него задержался. Наконец простился — а это было примерно в полдень — и пошел к Горе Заоблачных Врат. Давно я заметил там разные травы и корни, нужные для моей аптеки. И тут вдруг я заметил мальчика в темной одежде, наверное, слугу, который нес курильницу с благовопиями. Я не обратил на него особого внимания. Прошел вперед шагов шестьдесят или семьдесят и впереди увидел вашего наставника. Только странное дело: левая нога у него была обута, а правая босая, непонятно почему. Спрашиваю его, куда, мол, направляетесь, а он мне в ответ: «Иду на Гору Заоблачных Врат. Там, в Беседке Сгнивших Веревок, меня ожидают девять наставников — моих братьев.

Хотят со мной потолковать о том, о сем! Несколько дней я буду в отлучке». Достал из рукава письмо и сует его мне. Потом протягивает расшитую сумку, а в ней лежит что-то похожее на жезл жуи. Иди, говорит, поскорее в город и передай сановнику Пэю — гонцу государя. Письмо и сума его у меня. А вы говорите, он умер!

Старый Цзинь пощупал рукав халата. Ученики сначала решили, что старик шутит, но, когда увидели письмо и сумку, все их сомнения пропали.

— В полдень или не в полдень — это неважно, — проговорил один ученик. — Удивительно другое: как он смог передать тебе эти вещи, если он не выходил из дому! Очень странно!

— Вот именно! — поддакнул другой. — Он же скончался, никак он не мог тебе передать.

— А ведь он заранее знал что придет государев посланец Пэй и что его будут просить ко двору... Может быть, это его дух являлся тебе! — предположил третий. — Наверное, он все-таки бессмертный!

— Какой такой Пэй? Куда его хотели пригласить? — спросил Цзинь с любопытством.

Соседи и ученики объяснили ему, что произошло за это время. Приехал, мол, государев гонец Пэй просить Ли Цина ко двору, но начальник округа сообщил ему, что Ли Цин уже скончался. Тогда власти приказали соседям писать бумагу с объяснением.

— Вон, оказывается, в чем дело! — проговорил Цзинь. — Никакие доказательства не понадобятся, если есть письмо и сумка. Мы вместе пойдем в ямынь, и я передам вещи гонцу государя.

Соседи вместе со стариком отправились в окружную управу. Старый Цзинь рассказал начальнику о том, как он встретил Ли Цина, как тот передал ему письмо и сумку. Удивленный чиновник поспешил к Пэй Пиню. В это время Пэй, обескураженный своей неудачей, с нетерпением ожидал отчета местных властей. Он собрался в обратную дорогу, когда появился начальник округа с большой толпой жителей. Чиновник доложил вельможе о письме и сумке лекаря, которые тот отдал своему соседу — старому Цзиню, велел передать их посланцу двора. Пэй Пинь раскрыл письмо, содержание которого, как оказалось, напоминало благодарственную реляцию. Ли Цин писал:

«Ваше величество! Золотые письма Вашего нефритового послания достигли Девяти Чистых Сфер. Ответствую Вам: Совершенные мужи спускаются в бренный мир, дабы обеспечить спокойствие людей и благополучие их жизни. При этом они следуют принципам недеяния Тана и Юя⁵⁰ и соблюдают бережливость, свойственную Вэню и Цзину⁵¹. С почтительностью они ожидают наступления предела движения, чтобы вознестись в чертоги Пэйлая. Их не заботит еда, как не волнует одежда, они не желают терзать свою душу и истощать разум. Им нужны лишь горы да немного журчащей воды, чтобы спокойно совершенствоваться в искусстве волшбы. Ваш слуга когда-то давно и лишь мимолетно увидел Дао-Путь, но не успел тогда встунить в ряды бессмертных. И вот патриарх Чжап Го и мой друг по учению Ло Гушьюань сказали, чтобы я шел к ним. Посему я не могу находиться при Вашем чистейшем дворе. Вместе с ними я ухажу служить великой Истине. Давным-давно государь Цинь Шихуан пригласил к себе Ань Цишэна⁵² с Восточного моря, но Ань отказался от приглашения и передал государеву посланцу пару туфель пурпурного цвета. Ваш слуга не имеет талантов, но и он не может оставить Ваше послание без ответа. Примите от меня этот яшмовый жезл — жуи как знак моей искренней признательности. Надеюсь, что Ваше величество возьмет сей дар».

Прочитав это удивительное послание, Пэй Пинь вздохнул:

— Говорят, что бессмертные не умирают, но плоть их исчезает. Надо вскрыть гроб. Если он окажется пустым, значит, Ли Цин — небожитель. Это несомненно! Вернувшись ко двору, я доложу об этом нашему государю, и тогда у нас не будет лишних хлопот.

Начальник округа и соседи поспешили в лавку лекаря. Если бы они не открыли гроб, может быть, все осталось бы по-прежнему... Но, приподняв крышку, они застыли в изумлении. Тело исчезло, а на дне колоды лежал бамбуковый посох да пара туфель, и поднимался сипей ленточкой дымок. И вдруг — о чудо! — гроб взмыл вверх и исчез в вышине. По городу разлился странный аромат, который, как потом говорили, ощущали даже за триста ли от Цинчжоу. Сановник Пэй, чиновники из округа, все жители города принялись исто

клаяться, обратя взоры к небсам. Благодарственное послание Ли Цина вместе с сумкой аккуратно положили в пакет, и посланник Пэй передал его государю.

В следующем году во всей Поднебесной вспыхнула эпидемия язвы, но Цинчжоу она обошла стороной — наверное, подействовал странный аромат. Ли Цин хоть и умер, но, как видно, сила его врачевания сохранилась в этих краях. Вот почему до сегодняшнего дня жители города осенью и весной поднимаются к кумирне на Горе Заоблачных Врат и совершают там жертвоприношение и поклонение духам. А теперь послушайте стихи:

О гнилом тошорице, о шахматном бое
легенду слышали не раз.

А сегодня повесть Заоблачных Врат
поведали вам без прикрас.

Как день, летят-мелькают века
в мире земной тщеты,

Но корысть по-прежнему гонит глупцов
в сети мирской суеты.

ЗАКЛЯТИЕ ДЛОСА

Тревожна-тревожна жизнь и несладка —
Жаждешь богатства,
но нет и достатка.
Как черепаха, голову спрятать умей,
будь скромн, живи с оглядкой.
Достигнув и малой меры довольства,
остановись поскорей.
Помни, что жизнь перемен полна —
никогда не действуй вслепую,
Как те, кто годы молодые свои
тратят напроналую,
Жизнь проживают впустую.

Эти строфы взяты из вступления к стихотворению, сложному на мотив «Вся река красна», а принадлежат они перу супского поэта-монаха, имевшего прозвание Хуэйань, что значит Темная Обитель¹. В них говорится о том, что богатство и знатность, почет и известность весьма ненадежное дело, все это зависит от разных превратностей и коловращений, коих следует остерегаться. Да, жизнь полна тревог и беспокойств. Вот, скажем, вы помышляете о грядущем или, вспоминая прошлую жизнь свою, сокрушаетесь о том, что вам всегда будто чего-то недоставало. Но на деле вы только напрасно забили голову пустяками, не наполнили ее, а именно опустошили, только и всего. Посему не лучше ли вести свою жизнь в согласии с предначертанным уделом?

Именно так надо поступать, если к тому ж мы припомним историю некоего сюаньплана², то бишь советника Вап Япъчжи из Наньсиня округа Цяньтай³, который жил в годы Счастливой Помощи⁴ эпохи Суп. В свое время он сдал очередные экзамены и, вступив на чипов-

пую стезю, занимал посты в двух или трех уездах и даже округах. Однако ж, поскольку Вань был человеком прямодушным и простого нрава — ну, словом, как чистая холстина, — не любил извиваться и угождать, ему скоро пришлось, как говорится, сбросить парадное платье и удалиться от дел, хотя был он еще не стар. Он переехал в Юйхап, где заранее присмотрел землю в низине, и собрался заняться земледелием. Поля лежали в заболоченных местах, которые во время наводнений постоянно заливались, правда, и цена их была на редкость низкая. Словом, Вань Яньчжи скупил здесь много участков земли, а заплатил сущие пустяки. Как видно, Вань родился под счастливой звездой, потому как через эту самую землю он сильно разбогател. Несколько лет подряд в этих краях стояла засуха, а вот низкие болотные земли дали хорошие урожаи. Ваню удалось получить с арендаторов свыше десяти тысяч даней риса. Понятно, он был доволен и часто говаривал:

— Я собрал в нынешнем году целый вап⁵ зерна. А все почему? Потому, что моя фамилия Вань — Десять Тысяч. Хлеба у меня теперь в достатке.

Он приобрел роскошный дом, купил сад и задумал женить сыновей. Кто-то из услужливых советчиков предложил сваху, и скоро третий сын богача стал мужем внучки государева зятя Вап Цзипьцина, имеющего чин дувэя⁶ — командующего столичными войсками. Правда, на свадьбу Ваню пришлось изрядно поистратиться и выложить ни много ни мало 20 тысяч монет, но зато его отпрыск, благодаря знатному родству, сразу же получил назначение на высокую должность. Одним словом, Вань стал знатным, богатым вельможей и, как все, принялся чинить беззакония над простым людом.

Надо вам знать, что в доме у Ваня была одна редкостная и дорогая вещь. В пору чиновной службы в столице, когда был еще запрет на медь, он купил всего за десять цянней глиняный таз для умывания, который, как оказалось, обладал дивным свойством. Известно, что после умывания остатки воды обычно выплескивают прочь, но все же немощко остается на дне. Так произошло и в тот зимний день, о котором пойдет сейчас речь. После умывания в тазу, как обычно, осталось немного воды. Прошла ночь. Вода на холоде замерзла, и вдруг в ледяном узоре возникла веточка персика.

Кто-то заметил это и, подивившись, рассказал советнику Ваню, но тот объяснил:

— Ничего странного нет! Вода всегда застывает льдом, а лед непременно дает узоры. Что же до ветки персика изо льда, то это — чистая случайность.

Вань не обратил на таз никакого внимания. Но вот на следующий день снова осталось в тазу немного воды, и, застыв на морозе, она на сей раз изобразила куст пиона с густыми ветвями, усыпанный цветами. Вряд ли мог простой смертный создать столь дивную красоту. Доложили хозяину.

— Ныпче появился новый узор, неужели он тоже возник случайно? — спросили его.

— И верно, странно! — согласился советник Вань. — Надо мне испытать самому!

Он вытер и вычистил таз, налил в него воды. На следующий день взглянул, и (вот так чудеса!) перед ним раскрылась картина зимнего леса. Увидел он деревенку близ речки, бамбуковые хижины, диких лебедей и цапель, дальние и ближние горы, подернутые дымкой. «Как все это странно», — подумал Вань с робостью и благоговением. Он позвал серебряных дел мастера и велел ему сделать к посудине оправу — выложить ее пластинами из белого серебра, чтоб ее сохранить на долгие годы. С тех пор в холодные зимние дни он часто приглашал к себе гостей на пирушку, как водится, с вином и во время застолья показывал им ледяные картинки. Одна прекраснее другой, они были столь разнообразны и непохожи друг на друга, что даже знаменитый живописец, взглянув на них, удалился бы в стыдливом смущении.

Однажды произошло удивительное событие. По случаю восшествия на престол государя императорский двор издал милостивейший указ о поощрениях чиновного люда и повышении в звании. К чину сюаньилана добавились слова: Муж, Возвещающий Добродетель. Бумага двора пришла к отставному советнику Ваню как раз в день его рождения. К нему пожаловали с поздравлениями многочисленные родственники, друзья и знакомые. Их усадили в гостевой зале, а в центре комнаты на плетеной циновке поставили таз с водой. В это время как раз стояли холода, и, попятно, вода в сосуде быстро замерзла, явив всем присутствующим чудесную карти-

ну. Гости увидели горную скалу, а на ней сидящего старца, слева и справа от него — черепахи и аиста. Ни дать ни взять — изображение бога долголетия Шоусина⁷. Над столом пронесся вздох восхищения. И тут один из гостей, сведущий в делах не только нынешних, но и минувших, сказал:

— Это обычный таз, обожженный в простой печи, а не диковинное порождение Неба и Земли и не детище Пяти Первостихий⁸, однако ж, спору нет, вещь эта редкостная, а в чем тут дело — постичь невозможно!

Еще кто-то — человекшишко, к слову сказать, жалкий и подлый, — угодливо хохотнул и подобострастно заметил:

— Такая редкая драгоценность есть знак бесконечного долголетия. Она может принадлежать только самому счастливому мужу в Поднебесной!

Пиршество окончилось, и все, довольные, разошлись.

Породнившись с самим государем, Вань обрел еще больший почет и еще более разбогател. Как говорят в подобных случаях: слава его расцвела несравненно, а величие засверкало необычайно! И еще говорят: золота и серебра у него не счесть, а радостей в жизни — не исчерпать. Но увы! Все проходит, как убегают облака или рассеивается дым. Смежил очи — и все исчезло. Пришла пора, и Муж, Возвещающий Добродетель, по имени Вань Яньчжи скончался. Вслед за ним умер и его третий сын — высокий сановник. Родственники государева зятя стали требовать поместье Ваня себе, говоря, что богатства семьи пришли из дома дувэя. Как-то, собрав человек двадцать-тридцать челяди, они ворвались в поместье и растащили все ценности подчистую. Младшие сыновья Ваня взирали на гнусные бесчинства, вытаращив глаза, но не решались оказать сопротивление. После этого грабежа пришла новая беда. Тысяча цинов⁹ заболоченных земель несколько раз кряду заливались водою. Хозяевам пришлось дать арендаторам дополнительное зерно, отчего закрома Ваней быстро опустели, а потом вся земля перешла в чужие руки. Хозяйство семьи вконец захирело. Обоим сыновьям пришлось просить приюта у родственников. Наступило время, и они умерли в убогой старости.

Ну, а драгоценный таз утащили в семью государева зятя, а потом диковина попала в руки тайши — Велико-

го Наставника Цай Цзина¹⁰. Кто-то из людей, прощительных и дальновидных, впоследствии заметил:

— Сей сосуд таит в себе несчастье, так как в нем рождаются лдяные узоры, похожие на цветы. Он находился в семье Ваня, счастливая судьба коего оказалась краткотечной, ибо богатства его растаяли, подобно цветам изо льда!

Правда, эти слова — лишь догадка потомков. В пору могущества Ваня вряд ли кто мог предполагать подобное всерьез или, тем более, осмелился бы высказать такой вздор вслух. Однако ж впоследствии подтвердилось, что жизнь Ваня и вправду была не более чем сон.

В древности сложили притчи вроде «Ханьданского сна» или «Вишневого сна»¹¹. Они говорят о том, что богатство и знатность, а также громкая слава подобны мимолетному сну, в котором человек видит как бы всю свою жизнь. Эта греза ничуть не лучше истории Чжуанцзы о молодом пастухе¹². В ней, как известно, рассказывается о юноше, который днем был простым волопасом, а ночью становился знатным вельможей. И так долгое время. Впрочем, ваш ничтожный слуга поведаст вам эту историю во всех подробностях, а пока послушайте стихотворение:

Жизнь человека —
вроде долгого сна.
Где явь, где сон —
порой не поймешь никак.
Кому во сне
богатая жизнь суждена,
Считай, наяву —
последний будет бедняк.

Рассказывают, что в эпоху Вёсен и Осеней¹³ в Горах Южных Цветов — Наньхуашань, что лежат в округе Цаочжоу царства Лу¹⁴, в какое-то время жил отшельником Чжуанцзы, уроженец Шанцю царства Суп. Найдя здесь пристанище, он постиг Дао-Путь и способы достижения бессмертия, о чем поведал в книге. Не удивительно, что потомки нарекли мудреца Бессмертным с Гор Южных Цветов, а его книгу назвали «Наньхуацзин», что значит «Канон Южных Цветов». В ту пору у подножия горы проживал некий Мо Гуан — почтенного возраста селянин, занимавшийся хлебопашеством. У него было много десятков му¹⁵ тучной земли, кото-

рую обрабатывали батраки, имел он и скотину — несколько волов. Ему хватало и одежды и пищи, а поэтому слыл он в своей округе за человека не то что богатого, но не бедного. Беда одна — не было у него детей, отчего все помыслы супругов (а надо вам знать, что жена его тоже была в летах) обратились к хозяйству. О нем пеклись они денно и нощно: как землю вспахать и как ее промотыжить, как вырастить волов и откормить свиней. Есть стихи, которые, как нельзя кстати, подходят к нашей истории:

Старик-хлебопашец спокойно жил
с давних-предавних пор
В удивленном домишке
на склоне пологих гор.

Хозяйство было не слишком большое —
какая-то сотня му,
Но землю пахать и мотыжить
приходилось ему одному.

Доносились громкие крики кукушки
весною, по вечерам.
Весенние тучи над крышею дома
проплывали к близким горам.

Иногда случалось ему призывать
в помощь себе батраков.
Они приносили с собою мотыги,
приводили бурых волов.

Первая всашка —
пусто поле пока,
Во время второй —
работа очень трудна,

После третьей появятся
всходы наверхьяка,
Зелень обильная —
радует глаз она.

Труд, что летом в поле вложил,
осень сторицей вернет:
Колосья густою стеною стоят,
словно туча над полем плывет.

Несут урожай богатый с полей,
много громадных корзин,
Все амбары наполнены доверху —
не пустует теперь ни один.

Вина для домашних богов приготовить
прикажет старик жене.
Велит зарезать свинью и барана —
иhr устроить родне.

Ночь напролет гремят барабаны —
 колотушск доносится стук,
По вот потускнел Яшмовый заяц¹⁶ —
 восток озарился вдруг.

Стадо волов у почтенного Мо, человека, как мы уже знаем, прилежного и трудолюбивого, постепенно увеличилось настолько, что следить за ним старику стало трудно, и тогда он решил нанять пастуха. Надо вам сказать, что в деревеньке проживал парень по фамилии Янь, которого все звали Цзиэрром, что значит Приеммыш, так как он после смерти родителей нашел пристанище у чужих людей. Парень рос круглым невеждой: он не знал ни единого письменного знака и не умел делать ни одного путного дела, кроме как трудиться на тяжелой и грязной работе. Как-то раз, когда он косил траву на склоне горы, Цзиэр увидел даоса с двумя пучочками на голове. Взглянув со вниманием на юношу, даос промолвил:

— Отрок! Твой лик благороден, но он затемнен дремучим невежеством. Я вижу на твоём пути много тяжких испытаний. Если хочешь их избежать, следуй за мной.

— Что ж, значит, мне будет спокойней, если я пойду за тобой? — спросил пастух.

— А ты хочешь избавиться от хлопот и волнений без меня? — проговорил даос. — Ну, да ладно! Мне ведом секрет, как можно обрести радость во сне. Но только надобно кое-чему научиться. Ты согласен?

— Почему бы и нет? Ночные удовольствия — вещь неплохая. Учитель, раскрой тайну, как получить их.

— А с грамотой ты знаком?

— Не знаю ни едипого знака!

— Что с тобой делать? У меня есть одно заклятие, состоящее всего из пяти слов. Их легко запомнить, даже если ты полный невежда, ибо они западают в самую душу. — Он приложил уста к уху юноши: — Внемли и запомни: «По шань по янь ди!»! Перед сном непременно повтори заклятие сто раз, и на тебя снизойдет благодать!

Премыш постарался запомнить странные слова, а даос продолжал:

— Делай все, как я тебе сказал, и тогда заклятие явит свою силу.

Даос ударил в рыбий барабанчик, щелкнул дщццами, произнес молитвенные слова и пошел прочь.

Вечером Цзиэр сто раз повторил таинственные слова, которые сказал ему даос, и погрузился в сон. По этому поводу написаны такие стихи:

Жизнь человека тревожна, трудна,
в ней много горя и бед.
В горы далекие ты ушел
и там на камне уснул.
И во сне оказался в счастливом краю,
где несчастий и горя нет.
Можно в этом прекрасном сне
прожить и тысячу лет.

Уважаемый читатель! Слушая наш рассказ, помни, что в нем говорится не только о сне, но и о бытии, а их путать никак не должно.

Однако ж продолжим наш разговор. Цзиэр Подкидыш увидел во сне, будто он оказался ученым чиновником. Гордый своими познаниями, идет он по улице, небрежно раскачиваясь из стороны в сторону, и вдруг навстречу ему человек.

— Государь страны Хуасюй¹⁷ повелел вывесить желтый щит¹⁸, в коем он призывает всех мудрецов страны пожаловать ко двору. Почему бы и вам не попытаться счастья, отчего не поискать пути, ведущие к славе и почету?

Услышав повесть, Цзиэр тотчас решил поменять свое старое имя и взял другое Цзихуа — Цветущий. Затем он накропал какое-то бестолковое сочинение под названием «Дальний план из десяти тысяч слов» и послал его ко двору. Государь, как положено, повелел Ведающему Мерой Словесности проверить бумагу. Приемши, то бишь Цветущий, как теперь все его называли, преподнес этому сановнику несколько золотых слитков в виде подковок. Обрадованный вельможа заявил во всеуслышание, что Цзихуа — человек редкого, просто поразительного таланта, способного, как говорится, потрясти не только Землю, но и Небо. Вынеся такое суждение, он передал сочинение государю, который тотчас пожаловал Цзихуа титул чжуцзолана — Творца-сочинителя, поручив ему руководить всеми сочинительскими делами Поднебесной. Новый вельможа верхом на гордом коне, в окружении свиты, несущей знамена и стяги,

под грохот барабанов и гонгов направился в свой ямынь. Какое величие, какое изящество! Цзихуа не ехал, а будто парил в облаках. Есть в связи с этим стихотворение:

Молнии блещут, пламя бушует,
а он будто сном объят;
Белая лошадь, алые ленты,
прекрасный новый наряд.
Славою овееяи всеильный вельможа —
никто не сравнится с ним.
Зачем же ему книжная мудрость,
если он знатен, богат?!

Цзихуа — Цветущий соскочил с коня и вдруг остушился. Ах, какое невезение!.. И тут он проснулся. Испуганный, протер глаза — оказалось, все это время он спал в ворохе скошенной травы.

— Ай-я! Ну и чудеса, мамаша родная! — вскричал он. — Надо же! Я не знаю ни единого письменного знака, а во сне неожиданно настроичил длинный доклад, за что получил чиновную должность и стал даже ведать всеми сочинениями Поднебесной! Интересно, сон это был или нет и что мне доведется увидеть наяву?

Крепко задумался парень над своим сном и даже не сразу заметил соседа Шасаня, с которым водил знакомство.

— Брат Цзи! — крикнул Шасань, подходя к нему. — Старому Мо, что живет в передних дворах, нужен пастух. Почему бы тебе не наняться? Попробуй, чего тебе маяться в батраках?

— И то верно! — обрадовался Приемыш. — Только кто за меня поручится, кто слово замолвит?

— Вчера я уже говорил о тебе, — успокоил его Шасань. — Нынче можем зайти к нему вместе. Надо только составить бумагу, и вся недолга!

— Премного благодарен! Спасибо тебе за совет!

Поговорив еще о том, о сем, они вместе отправились к Мо. Шасань сказал старику, что Приемыш согласен служить пастухом, и добавил, что Цзиэр — работник старательный. Старику понравился этот простой и грубоватый, но крепкий парень. Он решил взять его в работники и велел ему составить договорную бумагу.

— Писать не умею, — сказал Приемыш. — Я грамоте не учен.

— Я за тебя составлю, — предложил Шасань, — который проучился у деревенского учителя целых два года и мог написать несколько знаков. — А ты только распишешься.

Он сочинил договорную бумагу, в которой написал, что Цзиэр по собственной воле идет в работники к старому Мо и согласен пасти его скот. Правда, некоторые иероглифы были написаны не так, как надо, но все же понять что к чему было можно. Внизу Шасань указал год и месяц. Дело оставалось за подписью. Приемыш взял кисть. Ему показалось, что она весит не меньше тысячи цзиней. «Где провести черточку, налево или направо? — стал гадать он и вдруг улыбнулся. — Надо же, а вчера я составил длиннющий доклад — в десять тысяч слов!»

С помощью Шасаня парню удалось кое-как вывести крест. Старый Мо сразу же назначил ему плату и время работы, определил и жилье — хижину на склоне горы, где Приемыш должен был жить и возле которой пасти скот. Получив ключи, Приемыш вместе с Шасанем направился к своему новому жилищу и отблагодарил за хлопоты приятеля, дав ему немного денег. В тот же вечер перед сном парень сто раз повторил пять слов заклятия. Долго ворочался он, но наконец заснул.

Читатель! Ты, конечно, скажешь: раньше всегда было так, что нить прерванной истории продолжает рассказчик. Неужели во сне тоже может быть продолжение прошлого сна? Однако же в этот раз (вот чудеса!) произошло именно так. Приемыш заснул и вновь стал Цзихуа — Цветущим, как и прошлую ночь.

В нарядной шляпе, подпоясанный парадным поясом, он направляется в ямынь и садится в широкое кресло вершить суд. К нему, спотыкаясь, торопливо бегут какие-то книжники с ворохами своих сочинений — просят и ждут его наставлений. Цзихуа просмотрел одну бумагу, проверил вторую, третью он похвалил, охая четвертую, еще на одном сочинении поставил кружочки¹⁹, а какое-то просто перечеркнул и отдал обратно. Книжники бросились к нему, чтоб узнать о результатах. Одним оценки понравились, другим, понятно, пришлись не по вкусу. В зале поднялись шум и крики. Цветущий тотчас огласил новые правила и повелел книжникам следовать им неукоснительно, а тот, кто проявит несогла-

сие, получит плети и палки. Книжники, почтительно внемля приказу, умолкли и, потоптавшись на месте, бочком удалились. В тот же день по случаю назначения на должность в ямыне устроили пиршество, на котором присутствовали все служащие управы. На столах стояли прекрасные вина, тонкие яства, разнообразные кушанья, редкие и изысканные. Под звуки музыки и песнопений гости веселились допоздна, а когда повернулся Ковш и склонилась к западу звезда Шэнь²⁰, пиршество кончилось, и все разошлись.

Цветущий уснул — там, в его грёзе, а здесь, наяву, он проснулся. Свой сон юноша помнил доподлинно, будто стоял он у него перед глазами.

— Чудеса! — воскликнул он, невесело улыбнувшись. — Странное дело, чтобы сон снился с продолжением! Надо же! Я стал большим начальником, в моем приказе служат чиновники, я читаю какие-то сочинения, а сам даже иероглифов не знаю! И потом этот пир... Красота, веселье!.. — Приемыш потянулся за платьем, чтобы одеться. — Куда же девался мой парадный халат и пояс чиновника? — и вздохнул при виде лохмотьев. Накинув рваный халат, парень слез с постели. И тут к его хижине подошел старый слуга почтенного Мо, который привел с собой семь-восемь волов. Цзиэр взялся за веревку, привязанную к кольцу, продернутому в нос животных. Волы не признавали незнакомого человека. Несколько животных взбрыкнули, другие стояли на месте как вкопанные. Старик-слуга дал парню кнут, Цзиэр хлестнул раз-другой, и упрямые животные смирились. Парень собрал их вместе, спутал веревкой и пустил пастись.

— По случаю твоей новой работы у нашего хозяина неплохо бы пропустить по чарочке, — предложил слуга. — Ты ведь, кажется, вчера договорился с Шасанем. Он сейчас придет...

Не успел он это сказать, как появился Шасань с кувшином вина и лукошком, в котором оказались тарелка с мясом, миска с юйтоу²¹ и бобами.

— Брат Шасань! Мы тут рядили с Цзиэром, как бы нам выпить по чарке-другой, а ты тут как тут и все уже заранее устроил, — сказал слуга и обратился к Цзиэру: — Я могу внести за тебя долю!

— Так не пойдет! — возразил Приемыш. — С какой

стате вы будете тратиться, что я, сам не могу запла-
тить?! Я тоже вношу свой пай!

— Подумаешь, какое дело! — воскликнул старик. —
Стоит ли спорить? Было бы хотение!

Они уселись и приступили к трапезе.

— Нынешней ночью видел я сон, — проговорил
Приемыш. — Вот было пиршество! Складно! Красиво!
Не то, что сейчас, — небо и земля!.. — Но боясь, что
приятели его засмеют, парень осекся.

Сон свой друзьям поведать хотел,
Но глупцом перед ними предстать не посмел.
Ведь рыба речная знает всегда,
Где холодной, где теплой вода.

Надо вам знать, что Цзиэр в выпивке был не слиш-
ком силен, поэтому, приняв лишнюю чарку, сразу же
захмелел. Друзья простились и ушли, а он, как пова-
лился на траву, так тут же и уснул. И вот он вновь очу-
тился в стране Хуасюй...

Государь страны издал высочайший приказ, по ко-
торому Цзихуа, имевшему титул Творца-сочинителя,
разрешалось возглавить братию книжников, дабы наве-
сти среди них самый строгий порядок. Ему даровалось
парчовое платье и пояс чиновника, а также желтый бал-
дахин и оркестр музыкантов с барабанами и трубами.
В поездках вельможу теперь сопровождала шумная сви-
та, и его выезды собирали множество людей, которые
кричали и толпились вокруг. Величественное и яркое
зрелище! Вдруг однажды занялся пожар — со всех че-
тырех сторон запылал страшный огонь. Цзихуа ис-
пугался и... проснулся. Видит: восток уже сияет лучами
алого солнца, а он, как оказалось, заснул на солнцепеке.
Приемыш закусил, а потом, взобравшись на вола, по-
гнал стадо на лужайку. День стоял жаркий, солнце па-
лило так, что не было мочи. Парень пожаловался старо-
му Мо, но тот его успокоил:

— Есть у меня соломенная накидка и шляпа — по-
стоянная снасть волопаса. Есть и дудка — ее обычно
берут с собой пастухата. Я тебе их отдам, а ты хоро-
шенько смотри за скотом. Помни, если какой вол поху-
дает, взыщу с тебя строго!

— Дал бы еще и зонт, чтобы прикрыться от солн-

ца, — попросил Цзиэр. — Что она — шляпа! Только макушку прикроет — и все!

— Откуда у меня зонт? Сорви в пруду лотоса лист покрупнее, вот и прикроешься.

Приемыш взял у старика соломенную одежду и дудку. Сорвав в пруду широченный лист лотоса, он взобрался на вола и поднял лист над головой, как зонт. Едет на воле и думает думу: «В стране Хуасюй я — знатный вельможа, а здесь у меня нет даже зонта. Приходится прикрываться лotosовым листом!» Внезапно пришла догадка: «А ведь мой лист — не иначе тот желтый балдахин, что я видел во сне. Верно!.. А накидка и шляпа — парадное платье!» Цзиэр приложил дудку к губам и дунул раз-другой. «А вот и оркестр!». Он усмехнулся. «Как ни ряди, а во сне жизнь веселее!»

По этому случаю есть стихотворение, которое здесь уместно напомнить:

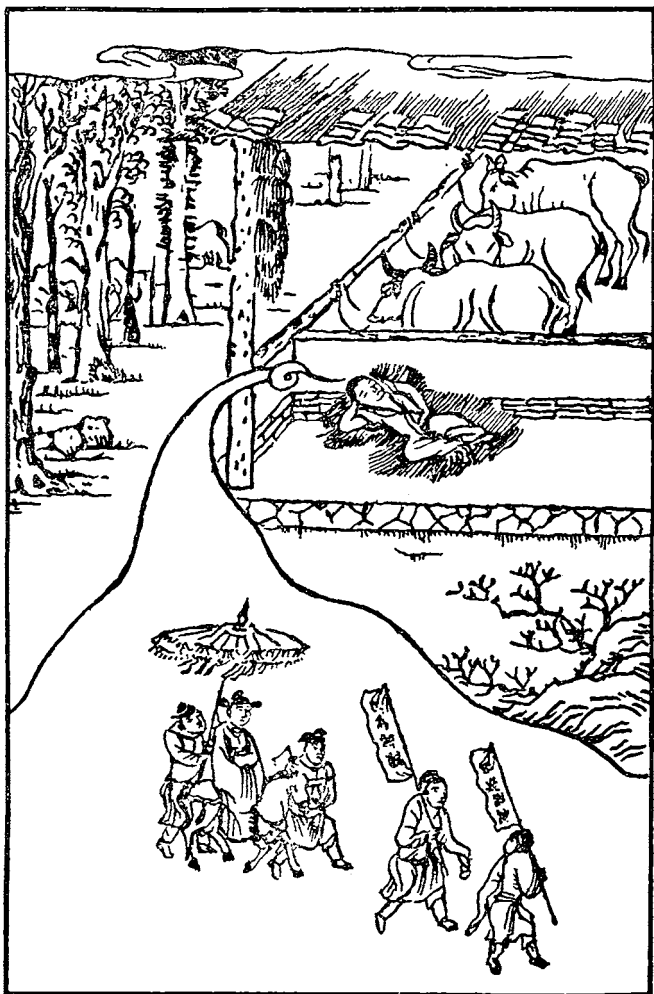
Копны свежескошенных трав
видны на многие ли.
Легкий ветер подул, слышна
пастушья дудка вдали.

В сумерках поздно вернулся домой,
наскоро перекусил,
Уснул под луною, накидку с шляпой,
усталый, снять позабыл.

С этого времени всякий раз, когда Цзиэр погружался в сон, он оказывался в стране Хуасюй, где его окружали почет и богатство, но как только он просыпался, парень снова был прежним пастухом, который пасет свое стадо на склоне горы. И так день за днем. И каждую ночь видел он продолжение того же самого сна. Но для нашего рассказа вовсе не обязательно в тонких подробностях говорить о том, что случилось с Приемышем в эти дни и ночи. Мы выберем лишь несколько картинок из его удивительной истории.

Однажды государь той страны, куда во сне попадал Цзиэр, решил найти мужа для своей дочери-принцессы. Кто-то из чиновников представил доклад, в котором предложил:

— Янь Цзихуа, наш Творец-сочинитель, имеет ни с кем не сравнимый литературный дар, талантом своим превосходит других. Посему надобно выбрать его.

Государь согласился и дал повеление:

— Нынче мы отдаем нашу дочь, принцессу Фаньян, в жены Янь Цзихуа, имеющему титул Творца-сочинителя и дувэя — командующего столичными войсками.

В хоромах Цветущего, который стал государевым зятем, появилась жена. В этот час ослепительно ярко горели светильники, повсюду блистали драгоценности-подарки. Поразительное великолепие, несравненная красота! О судьбе Цветущего лучше всего сказать стихами, сложенными на мотив «Похвалы жениху», — вот они эти стихи:

Чистый рассвет
пары благодати струит,
Взвился жемчужный занавес,
Музыка где-то звучит.
Толпы святых небожителей
покидают остров Пэнлай,
Упряжка фениксов и луаней
до земли их быстро домчит.
Грациозные, нежные
идут небесные феи
Легкий ветер повеял —
Слышно, как мелодично звенит
Драгоценных подвесок нефрит.
Выступают одна за другой
гибкие, словно ивы.
Подобных красавиц нет на земле,
прекрасны они на диво.

У благородной принцессы Фаньян было удлиненное лицо и крупные уши²², а говорила она протяжно, нежным и высоким голосом. Ходила чинно, но странно — будто кругами. С тех пор как Цветущий стал государевым зятем, он находился подле принцессы денно и пощно, а за столом они всегда сидели друг против друга. Если ж говорить о роскоши, что его окружала сейчас, то она не шла ни в какое сравнение с прошлым.

Но вот проснулся Цзиэр. И слышит, что кличет его хозяин, почтенный Мо. Он привел с собой колченогую ослицу и велел Приемышу пасти ее в стаде. Парень потянул за веревку. «Ночью мне досталась в жены принцесса, — усмехнулся он. — В день нашей свадьбы разливалось яркое сияние. А нынче? Что досталось мне нынче? Эта колченогая тварь!» Взобравшись на круп животного, он хорошенько уселся, как на воле, и попытался погнать ослицу в гору, но животное, по всей

видимости, непривычное к седоку, заупрямилось и вместо того, чтобы идти вперед, стало кружиться на месте. Ослица каждый день тянула мельничный жернов, и ей поваднее было ходить по кругу. Делать нечего! Цзиэр слез с упрямой скотины, хлестнул ее плетью и потащил за собой. Так добавилась в его стаде еще одна животина. Боясь растерять животных, Приемыш не оставлял их ни на минуту, ему некогда было даже поесть спокойно, и порой он довольствовался сухой коркой. Да и старый Мо не давал ему поблажки: то и дело приходил посмотреть, все ли в порядке.

Да, днем Приемышу жилось нелегко, но зато ночью приходило блаженство. Так и в эту ночь увидел он во сне, будто веселится с принцессой-женой. Вдруг приходит известие, что на страну идут походом два соседа: Страна Черных Трав и Страна Радостных Воли²³. Государь Хуасюй повелел зятю Цветущему, имевшему воинский чин дувэя, представить план боевых действий. В ямыше Творца-сочинителя тотчас собрались литераторы-книжники. Не спрашивая их совета о том, как надобно строить оборону или вести наступление, Цветущий завел высокие разговоры об истинных и честных помыслах, с помощью коих-де можно склонить соседей-врагов к миру. Многие чиновные люди рвались в бой, но Цветущий их советов не принял, и они удалились в смущении. Среди книжечников оказались двое, представившие бумагу, в которой давали согласие ехать к соседям говорить о мире. Обрадованный Цзихуа щедро одарил их и направил к супостатам с посольством. Получив приказ, книжники отправились в путь и сумели уговорить недругов отказаться от похода. Цветущий доложил об этом государю, не преминув приукрасить заслуги своих подчиненных. Обрадованный монарх, посчитав успех посольства за великий военный подвиг, присвоил Цветущему титул хоу — владельца Темной и Сладкой Волости, а также даровал Девять почетных регалий²⁴, возвысив тем самым над всеми вельможами двора. Богатство и знатность Цветущего достигли предела возможного. На этот счет есть такие стихи:

По совету Вэй Сяна мир заключили
с кочевниками-сюнну²⁵.

Ни один полководец не смог бы так
обогатить страну.

И стало легче распространяться
ученье о Дао-Пути,
Потому что при Сунах мечтали о мире
так же, как в старшну.

Итак, Цветущий удостоился титула хоу и Девяти почетных регалий. Его выезды сейчас поражали ослепляющим великолепием. Одетый в роскошное парадное платье, в шляпе высокого вельможи, с державным скипетром в руке, он разъезжал в изящном экипаже, который везли кони, легкие, как птицы луапь. Вокруг него свита с красными луками и черными стрелами; слева гарцуют всадники, в руках держащие червленые секиры, справа скачут воины с позлащенными топорами.

Как-то Цветущий возвращался от государя к себе в поместье. Вдруг, откуда ни возьмись, пред ним неизвестный ученый-книжник. Остановил лошадей и сказал:

— Ваша светлость! Почет и слава, которых вы достигли, дошли до предела. Их более нельзя умножать! Помните: солнце, что стоит на закате, рано или поздно склонится к западу, а полная луна станет ущербной. Счастье уйдет, и появится горе. Сейчас пока еще не поздно остановиться. В стремительном вашем взлете имейте смелость отступить немного назад, чтобы потом не раскаиваться.

— У меня счастливая судьба! — рассмеялся Цветущий, довольный, что все его планы и желанья сбылись. — Я действительно богат и знатен, как никто. А своими благами я хочу пользоваться сейчас, не думая ни о чем и не рассуждая. Что ты понимаешь, жалкий книжник! — Он громко расхохотался.

И вдруг его экипаж накренился, и Цветущий свалился на землю. Упал и... проснулся. Бросился к стаду и принялся считать волов.

— Беда! — завопил он, когда увидел, что недостает двух животных. Он стал бегать туда и сюда по горе, надеясь, что обнаружит какой-нибудь след. Вскоре на склоне он заметил вола, задранный тигром. Со вторым животным тоже случилась беда. Вол подошел к воде напиться, и стремительный поток унес его в пучину. Приеммыш растерялся. Невольно вспомнился сон. «Там напали два недруга-соседа, а здесь потерял двух во-

лов!» — сказал он про себя и со всех ног бросился к хозяину.

— Так-то ты сторожишь! — закричал разъяренный старик. — В свое время меня предупреждали, что для тебя главное — это послать! Теперь я сам убедился. Подумать надо, погубить такую скотину!

Он схватил коромысло и бросился на парня.

— Так ведь то был тигр, — стал оправдываться Цзиэр. — С ним не то что я, и сами быки не совладают. Посуди сам, хозяин, как я мог спасти вола? Ну а с тем, что утонул, я тоже не мог ничего поделывать. Скотина заходит в воду постоянно, сам знаешь. Кто ж мог подумать, что речка унесет вола?

Старый Мо чувствовал, что парень прав, но, раздосадованный потерей двух животных, он продолжал кипятиться и размахивать коромыслом. Как ни молил его Цзиэр о пощаде, как ни упрашивал, коромысло раз десять прошло по его хребту и пониже. Утирая слезы, парень пошел к своему шалашу, держась рукой за поясницу.

— Вот тебе и девять регалий!.. Колотушки по гузну!

Вспомнился ему ученый муж, преградивший дорогу. «Он советовал вовремя остановиться. Может, его слова означали, что мне больше не надо пасти волов?.. Правильно говорят, что во сне и наяву все бывает наоборот. Приснилась радость, жди горя; во сне — смех, наяву — слезы! Видно, все несчастья идут от заклятия, что я повторяю перед сном. Вот и получается, что ночью вижу радости, а днем — одни огорчения. Хватит! Больше не буду повторять заклинание! Посмотрю, что будет тогда!» Парень перестал читать заклинание, а горести его лишь умножились. Чудеса, да и только!

В эту ночь он снова попал в мир грез. Его супруга, принцесса Фаньян, вдруг занедужила. На спине у нее появилась красная опухоль, и жена слегла в постель. Цветущий испробовал все способы лечения, но ничего не помогало. Как раз в это время несколько сановников, не слишком видных по чину, но все же выдвинувшихся в последнее время, стали поговаривать, что, если с принцессой случится беда, звезда Цветущего закатится. Потом они раскопали какие-то ранние его прегрешения, настроили донос, в котором писали, что Цветущий-де

оказался неспособным построить заслон против врагов, что он, мол, сильно приукрасил свои заслуги, тем самым обманув государя и народ. В бумаге сообщалось также и о других его злодеяниях. Доклад царедворцев привел властителя в ярость. Он лишил Цветущего титулов и почетных регалий, запретил возглавлять заседания в Зале Творческого Созидания, а потом повелел заточить его в подземную темницу, где он должен был ждать допроса. Принцессе незамедлительно пашли нового мужа.

Два здоровенных стражника по монаршему повелению надели на Цветущего оковы и бросили в темницу возле выгребной ямы. Цзихуа чуть не задохнулся от смрада. «В какое страшное место я попал! — тяжело вздохнул он. — А я-то думал весь свой век наслаждаться богатством и славой! Видно, прав был тот книжник, сегодня сбылись его слова!» Из глаз его хлынули слезы. И тут он проснулся. «Нечистая сила! Какой страшный сон мне привиделся!» — вымолвил он, прокашлявшись от стоявших в горле слез. Бросив взгляд на животных, он заметил, что ослица лежит на земле. Парень стегнул ее раз-другой, а та не встает, да и только. Посмотрел Цзиэр на ослицу внимательнее и видит, что на спине у животного огромная рана — видно, веревка натерла. Парень всполошился:

— В прошлый раз мне крепко досталось за то, что я потерял двух волов. А сейчас еще эта тварь заболела! Если подойдет, снова отвечать придется!

Он бросился к речке, зачерпнул воды, промыл животному гноящуюся рану, дал пучок свежей травы. Потом с серпом отправился в гору, чтобы побольше нарезать травы. Увидел хороший куст, взмахнул серпом, но куст оказался крепким. Парень, разозлившись, схватил его обеими руками и выдернул с корнем. И вдруг в углублении он увидел каменную плиту, припорошенную рыхлой землей. Корни растения охватили камень со всех сторон и проникли в каждую щель и пору. Цзиэр подсунул под плиту серп, и плита приподнялась. Под ней оказалась глубокая яма, выложенная камнем, а в яме много золота и серебра.

— Сон среди бела дня! — взволновался парень и протер на всякий случай глаза. Посмотрел по сторонам. Нет, не сон: вон травы, деревья, которые можно даже

сосчитать, а в небе плывут облака. Цзиэр отбросил прочь серп и лукошко для травы.

— Сколько же мне взять денег на жизнь? — Он выбрал слиток серебра весом пятьдесят лянов, а может, и больше. Поставив каменную плиту на место, он забросал ее землей, закрыл травой и отправился к старому Мо.

— Хозяин! — сказал он старику, не дав тому даже рта раскрыть. — Я плохо пас твоих волов, двух волов загубил. А нынче опять же случилось несчастье — захворала колченогая ослица. Видно, я плохо за ней смотрел. Хозяин, за все мои прегрешения возьми слиток серебра. Вычти, что пужно, а остальные верни мне на прожитие. И вот еще что: отпусти меня, а себе найди другого пастуха!

— Никогда не доводилось мне держать в руках такой большой слиток! Целый век я трудился да потел на земле, а видел одни лишь серебряные обрезки! — Старый Мо изумился и встревожился. — Откуда он у тебя? Может, ты с кем посторонним сделал недоброе дело? Отвечай по-хорошему! Если тут что неладно, тотчас сволоку тебя в управу. Там допытаются до правды!

— Все скажу, хозяин! — испугался Цзиэр. — Их много, этих слитков, там, где я их нашел. Я взял только один...

— А где взял-то?

— На горе... в одном месте! Я резал траву и ненароком ковырнул землю. А там каменная плита вроде крышки.

Старик понял, что ценности кем-то были схоронены, и велел парню молчать, а сам стал допытываться, где то тайное место. Цзиэр показал старику. Отодвинули вместе плиту — действительно, полна яма золота и серебра, счетом его не счесть.

Старик от радости чуть не грохнулся наземь.

— Сынок! — он погладил Цзиэра по спине. — Здесь столько добра, что его не истратить за целую жизнь. Волов моих пасти тебе больше не надо. Ты будешь жить в моем доме и вести счетные книги. Пить и есть станешь в свое удовольствие. Что до скотины, то я найду другого пастуха.

Посоветовавшись, они взяли часть денег, а оставшиеся закрыли рогожей, сверху набросали травы и отпра-

вились домой. Старик шел впереди, Цзиэр с тюком серебра на спине следовал сзади. Схоронив деньги, они снова вернулись и сходили туда еще и еще, пока яма не опустела. Радость старого Мо не знала границ. Он быстро нашел какого-то парня пасти скотину, а Цзиэра оставил у себя в доме. Он определил юноше для спанья место и сам старательно прибрал его постель. Цзиэр подумал: «Намедни во сне я испытывал великие муки. Кто мог подумать, что смрадная яма предвещала такие богатства! Однако ж сегодня именно так и случилось! Видно, правду говорят: во сне происходит все наоборот. А если так, зачем мне богатства во сне? И это пятисловное заклятие мне совсем ни к чему — незачем его повторять!» С этой мыслью он и уснул.

И привиделось ему, что государь страны Хуасюй отобрал у него все богатства, а его самого заключил в дом призрения, где Цветущий должен был коротать оставшиеся дни своей жизни. И вот тогда долетела до его слуха песня:

Дерево сохнет,
корень гниет.
Смысл в нашей жизни
кто же найдет?

Сражались шесть враждующих царств²⁶,
и мир был страданием полн,
Величаво стоят три священных горы²⁷
вдалеке от бушующих волн.

Некто кичится богатством,
потерял жемчужинам счет,
А его впереди разорение ждет.
Прав только тот,
кто чашу випа всему предпочтет
И возвышенно-чистую песнь
с друзьями сплет.

Цветущий сразу узнал голос певца — это бы тот самый ученый муж, который в свое время делал ему предостережения. Цветущий подозвал к себе книжника и спросил:

— Тогда я не последовал твоим наставлениям, учитель, и вот до чего докатился. Скажи, можешь ли ты помочь мне сейчас, в силах ли спасти меня?

И книжник сказал ему четыре фразы, выговорив их неторопливо и четко:

Рушится все и кружится все —
Неужели так будет всегда?
Встретишь Мужа из Черного Сада²⁸,
Обо всем узнаешь тогда.

Проговорив странные слова, книжник заторопился уйти, но Цветущий схватил его за рукав и не отпускал. Книжник вырвался, и Цзиэр, оступившись, чуть было не упал. И тут он проснулся.

— Какая радость, что ничего не случилось! — воскликнул он, тараща глаза от испуга. — Чуть было не попал в дом призрения!

В этот момент на пороге появился старый Мо. Накануне у него был разговор с женой. Старик рассказал ей о деньгах, которые нашел парень, и о его редкой щедрости.

— У нас с тобой нет ни сына, ни дочери, кому мы могли бы передать хозяйство, — сказал Мо жене. — А сейчас еще эти большие деньги, которые свалились на нас неожиданно-негаданно... В общем, думаю я, надо нам усыновить Цзиэра и передать ему хозяйство, чтобы жили мы втроем одной семьей. Он, глядишь, позаботится о нас. За его щедрость мы отплатим ему своей добротой.

— Верно говоришь! И правда, наше хозяйство передать некому, — поддержала его жена. — Можно, конечно, найти кого-то чужого и отдать ему все дело, только с незнакомым человеком одно беспокойство. А Цзиэра мы знаем. Он ничего особенного не требует и от нас ничем не отличается. К тому же теперь он богат — вон сколько денег! Возьмем его в сыновья и отдадим все хозяйство ему.

На том они и порешили. Старый Мо тотчас пошел к юноше со своим предложением.

— Я не смею! — вскричал Цзиэр. — Хоть убейте, недостойн я!

— Если ты против, то и мне не к лицу принимать от тебя все эти богатства. Словом, отказываться тебе никак нельзя. Мы уже решили с женой — целую ночь совещались!

Цзиэр, не смея противиться, четырежды поклонился старому Мо, а потом пошел поклониться его жене. Став приемным сыном, он теперь получил еще одно

имя: Моцзи, что значит Мо Преемник. А сейчас послушайте стихотворение:

Некогда он
волов и ослицу пас.
Теперь неожиданно
стал он приемным сыном.
Как же с хозяином
он породнился сейчас?
Видно, всему
богатство было причиной.

Рассказывают, что с этого времени юноше стали сниться беспокойные и страшные сны: то вспыхнул в доме пожар, то случилось наводнение, то его ограбили воры, то потащили в суд. Вначале он думал так: «Пусть их! Ведь все эти беды приходят во сне, зато днем у меня радость. Все ж это лучше, чем ночью блаженствовать, а днем мыкать горе!» Но страшные сны повторялись каждую ночь, и, проснувшись, он долго не мог прийти в себя от дьявольских видений. Встревоженный, он снова принялся повторять старое заклятие, только сейчас оно не приносило ему облегчения, как раньше. Вы спросите почему? А все потому, что его сердцем крепко завладели думы о богатстве и выгоде, о самом себе и своем хозяйстве. Теперь он боялся, что случится пожар или его обворуют. Понятно, что беспокойная душа его находилась в полной растерянности. Не то, что раньше, когда он был простым пастухом, — ни тревог, ни волнений. Тогда каждая ночь проходила в беззаботном блаженстве, и он вкушал радости жизни знатного мужа.

Мо Преемнику очень хотелось вернуться к прежним грезам, но у него ничего не получалось. Сейчас он будто находился в пьяном дурмане, а его душу обволокла тупая одурь. Юпоша заболел. Старик Мо решил вызвать к больному лекаря, и тут как раз к дому подошел незнакомый даос с двумя пучочками, завязанными на голове. Даос сказал, что он излечивает от помутнения рассудка. Мо повел его в гостевую комнату и позвал Моцзи. Тот узнал в прищельце странника, который когда-то дал ему заклинание.

— Разве ты не пробудился еще от сна? — спросил даос.

— Учитель! Я не забыл твоего заклятия и повторял

его каждую ночь. И вот получилось, что во сне я имел все радости жизни, а днем случались беды. Тогда я бросил читать заклинание, и счастливые сны пропали. Сейчас снова стал его повторять, но — увы — напрасно. Скажи, отчего?

— Пять слов, что пазвал тебе, — это заклятие духа ночи. В книге «Хуаяньцзин»²⁹ по этому поводу так говорится: «Некий пастух, кто богатства любил, однажды захотел узнать смысл жизни. Для этого он отправился в град Капилаваста страны Магадха, что находится на священной земле Джамбудвипа³⁰, где встретил Властителя Ночи по имени Пошаньпоьянди³¹. Дух сказал: чтобы стать бодисатвой, надобно развеять темь и невежество и тогда засияет свет твоего освобождения». Слова заклятия следует повторять сотню раз, и ты увидишь сны радости. Я дал тебе это заклинание, потому что видел, что жизнь твоя полна тяжких забот. Сейчас все переменялось — днем ты имеешь почет и богатство, а ночью тебя терзают кошмары. Такова жизнь, в которой за радостью следует горе, а за цветущим взлетом — жалкое прозябание. Разве ты не убедился сам?

Только тут к Моцзи пришло настоящее прозрение.

— Учитель! — сказал он, склонившись в низком поклоне перед даосом. — Я и сам осознал, что в нашей жизни нет полного совершенства. Зачем мне теперь богатства и слава — весь тот почет, который меня окружал, когда я был знатным вельможей? Лучше я последую за тобой, учитель, уйду из семьи!³²

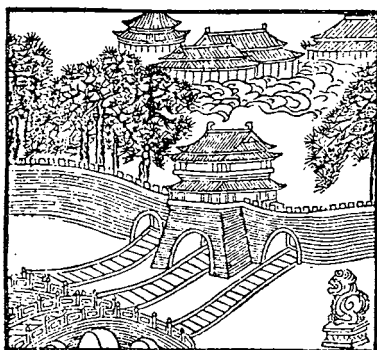
— Я — ученик почтенного небожителя Циюаня с Южных Гор³³. Наставник как-то поведал мне о тебе и сказал, что твой облик отмечен знаком Пути. Он послал меня сюда с тем, чтобы я спас тебя. Поскольку сейчас ты увидел пределы жизни, ты можешь последовать за мной.

Моцзи рассказал старикам о своем решении, и те, видя, что за юношей и впрямь явился святой человек — небожитель, не стали перечить. К тому же юноша оставлял им много золота и серебра, которых хватило бы на долгое время. Моцзи, соорудив на голове два пучочка, ушел за даосом. И они исчезли, как уплывают вдаль облака. Неизвестно, что произошло с юношей дальше. Скорее всего, постигнув Дао, он стал небожителем. Если читатель не верит, пусть откроет книгу под названием

«Истинный трактат Южных Гор», где он найдет эту историю. Здесь наш рассказ подошел к концу, и, как говорится, представление окончено. А сейчас послушайте стихи:

От мыслей пустых рождаются
сны в головах глупцов.
Эти мечтания можно
разрушить в конце концов
Окриком или действием³⁴ —
не советами мудрецов.

ХИТРОУМНЫЙ ЯНЬ ИН

Великий Юй¹ в горах Тушань
Скликает мудрецов².
С дарами гордые князья
Спешат к нему на зов.

И лишь Фан Фэн, чью кость потом
В повозке привезут³,
Последним прибыл ко дворцу —
И был недалог суд*.

Эти стихи сочинил некий монах Ху, а описал он в них те далекие времена, когда правили Поднебесной три монарха и пять государей⁴. В годы царствования одного из них — Шуня — разразился потоп, и вода, как говорится, захлестнула небеса. Поютно, что народ в ту пору терпел великие беды. Тогда государь Шунь приказал Гуню⁵ усмирить стихию, но Гунь не смог ее одолеть, и потоп бушевал, как и прежде. Разгневанный Шунь обезглавил Гуня в Юйшаньских горах, а сыну его Юю повелел продолжить дело. И тогда Юй открыл русла девяти рек, и воды их устремились в море. Многие годы трудился Юй и трижды проезжал мимо своего дома, но так ни разу в него и не зашел.

А потом по окончании всех работ он в горах Тушань возле Куайцзи решил собрать именитых князей, объявив им, что опоздавших на это собрание ждет казнь. Один лишь Фан Фэн — Стерегущий Ветры — нарушил приказ государя, и разгневанный Юй приказал казнить его, а тело бросить на пустыре. Спусти

* В этой повести стихи в переводе Л. Черкасского.

много лет во времена Вёсен и Осеней кто-то из жителей царства Юэ выкопал из земли огромную кость, она была столь велика, что едва уместилась в повозке. Люди в недоумении обратились к учителю Куну⁶.

— Это кость Фан Фэна, Стерегущего Ветры, — ответил мудрец.

Трудно сказать, какого роста был этот Фан Фэн, но кость, что осталась от него, была поистине невероятных размеров, впрочем, известно, что в стародавние времена жило немало великанов, обладавших нравом простодушным, а обликом подобных диким зверям, как Государь-Землепашец — Шэньнун⁷, у которого на макушке торчал мясистый нарост, похожий на рог. Но послушайте, что говорили в древности:

Все люди были на зверей
Похожи в старину,
Но добродетель мудрецов
Прославила страну.
А ныне люди на людей
Всею обликом похожи,
Но как жестокости людской
Измерить глубину?

А сейчас мы расскажем вам о трех силачах, с которыми без особого труда справился карлик ростом всего лишь в три чи. Во времена Разделенных Царств⁸ эпохи Вёсен и Осеней при дворе Циского государя⁹ Цзингуна служили три великана. Первый был Тянь по имени Кайцзян — детина ростом в чжан и пять чи с багровым, налитым кровью лицом и горящими, как факелы, глазами. У него был словно вырубленный топором рот, скулы, придававшие ему сходство с рыбиной, а зубы без единого просвета — ну прямо широкая доска в пасти. Как-то во время государевой охоты в Тушаньских горах загонщики подняли свирепого тигра, и тот бросился на лошадь Цзингуна. Обезумевшее от ужаса животное сбросило седока на землю. Тянь, находившийся рядом, не успел пустить в ход меч или копьё. Он просто одной рукой схватил тигра за загривок, другой стукнул его по макушке, а для верности пнул зверя ногою в самую морду. Тигр тотчас испустил дух, и государь Цзингун был спасен. Все придворные, военные и штатские чины были потрясены таким подвигом. Государь, возвратившись во дворец, немедленно пожало-

вал герою титул вельможи Многолетия и Спокойствия. То был первый великан, совершивший, как известно, немало бесчинств в царстве Ци.

Второй, которого звали Гу Ецзы, ростом был в чжан и три чи. На темном, словно вымазанном черной тушью лице топорщилась рыжая щетина. Руки походили на медные крючья, зубы — на пилы. Как-то вместе с государем он переправлялся через Хуанхэ. Вдруг разразился ливень, и в реке заходили ходуном волны. Вот-вот перевернется судно. В пебе то и дело появлялись ослепительные всполохи, а отблески молний плясали в воде.

— Это проделки дракона — властителя Хуанхэ, — проговорил Гу, стоявший рядом с государем.

— Что же делать? — растерялся Цзингун. Он был очень напуган.

— Владыка! Не изволь тревожиться! Разрешите моему верноподданному убить дракона.

Гу Ецзы скинул одежды и, схватив меч, нырнул. Через какое-то время ветер стих, волны спали, и из воды показался герой с головой дракона в руке. Цзингун даровал ему титул вельможи Воинственного Спокойствия. Таков был второй великан, который бесчинствовал в стране Ци.

Третьего звали Гунсунь Цзе, ростом он был в чжан и два чи. Голова, словно высокая башня, глаза треугольные, ребра что бревна, спина сутулая, ну прямо как у большой обезьяны. Силой он обладал такой, что мог поднять тяжесть в тысячу цзиней¹⁰. Однажды в страну Ци вторглась Циньская¹¹ армия. Цзингун повел свои войска навстречу врагу, но армия Цинь разгромила их и, преследуя солдат по пятам, окружила войска Цзингуна у Горы Поющего Феникса. Тогда Гунсунь Цзе схватил железную палицу в сто пятьдесят цзиней весом и бросился крушить врагов. Армию Цинь, которая насчитывала сто тысяч солдат, охватила великая паника. Богатырь спас государя, и тот наградил его титулом вельможи Угрожающего Дальним Странам.

Три великана объявили себя названными братьями и поклялись, что до гробовой доски будут помогать друг другу. Надо вам сказать, что они были полными невеждами и не имели ни малейшего понятия о приличиях. При дворе они творили всякие беззакония, ни во что не ставили не только подданных, но и самого госу-

даря. Словно острый шип вливался в спину Цзингуна, когда детины появлялись во дворце.

Как-то раз государство Чу¹² направило в Ци посла — имепитого вельможу Цзинь Шана с предложением заключить мир. Оба государства, хоть и были соседями, но враждовали меж собой вот уже более двадцати лет и никак не могли договориться о мире. Представ перед государем Ци, посол сказал:

— Уже долгое время наши страны воюют, отчего простой народ терпит великие беды. Ныне я прибыл в вашу страну с наказом моего владыки договориться о мире и навсегда покончить с войной. Но только вы должны признать наше главенство. Ведь наша страна раскинулась на тысячу ли, ее пересекают три крупные реки, ее омывают воды пяти озер. Зерна у нас столько, что хватит на долгие годы, в избытке у нас и солдат. Поэтому нам по праву должно принадлежать старшинство в этом союзе. Пусть государь Ци хорошенько поразмыслит об этом — ведь только так он может приобрести выгоду и славу.

Услышав такую речь, три великана пришли в ярость и стали поносить посла.

— На что годится твое царство?! Мы трое во главе храбрых воинов в один миг сотрем твою страну с лица земли, всех изничтожим, никого не оставим в живых!

Великаны крикнули телохранителям государя, чтобы они вытащили посла из зала и отрубили ему голову. И тут у ворот дворца оказался Янь Ин, канцлер страны Ци — человек ростом всего в три чи и восемь цуней¹³. У него были белые зубы и пунцовые губы, под густыми бровями блестели ясные глаза. Он остановил воинов и спросил посла, что случилось. Тот объяснил. Янь тотчас его отпустил. Он наказал ему возвратиться на родину и сказал, что сам приедет в Чу договориться о мире. После этого он пошел на доклад к государю. Узнав, что Янь Ин отпустил посла, три великана пришли в ярость.

— Мы велели отрубить ему голову, — заорали они. — По какому праву ты его отпустил?

— Разве вам неизвестно, что послов не казнят, даже если страны воюют друг с другом? А именно такой посол и приехал к нам. Если его убить, все соседние страны с презрением отвернутся от нас. Я, никчемный Янь

Ин, обещаю, что сам поеду в Чу и постараюсь убедить их государя и сановников, чтобы они, смирившись, признали свои преступления и объявили нашу страну старшей. Для этого не потребуется ни мечей, ни солдат. Как вы на это посмотрите, почтенные?

От ярости у детей поднялись волосы на макушке, даже немного приподнялись шляпы.

— Желторотый юнец, безмозглый книжник! Тебя, по всей видимости, вовремя не распознали и сделали канцлером случайно. Как ты смеешь раскрывать свою лживую пасть и хвастаться перед теми, кто способен расправиться с драконом и снести голову тигру! Мы ничего не боимся и можем сразиться против десяти тысячного войска. Мы готовы поднять на бой отборных солдат и сровнять с землею все царство Чу. А кому нужен ты?

Но тут их речь прервал государь.

— Коли наш подданный говорит столь уверенно, значит, у него есть основания. Пусть едет в Чу. Его успех в переговорах может стать выше победы в бою.

— Так и быть, пусть желторотый едет послом,— проворчал один из силачей.— Но только, если он осрамит нашу страну, мы из него крошево сделаем!

— Канцлер! — обратился к Янь Ину правитель.— В этом посольстве тебе должно проявлять большое рвение. И будь внимательным.

— О, не тревожьтесь, государь! — воскликнул Янь.— По приезде в Чу я поведу себя с ними так, будто они предо мною лишь жалкая пыль.

Янь Ин откланялся и скоро отправился в путь во главе посольства из десятка человек. Когда экипажи подъехали к городу Ин — столице государства Чу, государю было доложено о приближении посольства, и во дворце открылся совет:

— У этого Яня острый язык и коварный ум. Он наверняка придумал какую-нибудь хитрость. Надо сразу же заткнуть ему рот, чтобы он не посмел сказать и слова,— заметил кто-то из сановников Чу.

Государь Чу с придворными обсудил план, после чего приказал просить посла.

Когда Янь Ин подъехал ко дворцу, он обнаружил, что Золотые Ворота закрыты и лишь в нижней их части

оставлена щель. Несомненно, это было сделано с умыслом — государь Чу решил унижить посла, намекая на его маленький рост. Янь Цзы попытался протиснуться в узкий лаз.

— Остановись, канцлер! Не попадись на их удочку! — крикнул кто-то из свиты. — Они хотят унижить тебя, намекая на твой маленький рост.

— Ничего вы не поняли! — рассмеялся Янь. — Всем хорошо известно, что у людей бывают ворота, а у собак в конуре — дыра. Когда приезжаешь к людям,ходишь в ворота, а коли попадаешь к псам, приходится лезть в дыру. Какие здесь могут быть сомнения?

Когда до чусцев дошли эти слова, они сразу же открыли Золотые Ворота и вышли гостю навстречу. Янь вошел во дворец горделиво, будто не замечая никого вокруг.

После церемонии встречи правитель Чу спросил посла:

— Говорят, в вашей стране мало земли, да и людей не слишком много?

— Ну что вы! — возразил Янь. — Наше государство на востоке подходит к самому морю, на западе граничит с Вэй и Цинь, на севере оно соседствует с Чжао и Янь, на юге теснит У и Чу¹⁴. На многне сотни ли у нас слышатся пение петухов и лай собак. Как можно говорить, что у нас мало земли?

— Возможно, земли и хватает, а вот населения маловато, — заметил правитель.

— От дыхания наших людей образуются густые облака, а их пот увлажняет землю, как дождь. Пешеходы задевают друг друга плечами, а когда останавливаются, невозможно найти свободной щелки. Ну, а золота и серебра, жемчугов и нефрита — целые горы!

— Если ваша страна столь обширна, а народа в ней много, почему же правитель прислал к нам послом человека столь мелкого роста?

— В большие государства посылают крупных людей, в ничтожные — маленьких ростом. Вот и назначили меня послом в вашу страну.

Чуский государь бросил взгляд на вельмож и, не найдя, что ответить, замолчал. Он пригласил Яня в дворцовую залу, где посол занял почетное место за столом. Прислужники поднесли гостю вино. Янь Иц, на-

ходившийся в самом хорошем настроении, как ни в чем не бывало приступил к трапезе.

И тут в зал ввели человека, который оглашал воздух криками о несправедливой обиде. Его окружали стражи из отряда золототыквенных¹⁵. Это был один из спутников Яня, и посол спросил, в чем его вина.

— Он подлый преступник! Он только что совершил кражу — хотел вынести винную чашу, но стража вовремя его схватила.

— Неправда, я ничего не крал! — крикнул задержанный. — Это клевета!

— Мерзкий грабитель! — воскликнул Янь. — Ты смеешь еще отпираться. Я сам сведу тебя на базарную площадь и отрублю голову.

— Господин канцлер, неужели для посольства не могли подобрать людей поприличнее? — спросил какой-то вельможа Чу. — Ваши провожатые нечисты на руку, они позорят своего государя.

— Надо вам знать, почтенные, что сей человек был всегда честен. Я его знаю — он сызмальства находился при мне. Но меня не удивляет, что он стал вором. Всем известно, благородный муж из нашего царства Ци, приехав в Чу, становится просто пичтожеством, это объясняется, видимо, здешними нравами. Я слышал, в Южноречье возле озера Дунтинху¹⁶ растет дерево, которое приносит великолепные плоды под названием апельсины. Они оранжевого цвета, ароматные и сладкие. Если же посадить такое дерево на севере, то оно дает плод темного цвета, дурно пахнущий, горький или кислый на вкус. Эти два плода так и называются: южный апельсин и северный дикоплод. Ясно, дело в различных условиях. Так же и честные люди из Ци у вас в стране Чу становятся грабителями. Ничего странного!

Престыженный правитель поспешно сошел с трона и, почтительно сложив руки на груди, проговорил:

— Вы поистине мудрый человек, господин посол. С вами не может сравниться ни один сановник моей страны. Я готов внимать вашим речам и исполнить все, что вы попросите.

— Государь, взойдите на трон и выслушайте, что я вам сейчас скажу. У нас в стране Ци есть три воина, которые грозят сразиться с целой армией. Уже долгое время они готовятся напасть на вас, но я всеми силами

противлюсь, так как знаю, что если наши страны начнут воевать, то страдать от этого будут рожденные в травах¹⁷. Допустить это никак нельзя. Я прибыл сюда, чтобы договориться о мире. И вы, государь, сами можете поехать к нам в Ци и заключить мирный союз. Наши страны станут друзьями, такими близкими, как губы с зубами¹⁸, и мы скрепим этот союз жертвенной кровью. Ежели вторгнутся соседи-враги, мы станем помогать друг другу. При такой взаимной поддержке мы на многие годы сохраним мир в наших царствах. Но если, государь, вы не слушаете совета, быть беде! Я не запугиваю вас, я только хочу, чтоб вы хорошенько поняли.

— Одинокий¹⁹ внимательно выслушал ваши мудрые речи и уже принял решение установить с царством Ци братский союз. Меня тревожат лишь ваши три силача, которые лишены не только благородства, но и человечности. Из-за них я опасаясь ехать в вашу страну.

— Не беспокойтесь, государь! Я буду охранять вас сам, а, кроме того, есть у меня план. Все трое умрут на ваших глазах, и тогда вражда между нами вовсе исчезнет.

— Если их действительно не станет, мы готовы посчитать себя вассалами и будем охотно платить ежегодную дань.

Янь пообещал, что все будет исполнено.

Правитель Чу устроил в честь посла торжественный пир, и Янь уехал, а спустя некоторое время с богатыми дарами тронулся в путь и сам государь Чу. Но вернемся к Янь Ину.

Он послал в свое царство гонца, чтобы заранее известить о событиях. Обрадованный государь Ци повелел всем крупным вельможам и мелким чиновникам выйти вместе с ним за городские ворота для встречи посла. И лишь три великана остались очень недовольны новостями. Когда Янь Ин приблизился к городским стенам, правитель вышел из своей колесницы и пошел навстречу вельможе. Обменявшись фразами о тяготах пути, государь пригласил канцлера в экипаж и направился во дворец, провожаемый густыми толпами людей. После беседы с правителем Янь Ин отправился домой, а на следующий день снова явился ко двору. Возле одного павильона он увидел трех великанов, играющих в

кости. Янь Ип отвесил поклон, но чванливые воины даже не повернули головы, словно не замечая его. Поставив некоторое время, Янь пошел к государю и пожаловался ему на трех грубиянов.

— Они и со мной обходятся как с неразумным младенцем,— вздохнул правитель.— Приходят во дворец с мечами. Кажется, они замышляют захватить трон. Хотелось бы избавиться от них, но как это сделать? Я нахожусь в полной растерянности.

— Не тревожьтесь, государь!.. У меня созрел план. Если все исполнится, эти нахалы сами себя погубят. Прошу вас лишь одного: устройте большой пир по случаю приезда государя Чу и его вельмож.

— Что ты задумал?

— Три великана храбры, но глупы. Если замысел мой удастся, можно избавиться сразу от трех.

И Янь Ип ему рассказал. Государю весьма понравился ловкий план Яня, и он горячо одобрил его.

На следующий день к воротам дворца подъехал правитель царства Чу в сопровождении более сотни вельмож, военных и штатских. За свитой следовали повозки, груженные золотом, перлами и разными редкостными изделиями. Правитель Ци пригласил гостя в покои. Государь Чу, войдя в тронную залу, отвесил торжественный поклон. Хозяин поспешил ответить на приветствие гостя. Когда оба государя сели, правитель Чу приказал своим придворным внести дары.

— Подношу вам эти скромные дары в надежде, что вы их не откажетесь принять,— проговорил он, почтительно сложив руки на груди.— Двадцать лет мы, как злодеи, вторгались в вашу страну. Но вот после беседы с вашим канцлером я решил принести свои извинения.

Цзингун с благодарностью принял подношения соседа. После церемонии встречи начался торжественный пир. Оба государя и их подданные оказывали друг другу всяческое почтение и любезность. Что до трех великанов, то они, опоясанные мечами, стояли в дальней части дворцовой залы, сохраняя свой обычный надменный вид, но на них никто не обращал внимания.

Когда пирующие захмелели, правитель Ци приказал:

— В нашем саду созрели золотистые персики, сорвите их и принесите сюда.

Через мгновение дворцовый евпух внес на золотом подносе пять плодов.

— В этом году созрели лишь пять персиков. По вкусу и аромату они ни с чем не сравнимы,— сказал государь Ци и обратился к Янь Ину: — Канцлер! Наполни кубки, мы отведаем плоды.

В те далекие времена, о коих идет речь, персики очень ценились, так как вырастить их было весьма нелегко. Не удивительно, что все присутствующие смотрели на них как на редкую диковину. Янь Ин налил в яшмовый кубок вина и поднес правителю Чу. Гость выпил и съел персик. Второй кубок вельможа поднес своему государю. Тот осушил его и также съел персик.

— Эти плоды — большая редкость,— проговорил правитель Ци,— мы даруем один персик канцлеру, который сделал много для нашего трона. Именно он помог установить мир между нашими странами.

Янь Ин, опустившись на колени, выпил кубок вина и съел персик, который ему даровал государь.

— Оставшиеся плоды получают те придворные, кто имеет наибольшие заслуги,— сказал Цзингун.

И тут перед столом государя появился Тянь Кайцзян.

— Государь, во время охоты в горах Тушань я голыми руками убил свирепого тигра. Велик ли мой подвиг?

— Нет большего подвига, чем служить государю и спасти его,— ответил Цзингун.

Янь Ин поспешил поднести храбрецу вино и персик.

— Эка невидаль убить тигра! — загремел Гу Ецзы.— На реке Хуанхэ я отрубил голову дракону и спас властителю жизнь. Меня не утрашили даже огромные волны. Велик ли мой подвиг, государь?

— Без сомнения, твой подвиг можно считать выдающимся. Я жалую тебе тоже кубок вина и персик.

Янь Ин быстро наполнил кубок и поднес герою золотистый плод. В это время к столу государя, отмеряя большие шаги, подошел Гунсунь Цзе. Полы его халата развевались от стремительного движения.

— Я бился железной палицей с многотысячным войском и помог государю выйти из окружения. Никто из врагов не отважился приблизиться ко мне. Велик ли мой подвиг?

— Да, твой подвиг трудно сравнить с другими действиями, которые случаются на небе или на земле... Но вот беда, на блюде не осталось плодов. Выпей пока чарку вина, а персика тебе придется подождать до будущего года.

— Твой подвиг самый великий из всех, но ты промедлил рассказать о нем, — заметил Янь Ин. — Уже нет плодов и нечем отметить твои заслуги.

— Сразить дракона или убить тигра — пустяшное дело, — воскликнул Гунсунь, хватаясь за рукоять меча. — Я крушил многотысячную рать врагов, рубил их вдоль и поперек, так что вокруг меня оставалась пустота. Наконец, я спас жизнь государю! Мой подвиг ни с чем не сравним, а меня обделили подарком! Больше того, меня оскорбили перед правителями обеих стран, я опозорен на тысячи поколений. С каким лицом я буду служить теперь трону! — Великан взмахнул мечом и упал замертво с перерезанным горлом.

Тянь Кайцзяп, пораженный смертью названного брата, тоже выхватил меч.

— Я съел персик, хотя подвиг мой незначительный, а мой брат, который действительно заслужил награду, ничего не получил. Такого позора я не переживу! — И он тоже вонзил в горло меч.

— Мы были близки, как кости с мясом, и поклялись друг другу разделить вместе жизнь и смерть. Оба брата погибли, я тоже не могу оставаться в живых! — вскричал воинственный Гу и также покопчил с собой.

Правитель Ци приказал похоронить тела трех великанов за восточными воротами дворца.

— Если бы не персики, мы никогда не смогли бы избавиться от этих грубиянов и гордецов! — усмехнулся Янь. — Сейчас всем тревогам пришел конец. Ну, каков мой план?

Чуский государь, поднявшись со своего места, склонился перед канцлером в глубоком поклоне и со вздохом восхищения промолвил:

— Мы преклоняемся перед тобою, вельможа! Твой замысел был исполнен тонкой проницательности и хитроумия. Клянусь, что с сегодняшнего дня мы никогда не нарушим ваших границ и будем считать вашу страну старшей в нашем союзе.

С этого времени оба государства жили в мире, и

между ними уже не случалось никаких столкновений, а старшим в союзе считалось царство Ци. Что до Янь Ина, то его имя передавалось из поколения в поколение и даже Возвещающий Мудрость Конфуций высоко чтит его ум. Впоследствии полководец Чжугэ Кунмин²⁰ в стихотворении «Скорблю на горе Лянфу» воспел рассказанные нами события в таких строках:

Выхожу из столичных ворот,
Вдалеке Тяньпильи дома,
Три могильных кургана там,
Одинаковых три холма.

Кто в курганах тех погребен?
Гу Е-цзы, Гунсунь Цзе и Тянь.
Каждый ловок был и силен —
Мог бы сдвинуть гору Наньшань!

Но сразили два персика их,—
И в могиле бойцы-силачи.
Их привел к роковой черте
Хитроумный вельможа Ци.

Об этой же истории говорится в другом стихотворении, сложенном на мотив «Вся река красна»:

Был правитель Цзингун благороден и смел,
В ратном деле мастак и охотник лихой;
Он, по тропам кружа,
С диким зверем столкнулся,—
И копь захрапел,
И попятилась свита, дрожа.
Но разгневанный Тянь кулаками затряс,
Тигра наземь свалил,
Хищник кровью истек, и потух его взгляд.
В этом славном бою
Тянь правителя спас,
И герой удостоен наград.
Гу Е-цзы, его брат,
Злого духа убил,
А могучий Гунсунь
Войско Циной разбил.
Во дворцовых покоях
От славы
В те дни
Распоясались вовсе они!
Канцлер Янь был вельможа большого ума,
Он два персика взял и увлек силачей
В мир безмолвья и тьмы...
У восточных ворот
Три могильных холма,
И луна освещает холмы.

ЗОЛОТОЙ УГОРЬ

День за днем проводили они
в тумане пьяного сна,
Но тотчас в горы гулять поспешили,
узнав, что уходит весна.

Когда миновали скит в бамбуках,
услышали речи монаха —
Сказал: «Быстротечна земная жизнь —
проплывет в мгновенье она»¹.

Говорят, что во времена Великой династии Сун² жил некий Цзи Ань, служивший конвойным в Северной управе, то бишь в Тайном приказе. Дома у него лишь он да жена, больше ни единой души. Стояли жаркие летние дни. Как-то, сменившись с дежурства, конвойный сидел дома, изнывая от скуки и жары. И вдруг мелькнула мысль: почему бы не сходить порыбачить? Собрал рыболовные снасти и отправился к Пруду Золотого Сияния. Сидел он долго, почти целый день, но все без толку. Чертыхнувшись, он решил было складывать удочки, как вдруг заметил, что поплавок дернулся. Цзи Ань сделал подсечку и вытащил рыбку. Помяная Небо добрым словом, он швырнул добычу в корзину, толком даже не разобравшись, что поймал. Собрал снасти и отправился в обратный путь. Идет и слышит, будто кто его кличет:

— Цзи Ань!

Обернулся — никого. Пошел дальше.

— Цзи Ань! — вдруг снова раздался голос. — Я — владыка Пруда Золотого Сияния. Отпусти меня на

волю, и я сделаю тебя богатым! Если погубишь меня, я изведу тебя со всею твоей семьей!

Цзи Ань прислушался — голос как будто доносился из корзины.

— Ну и чудеса! — удивился конвойный и продолжал свой путь. Придя домой, он положил на место снасти, а корзину поставил на пол. Вдруг слышит — зовет жена:

— Муженек! Иди живей в гостевую комнату. Господин тайвай³ уже дважды присылал за тобой. Что-то случилось на службе!

— Что там еще стряслось? Зачем меня вызывают?.. У меня же отгул! — только успел проговорить конвойный, как заметил посыльного.

— Конвойный! — крикнул гонец. — Тебя ждет господин тайвай.

Цзи Ань быстро переоделся и поспешил на службу. Выполнив поручение начальства, он вернулся домой, переоделся и велел жене накрывать на стол. Глядит, а у жены все уже готово — на столе блюдо, а на нем рыба, которую он изловил.

— Беда! Беда! — в ужасе закричал конвойный. — Конец мой пришел!

— Что ты вопишь? — перепугалась жена. — Ведь ничего не случилось!

— Ты погубила золотого угря — владыку Пруда Золотого Сияния, и теперь мне больше не жить! Он сказал, что, если я его отпущу, он принесет мне богатство, а если погублю, изведет всю семью.

— Глупости и враки! — выругала его жена и даже сплюнула с досады. — Где это видано, чтобы угорь говорил человеческим голосом?.. Я его разделала на ужин, потому что в доме больше ничего не было. Если ты отказываешься, я его сама съем. Тоже еще выдумал!

Цзи Ань был очень удручен случившимся. Поздним вечером супруги пошли спать. Сняли одежды, легли. Чувствуя, что муж все еще расстроен, жена стала к нему ластиться, пытается расшевелить. В эту ночь она понесла. Через некоторое время у нее вырос живот, увеличились груди, веки отяжелели, взгляд стал сонным. Прошло десять лун, и она почувствовала, что пришла пора родить. Позвали бабку-повитуху, и та приняла девочку. Поистине:

Из года в год без людской заботы
расцветает дикий цветок.
Так и беда нагрянет сама,
когда никто и не ждет.

Счастливые родители назвали девочку Цинну.

Время бежит, словно стрела летит. Не успели оглянуться, и вот уже девочке исполнилось шестнадцать весен. Смышленная и ловкая, она имела приятную внешность. К тому же была хорошей мастерицей. Родители души в ней не чаяли. Наступил год бинъю эры Спокойствия и Процветания⁴. Как раз в это время в стране началась большая смута⁵. Цзи Ань с женой и дочерью собрали пожитки и подались в чужие края. Через некоторое время Цзи Ань узнал, что императорский двор двинулся в Ханчжоу, и он решил ехать с семьей в Линьань⁶. В пути они находились не день и не два, по вот, наконец, добрались до места. Найдя временное пристанище, Цзи Ань отыскал своего прежнего начальника и снова поступил в приказ. Впрочем, об этом можно и не рассказывать. Через одного знакомого конвойному удалось приобрести дом, в котором они обосновались всей семьей. Как-то они с женой вели разговор о жизни.

— После работы у меня остается много времени, — сказал муж. — Если не заняться каким-нибудь делом, доходов наших надолго не хватит. Мне бы подыскать какую-то дополнительную работенку.

— Я тоже об этом думала, да только ничего не придумала, — сказала жена. — А может, открыть винную лавку? Когда ты будешь на службе, мы с дочкой будем торговать!

— Верно! И у меня была такая мысль!

Конвойный пошел разузнать, как идет торговля у соседей. На следующий день он подыскал и приказчика, парня из чужих мест, который с детства жил в Линьани, промышляя там скупкой и продажей платя. У Чжоу Дэ, или Третьего Чжоу (так звали этого парня, поскольку он был третьим в семье), не было ни отца, ни матери, и жил он один-одинешенек. Итак, Цзи Ань, устроив все нужные дела, выбрал благоприятный день для открытия питейного заведения, и его лавка распахнула двери. Третий Чжоу замещал его в лавке, когда хозяин был на службе, а кроме основной работы занимался еще продажей фруктов возле ворот.

Торговали в лавке также жена конвойного и его дочь Цинну.

Прошло несколько месяцев. Чжоу Дэ оказался очень старательным, ни от какой работы не отказывался. Как-то утром Цзи Ань сказал жене:

— Послушай, что я тебе скажу! Только не бранись!

— Что там у тебя?

— Сдается мне, будто наша Цинну в последнее время какая-то странная.

— С чего ты взял? Девочка день и ночь у меня на глазах, я ее никуда от себя не отпускаю.

— Ну, раскудахталась!.. А вот мне кажется, что она перемигивается с нашим приказчиком!

На том разговор и кончился. Однажды, когда отца не было дома, мать позвала дочь и сказала:

— Дочка! Мне надо с тобой поговорить. Только отвечай правду, ничего не скрывай!

— Что случилось, матушка?

— Все эти дни я к тебе приглядываюсь, и кажется, что ты будто бы изменилась, словно затяжелела. Не скрывай от меня, говори начистоту!

Цинну стала отнекиваться, но в ответах то и дело путалась, говорила невпопад, неуверенно, то бледнела, то заливалась румянцем. Мать все это, конечно, заметила.

— Говори правду! — приказала она и, схватив дочь за рукав, принялась внимательно разглядывать со всех сторон. И вдруг все поняла. Сначала заохала и запритчала, а потом стала бить девушку по щекам.

— Говори, кто тебя испоганил?

Не стерпев побоев, Цинну призналась:

— С Третьим Чжоу у нас... — заплакала она.

— Что теперь делать? — прошептала мать, но громко кричать побоялась. — Что я скажу отцу, когда он вернется? Какой позор!

А в это время Чжоу Дэ, ни о чем не подозревая, торговал вином возле ворот дома.

Вечером, когда Цзи Ань вернулся со службы и успел отдохнуть, жена, накрывая на стол, сказала:

— Мне надо тебе сообщить одну вещь... Ты был тогда прав. Наша негодница спуталась с Чжоу... он ее, кажись, испортил.

Если бы конвойный не услышал этих слов, быть мо-

жет, все кончилось благополучно, но, узнав такую новость, он пришел в ярость. Как говорится:

Злоба в печень проникла,
Ярость в сердце возникла.

Он бросился к двери, намереваясь задать приказу хорошую взбучку, но жена преградила ему дорогу.

— Надо хорошенько все обдумать! Ну, отлупишь ты его, а какой в этом прок? Все одно — опозорились!

— Эту негодницу я в свое время хотел отдать в добрый дом в услужение, а она вон что выкинула!.. Если мы не смогли правильно ее воспитать, значит, остается убить ее, и шабаш!

Жена стала мужа уговаривать, и через некоторое время гнев его немного поутих. Но что делать? Жена принялась неторопливо объяснять свой план. Послушайте такую присказку:

Цикада заранее знает, когда
подует осенний ветер,
Но когда придет к человеку смерть,
не знает никто на свете.

— Есть только один выход избежать позора,— сказала жена.

— Ну, говори!

— Третий Чжоу у нас работает уже давно, и мы его хорошо знаем. Почему бы нам их не поженить?

Рассказчик! Наверное, лучше было не отдавать Цинну за этого парня, а просто прогнать его прочь. Сначала, быть может, многие стали бы посмеиваться над конвойным, но потом досужие разговоры прекратились бы сами собой.

Но Цзи Ань согласился с предложением жены. Третьему Чжоу он пока ничего не сказал, однако в доме почевать больше не разрешил.

«Интересно, что у них произошло? — гадал парень, отправляясь к себе.— С чего это хозяин услал меня нынче со двора?.. Да и хозяйка утром устроила дочери взбучку... Неужели они пронюхали? Если Цинну проболталась, меня могут потянуть в суд. Что делать? В голову ничего не приходило. Поистине:

Вместе всегда летают
ворона и сорока⁷,
Но радости или горю
никто не ведает срока.

Оставим пока праздные разговоры и вернемся к нашим героям. В скором времени конвойный послал к Третьему Чжоу сватов. Затем они договорились о приданом, о свадебных подарках, и, наконец, был назначен день свадьбы. Но об этом можно и не рассказывать.

Чжоу поселился в семье Цзи, и молодые супруги стали жить душа в душу, тайно мечтая, однако, побыстрее покинуть дом родителей. Третий Чжоу работать стал спустя рукава. Утром поднимался поздно, а ложился пораньше. Словом, совсем обленился, и о нем пошла дурная слава. В конце концов у конвойного лопнуло терпение, и он как-то сцепился с зятем, а потом ссоры стали происходить постоянно. Посоветовавшись с женой, Цзи Ань решил подать в суд и просить начальство расторгнуть брак. Он уже давно подумывал об этом, да боялся, что его засмеют, а сейчас твердо решил избавиться от парня. Соседи поначалу пытались было отговорить конвойного, но тот ни в какую. Он пожаловался судье, что Третий Чжоу, принятый в дом зятем, ведет себя непристойно. Делу дали ход. Вскоре Третьему Чжоу пришлось покинуть дом Цзи Аня — его брак с Цинну расторгли. Цинну осталась одна, недовольная и злая, но спорить с отцом она побоялась. Прошло около полугода. Как-то раз в доме конвойного Цзи появилась нежданная гостья — сваха. Удобно усевшись, она завела такой разговор:

— Я пришла к вам по делу... Слышала, что у вас есть дочка на выданье.

— Если у тебя на примете приличный человек, мы не прочь, чтобы ты устроила счастливый союз, — сказал Цзи Ань.

— Есть некий Ци Цин. В свое время он служил в Отряде Крылатых Тигров⁸, а сейчас работает посыльным у одного крупного чиновника.

Поняв, что предлагают неплохую партию, Цзи Ань согласился и передал ей карточку со знаками невесты⁹.

— Матушка! Уж ты потрудишься, пожалуйста, — сказала жена конвойного, после того, как было выпито изрядное количество чарок, — а если все образуется, мы тебя отблагодарим!

Сваха ушла, а супруги продолжали беседу.

— Кажется, подвернулась удача! — проговорил конвойный. — Прежде всего, он из служивого сословия;

к тому же человек в возрасте, а значит, определившийся и устоявшийся. Главное же, что этот негодник Чжоу больше не сунется, потому что у дочери муж будет не кто-нибудь, а служащий ямыня... Этого Ци Цина я немного знаю, человек как будто порядочный.

Свадебные дела разворачивались стремительно. Ловкая сваха обо всем быстро договорилась, и свадьба была сыграна без промедления и лишних церемоний.

В одной поговорке говорится: «Девушка и юноша близки друг другу чувствами своими и пылкостью страсти». Здесь же все получилось как раз наоборот. Скоро оказалось, что молодожены не подходят друг другу. Ци Цин был уже в летах, и, само собой, это не слишком устраивало Цинну. На этой почве у них то и дело возникали ссоры. Казалось, дня не проходит спокойно. Родители поняли, что и этот брак получился неудачный, лучше его побыстрее кончать. Конвойный снова подал прошение властям и через приятелей добился, чтобы в ямыне утвердили развод. Ци Цин, который не имел особой поддержки в управе, остался с носом. У него отняли брачную бумагу и лишили жены. С горя он напился, пошел к дому конвойного и принялся буяннить. Может быть, как раз в этот день кто-то придумал такую поговорку: «Чжан пил вино, а опьянел Ли»¹⁰. Или еще: «Нож всадили в иву, а из тутовника брызнула кровь». Есть на этот счет такие стихи:

В уютном гнездышке жили они,
и жизнь им была по праву.
Но кто-то решил отправить письмо
в судебную управу.
В нем много было написано
про выгоду и славу.
Уж лучше отбросить это письмо,
как злую отраву.

Итак, Ци Цин, напившись пьяным, пришел к дому конвойного Цзи и принялся скандалить, правда, в драку лезть не решался. Он заладил приходить сюда чуть ли не ежедневно. Соседи вначале пытались его урезонить, а потом махнули рукой и перестали обращать внимание. А пьяный Ци Цин всякий раз кричал:

— Эй, Цзи Ань! Собачий сын! Я тебя как-нибудь прирежу!

Соседи не раз слышали эти слова.

Рассказывают, что Цинну по-прежнему жила у родителей. Прошло еще полгода. Как-то в доме снова появилась сваха. Быть может, пришла поболтать, а может, и поговорить о свадьбе? Потолковали о том, о сем. Сваха сказала:

— Есть к вам одно дельце. Вот только боюсь, вы рассердитесь, господин конвойный!

— Пришла, так выкладывай! — сказал Цзи.

— У вашей дочки дважды не ладилось с мужьями. Почему бы ей не попытать счастья в третий раз? Может, сейчас ей повезет — подыщем хорошего человека? Поживет у него лет пять наложницей, а там видно будет. И потом замуж не поздно...

— Я бы не против... — буркнул конвойный. — Только мы уже дважды попадали впросак, да и поистратились порядком... А на кого намекаешь?

— Матушка! В чей дом ты собираешься определить нашу дочку? — спросила жена.

— Есть один служивый, которому приглянулась Цинну. Он видел ее как-то раз в вашей лавке, когда заходил выпить. Сегодня специально послал меня к вам договориться. Он — инспектор из гарнизона Гаою¹¹, приехал сюда по служебным делам. В наших краях он живет один. Ну, конечно, если уедет к себе на родину, он возьмет Цинну с собой. Как, господин конвойный, согласны?

Супруги посоветались.

— Матушка, если все так, как ты говоришь, нам отказываться вроде не стоит. Устраивай!

В тот же вечер они обо всем договорились, составили свадебную бумагу, и в один из благоприятных дней Цинну, простившись с родителями, отправилась в новый дом. Есть такие слова, которые могут служить предостережением тем, кто покидает родные места. Ведь им, возможно, уже никогда не придется свидеться со своими близкими:

Небо расслышит звуки
даже в безмолвной тиши.
В зарослях густо-зеленых
следы отыскать нелегко.
То, что в жизни нам нужно,
вовсе не так далеко —
Оно находится рядом,
в глубинах нашей души.

Инспектора из гарнизона Гаю, который взял Цинну наложницей, звали Ли Цзыю. Его семья осталась в родных местах, а сюда он приехал один по служебным делам. С Цинну он сразу же поладил и полюбил ее. Молодая женщина жила в полном достатке, ни в чем не нуждаясь. Было все у нее: и наряды, и угощения — словом, жизнь текла вольготно. Как говорится: днем Праздник Холодной Пищи, ночью — Праздник Фонарей¹². Прошло несколько месяцев. Однажды инспектор Ли получил из родных мест письмо, в котором ему было велено поторопиться домой. Поскольку Ли Цзыю в столице сильно поистратился, он не стал мешкать. Поскорее закончил дела, собрал пожитки и, купив подарки, нанял лодку, которая должна была его доставить к самому дому. В дороге он, как водится, любовался цветами и наслаждался вином, то есть развлекался как мог, стараясь продлить удовольствие. Наконец, он добрался до дома, где его встретили слуги и жена.

— Наверное, тебе было нелегко одной управляться с хозяйством,— сказал жене Ли Цзыю после взаимных приветствий и, подозвав Цинну, велел ей поклониться супруге. Цинну, визко опустив голову, подошла ближе.

— Можешь не кланяться! — сказала жена Ли, видя замешательство гостыи. — Кто это? — спросила она мужа.

— Не скрою от тебя, в столице я чувствовал себя совсем одиноким, утром и вечером все один да один, за мной некому было ухаживать. Тогда я решил взять себе подружку. Вот привез ее сюда, чтобы она прислуживала тебе.

Жена инспектора бросила на гостью недоброжелательный взгляд.

— Понятное дело! — проговорила она... — Значит, развлекалась с моим мужем? Только здесь тебе делать нечего!

— Госпожа! Меня забросил сюда случай. Войдите в мое положение, я же покинула свою родину! — проговорила Цинну.

Супруга инспектора позвала двух служанок и приказала:

— Уберите эту девку с глаз долой! Сорвите с нее одежду и дайте грубую холстину, снимите туфли, сделайте волосы, как у прислуги... Пусть работает на кухне: таскает воду и топит печь!

Цинну зарыдала.

— Пожалейте хотя бы ради моих родителей! — взмолилась она. — Если я не нужна, отправьте меня обратно. Я верну вам все ваши деньги.

— Хочешь уехать — скатертью дорога! Но сначала я тебя проучу — поработаешь у меня на кухне! Это за то, что ты слишком много веселилась!

Цинну пожаловалась хозяину.

— Зачем вы меня сюда привезли? Чтобы мучить? Поговорите с женой. Упросите ее меня отпустить!

— Ты же видишь, какой у нее характер! С ней не сладит и сам судья Бао ¹³! Даже я за свою жизнь не ручаюсь! Придется тебе немного потерпеть. Когда она поостынет, я с ней поговорю!

Молодую женщину отправили на кухню. Через некоторое время Ли Цзыю решил напомнить о ней жене.

— Если девчонка тебе не нужна, мы ее отдадим перекупщику, хоть деньги за нее получим. Стоит ли на нее сердать?

— Наделал дел, а теперь вздумал меня уговаривать?

Жена не переменяла своего решения, и Цинну продолжала гнуть спину на кухне. Прошло около месяца. Как-то вечером, когда хозяин проходил мимо кухни, ему послышался чей-то голос. В темноте он едва разглядел Цинну. Женщина подошла к нему, и они, обнявшись, заплакали.

— Я не должен был тебя привозить! Ты страдаешь по моей вине! — проговорил Ли Цзыю.

— Сколько еще мне здесь страдать? Когда только кончатся мои мучения? — воскликнула несчастная женщина.

Хозяин вдруг задумался и сказал:

— Есть у меня один план, как тебя спасти! Я уже как-то сказал жене, что лучше всего продать тебя перекупщику. На самом же деле я подыщу укромное место для тебя. Конечно, мне придется поистратиться, но зато я буду приходить к тебе, и мы часто будем вместе. Ну, как мое предложение?

— Еще бы! По крайней мере избавлюсь от этих мук!

Не откладывая в долгий ящик, Ли Цзыю в тот же вечер сказал жене:

— Хватит мучить девчонку! Если она тебе не нужна, я продам ее перекупщику!

На этот раз жена не стала возражать, и все закончилось без лишнего шума. Хозяин поручил Чжан Линю, своему доверенному помощнику — управляющему, устроить Цинну в доме, расположенном через пару улиц от его жилища. Разумеется, жена ничего об этом не знала. С этих пор Ли Цзыю бывал у Цинну едва ли не каждый день. После нескольких чарок вина, которые ему подносила женщина, он удалялся с ней в спальню, и они занимались там делами, о которых не положено говорить открыто.

Надо сказать, что у инспектора был сын, семилетний мальчик по имени Фолан, всеобщий любимец. Иногда он забегал к Цинну поиграть. Отец знал об этом.

— Мой мальчик, — внушал он сыну, — ничего не говори своей маме о старшей сестрице!

И мальчик молчал. Однажды, забежав к Цинну, он застал женщину с Чжан Линем — они пили вино, тесно прижавшись друг к другу.

— Я скажу батюшке! — крикнул мальчик.

Чжан Линь бросился прочь.

— Ну, зачем ты зря шумишь, мой маленький хозяинчик! — проговорила Цинну, обняв Фолана. — Твоя сестричка пила вино, потому что поджидала тебя... Хочешь, я дам тебе фруктов?

— Все равно расскажу батюшке, — твердил мальчишка. — Скажу, чем вы здесь занимались с Чжан Линем.

Женщина не на шутку перепугалась. «Что нам тогда делать, если мальчишка проговорится? Ну, уж пусть пропадет он, а не я! — решила она. — Видно, нынешний день — день твой последний! Выход у меня один!» — И, крепко ухватив мальчика, она бросила его на постель и стала душить полотенцем. Прошли считанные минуты, и жизнь Фолана отлетела к Желтым Источникам¹⁴. Вот уж действительно:

В мирной душе злобный огонь
может вспыхнуть тотчас.
Как па ветру угасает пламя,
так же и ты угас.

Цинну задушила Фолана. А что делать дальше? Молодая женщина искала решение, когда появился Чжан Линь.

— Проклятый мальчишка сказал, что пожалуется отцу, и я с перепугу его придушила!

Эта новость привела Чжана в ужас.

— Сестрица! Что ты наделала! — пролепетал он в полной растерянности. — У меня же дома мать... Что нам теперь делать?

— У него еще язык поворачивается! Все ведь из-за тебя!.. А мать не только у тебя, но и у меня есть!.. Если же так обернулось, надо искать выход. Помоги мне сложить вещи, я решила бежать к родителям.

Чжану ничего не оставалось, как выполнить ее просьбу. Связав пожитки в узел, они оба выскользнули из дома. Тем временем в семье инспектора уже хватились Фолана. Поиски мальчика привели в дом, где жила Цинну, но там нашли лишь мертвое тело, а злоумышленников и след простыл. О страшном убийстве немедленно доложили в управу, и власти объявили о вознаграждении за поимку преступников. Но об этом мы пока умолчим, а лучше вернемся к беглецам.

Цинну и Чжан Линь добрались до Чжэньцзяна. Все это время Чжана не покидала мысль о матери, которая осталась одна. Мысль о Фолане лишила его покоя, и от всех этих дум он занемог. Пришлось остановиться на каком-то постоялом дворе. Через несколько дней кончились не только деньги, но и вещи, которые можно было заложить или продать.

— У нас нет ни одного медяка! Что будем делать дальше? — вздыхал Чжан. В его глазах стояли слезы. — Видно, придется стать одиноким духом, скитающимся на чужбине¹⁵!

— Успокойся! Будут у нас деньги! — сказала Цинну.

— Откуда? — удивился Чжан.

— Я умею петь. Думаю, что и здесь не ударю лицом в грязь! Пойду по харчевням с гонгом и стану выступать, быть может, наберу вэней сто. Этого нам вполне хватит.

— Заниматься столь постыдным ремеслом! Ты же из хорошей семьи!

— А что делать? Другого выхода нет! Иначе мы никогда не доберемся до Линьани и не увидим моих родителей!

Так Цинну стала певичкой в харчевнях Чжэньцзяна.

Здесь наш рассказ разделяется на две части.

Говорят, что Третий Чжоу после развода так и не смог найти приличного занятия. Поехал было в родную деревню, но из этого ничего путного не получилось. Тогда он вернулся в Линьянь. Его летняя одежда, вся пропитанная потом, к осени вконец истлела и походила на рубище. Между тем наступила поздняя осень, постоянно моросил дождь. Как-то парню довелось проходить мимо дома Цзи Аня, который как раз в этот момент стоял у ворот. Третий Чжоу поздоровался с бывшим тестем.

— Вот шел мимо и увидел вас...— сказал Чжоу.— Приветствую, тещушка!

Увидев, в каких лохмотьях его бывший зять, конвойный проникся жалостью. Спросить, что произошло с бедолагой, он не решался.

— Заходи, пропусти чарочку! — предложил он.

Ему бы, конечно, не следовало приглашать парня в дом и тем более предлагать вина. Может, тогда ничего бы не произошло. Если бы конвойный знал, что он стоит на пороге жестокой смерти, он ни за что бы этого не сделал. Но Цзи Ань повел гостя в дом.

— Чего ты его привел, с какой стати? — спросила жена, но муж промолчал.

— Давно мы не виделись,— сказал Чжоу.— Мой поклон бывшей теще!

И он стал рассказывать о своих передрягах:

— После развода я заболел, приличной работы не нашел и подался на родину. Но и там мне не повезло!.. А как сестрица? Здорова ли?

— Эх! Говорить не хочется! — промолвил Цзи Ань.— Как ты уехал, мы подыскали ей другого мужа, да что-то не получилось у них. Сейчас она живет у одного чиновника вот уже два с лишним года.

Он велел жене подогреть вина, и они с гостем выпили. Все обошлось тихо, спокойно. Чжоу ушел.

Вечерело. Стал накрапывать дождь. Третий Чжоу, идя по дороге, размышлял: «Спасибо Цзи Аню, предложил даже выпить. Человек он все-таки неплохой, и, как видно, я во всем виноват!.. Но что же мне теперь делать? Наступила осень, а там и зима не за горами. Как пережить холода?»

Издревле говорится, что, если человек дошел до

крайности, у него обязательно родится какой-нибудь план. Так и здесь. В голове Чжоу мигом созрело решение: «Сейчас ночь. Вернусь-ка я обратно и попытаюсь открыть у них дверь. Наверное, конвойный с женой уже спят и ничего не услышат. Возьму кое-что из вещей, быть может, перебыюсь зиму!» Он подошел к дому, постоял немного, прислушался. Кругом было тихо, а на дороге — ни души. Чжоу приподнял щеколду, отворил дверь и проскользнул внутрь.

— Ты хорошо закрыл дверь? — слышался голос жены конвойного. — Она вроде как скрипнула!

— Подпер ее, как надо, — ответил Цзи Ань.

— Ишь ты, дождь как заладил! Не ровен час, жулик заберется в такую погоду! Пойди, взгляни для порядка!

Конвойный встал с постели и направился к двери.

«Плохо дело! — встревожился Чжоу. — Глядишь, он меня еще схватит, тогда я пропал!» И тут его рука нащупала косарь, лежавший возле очага. Чжоу поднял его и затаился в темноте. Тем временем хозяин прошел к двери. Третий Чжоу пропустил его мимо на шаг-два и что есть мочи хватил по макушке. Ударил, как видно, ловко. Конвойный упал и тут же испустил дух. «А что делать с женой? Придется и ее прикончить!» — подумал Чжоу. Осторожно подобравшись к постели, он откинул полог и быстро прикончил женщину. Затем он зажег светильник и принялся поспешно собирать ценности. Провозился едва ли не до полуночи и наконец с тюком на спине поспешил к Северной заставе. В это время уже рассвело, и многие жители открыли двери. В доме конвойного Цзи царило безмолвие. Соседи смекнули, что дело нечисто.

— Может, с ними что-то случилось? — гадали они. Крикнули раз-другой — никакого ответа. Толкнули дверь. Она оказалась незапертой. Возле самого порога, на полу, лежал мертвый Цзи Ань. Соседи позвали жену, но ответа не последовало. Они бросились в комнату. Видят, женщина лежит на постели, залитая кровью. Огляделись по сторонам — лари и корзины пустые.

— Не иначе дело рук Ци Цина! Больше некому! — проговорил кто-то из соседей, а другой добавил:

— Каждый день он напивался и лаялся здесь, грозя их убить. Вот и сотворил свое черное дело!

Доложили околоточному. Тот приказал связать ничего не подозревавшего Ци Цина и стащить его в Линьаньскую управу. Соседи пошли следом. Когда правителю области доложили о совершенном убийстве, он тут же открыл присутствие и велел без промедления привести злоумышленника в зал.

— Ты имеешь чиновное звание! Как же ты мог убивать и грабить! Как посмел! И где? В стенах Запретного города! ¹⁶ — вскричал правитель.

Ци Цин начал оправдываться, но, когда соседи показали, что он не раз ругался да грозился, сразу замолчал. Делу дали ход и направили ко двору на высочайшее утверждение. Скоро последовал ответ: Ци Цина, имеющего чиновное звание, за содеянное в стенах Запретного города злодейство с целью ограбления обезглавить на городском торжище. Так Ци Цин припал смерть. Послушайте такую поговорку:

Взмах топора —
 легкий дохнул ветерок,
Рухнуло тело —
 хлынул крови поток.

Ци Цина казнили, а настоящий злодей, который решил двух невинных людей, избежал наказания. Что же тогда говорить о справедливости Неба?! Да, действительно, Небо на сей раз просчиталось! Правда, всему свое время!

Третий Чжоу разными окольными путями да тропинками уходил из Линьани и в один прекрасный день оказался в Чжэньцзяне. Отыскав подходящий постоялый двор, он сложил свои пожитки и от нечего делать пошел прогуляться. Почувствовав голод, он решил выпить и закусить. Вдруг видит лавку, а на ней вывеску: «Весной и летом, в осень и в зимнюю стужу здесь гонят винное зелье. Гость с юга и севера, с востока и запада хмельной упадет на землю». У входа гостя приветствовал хозяин питейного заведения. Он спросил Чжоу, сколько принести вина — шэн или два ¹⁷, и поставил на стол закуски. Третий Чжоу выпил несколько чарок, когда заметил женщину с небольшим гонгом, которая, войдя в заведение, поздоровалась с хозяином. Чжоу оторопел от изумления. Перед ним стояла его прежняя жена Цинну.

— Сестрица! Ты как сюда попала? — спросил он. Усадив ее подле себя на лавку, он велел хозяину принести еще чарку.

— Твои родные сказали, что тебя продали какому-то чиновнику. Как ты здесь очутилась?

Цинну заплакала.

Произошло, как говорится в стихах:

Словно иволги щебетанье,
звуки рыданий нежны.
Слезинки, будто жемчужины,
потекли по щекам жены.

— После нашего развода меня снова выдали замуж, да только все плохо кончилось, — рассказала женщина. — Потом родители продали меня одному инспектору из гарнизона Гаою. Поехала я туда, а у него, оказалось, жена. Взъелась она на меня — понятно, приревновала мужа, — отправила на кухню, заставила носить воду, печь разводить да обеды готовить. Сколько я мук перетерпела — сказать невозможно!

— А как ты здесь очутилась?

— Не стану таиться. Сошлась я с тамошним управляющим Чжаном — из их же поместья. А хозяйский мальчишка нас подглядел и сказал, что пожалуется отцу. Ну, я его и придушила. Что делать дальше? Мы подались в бега. А тут мой Чжан, как на грех, заболел, лежит сейчас в доме, где мы с ним остановились! Деньги кончились, вот мне и приходится заниматься этим ремеслом, чтобы скопить на дорогу... Как хорошо, что я тебя встретила. Пойдем к нам!

— Нет, лучше не стоит. Этот Чжан, наверное, такой же, как твой отец!

— Не бойся! Я все устрою!

Если бы она не пригласила Третьего Чжоу, может быть, и не случилось еще одной смерти. Но пока послушайте такие стихи:

День на исходе, из терема
аромат сладчайший струится.
Любовь их была на столетья,
а вместе лишь ночь проведут.
Возле окна затворенного
озябшая бьется птица.
Вместе с утренним ветром
их радость навеки умчится.

Третий Чжоу и Цинну, очень довольные встречей, направились на постоянный двор. Надо вам знать, что Цинну прежде хоть немного заботилась о больном Чжане: покупала лекарства, варила настои. Но с появлением Чжоу она перестала обращать на больного внимание. Поел он или нет — ей не было дела. К тому же они с Чжоу стали безобразничать совершенно открыто, отчего Чжан Линь заболел еще тяжелее, и недуг скоро свел его в могилу. Его кончина для бывших супругов была как нельзя кстати. Правда, пришлось потратиться на гроб и похороны, но все эти хлопоты скоро кончились. Третий Чжоу и Цинну вновь стали жить как муж и жена.

Однажды Чжоу сказал:

— Давно хочу с тобой потолковать о твоём занятии. Хватит тебе ходить по лавкам да распевать песни! Я нашёл себе дело, и теперь сам могу заработать!

— Я не против, ведь это я поневоле...

Супруги жили душа в душу. Но на этот счёт есть стихи:

Феникс с подругой у края неба,
Там, где плывут облака,
Селезень с уткой нежно милуются,
склонившись друг к другу, в пруду.
Много радостей у влюбленных,
жаль только — ночь коротка.
Вот и проникла в сердце неожиданно
печаль-тоска.

Как-то Цинну в разговоре обмолвилась о давнишнем своём желании вернуться в родные края.

— Я не получала никаких вестей из дома с тех пор, как ушла. Давай поедем к моим родителям, может, они нас простят. Недаром есть поговорка: «Тигр свирепый пожирает всех, кроме своих детенышей».

— Вернуться, конечно, неплохо, только я с тобой не поеду!

Цинну спросила почему. Третий Чжоу долго молчал и мялся, а потом не выдержал и все рассказал. Получилось, что сам на себя смерть накликал, как та бабочка, которая полетела в огонь. Вот уж поистине:

Из-под листьев на ветке цветущей
злые колючки торчат.
В потемках души человеческой
может таиться яд.

Итак, Цинну захотела узнать у мужа о причине отказа, и Третий Чжоу все выложил: так, мол, и так.

— Не скрою от тебя... Убил я твоих родителей, вот почему и подался сюда. Не могу я туда возвращаться!

— За что ты их? — зарыдала Цинну.

— Ну, будет тебе, будет! Конечно, не стоило мне так поступать, но ведь и ты порешила мальчишку. Да и Чжана ты свела в могилу... Они мертвые, и к жизни их все равно не вернешь!

Цинну замолчала, не находя себе оправдания.

Прошло несколько месяцев.

Однажды Третий Чжоу заболел и слег в постель. Деньги, которые он накопил, кончились.

— У нас не осталось ни риса, ни дров,— сказала как-то Цинну.— Что будем делать? Не брани меня, но я решила снова заняться прежним ремеслом. Помнишь поговорку: «Старое решение мудро, и сейчас о нем вспомнили вновь». Как только ты поправишься, мы решим, что делать дальше!

Выхода не было, и Чжоу пришлось смириться. С этого дня Цинну снова начала «погоню за случаем», как в те времена называлось ее ремесло, и каждый день приносила домой несколько связок монет. Третий Чжан к этому уже привык и не поднимал старого разговора. Наоборот, если жена приходила без денег, он накидывался на нее с бранью.

— Наверное, спуталась с полюбовником, прилипла к нему! — кричал он. Тогда Цинну снова шла в питейные лавки и просила займы у знакомых, кто обычно стоял возле стойки. Все деньги она отдавала мужу. Однажды зимней порою, во время сильного снегопада, Цинну стояла возле питейного заведения, облокотившись на поручни. Вдруг в харчевню вошли четверо и сразу же отправились наверх — видно, выпить. «Кстати пришли,— подумала Цинну.— Здесь я вряд ли дождусь выручки. Вон как снег валит. А приду без денег, он меня отругает! Попробую выпросить у этих гостей!» Она поднялась наверх и раздвинула занавес. Взглянула и обомлела — за столом она увидела слугу из дома инспектора Ли.

— Цинну! — крикнул он.— Вот ты где! Ну и натворила делов!

У женщины от ужаса язык прирос к нёбу.

Власти в Гаою каким-то образом узнали, что беглецы скрываются в Чжэньцзяне, и послали стражников и слугу.

— Где Чжан Линь?

— Заболел и умер...— пролепетала женщина.— Я живу с первым мужем, здесь его повстречала... Этот злодей порешил моих родителей...

Стражники, оставив в сторону чарки, связали Цинну и устремились на постоянный двор, где подняли Третьего Чжоу с постели, скрутили веревками и вместе с Цинну потащили в областную управу. Во время допроса оба сразу признали свою вину. Бумагу об их злодеяниях отправили ко двору, откуда пришел ответ: Третьего Чжоу за то, что он, позарившись на богатства, убил тестя с тещей, а также Цинну, которая погубила две жизни,— обезглавить на городском торжище. В бумаге говорилось и о безвинной смерти Ци Цина, обстоятельства которой предстояло расследовать особо.

Итак, преступление раскрыли, а за сим последовало и наказание. И вряд ли подобное повторится на улицах и в переулках, ибо глаза людей раскрылись, и они узнали, что кара Неба рано-поздно свершится. Ведь недаром говорят, что три заповеди Кунцзы согласуются с кодексом Сяо Хэ¹⁸, который был записан на свитке длиною в три чи. Это значит, что судебные законы, существующие в нашей жизни, сочетаются с решением духов из темного мира.

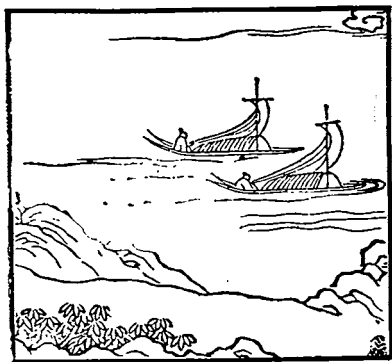
За добро и за злые деянья
неприменно расплата грядет.
В жизни рано иль поздно
приходит ее черед.

Впоследствии те, кому довелось слышать эту историю, утверждали, что все произошло из-за золотого угря. Вспомним, как конвойный Цзи бросил его в корзину, а угорь вдруг по-человечьи сказал: «Цзи Ань! Если погубишь меня, я изведу тебя со всею твоею семьей!» Так и получилось, что Цзи Ань с женою действительно распростились с жизнью!.. А причём здесь Третий Чжоу, Чжан Линь и Ци Цин? По всей видимости, их судьбы были связаны нитью единой, и потому все они попали в одно судебное дело, которое началось с того самого чудесного угря. Конечно же, конвойному не стоило та-

щить его домой, когда он догадался о том, что угорь — существо не простое. Как-никак, а ведь он говорил по-человечьи и назвался владыкой Пруда Золотого Сияния. Правда это была или ложь — сказать трудно, но все же нетрудно было сообразить, что сия тварь, как любое злое наваждение, может принести несчастье и накликать смерть. А посему помните все: не наносите вред существам странным и удивительным. Есть стихи, которые могут служить доказательством истинности этих слов:

Спас Ли Юань красную змейку,
и наградой ему — супруга¹⁹.
За помощь дракону Сунь И получил
рецепт от любого недуга²⁰.
Советуем всем: никогда не губите
диковинных странных тварей —
Их гибель вам принесет несчастья,
но всегда зачтется услуга.

МОШЕННИК ЧЖАО И ЕГО ДРУЖКИ

Утекут и вернутся деньги —
поистине, словно вода.
Не пекись о своем достатке,
помогай убогим всегда.

На сад Ши Чуна¹ взгляните:
он звался Долиной Златой,
А ныне беседки в колючках,
все заросло травой.

Рассказывают, что в годы династии Цзинь² жил некий Ши Чун, со вторым именем Цзилунь. До того как Ши Чун разбогател и к нему пришла слава, он промышлял на реке рыбной ловлей, добывая рыбу с помощью лука. Как-то в третью стражу³ он услышал, будто что-то шлепнулось возле борта суденышка.

— Цзилунь, спаси меня, — послышался голос.

Ши Чун, выглянув из-за бамбукового занавеса, увидел старца, стоявшего в воде, залитой лунным светом.

— Что случилось? — удивился Ши Чун. — Из-за чего ты пришел сюда среди ночи?

— Спаси меня! — повторил старец.

Ши Чун велел ему лезть в лодку и вновь спросил, в чем дело.

— Я не простой смертный, а царь драконов и обитаю в верховьях реки, — сказал старец. — Ныне я постарел и одряхлел, и теперь молодой дракон, что живет в низовьях, вызвал меня на поединок. В нескольких схватках я проиграл ему. Да, стар я стал и бессилен и, видно, спокойствия в жизни уж более не найду... Завтра по нашему уговору вновь начнется великая схватка, но я

чую, что опять ему уступлю... Я пришел просить у тебя помощи, Цзилунь. В полдень, когда будешь рыбачить, ты заметишь двух больших дерущихся рыб. Впереди буду я, а рыба, что меня будет преследовать,— мой супостат. Прошу тебя, натяни изо всей силы лук и пусти стрелу во врага моего — молодого дракона. Убей его, и я щедро тебя отблагодарю.

Ши Чун согласился, а старец, простившись, вошел в воду и исчез.

Ши Чун с утра приготовил свой лук и стрелы. И верно, в полдень он заметил двух крупных рыб, которые мчались одна за другой по реке. Ши Чун натянул тетиву, прицелился и выстрелил. Стрела полетела, как ветер, и пронзила брюхо той, что была позади. Вода вмиг окрасилась кровью, и мертвая рыба всплыла на поверхность. Ветер сразу же стих, волны улеглись, и все вокруг стало обычным.

Ночью в третью стражу раздался стук о борт лодки. Это пришел старец.

— Благодаря твоей помощи я, наконец, обрел спокойствие,— сказал он.— Слушай меня! Завтра в полдень останови свою лодку у подножия горы Цзяншань⁴. Там, под седьмой ивой, что растет на южном берегу, тебя ждет богатство.— И старец исчез.

На следующий день Ши Чун приплыл к горе Цзяншань и поднялся на берег возле ивы. Вдруг видит, из воды вылезают три беса. Они потянули его суденышко куда-то в сторону, а через некоторое время пригнали обратно, нагруженное золотом, серебром, драгоценными камнями и нефритом. И тут Ши Чун увидел старца, появившегося из воды.

— Если когда-нибудь понадобятся деньги, подгони лодку к этому месту и жди, через какое-то время ты их получишь,— сказал он и, простившись, исчез.

С тех пор Ши Чун много раз подъезжал к берегу, поросшему ивняком, и всякий раз лодка уходила, нагруженная до краев. Очень скоро Ши Чун собрал столько богатств, что им мог бы позавидовать даже императорский двор. Драгоценные безделицы помогли ему добиться расположения многих влиятельных лиц, и вскорости ему пожаловали звание тайвэя. Ши Чун имел, кажется, все что хотел: богатство, почет. Он был на короткой ноге с вельможами двора и государевыми родст-

венниками. В городе он построил себе большой дом, в котором парчовые пологи достигали длины не менее десяти ли. Позади дома разбил сад Цзиньгуюань, что значит Золотая Долина, застроенный беседками и павильонами. За шесть мер крупных жемчужин он купил себе вторую жену Люйчжу, а с нею — наложниц и служанок. Он проводил с ними время с утра и до вечера, жил беззаботно и весело. Такое богатство и роскошь, что его окружали, трудно найти не только среди людей, но даже и на самих небесах.

Однажды Ши Чун устроил пир, пригласив лишь одного человека — Ван Кая, младшего брата вдовствующей императрицы. Когда гость и хозяин изрядно захмелели, Ши Чун позвал Люйчжу и приказал ей прислуживать за ужином. Необыкновенная красота молодой женщины привела гостя в восхищение и вызвала страстное желание. Но пиршество подошло к концу. Ван Кай, поблагодарив за угощение, отправился домой. Слепленный внезапной страстью к Люйчжу, он сетовал на то, что ему, наверное, больше не доведется увидеть красавицу.

Надо вам знать, что Ван Кай и Ши Чун постоянно хвастались друг перед другом своими богатствами, но Ван Кай был гораздо беднее и в душе завидовал приятелю. В его голове роились недобрые замыслы, как погубить соперника, однако осуществить их ему до сих пор не хватало духу. Как-никак, а Ши Чун непрестанно оказывал ему знаки внимания.

Однажды императрица пригласила Ван Кая на пиршество. В разговоре с сестрой Ван Кай, будто случайно смахнув слезу, удрученно сказал:

— В нашем городе по-настоящему есть лишь один богач, который владеет несметными сокровищами и разными диковинными ценностями. Всякий раз когда он приглашает меня на пирушку, мы начинаем спорить о том, кто из нас богаче, но у меня нет и сотой доли того, что есть у него. Дорогая сестра, уважь братца — поддержи меня в этом споре. Пожалуйста, выдай мне из казны какую-нибудь диковину, чтобы я смог пристыдить соперника.

Сестра позвала евнуха-хранителя государевой сокровищницы и велела принести самую большую драгоценность — коралл в три чи и восемь цуней высотой, похо-

жий на дерево. Драгоценность отнесли в дом Ван Кая, о чем, кстати сказать, даже не уведомили молодого императора.

Поблагодарив сестру, Ван Кай вернулся домой. Он завесил коралл чехлом из сычуаньской парчи, а на следующий день приказал слугам отнести его в беседку Сада Золотой Долины и накрыть там стол с редкими яствами. Когда все было подготовлено, он послал за Ши Чуном.

— Есть у меня одна драгоценность, которую мне не терпится вам показать, — сказал Ван Кай, когда они успели уже захмелеть. — Только, пожалуйста, не смейтесь!

Слуги сняли парчовый чехол.

Взглянув на диковинный коралл, Ши Чун ухмыльнулся и вдруг ударил по нему палкой. Дерево рассыпалось на куски.

— Что вы сделали! — вскричал насмерть перепуганный Ван Кай. — Это же самая большая драгоценность государственной казны! Вы из зависти разбили драгоценное дерево, побоявшись, что больше не сможете тягаться со мной!

— Разве это драгоценность? — рассмеялся Ши Чун. — Стоит ли по ней горевать? — И он повел гостя в дальний конец сада, где стояло больше тридцати коралловых деревьев высотой в семь-восемь чи. Ши Чун отобрал одно из них в три чи и восемь цуней и отдал гостю, чтобы тот вернул его в казну, а второе, более крупное дерево он подарил Ван Каю. Посрамленный гость удалился, еще раз убедившись, что всех богатств страны, как видно, не хватит, чтобы сравниться с богатством Ши Чуна. Зависть его вспыхнула с новой силой.

Однажды на приеме у Сына Неба Ван Кай сказал:

— Ваше величество! Некий Ши Чун, имеющий должность тайвэя, владеет богатствами, которые могут поспорить с сокровищами всего нашего государства. И даже я, носящий титул вана⁶, не в состоянии превзойти богача во всех приятностях жизни. Мне кажется, что, если вовремя не избавиться от этого человека, может случиться все что угодно.

Сын Неба согласился с таким мнением родственника и повелел государевой страже схватить Ши Чуна и бросить в темницу, а все его богатства передать в казну. Ван Кай думал лишь о том, как поскорее заполу-

чить красавицу Люйчжу и сделать ее своей наложницей. Он наказал солдатам окружить дом соперника и задержать женщину. Но Люйчжу решила иначе: «Мой супруг пострадал из-за навета Ван Кая, и я даже не знаю, что с ним случилось. А сейчас негодяй хочет завладеть мною. Нет, я ему не подчинюсь. Лучше умру!» Так решила красавица и выбросилась из башни, стоявшей в Саду Золотой Долины. Увы! Смерть ее достойна глубокого сожаления! Гибель женщины привела Ван Кая в ярость, которая обрушилась на Ши Чуна. Богача обезглавили на городской площади. Перед казнью Ши Чун со вздохом проговорил:

— Все вы завидовали моим богатствам и зарились на них!

Палач спросил его:

— Если ты знал, что богатства принесут тебе несчастье, почему вовремя не избавился от них?

Ши Чун ничего не ответил и положил голову на плаху.

Поэт Ху Цзэн⁶ писал в своих стихах:

С высокой нефритовой башни
красавица бросилась вниз,
Во дворце династии Цзиней
навсегда вопарилась печаль.
В Саду Золотой Долины
деревьям красавицу жаль —
Вослед заходящему солнцу
качает главой кипарис.

Мы рассказали вам о Ши Чуне, богатства которого навлекли на него беду. Он хвастался своими сокровищами, наложницами, пока не встретил на пути соперника — Ван Кая, родного дядю императора. Ну, а сейчас мы поведем рассказ о другом богаче, который старался жить умеренной жизнью, чтобы не попасть впросак. Впрочем, он был очень скуп, и жадность его привела к немалым злоключениям, что послужило поводом для нынешнего, надо сказать, весьма презабавного повествования. Вам интересно узнать, как звали богача? Слушайте: его фамилия Чжан, а имя Фу, но называли его чаще Почтенным Чжаном. А жил он в Восточной столице — Кайфыне, где имел меняльную лавку, доставшуюся ему от предков. Надо сказать, что

у этого Чжана была одна слабость, о которой лучше всего сказать стихами:

Даже у вошки жилку
выдернет он под шумок,
Даже с ноги у цапли
срежет мяса кусок.

Позолоту со статуи Будды
соскоблит, не боясь хулы,
Краску с бобов соскребет,
как они ни малы.

Лампу заправит мокротой —
в дело каждый плевок!
Овощи жарит не в масле —
на смоле, запасенной впрок.

Как-то почтенный Чжан высказал четыре своих сокровенных желания:

Желание первое: чтобы одежда
не снашивалась никогда;
Желанье второе: чтоб после обеда
не убывала еда;
Третьим желанием было:
найти на дороге клад;
Желанье последнее: чтобы во сне
с бесовкой блудить иногда.

Почтенный Чжан был столь скуп, что боялся истратить лишний вэнь⁷. Найдет, бывало, на дороге монетку, принесет домой, потрет-пошлифует — и вот у него уже зеркальце. Отыщет пластинку, подточит с обеих сторон — и вот готовая пилка. Назовет их «мои маленькие», губами причмокнет и положит в шкатулочку. За такую жадность люди определили ему прозвание — Жадная Утроба.

Как-то в полдень Жадная Утроба проголодался и решил закусить. Налил в холодную еду кипятку, пожевал какую-то лепешку — вот и весь обед. В это время два его приказчика у дверей считали выручку. Вдруг возле лавки появился человек в белых подвязанных веревкой портах. Обнаженные грудь и руки были покрыты татуировкой. В руках он держал бамбуковую плетенку. Покосившись на дверь во внутренние комнаты, где в это время находился хозяин, он приветствовал приказчиков и затянул:

— Помогите страннику, протяните руку помощи!

Поскольку хозяина поблизости не было, приказчики бросили в плетенку нищего две монеты, что Чжан, впрочем, сразу же приметил.

— И это, называется, мои помощники! — Чжан вышел из двери, задернутой матерчатой занавеской. — С какой стати вы дали ему деньги? Посчитайте-ка!.. Если две монеты в день — так за тысячу дней — целых две связки.

С этими словами Жадная Утроба устремился вдогонку за нищим. Выхватив у него плетенку, он выгреб содержимое и, бросив деньги на прилавок, приказал слугам хорошенько вздуть попрошайку, что, к слову сказать, вызвало большое возмущение прохожих. Нищий отчаянно бранился в ответ на тумачи, однако в драку лезть не решался.

— Послушай, брат! — вдруг позвал его кто-то. — Иди-ка сюда, надо поговорить!

Нищий, повернувшись, увидел перед собой старика в платье тюремного стража.

— Приятель, — сказал старик, — с этим Чжаном спорить бесполезно. Нет у него никакого понятия о справедливости! Вот возьми два ляна серебра, купи на них свежей редьки и продавай ее по вэню за мерку. Все-таки дело!

Нищий не заставил себя долго просить, с благодарностью взял серебро и ушел. О нем пока речь не пойдет. А сейчас мы расскажем о старике. Его звали Суном, происходил он из округа Чжэнчжоу, входившего в Фэннинскую округу. Поскольку он был четвертым в семье, его обычно величали Четвертым Суном. Надо сказать, что этот Сун был человеком непутевым и изрядным проходимцем.

В тот день, о котором сейчас пойдет речь, Сун Четвертый оказался подле Моста Золотых Столбов. Он купил здесь на четыре вэня две лепешки-маньтоу⁸ с начинкой, а ночью, в третью стражу, положив их за пазуху, направился к дому богача Чжана. Луна спряталась в облаках, кругом темнота, на дороге ни души. Вытащив какую-то странную снасть, вроде крюка, Сун забросил ее на карниз крыши и стал карабкаться по веревке вверх. Спрыгнув во двор, он увидел галерею, ведущую в жилые комнаты. Где-то сбоку мерцал огонек

светильника. Сун прислушался. Из одной комнаты до-
несся голос женщины:

— Надо же, так поздно, а братца все нет и нет!

«Ясно! — смекнул Сун. — Видно, девка ждет полю-
бовника».

О том, как выглядела женщина, лучше всего ска-
зать стихами:

Уложены черные волосы:
каждый волос — тугая нить.
Виски ее белые-белые
с кристаллами можно сравнить.

Густые темные брови
изогнулись крутой дугой,
Глянет лукавым взором —
сразу смутится лобой.

Тонкий маленький носик
необычно изящен и прям.
Такого румянца не встретишь
у самых прелестных дам.

Уста ее нежные-нежные
волшебный струят аромат.
Тело так ровно и гладко —
изъяна не сыщешь взгляд.

Словно холмы белоснежные
груди ее высоки,
Как из нефрита выточены
две прекрасных руки.

Гнется топкая талия,
грацией взоры маяя,
Лук напомнит изгибом
крошечная ступня.

Четвертый Сун, незаметно подкравшись к женщине,
закрыв ей лицо рукавом халата.

— Ах, братец! Зачем закрыл мне лицо? — вскричала
красотка. — Не пугай меня!

— Тихо! — Сун, крепко держа ее за пояс, достал
пояс. — Пикнешь — мигом прирежу!

— Пощадите меня, почтенный! — в ужасе вскрича-
ла женщина.

— Я пришел сюда по особому делу. Отвечай, какие
заслоны надо пройти, чтобы добраться до склада твоего
хозяина?

Женщина ответила:

— В десяти шагах от моей комнатки есть глубокая яма, а возле нее сидят два злющих пса. Пройдете мимо — увидите склад. В нем пять сторожей, каждый должен дежурить по два часа. Только сейчас они ничего не охраняют, а выпивают и кидают кости... В складе есть картонный человечек с серебряным шариком в руках, а под человечком лежит шест. Если наступишь на него, шарик сразу упадет и покатится по желобу — прямо к постели хозяина, который, понятно, проснется и поднимет тревогу.

— Ну и дела! — удивился Сун и вдруг сказал: — Взгляни-ка назад, вроде кто-то пришел!

Женщина повернула голову, и в этот момент Сун ударил ее в грудь пожом. Брызнула кровь, и несчастная упала замертво. Сун вышел из комнаты. Прошел несколько шагов, обогнул яму. Послышался лай. Сун достал из-за пазухи лепешку, вложил в нее какое-то зелье, а когда собаки подбежали ближе, бросил на землю. Соблазненные мясным запахом, псы набросились на лепешку, быстро сожрали и тут же околели. Сун направился дальше и вскоре услышал голоса стражей, игравших в кости:

— Единица! Шестерка! — раздавались крики.

Сун вытащил из-под полы кувшин и бросил в него щепоть какого-то снадобья. С помощью огнива он высек искру.

— Ух, какой аромат! — воскликнул кто-то из сторожей, почувствовав сладковатый запах. — Наверное, хозяин постарался. Так поздно, а он решил возжечь благовония!

Скоро от запаха у них головы пошли кругом. Упал один, за ним второй, и вот уже все пятеро лежали бездыханные. Сун подошел ближе. На столе стоял жбан с недопитым вином и закусками: овощи, фрукты. Недолго думая Сун выпил и закусил. Вдруг он заметил, что глаза у стражей странно открыты, однако с губ не слетает ни единого звука. Сун направился к складу. На двери висел здоровенный трехпружинный замок. Мошеник извлек из-за пазухи особый ключ, именуемый «в-ста-руках-помощник», потому что он отмыкал любой запор, будь то самый простой или сложный, самый маленький или большой. Сун вложил отмычку в щель

замка, и он тотчас же открылся. Войдя в склад, Сун заметил картонного человечка, державшего серебряный шарик. Стоило снять шарик, и можно было сколько угодно наступать на шест. В сокровищнице Жадной Утробы лежали несметные богатства, добытые нечестным путем. Связав драгоценности в узел, Сун достал кисть, послуявил и, подойдя к стене, написал такие четыре фразы:

Молодец вольный
в государстве Сун был рожден;
Меж Четырех Морей
имя свое оставил.
К треножкику⁹ мира великого
однажды поднялся он,
На родину слух об этом пришел
и молодца прославил.

Сделав свое дело, Сун выбрался на улицу, а дверь склада оставил открытой. Той же ночью он уехал в Чжэнчжоу, ибо, как он сказал себе: «Нельзя долго любоваться Лянским садом¹⁰, хотя он красоты необыкновенной».

Забрезжил рассвет. Сторожа, очнувшись от злого дурмана, сразу же увидели распахнутую дверь сокровищницы, мертвых псов и убитую женщину. Они бросились к хозяину. Чжан не мешкая поспешил с челобитной в сыскной ямынь. Вскоре последовал приказ правителя области Тэна, повелевающий инспектору Ван Цзуню выяснить обстоятельства кражи. Сыщики, разумеется, сразу заметили надпись на стене. Один из них, некий Чжоу Сюань, или Пятый Чжоу, парень не по годам смывленный и дотошный, сказал:

— Господин инспектор! Эта кража — дело рук Четвертого Суна!

— С чего ты взял?

— А вот вчитайтесь внимательно: «Молодец вольный в государстве Сун был рожден». В ней есть слово «Сун». Из второй следует извлечь цифру «четыре», из третьей — «однажды», и, наконец, в последней фразе есть слово «пришел». Соединив все четыре знака вместе, вы получите фразу: «Сун Четвертый однажды пришел», то есть «заходил сюда».

— Как видно, действительно он, — согласился Ван. — Я много наслышался об этом хитроумном мошеннике из Чжэнчжоу.

Инспектор приказал Пятому Чжоу немедленно ехать в Чжэньчжоу на поиски жулика.

Сыщики отправились в путь. Как говорят в таких случаях, они ели, когда испытывали голод, пили, когда их мучила жажда, ночью останавливались на ночлег, а с рассветом — устремлялись вперед. Добравшись до Чжэньчжоу, они выяснили, где проживает мошенник. Оказалось, жил он в маленькой чайной. Служивые вошли внутрь. У очага суетился какой-то старик, как видно, он заваривал чай.

— Эй! — крикнули гости. — Позови Четвертого Суня, пускай выйдет к нам выпить!

— Занемог он нынче, не встает с постели, — ответил старик. — Я схожу ему передам.

Старик направился в дом. Вскоре из двери послышались крики.

— У меня голова раскалывается! — кричал, видно, Сун. — Я тебе велел на три вэня купить отвара, а ты не купил. Никакого толку от тебя нет. Олух! На что ты годишься! Только деньги мои изводишь!

Крики сопровождались ударами. В дверях показался старик с миской в руках.

— Обождите здесь, почтенные! Он мне велел сходить купить отвару. Поест и сразу к вам выйдет!

Старика ждали долго, но он так и не вернулся. Не выходил и Сун. Сыщики направились во внутренние комнаты. Видят — на полу лежит какой-то связанный старец. Спросили его, где Сун.

— Тот, кто вышел к вам с миской, это и был Четвертый Сун, — ответил он. — А я у него служил заварщиком чая.

Служивые остолбенели от неожиданности.

— Ну и ловкач! Как нас провел! — завздохали они. — А мы и уши развесили!

Они бросились за мошенником в погоню, но того и след простыл. Раздосадованные, сыщики разошлись во все стороны, надеясь выведать место, где затаился прохвост. Но об этом мы пока умолчим и расскажем о Суне. Когда сыщики занимались чаепитием, Четвертый Сун находился в доме и осторожно выглянул из двери. По разговору гостей и их одеянию он тотчас сообразил, что они из столицы и приехали за пим. Вот тогда он поднял крик, а потом, быстро переодевшись в чужое

платье, пригнувшись и низко опустив голову, вышел из дома — будто за отваром.

«Куда же мне теперь податься? — подумал Сун, выйдя за ворота. — А что, если пойти к Чжао Чжэну из Пинцзянской области? Как-никак, он мой ученик. В свое время я получил от него письмоце, он сообщал, что живет в уезде Мосянь. Пойду к нему, там и пережду!»

Приняв такое решение, Сун изменил свое обличье — снова нарядился тюремным сторожем, но на всякий случай прикрыл лицо веером. Сделав вид, что он еще и подслеповат, мошенник побрел по дороге, расспрашивая прохожих, как ему добраться до Мосяня. Так он дошел до нужного места и остановился возле небольшой винной лавки, которую можно описать в стихах:

Над крышей флажок развевается,
к небу дымок плывет.
Во дни Великого Мира
здесь процветает народ.

Безграничную смелость, отвагу
рождает в душе вино,
Красотке развеять грусть и тоску
всегда помогает оно.

С восхода флажок полощется¹¹
там, где ивами берег зарос,
И шест наклонный виднеется
там, где цветет абрикос¹².

Те, чьи мечты еще не сбылись,
здесь обретают приют:
Забывая про все неудачи,
гуляют, песни поют.

К этому времени Четвертый Сун успел проголодаться, а поэтому решил закусить и выпить. Хозяин харчевни поставил перед ним вино. Опорожнив две-три чарки, Сун заметил во дворе молодого человека, одетого нарядно и со вкусом. Невольно на ум приходят слова:

Повязана лентой высокая шляпа,
Черного шелка халат —
И учепому и военному
подошел бы такой наряд.

Полой халата прикрыты
широкие штаны,
Шелком расшитые туфли
при каждом шаге видны.

— Папаша! Мой тебе поклон! — крикнул он.

Сун, приглядевшись внимательнее, узнал своего ученика Чжао Чжэна.

— Присаживайся, почтенный! — сдержанно проговорил Сун, опасаясь в людном месте раскрывать их отношения.

Перекинувшись с учителем несколькими церемонными фразами, молодой человек сел. Хозяин принес новую чарку, и они выпили.

— Давно не виделись, учитель! — тихо сказал Чжао.

— Что-нибудь обтяпал за это время, брат? — спросил Сун.

— Были дела! Только пустил уже на ветер все, что хапнул, — сказал Чжао Чжэн и спросил: — Учитель, до меня дошли слухи, что в Восточной столице тебе попал в лапу солидный кусок?

— Ерунда! Всего тысяч сорок-пятьдесят... Послушай, куда это ты так вырядился?

— Да вот надумал съездить в столицу, развеяться хочу, а потом в Пинцзян — есть одно дельце!

— Нечего тебе там делать!

— Можно узнать почему?

— Изволь! Сам ты из Чжэцзяна и в столичных делах ничего не смыслишь. Тамошняя братия тебя почти не знает. Куда ты пойдешь?.. К тому же вокруг города стена, которую зовут «Стеной спящего буйвола», а тянется она на целых сто восемьдесят ли. Место это не для нас — ведь мы с тобой, как говорится, любители травки. Помнишь поговорку: «Коль попала травка в глотку буйвола, жить ей придется недолго». И вот еще что: в Восточной столице пять тысяч стражников — парни хваткие и глазастые. Да еще сыщики из трех управ.

— Разве это для меня преграда?! Не беспокойся, учитель! Чжао Чжэн не из той породы, чтобы попасться на дурака!

— Ну что же, делай по-своему, если не веришь. Езжай! Но только прежде реши-ка одну задачку... У Чжана, что зовут Жадной Утробой, я стащил узел с ценностями и одеждой, который я кладу себе под голову вместо подушки. Так вот, ты должен выкрасть его. Сделаешь — тогда спокойно отправляйся!

— Пусяк, учитель!

Они потолковали какое-то время, после чего Сун, расплатившись за вино и закуски, повел Чжао Чжэна на постоянный двор, где остановился. Слуга, встретивший их в дверях, при виде нарядного господина приветствовал гостей с особой почтительностью. Сун сразу же направился в комнату.

— Вот узел,— показал он.

Вскоре Чжао Чжэн удалился.

Спустились сумерки.

Вечерняя дымка
затянула горы вдали,
Редкий туман
стелется у земли.
Яркие звезды зажглись в вышине,
споря блеском с луной,
Дальние воды, вершины гор
соперничают голубизной.
Древний храм в чаще лесной —
Колокол глухо
звучит за высокой стеной.
Вдоль берегов по глади речной
Рыбачьи лодки скользят,
гаснут на них фонари.
Плачет кукушка среди деревьев,
окутанных тьмой почной,
В ароматных цветах прекрасная бабочка
проспит до самой зари.

Итак, на дворе стемнело.

«Этот Чжао — малый хват,— подумал Сун.— Если ему удастся стянуть узел, меня засмеют. Учитель, мол, а опростоволосился!.. Надо пораньше лечь!» И он положил узел у своего изголовья.

Чжи-чжи... Цзы-цзы...— над его головой раздался какой-то странный скрип.

«Что за твари эти мыши! Еще не пробили первую стражу, а они тут как тут. Спасу от них нет!» — подумал Сун и посмотрел наверх. Со стропил посыпалась пыль. Сун чихнул. Через какое-то время мышьяная возня затихла, но тут же сверху послышалось мяуканье... Мяу-мяу... Кошка, видимо, помочилась, и вонючая кошачья жидкость капнула прямехонько в рот. Омерзительная вонь! От всех этих докук Сун долгое время не мог уснуть и вконец извелся. Но вот, наконец, он сомкнул глаза.

Едва забрезжил рассвет, он был уже на ногах и тут же обнаружил, что узел исчез. Сун растерялся.

— Почтенный! — вдруг послышался голос слуги. — К тебе пришел господин, что был намерен вечером.

Четвертый Сун вышел к гостю. Как положено, они поздоровались, и хозяин пригласил ученика в комнату. Чжао Чжэн, прикрыв дверь, вытащил из-за пазухи узел.

— Как тебе удалось стащить? — спросил Сун. — Откуда ты появился? Ведь дверь ночью даже не скрипнула!

— Не буду скрывать, учитель! Взгляни-ка на окно возле твоей постели. Оно было заклеено черной промасленной бумагой, а теперь зелелено обычной писчей. Это неспроста... В общем, я забрался наверх и принялся скрипеть и пищать, как делают мыши. Сверху посыпалась пыль... А на самом деле это было специальное снадобье, из-за которого ты стал чихать. Потом, как ты помнишь, полилась жидкость, то не кошачья была, а моя.

— Неблагодарное животное! — возмутился Сун. — Скотина!

А Чжао продолжал рассказывать:

— Дело, значит, было так! Подобрался я к двери, приподнял край бумаги и маленькой пилкой выпилил две рамки из оконного переплета. Потом пролез внутрь и, вытянув у тебя из-под головы узел, вылез наружу, вставил рамки на старое место, прикрепил их гвоздочками и снова заклеил бумагой. Почти никаких следов не осталось!

— Ну и хват! Прыткий парень! И все же не на все ты еще способен! Нынешней ночью снова попробуй стащить его. Если получится и на сей раз, тогда скажу, что ты, и верно, на все руки мастер!

— Проще простого! — Чжао протянул узел хозяину. — Ну, я пошел, учитель, завтра увидимся. — Он помахал рукой и исчез.

«Этот Чжао, видно, догнал меня в мастерстве! — подумал про себя Четвертый Сун, хотя вслух и не сказал. — Даже у меня стянул. Глядишь, так меня и засмеют. Пока не поздно, надо отсюда убираться!» — И он позвал слугу.

— Вот что, любезный! Сегодня я уезжаю, и ты мне

помоги. Здесь у меня двести монет. Купи, пожалуйста, жареного мяса монет на сто, да только предупреди торговца, чтобы он побольше поперчил и посолил. На пятьдесят монет возьми паровых лепешек. Остальные деньги оставь у себя — выпей за мое здоровье.

Слуга, поблагодарив гостя за щедрость, пошел выполнять поручение. Сделав возле Мосяньской управы необходимые покупки, он пошел обратно. До постоялого двора оставалось пройти еще домов десять, не больше, как вдруг его остановил голос из уличной чайной:

— Эй, второй брат ¹³, ты откуда? — голос принадлежал знакомцу Суна Четвертого.

— Наш гость собирается нынче уезжать, а поэтому просил купить ему мяса и лепешек, — ответил слуга.

— А ну, покажи! — потребовал Чжао, разворачивая лотосовый лист ¹⁴. — Сколько монет стоит мясо?

— Сто.

— Послушай, любезный, вот тебе двести. Мясо и лепешки ты пока оставь здесь. — Чжао вытащил из-за пазухи деньги. — Прошу тебя, потрудись, — купи мне тоже немного мяса... Вот тебе пятьдесят монет на выпивку.

— Премного вам благодарен! — Слуга отправился за покупкой и скоро вернулся.

— Еще хочу тебя потревожить, братец, — сказал Чжао. — Получше заверни мясо, что ты купил для господина Суна... Да, еще передай ему от меня низкий поклон и скажи, чтобы ночью был начеку.

Слуга обещал сделать все, как ему сказали.

— Ты уж извини, что побеспокоил тебя, — сказал Сун, когда парень отдал ему покупку.

— А мне встретился ваш знакомый, что был у нас намедни. Он вам кланяется и говорит, чтобы нынешней ночью вы были начеку.

Четвертый Сун быстро собрал свои пожитки и расплатился за жилье. Он закинул за спину постель, взял узел с вещами, которые в свое время стащил у Чжана, и вышел с постоялого двора. Через ли с небольшим он добрался до развилки, откуда шла дорога в селение Бацзяочжэнь. У переправы не было ни одной лодки — все они оказались на противоположном берегу. Успев сильно проголодаться, Сун уселся закусить на землю возле самой воды, а узел с ворованным добром на вся-

кий случай положил поближе к себе. Он развернул лотосовый лист, в который были завернуты кусочки мяса, обильно приправленные перцем и солью, и, вложив их в лепешку, свернутую трубкой, отправил в рот. Вдруг все завертелось у него перед глазами: земля оказалась где-то вверху, а небо внизу. Сун повалился. И тут ему видится, будто какой-то человек, одетый в платье чиновника, подходит, берет узел и уносит. Сун таращит глаза, а сделать ничего не может, потому как не в состоянии пошевелить ни рукой, ни ногой. А незнакомец уже подошел к реке, сел в лодку, что подошла в это время к берегу, переправился на противоположную сторону и поминай как звали...

Прошло довольно много времени, прежде чем Сун пришел в себя. «Кто утащил мои вещи? — подумал он. — Что за человек? — гадал он, и вдруг его осенило: — А не в мясе ли все дело, уж очень оно было странное. Не иначе — в пего подмешали зелья!»

Охая и стеная, Сун побрел к перевозу и кликнул лодку. Мысль о незнакомце не давала ему покоя. Только где его искать?..

Сун почувствовал голод. По счастливой случайности вблизи оказался деревенский трактир.

Дощатые двери полуприкрыты,
Запавешен пологом вход.
Может быть, здесь обитает Сянжу¹⁵ —
моет посуду в пору невзгод?
Но кто же в кухарке у очага
сходство с Вэньцзюнь¹⁶ найдет?
Знаки начертаны на стене —
Их написал деревенский учитель,
кисть омочив в вине.
Лежит накидка — какое старье!
Парень-пьянчужка решил продать
другому пьянчужке ее.
Бутыли грязные с кислым вином
стоят у лежанки в ряд,
Изображения пьяных святых¹⁷
на пыльных стенах висят.

Сун решил выпить, чтобы хоть немного развеять тоску. Хозяин поставил перед ним бутылку с вином. Опрокинув одну-две чарки, Сун потянулся было к третьей, как вдруг заметил женщину, которая появилась в дверях.

Блестящие волосы, бело лицо,
Белоснежные зубы, ротик пунцов.
Челка густая до самых бровей,
Цветастое длинное платье на шей.
Бутоны душистые в волосах —
одни другого красней.
Видно, довольна чем-то она —
улыбается во весь рот.
Не знатная дама — «красотка с бутылью»
прозвание ей подойдет.

Молодая женщина, поздоровавшись с гостем, хлопнула в ладоши и запела. Приглядевшись повнимательнее, Сун нашел в ее лице что-то знакомое.

«Не иначе певичка, одна из тех, кто, как говорится, вытирает столы», — подумал он и подозвал женщину.

Женщина подошла и села рядом. Сун велел хозяйцу принести ей вина. Красотка выпила. Недолго думая Сун облапил красавицу, стал пощупывать ее, да похлопывать, а рука устремилась за пазуху.

— Эй, девка! — вскрикнул он изумленно. — А где же твои груди? — Сун поспешно полез под юбку, и его рука наткнулась на что-то бугристое и свисающее. — Ах ты, тварь! Отвечай, кто ты есть?

Почтительно сложив руки на груди, певичка проговорила:

— Ах, учитель! Я не та, что «вытирает столы», и не та, что «подпирает старцев». Я — всего-навсего твой ученик Чжао Чжэн из Пинцзяна.

— Паскудник! — взорвался Сун. — Хребет тебе надо переломать. Заставил учителя щупать!.. А тот уездный чиновник! Видно, тоже ты был?

— Точно так!

— А мой узел? Где он?

— Он здесь, учитель, сейчас принесу! — Чжао кликнул хозяина, и тот принес узел в комнату.

— Как же ты ухитрился?

— Я сидел в чайной неподалеку от постоянного двора, когда увидел слугу, который нес мясо. Я его подозвал и велел показать, что он кушил, а потом послал его за своими покупками. Пока он ходил, я сунул в мясо одно снадобье, слуга ничего не заметил и передал покупку тебе. Потом, переодевшись чиновником, я пошел следом за тобой. Когда ты проглотил мое зелье и упал

без сознания, я взял узел и прямехолько сюда... И вот жду тебя здесь.

— Мастер что падо! — похвалил Сун.— Вот теперь ты вполне можешь идти в столицу.

Расплатившись, они вышли из питейного заведения. На пустыре Чжао Чжэн освободился от украшений, вымыл лицо в ручье и, переодевшись в обычное платье, повязал голову синим шелковым платком.

— Если ты собрался в столицу, я тебе дам письмецо к моему ученику,— сказал Сун.— Он живет на берегу Бяньхэ и торгует маньтоу с начинкой... из человеческого мяса. Его зовут Хоу Сяп. В семье он второй, поэтому его кличут Второй Хоу.

— Премного благодарен! — отвечивал Чжао.

Они подошли к чайной. Четвертый Сун передал ученику письмо, которое здесь же и написал, и они, простившись, разошлись. Сун остался в Мосяне, а Чжао отправился в путь и вечером остановился на ночлег на каком-то постоялом дворе.

«Интересно, что он там сочинил?» — подумал он и, распечатав конверт, прочитал: «Учитель шлет послание почтенному ученику и его жене. Как живете, какие радости в жизни? Ныне вам сообщаю, что некий Чжао Чжэн, вор из Гусу, решил в столице заняться «торговым промыслом». Однако ж к сотоварищам по ремеслу он не имеет никакого почтения. Трижды он осрамил меня, отчего желательнее его немедленно убрать. Я послал его к тебе, ибо он мясистер и вполне подойдет для твоего товара. Надобно избавить всю нашу братию от зла». Чжао даже высунул язык от изумления, но быстро собрался с мыслями: «Другой бы испугался и не пошел, а я пойду назло. Интересно, что у них получится? Только надо что-то придумать!» Он сложил, как положено, письмо и аккуратно всунул его в конверт.

Едва забрезжил рассвет, Чжао покинул постоялый двор и направился в селение Бацзяочжэнь. За Дощатым Мостом рукой подать до уездного города Чэньлюсянь. Пройдя немного вдоль реки Бяньхэ, он после полудня оказался возле лавки, где торговали маньтоу. У двери стояла женщина в платье, стянутом в талии узорчатым платком.

— Эй, прохожий! Заходи, отведай наши маньтоу! Они у нас что надо!

Над дверью висела таблица: «Лавка семьи Хоу. Лучшие маньтоу и закуски». Здесь, как видно, и жил Хоу Син. Чжао вошел внутрь.

— Желаете закусить? — спросила женщина, приветствуя гостя.

— Обожди! — Чжао снял со спины узел, развязал и достал разные золотые и серебряные украшения, которые он успел наворовать в пути. Одни — самые обыкновенные, другие — с необычными узорами, третьи — разукрашенные драгоценностями. При виде такого богатства у жены Хоу Сина глаза загорелись. «Здесь не меньше двухсот украшений, а то и все триста, — подумала она с завистью. — У нас никогда не бывало таких богатств, хотя сама я неплохо торгую маньтоу, а муж промышляет разбоем... Если этот парень закажет маньтоу, я суну в них зелья... И тогда все эти украшения станут моими!»

— Сестрица! — обратился к хозяйке гость. — Принеси мне пять лепешек!

— К вашим услугам! — женщина положила на блюдо пять маньтоу и подсыпала в каждую лепешку снадобье из особой коробки.

«В коробке, не иначе, яд!» — смекнул Чжао и незаметно достал из-за пазухи пакетик с противоядием.

— Любезная, принеси холодной воды, лекарство мне надо бы запить.

Женщина принесла плошку с водой и поставила на стол.

— Вот выпью лекарство и примусь за еду!

Проглотив снадобье, Чжао принялся ковырять начинку лепешки.

— Хозяйка! Мой покойный отец когда-то говорил, что в ваших местах покупать маньтоу не следует, будто их начинают человечинной... Смотри-ка, вот и здесь, кажется, ноготок, а вот и кожа с шерсткой... С какого же места?

— Извольте шутить, почтенный!

Чжао Чжэн откусил кусочек лепешки.

«Сейчас свалится!» — услышал он шепот женщины, которая в это время отошла к плите. Хозяйка была уверена, что гость упадет, однако ничего не произошло.

— Любезная! Мне бы еще пяточек! — попросил гость.

«Видно, мало положила яда, надо добавить!» — подумала женщина. А в это время Чжао снова достал пакетик с лекарством и вновь его проглотил.

— Что вы все глотаете, уважаемый? — с любопытством спросила женщина.

— Да так, одно зелье, которое дал мне служащий из сыскного приказа в Пинцзяне... называется «пилюли от ста болезней». Очень полезно их принимать женщинам, особенно перед зачатием и после родов, а также помогают они при заболевании селезенки и при головных болях...

— А мне не дашь пакетик?

Чжао Чжэн пошарил за пазухой и вынул пакет, в котором находилось целых сто пилюль — только совсем другого лекарства. Женщина проглотила снадобье и, как подкошенная, свалилась возле очага.

— Хотела со мной расправиться, да только сама попалась! — проговорил Чжао. — Сейчас, конечно, лучше всего мне удрать... Но я все-таки останусь.

Довольный своим подвигом, он расстегнул халат и принялся ловить насекомых.

Через какое-то время в дом вошел мужчина с коромыслом, к которому были подвязаны наполненные снедью короба.

«Вот и муженек пожаловал! Посмотрим, что он из себя представляет!» — подумал Чжао. Мужчина поздоровался с гостем.

— Отведали наших вкусностей? — спросил он.

— Отведал!

— Эй, жена! — крикнул Хоу Син. — Выручка есть? — Ответа не последовало. Хоу Син оглянулся и заметил лежащую подле очага женщину. Из рта у нее стекала струйка слюны.

— Я съела... и упала... — невнятно пробормотала она.

— Все попятно! — воскликнул Хоу. — Сразу видно, что вовремя не сумела разглядеть вольного гостя с рек и озер¹⁸...

— Друг! Наверное, ты дал ей какого-нибудь зелья, от которого она свалилась, — обратился он к Чжао Чжэну. — Моя жена — баба глупая, а глаз у нее ненаметанный — не разглядела брата по ремеслу. Ты уж ее извини!.. Давай познакомимся!

— Я Чжао Чжэн из Гусу. А тебя как зовут, почтенный? — спросил Чжао.

— Кличут меня Хоу Сином.

Они поклонились друг другу. Хоу Син дал жене противоядие, которое сразу привело ее в чувство.

— Брат! — обратился к нему Чжао. — Тебе письмо от учителя, Четвертого Суна.

Хоу Син распечатал послание и принялся читать. Глаз наткнулся на слова: «желательно его немедленно убрать». В сердце Хоу Сина, как говорится, вспыхнула ярость, а в печени родился великий гнев. «За оскорбление, которое он нанес нашему учителю, он нынче же поплатится жизнью!» — решил он, а вслух сказал:

— Много слышал о твоих подвигах!.. Большая радость для меня, что мы нынче познакомились! — Он тут же принес вина, а когда кончилось застолье по случаю знакомства, предложил гостю заночевать в доме, а сам с женой отправился во двор.

В комнате, где оказался Чжао, стоял страшный смрад. Чжао принялся искать источник вони. Под ложем он обнаружил большой чан, а рука нащупала в нем человеческие конечности и даже голову. Чжао связал веревкой несколько кусков и подвесил к балке над выходом. Вдруг он услышал разговор. Говорили супруги.

— Муженек! Пора! — послышался голос жены.

— Рано еще, пускай покрепче уснет!

— Я видела нынче, как он из узла вытаскивал золотые вещицы — штук двести иль триста, не меньше... Надо прикончить его поскорее... Завтра я разукрашусь, так что все ахнут от зависти!

«Попробуйте только!» — подумал Чжао.

Надо вам сказать, что у Хоу Сина был десятилетний мальчишка по имени Баньгэ, который в ту пору болел лихорадкой. Чжао быстренько переложил мальчишку на свою постель и накрыл одеялом, а сам выскользнул через заднюю дверь наружу. Через какое-то время дверь комнаты распахнулась и на пороге появились супруги. Жена несла лампу, а Хоу Син держал в руках тяжелый топор. Видя, что человек под одеялом крепко спит, Хоу Син ударил раз-другой топором, да так, что в один миг разрубил жертву натрое. Он откинул одеяло...

— Горе мне! Жена! — завопил он. — Мы убили Баньгэ, нашего сына!

Муж и жена заплакали в голос.

— Эй вы! — вдруг услышали они. — А я здесь, цел-невредим! Понапрасну вы сгубили мальчишку!

Чжао стоял за дверью. Хоу Син, в ярости схватив топор, бросился на обидчика, но в дверях что-то сильно стукнуло его по голове. Под карнизом, будто игрушки на шесте уличного торговца, болтались человеческие конечности.

— Отнеси их в дом! — крикнул Хоу жене и погнался за Чжао.

Скоро они оказались возле реки. Родившись в Пинцзяне, Чжао Чжэн умел хорошо плавать. Прыжок — и он уже в воде. Хоу Син кинулся за ним. Быстро работая руками и ногами, Чжао Чжэн добрался до противоположного берега. Хоу Син плывал похуже и достиг берега лишь тогда, когда Чжао уже успел выжать одежду. Время приближалось к концу пятой стражи. Когда Чжао и его преследователь начали свой бег, была еще четвертая стража, значит, они покрыли никак не меньше двенадцати ли. В конце концов они очутились у стен города. Перед ними возвышались ворота Синьчжэнмынь — Нового Торжества. На пути Чжао Чжэна оказалась какая-то банька, в которую он стремительно шмыгнул, чтобы мимоходом ополоснуть лицо, а может, и подсушить одежду. Только он начал мыться, как вдруг в дверях выросла фигура Хоу Сина. Он бросился к Чжао, схватил его за ноги и опрокинул на пол. Однако Чжао, изловчившись, нанес ответный удар коленом. Они катались по полу, награждая друг друга тумачами. И тут в баньке появился старик в одежде тюремного сторожа.

— Кончайте драку! Учитель пришел! — крикнул он.

Перед ними стоял Сун Четвертый. Враги поднялись на ноги и поклонились.

— Сходите к лекарю и выпейте целебного настоя, — посоветовал он.

Хоу Син стал жаловаться учителю, рассказывая о своих злоключениях.

— Будет! — оборвал его Сун. — Есть одно дело! Завтра утром брат Чжао должен найти в городе одного нашего человека. Он торгует пирогами с мясной начин-

кой возле Моста Золотых Стропил. Зовут его Ван Сю, по прозвищу Хворый Кот. Никто лучше его не может лазить по крышам, вот отчего его так и прозвали. Живет он на дальнем дворе Храма Первого Вельможи¹⁹. Так вот, слушайте! У этого Вана на подставке для пирогов стоит кувшин, отделанный золотой нитью. Вещь дорогая, сделана не где-нибудь, а в печах Динчжоу Чжуншаньской области²⁰. Понятно, что торговец ее бережет, как зеницу ока. Чжао Чжэн! Тебе следует добыть кувшин. Сделаешь?

— Проще простого! — ответил парень.

С открытием городских ворот Чжао Чжэн исчез, а Сун остался с Хоу Сином.

Чжао Чжэн оделся нарядно: шляпа кирпичиком сзади украшена лентами, черный шелковый халат. Под Мостом Золотых Стропил он увидел торговца, перед которым стояла подставка, а на ней красовался кувшин. Торговца Ван Сю можно описать такими словами:

Вокруг головы
юньчжоуский синий платок,
Куртка простая
цветом, как листья вяза,
Зеленым платком
в талии он перевязан.
Стоит, рукою упершись в бок.

«Не иначе Ван Сю!» — решил Чжао, проходя по мосту и направляясь в сторону зерновой лавки, которую заметил заранее. В лавке он насыпал себе в ладонь щепотку мелкого красного риса, а у продавца овощей прихватил несколько листиков зелени. Рис с листьями он отправил в рот и принялся усердно жевать. После этого хитрец направился к лавке Хворого Кота. Кинув торговцу шесть вэней — как раз на два пирожка, — он будто невзначай уронил на землю монету. Когда Ван нагнулся, Чжао Чжэн плюнул ему на платок жвачку из зерна и листьев, а сам, взяв пироги, быстро удалился. На мосту он остановился и подозвал к себе мальчишку, пробежавшего мимо.

— Эй, братец! Видишь вон того Вана — торговца пирожками? Пойди к нему и скажи, что жук, мол, ему нагадил на платок. Но только обо мне ни гугу, понял? Сделаешь, как я сказал, получишь пять фыней!

Мальчишка подбежал к торговцу.

— Дядя Ван! Взгляни, что у тебя на платке!

Хворый Кот снял с головы повязку — она была усеяна зелеными кучками. Торговец пошел в лавку, чтобы вычистить платок, а когда вернулся назад, кувшина на месте уже не было. Мошенник Чжао, воспользовавшись минутной отлучкой хозяина, быстро спрятал кувшин в рукав халата и поспешил к приятелям. Четвертый Сун и Хоу Син остолбенели от изумления, а Чжао, как ни в чем не бывало, сказал:

— Этот кувшин мне не нужен, пойду отдам его жене торговца.

Он надел на себя выдавшую виды куртку, старую шляпу, сильно поношенные пеньковые туфли и направился в Храм Первого Вельможи. Найдя там жену Вана, он поздоровался с ней.

— Твой хозяин велел, чтобы ты передала ему новую куртку, исподнюю рубаху, штаны да новые туфли. И поски не забудь. А в доказательство того, что я от него, вот тебе ваш кувшин.

Жена Вана, не помышлявшая о подвохе, взяла кувшин, а Чжао Чжэну передала новую одежду мужа. Мошенник вернулся с добычей.

— Учитель! — крикнул он Суну. — Кувшин я поменял на эту одежду!.. Потом сходим к Вану втроем и вернем ее. Вот будет потеха! Ну, а покамест я переоденусь и пройду немного!

Одев платье Вана, мошенник отправился в город. Зашел в питейное заведение, выпил и закусил, а затем пошел в сторону Моста Золотых Стропил. Тут его кто-то окликнул:

— Эй, Чжао!

Чжао обернулся. Оказались его приятели: Сун с Хоу Сином. Все трое спустились с насыпи и подошли к лавке Вана.

— Любезный! Не хочешь ли с нами выпить чайку? — предложил ему Сун.

— А это кто такой? — спросил Хворый Кот, взглянув на Чжао.

Сун хотел было ответить, но Чжао вдруг потянул его за рукав и шепнул:

— Не называй моего имени! Скажи, что я твой родственник! Задумка у меня есть!

— Как благородная фамилия нашего гостя? — повторил вопрос Ван.

— Это мой родственник... Я пригласил его в столицу поразвлечься.

— Ах так! — Ван сложил подставку для пирожков и отнес ее в лавку. Все четверо вышли за Ворота Нового Торжества и, пайдя тихую харчевню, зашли выпить. Хозяин принес бутыль, разлил по чаркам вино. Когда они трижды опустошили посуду, Ван Сю, обратившись к Суну, сказал:

— Учитель! Нынче утром я чуть не лопнул от злости! Вот послушай!.. Только я вытащил на улицу свою подставку, как вдруг ко мне подошел покупатель... Моих пирожков решил купить. И тут у него выпала на землю монета. Я нагнулся было поднять, и надо же так случиться, что мне на платок сел жук — сел и нагадил. Пошел я в лавку вычистить платок, а когда вернулся, вижу, что кувшин, что висит у меня на шесте, куда-то исчез. Весь день хожу сам не свой!

— Как видно, лихой покупатель, если стянул перед самым твоим носом. Можно сказать, парень-хват! — проговорил Сун и успокоил Вана: — Не горюй, завтра мы отыщем кувшин, никуда не денется!

Чжао Чжэн лопался от смеха.

Стемнело. Все четверо, крепко захмелевшие, пошли по домам.

Когда Ван Сю вернулся домой, жена встретила его вопросом:

— С чего ты посылал домой человека с кувшином?

— Я не посылал никого...

— Он взял твою одежду.

Ван Сю ничего не понимал. И тут вдруг ему вспомнился родственник Суна, которого он видел днем. Новый знакомец был в одежде, очень похожей на его. Однако сложную загадку торговец в тот вечер так и не разрешил. Расстроенный, он достал рог для вина, и они с женой выпили. Захмелев, сняли одежды и легли на постель.

— Жёнушка! — проговорил Хворый Кот. — Что-то давно у нас с тобой не было веселья!

— Старик, а все туда же!.. Срам бесовский!

— Ты что же, не знаешь поговорки: «Молодой стерпит, старик от нетерпения огнем сгорит». С этими сло-

вами он подвалился к жене, однако, как ни тужился, толку никакого из этого не вышло.

А в это время Чжао приоткрыл дверь, проник в комнату и шмыгнул под кровать. Когда супруги начали свою пьяную возню, Чжао, изловчившись, швырнул в дверь ночную посудину. Те с перепугу вскочили с постели и видят — из-под их ложа выползает какой-то человек с узлом и устремляется к двери. Ван Сю сразу же признал в нем нового знакомого, с которым он пил накануне вино.

— Ты как сюда попал? Что здесь делаешь?

— Сун Четвертый велел передать тебе узел!

В узле оказалась одежда торговца.

— Кто же ты на самом деле? — спросил Хворый Кот.

— Чжао Чжэн из Гусу, что в Пинцзянской области.

— Понаслышав я о тебе!..

Они познакомились, и Чжао остался у торговца на ночь, а утром они вместе направились в город. По дороге Ван Сю спросил его:

— Вон, видишь, у Моста Белого Тигра стоит большой дом? Там живет князь Цянь. Богатств у него — пропасть!..

— Вечером его навестим... — сказал Чжао.

Ван ответил согласием.

Время подошло к третьей страже. Чжао прорыл под стеной лаз, проник в сокровищницу князя и вытащил оттуда всяких украшений на целых тридцать тысяч связок — богатства, которые, надо вам знать, князь приобрел правдами и неправдами. Самая большая драгоценность — белый, как баранье сало, нефритовый пояс с темным узором и драконами, вписанными в круг. Ван Сю, стоявший в это время снаружи, принял узел, и мошенники поспешили домой поскорее схоронить добычу.

На следующий день князь Цянь направил правителю области жалобу.

— Безобразия! Мошенники орудуют возле самой государевой колесницы²¹! — разъярился правитель Тэн и приказал сыщику Ма Ханю в трехдневный срок изловить воров, которые посмели забраться в дом сиятельно-го вельможи.

Получив строгий приказ, Ма Хань отдал распоряжение подчиненным, а сам отправился к Храму Первого

Вельможи. У ворот он заметил человека в лиловой куртке и шляпе кирпичиком, украшенной лентами.

— Господин начальник! — обратился незнакомец к сыщику. — Не отведаете ли чайку?

Они вошли в чайную. Слуга поднес чайник с напитком. Незнакомец вытащил из-за пазухи пакетик с орешками и положил несколько в чашки.

— Как зовут вас, сударь? — спросил Ма Хань.

— Чжао Чжэн. Между прочим, это я вчера ограбил князя Цяня.

От этих слов чиновника прошиб холодный пот. Но что делать? Как схватить злодея? Оставалось сидеть и ждать подручных, которые помогли бы ему задержать негодяя. Ма Хань допил свой чай, и вдруг все перевернулось у него перед глазами: небо очутилось внизу, а земля — наверху. Сыщик грохнулся наземь.

— Господин сыщик, как видно, сильно захмелел, — проговорил Чжао, приподнимая Ма Ханя. Вытащив странные видом ножницы, он отрезал от халата чиновника полрукава, спрятал кусок у себя и, расплатившись со слугой, направился к выходу.

— Пойду найду кого-нибудь, чтоб помогли ему добраться до дома! — И он вышел.

Прошло время, достаточное, чтобы съесть две плоски риса. Зелье прекратило свое действие, и сыщик Ма пришел в себя. Новый знакомец исчез, и сыщику пришлось идти домой. На следующее утро он должен был ехать во дворец в конвое правителя Тэна. Когда Тэн верхом на коне подъезжал к Воротам Провозглашенной Добродетели, ему внезапно преградил дорогу человек в черной куртке и шляпе с загнутой верхушкой.

— Его сиятельство, князь Цянь, просил передать вам свое послание, — сказал незнакомец, поклонившись правителю. Тэн принял бумагу, а нарочный, откланявшись, уехал. Тэн пробежал глазами письмо: «Разбойник Чжао Чжэн из Гусу с поклоном сообщает правителю области: вещи князя Цяня украд я. Если правитель захочет меня найти, пусть он знает, что мой дом находится отсюда самое дальнее за сто восемь тысяч ли, а самое близкое — перед твоими глазами». И тут взгляд правителя случайно упал на пояс с украшениями в виде золотых рыб — подвески исчезли. После приема у государя встревоженный правитель вернулся в ямынь и

принялся за разбор прошений и жалоб. Тэн просмотрел больше десятка бумаг. Одна из них вызвала у него изумление. В ней не было ни жалобы, ни просьбы, а было лишь стихотворение на мотив «Луна над Западной рекой».

В великое море
речные воды спешат.
Молодец вольный
приехал в столичный град.
Сыщик Ма из управы
больше не носит халат.
Я у князя нефритовый пояс украл —
князь, верно, не очень-то рад.
У правителя срезал подвески,
украшавшие пышный наряд.
Хотите узнать молодца имя?
Его имя пишется так:
Маленький месяц, земля, нога,
Штука материи — вот этот знак²².

«Опять Чжао Чжэн! Ну и прохвост!» — подумал Тэн и немедленно вызвал к себе сыщика Ма.

— Я, презренный, допустил вчера большую оплошность, так как не знал того жулика в лицо, — сказал сыщик. — Разбойник хитер и ловок, но мне удалось все же узнать, что он — ученик Суна Четвертого из Чжэнчжоу. Поэтому, я думаю, если удастся схватить старого злодея Суна, попадетсЯ и сам Чжао Чжэн.

Только сейчас правитель Тэн вспомнил, что Сун, который в свое время ограбил богача Чжана, до сих пор еще не пойман, и дело его остается в кипе нерешенных бумаг. Правитель велел начальнику стражи Ван Цзуню вместе с сыщиком Ма во что бы то ни стало поймать мошенников, и без промедления.

— Они ловко заматают следы, — сказал Ван. — Просим, ваша светлость, увеличить нам срок... А еще надо дать объявление о награде за поимку воров. Авось кто-нибудь принесет какие-то сведения.

Правитель согласился и определил месяц на поимку грабителей. А еще приказал повсюду развесить приказ о награде в тысячу чохов тому, кто укажет место, где хранится награбленное добро. Получив распоряжение правителя области, Ма Хань и Ван Цзунь направились к князю Цяню и упросили вельможу добавить тысячу чохов, а потом заставили раскошелиться Жадную Утро-

бу. Надо сказать, что уломать скупердя после того, как он потерял пятьдесят тысяч, было дело нелегкое. Чжан ни за что не соглашался.

— Почтенный господин Чжан! — сказали стражники. — Пожалеешь малое — потеряешь крупное. Когда изловим преступников, все добро к тебе вернется. Начальник области Тэн выделил крупную награду, да и сам князь не поскупился — добавил тысячу чохов. Если правитель узнает о твоём отказе, ты будешь выглядеть некрасиво!

Жадной Утробе пришлось пойти на попятную, и скрепя сердце он подписал бумагу с обещанием выдать пятьсот связок. Ма Хань вывесил бумагу у ямыня, переговорил с Ваном, и они разошлись в разные стороны искать преступников...

Сыщик Ма прежде всего решил посмотреть, что делается возле объявления властей, и отправился к областной управе. Перед бумагой стояла густая толпа. Среди зевак находился и Сун Четвертый. Узнав содержание приказа, он пошел к своим ученикам.

— Ай, ай! Сыщики раньше будто бы не таили против нас особой злобы, а сейчас, видно, решили нас изловить непременно! — воскликнул Чжао. — И наградные повысили! Правитель и князь даже выложили по тысяче чохов. Только Чжан поскупился, из скупердя сумели выжать всего пятьсот! Низко нас оценил! Ну что же, придется их снова немного потревожить!

Надо сказать, что Сун уже давно точил зуб на Ван Цзуня, который когда-то пытался его арестовать. Таил он злобу и на сыщика Ма — ведь именно сыщик сообщил правителю, что Чжао его ученик. Обсудив меж собой, что им делать, мошенники остались довольны своим планом.

Чжао передал Суну нефритовый пояс с темным узором и драконами, а Сун отдал ученику песколько наиболее ценных вещей из сокровищницы Жадной Утробы, после чего они расстались и отправились каждый в свою сторону.

Расскажем вам о том, что Четвертый Сун неожиданно столкнулся с нищим, которого он когда-то встретил возле дома богача Чжана. Как и тогда, бедолага нес бамбуковую плетенку.

— Ты мне сегодня понадобишься, — сказал ему Сун

и потянул за собой к Воротам Нового Торжества, где в это время жил Хоу Сун.

— Какое поручение дашь мне, благодетель? Я на все готов!

— Если сделаешь точно, как я скажу, получишь тысячу чохов, — пообещал Сун.

— О, я несчастный! — завопил перепуганный нищий. — Быть беде!

— Не бойся! — успокоил его Сун. — Главное, делай, как я скажу, и все будет в порядке.

Затем он позвал Хоу Сина и достал нефритовый пояс цвета бараньего сала с темным узором и драконами.

— Переоденься в платье дворцового стражника! Возьми этот пояс и ступай в меняльную лавку Чжана. Ты ведь знаешь, что этой штучке цены нет, поэтому, если он будет давать за него чохов триста — не больше, отвечай: в течение трех дней я, мол, вещь эту выкуплю, а пока пусть полежит в лавке. И скажи, чтобы Чжан накинул еще чохов двести. Понял?

Едва Жадная Утроба увидел драгоценность, он тут же смекнул, что на ней можно сильно нажать. Не спросив, откуда пояс, он сразу выложил триста чохов, а Хоу Син забрал деньги и тут же удалился.

Потом Четвертый Сун наказал нищему с бамбуковой плетенкой идти к дому князя и сообщить, что он-де может сказать, где находится княжеский пояс.

Узнав, что пропажа нашлась, князь приказал немедленно привести побируху.

— Ничтожный пришел к меняле заложить вещь — так, одну мелочь, и заметил, что тамошний приказчик торгует гостью с севера белый пояс и просит за него полторы тысячи лянов... Потом я узнал, что пояс будто бы краденый — из дома самого сиятельного князя. Вот я и пришел!

Цянь отрядил сотню стражников и повелел им немедленно идти в дом Чжана, а нищий чтобы показал им дорогу. Солдаты ворвались в лавку богача и, перерыв там все сверху допизу, обнаружили княжеское украшение. Жадная Утроба пытался что-то объяснить, но стражники даже слушать его не стали. Связав одной веревкой Чжана и его двух приказчиков, они потащили их к князю. Вельможа сразу же узнал свой пояс. Зна-

чит, нищий не солгал, и обрадованный князь распорядился выдать ему тысячу чохов. Довольный сановник сел в паланкин и направился к правителю Кайфынской области. Он хотел показать ему пояс, а заодно потребовать от Тэпа учинить жестокую пытку Чжану и его помощникам, которых приволокли в ямынь. Раздосадованный тем, что злодеи все еще не пойманы, правитель Тэн обрушился на торговца с брабью:

— Совсем недавно ты направил в нашу управу жалобу, в коей перечислял множество драгоценностей, которые якобы у тебя украли. Уже тогда я заподозрил, что дело это нечисто. Откуда у простолюдина такие богатства? А оказалось, ты заодно с разбойниками! А ну, отвечай, кто украд княжеский пояс?

— Мне, пичтожному, достались эти богатства от предков, они вовсе не награблены! — оправдывался Чжан. — А что до пояса, то вчера в час шэнь²³ его принес в мою меняльную лавку какой-то охранник. Он заложил его за триста связок.

— А разве тебе неизвестно, что из дворца сиятельного князя Цяня пропал нефритовый пояс цвета бараньего сала с темным узором и драконами? Как ты посмел, не спросив, откуда вещь, взять ее и выдать под нее деньги? Наверняка ты с этим мошенником заодно. Где он сейчас?

Правитель велел прислужникам учинить Чжану и приказчикам пытку. Окровавленный, с кожей, свисающей клочьями, Жадная Утроба не стерпел мучений и взмолился дать ему три дня, чтобы изловить человека, который принес ему пояс. Если же в этот срок он его не найдет, тогда, мол, он примет вину на себя. Правитель Тэн, поразмыслив, согласился. В тюрьме остались два приказчика Чжана, а самого хозяина отпустили на три дня, приставив к нему стражников.

Жадная Утроба, заливаясь слезами, вышел из ворот областной управы и направился со стражниками в харчевню, где поставил им по чарке вины. Только они собрались выпить, как вдруг в дверь питейного заведения вошел, ковыляя, старик.

— Где здесь почтенный Чжан? — спросил он.

Жадная Утроба, опустив голову, молчал.

— Кто ты? Зачем тебе Чжан? — спросил один из стражников.

— Есть для него радостная весть! Я хотел было зайти к нему в лавку, да кто-то сказал, что его будто стащили в управу.

— Это я — Чжан! — сказал торговец, приподнимаясь. — Что ты хотел мне сообщить?.. Присаживайся сюда, рассказывай!

Старик сел рядом с богачом.

— Я слышал, из вашего дома пропали какие-то вещи? Нашли или нет?

— Ничего о них не известно!

— А вот я кое-что разузнал, потому и пришел вам сказать. Если не верите, я готов даже показать, где они спрятаны... само собой, за вознаграждение!

«Если удастся вернуть те пятьдесят тысяч, у меня останется предостаточно денег даже после того, как я расплачусь с Цянем,— подумал Чжан.— Правда, придется потратиться в ямыне, но зато отпадут все подозрения!»

— Скажи, любезный, кто же грабитель? Верно ли то, что ты говоришь?

Старик наклонился и зашептал ему на ухо.

— Не может быть! — воскликнул Чжан в крайнем изумлении.

— Точно! Я же сам иду в управу. Если не укажу место, где лежит краденое, сам окажусь виновным!

— Выпей с нами чарку-другую, почтенный! — обрадовался Жадная Утроба. — Когда откроется вечернее присутствие, мы с тобой доложим господину правителю!

Все четверо на радостях выпили власть и сильно захмелели.

Тем временем в ямыне открылось вечернее присутствие. Чжан купил лист бумаги и попросил старика, которого звали Ван Бао, составить от его имени челобитную, после чего они направились в управу. В жалобе говорилось, что настоящими ворами являются сыщик Ма и начальник дворцовой стражи Ван — именно они-де ограбили богача Чжана.

«Быть этого не может! — подумал правитель Тэн. — Ведь они много лет сами ловят разбойников!»

— Видно, они твои подруги, и ты решил им насолить! — сказал правитель челобитчику. — Где у тебя доказательства?

— Я, ничтожный, имею торговое дело в Чжэнчжоу.

Вот там-то я и видел собственными глазами, что они мспяли какие-то вещи: золотые и серебряные. А еще они хвастались, будто в доме у них остались другие украшения. Они собираются их продать, когда будет падобность. Я, конечно, зпал, что они служат в областной управе и сами ловят грабителей, но только ведомо мне и то, что на этой работе много не заработаешь. Вот тогда и напало на меня сомнение. А сегодня я увидел бумагу по делу господина Чжана, в которой перечислялись ценности, похожие на те, что я видел у них. Как и господин Чжан, я очень хочу, чтобы поймали преступников, поэтому и пришел сюда. Если есть в словах моих ложь, готов понести наказание.

Правитель Тэн не знал, что и думать, но в конце концов решил послать сыщика Ли Шуня и его спорых в деле подручных вместе с Ван Бао и Чжаном на поиски злодеев, которые как раз в это время в чужих уездах, ни о чем не ведая и не зная, сами разыскивали преступников. Ли Шунь, получив от начальника срочный приказ, направился в дом Ван Цзуня. Его подручные с шумом и криком ворвались внутрь, но застали в комнате лишь жену Вана, сидевшую возле окна с трехлетним ребенком. Женщина ела печенье с финиками, а ребенок забавлялся игрушкой, сидя у нее на коленях. Неожиданный приход грубых гостей всполошил жепщину. Толком не понимая, что случилось, и боясь, что младенец испугается шума, она схватила его на руки и, закрыв дитя рукавом халата, устремилась во внутренние комнаты. Стражники бросились за ней.

— Где спрятали покражу? Куда девали вещи Чжана? Отвечай!

Женщина таращила глаза, не находя слов для ответа. Видя, что от нее ничего не добьешься, стражники принялись за поиски. Они перерыли сундуки, перевернули коробка, но, кроме нескольких украшений да одежды, ничего не нашли. Ли Шунь остался очень недоволен своими подручными. И вдруг Ван Бао, пригнувшись, полез под лежак, а через некоторое время, ухмыляясь, вытащил узел, который, как видно, прикрепили снизу возле самой стены. В узле он пашел два золотых стакана, украшенных драгоценными камнями, десять черепаховых чарок, оправленных в золото, и четки из жемчужин, что добывают на севере. Чжан, узнав свои

вещи, заплакал в голос. Жена Ван Цзуня стояла в полной растерянности: руки ее повисли, как плети, рот раскрылся от изумления. Женщина не могла понять, откуда в доме появились эти вещи. Стражники педолго думая накинули ей на шею веревку. Заливаясь слезами, женщина отдала ребенка соседям, а сама пошла за стражниками, которые устремились к дому Ма Ханя и устроили там такой же переполох. Тот же Ван Бао, шнырявший туда и сюда по углам, вдруг вытащил из-за балки под черепичной крышей узелок. В нем оказались жемчужины, золотые браслеты и другие безделицы, которые Чжан признал своими.

Женщин и даже детей из обеих семей потащили в управу, где правитель Тэн сидел в ожидании новостей. Будто рой пчел, стражники влетели в зал и, выложив краденые вещи, принялись объяснять: нашли, мол, их под кровлю, а вот эти — под ложем.

Тэн проговорил:

— Я слышал поговорку: «Тот, кто ловит злодеев, сам мошенник», но никогда не мог подумать такое о Ван Цзуне и Ма Хане!

Распорядившись отправить женщин в тюрьму, он назначил сроки для поимки преступников, а краденое добро передал в казну. Нищий-челобитчик, который в это время дожидался снаружи, получил свое вознаграждение и быстро удалился.

Чжан Жадная Утроба упал перед чиновником на колени.

— Ваше сиятельство,— принялся он отбивать поклоны.— Я, правда, ничтожный человечешко, но все ж в доме у меня всегда найдется лишняя плошка риса. Ну зачем мне этот нефритовый пояс? Я действительно не знал, чей он. Поскольку сегодня часть краденого нашли, я готов возместить убытки, нанесенные сиятельному князю... Господин правитель, явите свое милосердие, отпустите меня и моих приказчиков! Да будет благополучие во многих поколениях вашей семьи!

Правитель области понимал, что Чжану досталось напрасно, и он отпустил его на поруки. Ван Бао пошел за ним следом и получил свои пятьсот чохов...

Но кто же был этот Ван Бао? Оказалось, так пазвался Ван Сю Хворый Кот, который не знал себе равных в искусстве лазить по крышам. По замыслу Суна

Хворый Кот незаметно подбросил в обоих домах драгоценности, выкраденные у Чжана, а сам, сменив имя на Ван Бао, отправился в управу с челобитной. Но откуда властям знать обо всем этом?

Рассказывают, что Ван Цзунь и Ма Хань, которые занимались поисками злодеев, каким-то образом проведали, что их жены и дети попали в темницу. Они поспешили обратно в столицу — и прямо к правителю области Тэну. Тэн приказал их пемедля избить, а потом пытаться. Правитель ждал от них признаний в содеянном грабеже, но они не хотели сознаваться в том, чего не делали. Тогда правитель устроил им очную ставку с женами, но и это ни к чему не привело. Тэн отправил арестованных в тюрьму.

На следующий день в суд вызвали Чжана. Тэн велел ему возместить убытки, понесенные князем, а самому терпеливо ждать, когда найдут остальное добро. Что было делать богачу? Он смирился. Расстроенный и злой, он вернулся из ямыня домой, пошел в свою сокровищницу и удавился. Так кончил свою жизнь известный богачей Чжан по прозвищу Жадная Утроба, скупость которого навлекла на него великие беды. Начальник дворцовой стражи Ван Цзунь и сыщик Ма Хань вскоре умерли в заключении. А в это время мошенники, которые без всякого стеснения занимались в Восточной столице темными делишками, распивали редкостные вина да веселились с певичками, проводя с красотками ночи напролет. И все это сходило им с рук. Понятно: в столице в ту пору царил большой беспорядок, а потому люди не имели спокойствия. Но когда правителем области назначили Бао по прозванию Драконова Печать, грабителей охватил великий трепет. Они мигом рассеялись, пропали все, как один. Вот тогда только жители этих мест смогли по-настоящему оценить радость мирной жизни. В доказательство послушайте стихи:

Непомерная скупость и алчность
горе и беды сулят.

В Восточной столице разбойники
грабили всех подряд.

Но появился чиновник Бао
по прозванью Печать Дракона,

И теперь при мудрейшем судье
мир и покой царят.

ПОДМЕТНОЕ ПИСЬМО

Как тонки, легки одежды весной,
как прохладны они;
Слышу, по листьям шуршит шелкопряд
за галереей, в тени.

Под воротами Юймьнь¹ — волна лепестков,
это персик цветет.
Аромат от цветущей кассии²
по Лунному залу плывет.

Птица пэн обитает
в далеком море Бэйхай,
Приют волшебного феникса —
горный восточный край.

Меч или книга в руке твоей
сулят дорогу одну:
День настанет и ты вознесешься
в заоблачную вышину,
Но достойны насмешек те, что спешат
в небесную эту страну.

В сорока пяти ли к северу от столицы страны Чанъани стоял уездный город Сяньян. В свое время здесь проживал человек по фамилии Юйвэнь, а по имени Шоу. Как-то он покинул родные места и отправился в столичный град на экзамены. Надо вам знать, что Юйвэнь уже трижды экзаменовался, но судьба не была к нему благосклонна. Жена Юйвэня по фамилии Ван, чтобы как-то прогнать супруга, сочинила стихотворение под названием «Вдаль смотрю и вижу Южноречье», в котором шуточно намекала на фамилию мужа — Юйвэнь³. Вот оно, это стихотворение⁴:

Мой господин удручен —
До великого древа
не смог дотянуться он.
Помнишь, как у Западных Врат
мы расставались с тобой?
А сейчас узнала: лишь осенью поздней
ты возвратишься домой.
От этой вести недоброй
хлынули слезы рекой.
Ныне, ученье презрев,
объятый глубокой тоской,
В утлом челне
возвращаешься ты ко мне.
До щита Дракона и Тигра⁵
не сумел дотянуться рукой.
От жизни устал,
не рад ничему —
Век скоротать собрался
в убогом дому.

Госпоже Ван показалось, что ей не удалось полностью выразить свою мысль, и тогда она сочинила еще одно стихотворение:

Мой муж, ты должен быть счастлив —
талантом ты выше всех.
Но почему ежегодно
минует тебя успех?
Отныне при неудаче
постыдясь, взглянуть мне в лицо —
Лучше уж ночью темной
всходи на родное крыльцо!

Это стихотворение действительно задело Юйвэня за живое.

— Если снова провалюсь на экзаменах, домой не вернусь, — в сердцах сказал он.

Но неожиданно получилось, что в следующем году он добился успеха и прославился на ученой стезе. И все же домой он поехал не сразу, а остался на некоторое время в Чанъани. Жена, конечно, поняла, в чем причина. «Я обидела его своими стихами, вот он и решил задержаться», — подумала она и решила написать мужу письмо. Позвав слугу Ван Цзи, она ему повелела:

— Это письмо свежи господину. Ехать придется тебе сорок пять ли.

Послание начиналось обычными церемонными словами, после которых следовало стихотворение, сложенное на мотив «Нанькэ»:

Повсюду разносится
веселый гомон сорок,
В полночь расцвел
в лампе фитиль-цветок.

Наконец-то домчалась громкая весть
до самого края земли:
Со славою едете вы домой —
успеха добиться смогли.

Брови хмурить в печали
теперь не придется мне.
Лик молодой осветила
радостная заря.

Сомнения душу терзали,
но печалилась, верно, зря —
Думала, муж в беспутстве погряз,
остался в чужой стороне.

После этих стихов следовали такие строки:

Неподалеку от наших мест
Чапъапъ — столичный град,
Красота и пышность построек
приезжего удивят.

Мой господин так молод,
повеселиться не прочь;
Где же он, захмелевший,
коротает сегодня ночь?

Юйвэнь Шоу, прочитав стихи, воскликнул:

— Ах, негодная! В прошлый раз ты дала мне ясно
понять, чтобы я приходил к тебе только темной ночью.
А сейчас, когда я сдал экзамены, ты вдруг торопишь
меня с возвращением!

Он велел слуге гостиницы принести ему письменные
принадлежности и сочинил стихи на мотив «Ступаю по
болотной траве».

Всхожу по ступеням,
что ведут в облака,
К кассии — древу бессмертных —
протянулась моя рука.

Первым выдержал я экзамен —
нету меня славей!
Скачут гошцы — имя Первейшего⁶
снешат сообщить поскорей.

Нынче со мною пышная свита,
сверкает сбруя коней.

Кончается праздник,
скоро в путь,
В квартал певичек
спешу заглянуть.

Нынче я счастлив, как некогда —
стали явью мои мечты.
В башню феникса весть посылаю,
туда, где томишься ты.
Муж твой теперь — праздный гуляка,
не вернется до темноты.

Юйвэнь Шоу взял лист цветной бумаги и сложил его, чтобы переписать заново стихи. Растирая тушь, он сделал неосторожное движение — камень для растирания дрогнул, и несколько капелек брызнули на бумагу. Лист пришлось заменить. Наконец, с письмом было покончено, и он передал его Ван Цзи.

— Скажи госпоже, что столичные экзамены я выдержал с блеском, но домой вернусь лишь ночью. Быстрей отправляйся и не забудь доложить ей все так, как я сказал: раньше ночи, мол, он не вернется.

Ван Цзи сразу же тронулся в путь и, проехав ровно сорок пять ли, добрался до дома.

Между тем Юйвэнь, отослав слугу, отправился почитать, поскольку особых дел у него не было, а время было уже позднее. Едва он смежил веки, как сразу же и уснул. И вдруг ему почудилось, что он уже дома, в родном Саньянском уезде. Смотрит — и видит слугу Ван Цзи, который, сбросив соломенные туфли, моет ноги возле ворот.

— Эй, Ван Цзи, ты давно вернулся? — спросил он. Ему пришлось повторить свой вопрос несколько раз, но слуга не отвечал. Юйвэнь закипел от возмущения. И тут он заметил свою супругу, госпожу Ван, которая со свечою в руке шла в дом.

— Жена, я приехал! — бросился к ней Юйвэнь, но женщина не обратила на него ни малейшего внимания.

«Может быть, мне все это снится?» — подумал Юйвэнь и пошел вслед за женой. Вошел в дом и видит: госпожа Ван поставила свечу на стол, достала его письмо и золотой шпилькой, которую она вынула из волос, вскрыла конверт. Странно, но в нем лежало совсем не

письмо, а чистый лист бумаги. Усмехнувшись, госпожа Ван взяла кисть и написала на листе такие строки:

Золотою шпилькой вскрыла письмо,
уяв дрожанье руки.
Предо мной чистый лист бумаги —
и на нем ни одной строки.
Поняла: ты хочешь вернуться,
чувства твои глубоки,
Без меня так сильно тоскуешь,
что не смог описать тоски.

Написала, вложила послание в новый конверт и шпилькой стала снимать нагар со свечи. Тут шпилька случайно уколола Юйвэня в щеку, он в испуге отпрянул... и проснулся. Оказалось, что все это время он спал, а свеча успела уже догореть до конца. Взгляд его остановился на столе, на котором он увидел свое письмо. Значит, он отправил домой не его, а чистый лист бумаги. Юйвэнь взял листок и записал сочиненные накануне стихи.

На следующее утро слуга Ван Цзи принес письмо от жены. Вскрыв послание, Юйвэнь обнаружил те самые четыре строки, которые видел во сне. Юйвэнь тут же сложил вещи и отправился домой.

Случай, который мы здесь рассказали, можно назвать историей о письме, с которым произошла ошибка. А сейчас мы поведаем другую — о письме, посланном со злым умыслом. Речь пойдет о некоем господине, который однажды сидел с женой дома, и тут один человек передал супруге записку. Именно из-за нее произошла та удивительная история, о чем мы и хотим поведать в нашем рассказе. А куда послушайте стихи:

Как будет всегда клубиться пыль
под копытами скакуна —
Так с сердцем связан любой поступок
на вечные времена.

А вот еще одно стихотворение, написанное на мотив «Куропатка». В нем воспевается некая красавица:

Гребень в неубранных волосах,
подкрашены брови слегка;
Ныне не радует сердце ее
даже вышивки тонкий узор.
В укромной беседке сидит одипоко,
за окном плывут облака...

Пишет письмо и, на миг заметавшись,
вдаль устремляет взор.
Как нежна ее красота!
Как она непорочна, чиста!
Лицом, словно бессмертная дева —
в мире такая одна.
Кажется, с пеплым цветком майхуа
можно ее сравнить,
Но только взглянешь — сразу поймешь:
ни с чем не сравнима она!

В Восточной столице Кайфыне, в Финиковом переулке, проживал господин по фамилии Хуанфу, а по имени Сун, служивший вестовым в левом приказе дворца. Было ему от роду двадцать шесть лет, а жене, по фамилии Ян,— двадцать четыре года. В доме жили только они вдвоем, если не считать, конечно, тринадцатилетней служанки по имени Инъэр. В то время, о котором идет речь, Хуанфу только что вернулся с границы, куда он отвозил одежду для солдат. Приехал он к Новому году.

У входа в Финиковый переулок стояла крохотная чайная, хозяйина которой звали Второй Ван. Был полдень, и торговля уже кончилась.

Вдруг в чайной появился человек. Его облик можно описать так.

Брови — взлет,
Большие глаза,
Нос, как обрубок,
Огромный рот.
Высокой шапкой, словно кувшином,
покрыта его голова,
Ватный халат странно широк,
необычной длины рукава.
Под халатом надето белье,
как носит приличный люд,
Чулки на ногах, и в чистые туфли
незнакомец обут.

Когда незнакомец уселся за стол, хозяин чайной Второй Ван, поприветствовав гостя, поднес ему чашку чая.

— Я посижу здесь немного, подожду знакомого! — проговорил мужчина, отхлебнув из чашки.

— Милости просим! — отвечивал хозяин.

Через какое-то время у чайной появился парень-торговец с блюдом.

— Пирожки-перепелочки! Продаю пирожки-перепелочки! — заголосил он.

— Эй! — посетитель в чайной сделал ему знак рукой. — Иди сюда, я покупаю!

Торговец Сэпъэр, что значит Монашек, вошел в чайную и, поставив на стол блюдо, стал нанизывать пирожки на бамбуковую палочку.

— Отведайте, господин! — Монашек высыпал на стол щепотку соли.

— Сейчас попробую... У меня будет к тебе одна просьба...

— Да, господин?

Мужчина показал на четвертый дом в переулке.

— Знаешь, кто там живет?

— Как не знать? Там живет Хуанфу, вестовой из дворца. Он отвозил амуницию на границу и только вернулся.

— А кто у него еще в доме? Сколько у них человек в семье?

— Кроме вестового его жена, да еще девочка-служанка.

— Жену его знаешь?

— А как же! Я ведь бываю у них. Сама-то она почти не выходит, но иногда зовет меня в дом, когда хочет купить товар. А зачем она вам?

Мужчина вынул из-за пояса украшенную золотом коробку и вытряхнул на блюдо около пятидесяти монет. При виде денег Сэпъэр чуть не задохнулся от радости.

— Приказывайте, ваша светлость, что надобно сделать! — воскликнул он, почтительно сложив руки у груди.

— Дело вот в чем. — Незнакомец вынул из рукава халата чистый лист бумаги и стал завертывать в него пару серег, две коротких золотых шпильки и записку. — Все эти вещи вместе с запиской отдашь женщине, о которой мы с тобой говорили, но только не передавай хозяину. Встретишь ее, скажи, что некий, мол, господин дарит ей эти вещи и надеется, что она их примет. Ну, иди, а я подожду тебя здесь.

Сэпъэр поставил блюдо на прилавок и со свертком в руках направился по проулку к нужному дому. Подойдя к жилищу Хуанфу, он раздвинул занавес из тем-

ных бамбуковых трубок и заглянул внутрь. В это время вестовой сидел на стуле, как раз напротив двери. Заметив, что парень, едва заглянув в комнату, испуганно отпрянул прочь, Хуанфу сердито крикнул:

— Чего тебе, парень?

Его окрик был столь грозен, что его можно выразить лишь такими словами:

Чжан Фэй на мосту Данъянцзяо
сражается, как герой:
Грозным криком поверг врага —
проиграл Цао Цао бой⁷.

Торговец что-то ответил и быстро пошел прочь. Хуанфу в два прыжка догнал его и, схватив за полу халата, спросил:

— Эй, парень! Почему ты, едва увидев меня, вдруг убежал? Отвечай!

— Один господин просил передать вещи вашей супруге... а вам отдавать не велел.

— Что за вещи?

— Не спрашивайте, все равно больше ничего не скажу!

Хуанфу изо всей мочи треснул парня кулаком по макушке.

— А ну, давай по-хорошему! — заревел он.

Получив затрещину, Монашек тотчас вытащил из-за пазухи сверток:

— За что меня стукнули? — недовольно проворчал он. — Мне приказано отдать жене, а не вам!

Хуанфу вырвал у парня сверток, развернул и увидел пару сережек, две золотые шпильки и письмо. Вестовой развернул письмо и прочитал: «Преисполненный трепета, я вновь с поклоном обращаюсь к молодой госпоже. Сегодня, когда весна только вступает в свои права, я с почтением желаю вам всякого благополучия. Несколько дней назад я был ошарашен приглашением на чарку вина, и воспоминания об этой сладчайшей минуте с тех пор ни на миг не покидают меня. Однако сейчас одно мелкое и неожиданное дело не позволяет навестить вас. Вот почему я пишу небольшое стихотворение под названием „Излияние чувств“, которое преподношу вам, уповая на то, что вы милостиво его прочтете.

Я узнал неожиданно, что ваш муж
с границы вернулся домой,
Отчаянье рвет мое сердце,
исполненное тоской.
Прошу, вместе с этим письмом
примите подарок мой —
Не отвергайте серьги и шпильки —
я шлю их с чистой душой!
С тех пор, как расстались,
Я потерял покой.
Один за холодным пологом
Век коротаю свой».

Вестовой Хуанфу, прочитав письмо, выпучил глаза.
— Кто тебе велел его передать? — крикнул он и
даже заскрежетал зубами.

Сэнъэр показал рукою на чайную Вана Второго.

— Один господин приказал отдать эти вещи молодой
госпоже, только не велел передавать вам... У него гус-
тые брови, большие глаза, приплюснутый нос и рот —
вот такой широченный.

Хуанфу, схватив парня за волосы, потащил его к
чайной Вана.

— Сидел вон там, внутри, на топчане... — прогово-
рил Монашек, указывая рукой. — Он и велел передать
письмо... только не вам, а госпоже... За что бьете?

В чайной никого не было.

— Проклятье! — выругался вестовой. Не спросив ни
о чем хозяина, он потащил парня обратно.

Войдя в свой дом, Хуанфу закрыл за собой дверь,
чем поверг парня в трепет. Затем он вызвал из внутрен-
них комнат молодую жену, прекрасную, как цветок.

— А ну-ка, взгляни на эти вещи, — проговорил муж.

Молодая женщина, ни о чем не догадываясь, спокой-
но подошла к стулу и села. Муж показал ей письмо,
украшения, однако женщина, прочитав письмо, ничего
не поняла.

— С кем ты распивала вино эти три месяца, пока
меня не было дома?

— Я обручена с вами с малых лет! С кем же еще я
могла пировать?

— Тогда объясни, кто их тебе прислал?

— Не знаю...

Муж изо всей силы ударил жену по лщпу. Молодая
женщина вскрикнула и, зарывдав, убежала в свою ком-

нату, закрыв лицо руками. Хуанфу позвал служанку Инъэр. Подойдя к стене, он снял связку бамбуковых прутьев, что идут на изготовление стрел, и, положив их на пол, подозвал девочку поближе. А надо вам знать что Инъэр была такова:

Очень короткие руки,
Словно люгня, изогнуты ноги,
Может дров нарубить без труда,
В дом воды натаскает всегда,
Сытную любит еду,
С чувством справляет нужду.

Вестовой снял с вешалки пояс, связал служанке руки и подвесил Инъэр к балке.

— Отвечай, с кем моя жена распивала вино, пока я был в отлучке? — он взял в руки прут.

— Не было здесь никого! — ответила служанка.

Хозяин поднял прут и принялся стегать ее по ногам. Инъэр завизжала, как поросенок. В конце концов девочка, не выдержав побоев, проговорила:

— Когда вы, хозяин, уехали, она каждую ночь спала с одним человеком.

— Так! — проговорил Хуанфу и развязал ей руки. — С кем спала? Говори без утайки!

— Не стану вас обманывать, хозяин, — служанка вытерла слезы. — С тех пор как вы уехали, хозяйка действительно спала с одним человеком... только это была я...

— Ах ты, соплюшка! — Хуанфу выругался. — Но зпай, меня не проведешь!

Он вышел из дома и запер снаружи дверь. В конце переулка за углом он нашел четырех постовых стражников, из тех, кто «вяжет руки»: Чжан Цяня, Ли Ваня, Дун Чао и Сюэ Ба. Вестовой повел их к своему дому и, открыв ключом замок, распахнул дверь.

— Хочу потревожить вас, почтенные. Возьмите этого негодяя. — Хуанфу вытащил из дома продавца пирожков.

— Начальство дает приказ, наше дело его исполнять! — ответили служивые.

— Стойте! Здесь для вас есть еще кое-кто! — Вестовой вытолкнул служанку Инъэр и жену. — Отведите их тоже!

— Нет, начальник, твою госпожу мы не смеем! — воскликнул один из стражников.

— Трусите! — взорвался вестовой.— А вы знаете, что дело связано с убийством?

Напустив на постовых страху, он приказал отвести всех троих в управу начальника Кайфынской области.

Поклонившись правителю области Цяню, он передал челобитную. Как только Цянь прочитал бумагу, он тотчас приказал вызвать чиновника ямыня Шань Дина, который и приступил к допросу. Начал он с торговца Сэнъэра.

— В чайной сидел какой-то мужчина, такой глазастый, с густыми бровями, широченным ртом и приплюснутым носом,— сказал парень.— Он велел мне передать письмо молодой госпоже. Хоть убейте, я говорю сущую правду.

Допросили Инъэр.

— Никто из посторонних не приходил к моей госпоже и не распивал с ней никакого вина. Что до письма, то не знаю, кто его мог послать. Верьте не верьте, только все это чистая правда!

Очередь дошла до молодой женщины.

— С тех пор как я еще в юные годы стала женой моего господина, никто из посторонних мужчин, даже родственники, не переступали порог моего дома. Вот так вдвоем мы и жили все это время. Что до письма, то я просто ума не приложу, кто мог его послать.

Шань Дин, взглянув на молодую женщину, подумал: «Какая она хрупкая и слабая! Как ее пытать? Она не выдержит пытки!»

В этот момент двое тюремщиков вывели из внутренних помещений преступника, внешность которого можно описать такими словами:

Кости, как сучья,
на лице задубела кожа,
Высокие скулы
выширают резко и грубо,
Вправду, наружность его
с дьявольской схожа,
Где ни появится оп,
людям приходится туго.

Это был известный главарь разбойников по кличке Владыка Цзиншапских гор. Молодая женщина, едва

взглянув на преступника, в страхе закрыла руками глаза, представив мучения, которые его ожидали.

— Ну, что вы там тянете? — крикнул Шань Дин тюремщикам.

Они повернули кангу, так что голова преступника сразу опустилась книзу, и, схватив батоги, принялись что есть мочи его колотить, пока разбойник не запросил пощады.

— Людей убивал?

— Убивал!

— Поджоги устраивал?

— Устраивал! — признался злодей.

Шань Дин приказал стражам отвести преступника в тюрьму.

— Видела? — спросил он, повернувшись к жене Хуанфу. — Разбойник не выдержал и нескольких ударов, сразу сознался в своих злодеяниях. Советую тебе во всем признаться. Ведь все равно не выдержишь пытки.

— Господин начальник, я не смею ничего скрывать! — из глаз женщины брызнули слезы. — Берите бумагу и кисть, я все расскажу. С тех пор как мы поженились, я не виделась ни с кем из посторонних мужчин, не встречала даже никого из родни. Кто послал мне это письмо, я не знаю. А если все ж я в чем провинилась, пусть нас рассудит сам правитель области.

Сколько чиновник ни допрашивал молодую женщину, она отвечала все то же. Прошло уже три дня, а Шань Дин так и не разобрался в запутанном деле. Он стоял у ворот окружного ямыня, погруженный в свои мысли, когда его окликнул вестовой Хуанфу. Поклонившись, вестовой поинтересовался, как ведется расследование. Он уже стал подозревать, что оно идет не так, как надо. Может быть, тот, что послал письмо, дал в ямыне взятку, и дело хотят замять?..

— Господин вестовой, как вы собираетесь поступить с женой? — спросил Шань Дин.

— Прогоню ее, и все!

Вечером Шань Дин доложил о ходе следствия правителю Цяню, и тот вызвал к себе Хуанфу.

— Разве можно обвинять жену, не имея никаких доказательств? — сказал правитель. — Ты что, не знаешь поговорки: чтобы осудить грабителя, надо найти краденое, чтобы наказать любовников, надо схватить обоих.

— Все равно я домой ее не возьму! — стоял на своем вестовой. — Хоть увольняйте!

Правитель Цянъ постановил: «Кончить дело сообразно решению супруга». После того как Хуанфу ушел, стражники вызвали заключенных. Торговец Сянъэр и служанка пошли по домам. Жена Хуанфу, узнав, что муж от нее отказался и бросил на произвол судьбы, горько заплакала.

— Что мне делать, куда податься? Никого из родни у меня нет, а муж бросил, — рыдала она. — Лучше мне умереть!

Выйдя за ворота ямыня, она поднялась на Мост Млечного Пути и с тоскою посмотрела на золотистые воды Бяньхэ, которые в этом месте преградила полоса дамбы. Молодая женщина хотела было броситься вниз, как вдруг чья-то рука схватила ее за одежду. Она увидела перед собой незнакомую старуху.

Брови будто присыпал
свежевыпавший снег,
Словно из нитей
свита ее коса,
Глаза мутнее,
чем воды осенних рек,
Белей облаков в Чушаньских горах
седые ее волосы.

— Дитя! Зачем искать смерти! — сказала старуха. — Ты знаешь меня?

— Нет, не знаю, бабушка...

— А ведь я твоя тетя. Когда ты вышла замуж, мне, старой нищенке, уже несподручно было приходить к тебе в дом, поэтому я и не появлялась. На днях до меня дошли слухи, что у вас с мужем будто бы суд. А нынче я узнала, что вы разошлись... Грустно, конечно, но зачем же топиться?.. А ведь я тебя уже несколько дней здесь поджидаю!

— Что же мне остается делать? Нет у меня ни крыши над головой, ни клочка земли под ногами. Муж меня бросил, родственников, которые бы меня приютили, у меня нет. Чего мне еще ждать от жизни?

— Пойдем ко мне, пока поживешь у меня, а там видно будет.

Молодая женщина подумала: «Не знаю, кто в действительности эта старуха: тетка моя или чужая, но де-

ваться мне все равно пекуда. Пойду я за ней, а там само собою решится...» И она отправилась вслед за старухой. Игилье старой женщины оказалось небогатым, но сносным. Постель прикрывал светло-синий полог, в комнате стояли стол и скамьи да несколько стульев.

Прошло два-три дня. Молодая женщина сидела за столом и ела, когда снаружи раздался громкий мужской голос:

— Эй, старая, вещи мои продала, а деньги почему не вернула?

Услышав сердитый голос, старуха заволновалась. Она выбежала навстречу гостю, провела его в комнату и посадила на скамью. Жена Хуанфу взглянула на незнакомца.

Брови — взлет,
Большие глаза,
Нос как обрубок,
Огромный рот.
Высокой шапкой, словно кувшином,
покрыта его голова,
Ватный халат странно широк,
пеобычной длины рукава.
Под халатом надето белье,
как посит приличный люд,
Чулки на ногах, и в чистые туфли
познакомец обут.

«По описанию Сэнъэра, это как раз тот человек, что послал мне письмо», — пронеслось в голове молодой женщины.

Тем временем незнакомец, усевшись на скамью, с недовольством проговорил:

— Бабка! Сегодня истек месяц, как ты взяла у меня вещи для продажи — на целых триста связок монет. Но денег я покамест не видел.

— Вещи у людей, а деньги они еще не отдали, — засуетилась старуха. — Как отдадут, сразу верну, достоинственный!

— Если взял вещь или деньги, полагается вернуть без промедления... Учти, как только получишь, чтобы мигом мне возвратила! — сказал гость и, поднявшись, удалился.

Проводив его, старуха вошла в комнату.

— Что мне теперь делать? — запричитала она.

— А что случилось? — спросила молодая женщина.

— Это был господин Хун, бывший тунпань⁸ из Цайчжоуского округа. Сейчас он, правда, не служит, а промышляет торговлей редкими камнями да всякими украшениями. Как-то он попросил меня продать кое-что из ценностей, а меня обманули. До сих пор не могу вернуть ему денег. Понятно, что он беспокоится. Этот Хун в свое время просил меня устроить для него одно дельце, только я отказалась...

— Какое дельце? — поинтересовалась женщина.

— Просил подыскать ему наложницу покрасивей. Если найду ему такую ладную, как ты, он сразу сменит гнев на милость... Послушай, красавица, а почему бы тебе не пойти за него? Муж все равно от тебя отказался. Давай, я тебя просватаю. Коли выйдешь за этого господина замуж, не промахнешься. Да и я, старая, найду в жизни опору. Что скажешь?

Повздыхала-поохала молодая женщина, но другого выхода не нашла и в конце концов согласилась. Старуха тут же сообщила господину Хуну, а через день-другой он взял молодую женщину в жены.

Быстро ли медленно, пролетел год и подошел первый день первой луны. Надо вам сказать, что, с тех пор как вестовой Хуанфу отказался от своей молодой жены, для него настала безрадостная жизнь. Верно говорят: время — что пламя на ветру, — оно растопит даже ледяное сердце.

«Каждый год в первый день первой луны мы с женой отправлялись воскурять благовония в Храм Первого Вельможи в нашей округе, — думал вестовой. — А в нынешнем году сижу дома один как перст и не знаю, где сейчас моя жена...» Из глаз его невольно полились слезы, а сердце объяла тоска. Накинув лиловый халат, он взял серебряную коробочку с благовонным порошком и отправился в храм на богомолье. Покончив с воскурениями, он собрался было уже уходить, как вдруг взгляд его упал на каких-то мужчину и женщину. У мужчины были густые брови, глаза навывкате, приплюснутый нос, широкий рот. Женщина, стоявшая рядом, оказалась его бывшей женой. Взгляды бывших супругов встретились, но с губ не сорвалось ни единого звука. Мужчина и женщина вошли в храм, а Хуанфу

остался у ворот, объятый печалью. И тут ему на глаза попался паломник, собиравший деньги на свечи и благовонное масло. При виде мужчины, шедшего с молодой женщиной, паломник в сердцах воскликнул:

— Вот где ты попался, проклятый! Много горя ты мне причинил! — Паломник большими шагами устремился вслед за парой.

— Соблюдающий Пять Запретов⁹! — окликнул его вестовой. — Почему ты за ними погнался?

— Вы не представляете, сколько горя причинил мне этот злодей! До сегодняшнего дня не могу опомниться! И все из-за него!

— А женщину знаешь?

— Нет, а что?

— Она моя жена.

— Почему же тогда она с ним?

Хуанфу рассказал историю с письмом и разводом.

— Ну и дела!.. А вы знаете, кто этот человек?

— Попяття не имею.

— В свое время он был монахом в храме Фаньтайсы, что у Восточной стены столицы, а я в этом храме был вроде прислужника. Наш учитель — настоятель храма принял его постриг и нарек младшим учителем. Надо вам сказать, что у нашего настоятеля водились немалые деньги. Так вот... С год назад этот негодяй стащил в храме серебряную утварь на целых двести ляпов и дал деру, а вся випа пала на меня. Меня избили, выгнали из храма, даже подаяние негде было просить. К счастью, один знакомый монах из Храма Первого Вельможи разрешил мне собирать подношения на благовонные масла. И вот сегодня я, наконец, встретил злодея. Теперь он от меня не уйдет!

Едва он произнес эти слова, как в воротах храма показалась пара, о которой шла речь. Паломник, подобрал полы халата, собрался было броситься на врага, но вестовой его удержал. Оба они спрятались возле ворот.

— Сейчас его бить не стоит! — сказал Хуанфу. — Лучшее проследим за ним, узнаем, где живет, и подадим в суд.

Они незаметно пошли следом.

А теперь мы поведем наш рассказ о Хуне и женщине. Когда бывшая жена Хуанфу увидела супруга, на

глаза ее навернулись слезы. Едва сдерживая рыдания, она вошла в храм, поставила свечу...

— Жена! Стоит ли плакать о нем! Знала бы ты, сколько трудностей я преодолел, чтобы тебя заполучить!..— сказал Хуп, когда они вышли за ворота.— Помню, однажды я проходил мимо вашего дома и увидел тебя. Ты тогда стояла возле двери, прикрытой запавеской. Твоя красота поразила меня, и душа моя затрепетала и устремилась к тебе. Очень трудно мне было добиться тебя, но в конце концов ты стала моею...

Незаметно они подошли к дому и вошли в ворота.

— Кто же тогда послал мне письмо?— спросила женщина.

— Теперь, пожалуй, можно тебе рассказать!.. Это я велел торговцу Сэнъэру передать письмо. Твой муженек попался на удочку и мигом от тебя отказался.

Услышав эту новость, женщина зарыдала. Стенания и крики испугали Хуна. Он схватил ее за горло и стал душить. В это время Хуанфу и его спутник, которые шли следом за Хупом, оказались возле дома. Они видели, как бывший монах и женщина вошли в дверь, а вскоре из дома послышались крики. Хуанфу и паломник бросились внутрь и увидели Хуна, душившего женщину. Они схватили злодея и потащили его к правителю Кайфынской области Цяню. Вы спросите, как выглядел этот сановник? Его внешность можно описать такими словами:

Едва за ворота выйдет —
рядом стража с плетью,
Только в усадьбу придет —
услужить ему каждый готов.
Род его издавна славился
знатнейшими людьми,
И он — их гордый потомок —
достиг высоких постов.

Цянь, правитель обоих Чжэ¹⁰,
его почтенный отец.
Князю У и Юэ¹¹ доводится вшуком
этот вельможа-гордец.

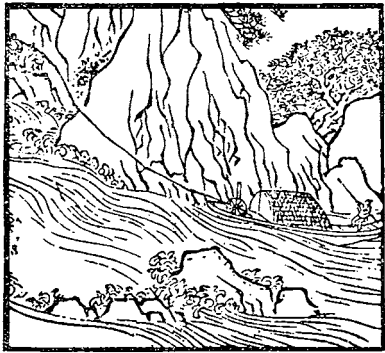
Правитель Цянь занял свое место в присутственной зале, и ему доложили о деле вестового Хуанфу. Когда вестовой рассказал о том, что случилось, правитель пришел в ярость. Он приказал стражникам надеть на пре-

ступника самую тяжелую кангу, отмерить ему сто ударов батогами по ногам, а после этого отправить в следственный приказ. После расследования Хуанфу взял госпожу Ян обратно, и они снова стали мужем и женой, а нищий маломчик получил небольшое вознаграждение. Наконец, все подробности злодеяний бывшего монаха всплыли наружу. Его преступления не подходили под статью о блуде, обмане или убийстве, поэтому его подвели под другой закон, по которому полагалась смертная казнь через битье батогами. Старуху за соучастие в мошенничествах Хуна и за ее лицедейство приговорили к ссылке в соседний округ. В тот день, когда объявили приговор, некий сочинитель тут же в зале суда написал стихи на мелодию «Южная деревня». Послушайте их:

Гласит молва,
что некий монах
перед судом сознался во всех злодеяньях
и наказан — другим на страх.
Был забит батогами
злой блудодей,
Казнен при огромном стеченье людей,
Умер у всех на глазах.

И слышал собравшийся
у дороги народ,
Как молитва в честь Гуаньинь-бодисатвы ¹²
небу вознесена.
Защищает богиня закон и счастье —
в благодати руки сложила она.

И веруют все,
что отныне злодей
Не будет больше, подобно Цзицзяпу ¹³,
жизни лишать людей.

УТАЕННЫЙ ДОГОВОР

Удачи, несчастья, слава, бесславье —
все в небесных руках.
Долго лелеешь планы, и вдруг
тебя постигает крах.

Алчность безмерна: глотает змея
слона, раздирая пасть.
Коль выхода нет, то и богомол
на цикаду может пасть.

Нету на свете таких пилюль,
чтоб жизни продлили года.
Мудрыми сделать потомков твоих
бессильна любая мзда.

Поэтому радостно бедность прими
и жизнь, что тебе суждена.
Тогда, как бессмертный мудрец, познаешь
довольство и счастье сполна!

Рассказывают, что во времена Великой династии Лян¹ жил один богатый человек по фамилии Чжан. Его жена, родив ему единственную дочь, давно умерла, а дочь со временем вышла замуж и осталась жить с отцом. Когда Чжану перевалило за семьдесят, он передал зятю землю и хозяйство по дому, надеясь, что все они будут жить одной дружной семьей, а зять с дочерью станут ухаживать за ним до самой его кончины. Дочь и ее муж с покорным видом приняли это решение и в душе были очень довольны. Разумеется, Чжан, который, как мы сказали, был в летах, уже не помышлял о том, что ему когда-нибудь доведется иметь детей. Старик стал вести спокойную жизнь, ни о чем не заботясь.

Однажды он стоял у ворот, как вдруг из дома выбежал внук и стал звать:

— Дедушка, иди обедать!

— Меня, что ли, кличешь? — спросил старый Чжан.

— Не вас, а своего собственного деда, — ответил мальчишка.

Чжану очень не понравился такой ответ. «Правильно говорят: замужняя дочь — отрезанный ломоть, все равно что чужой человек, — подумал старик, и вдруг у него мелькнула мысль: — А почему бы мне не жениться? Хоть я и в годах, однако же силы мои не иссякли! Быть может, у меня еще родится сын и станет продолжателем моего рода!» Придя к такому решению, он на припрятанные деньги нанял сваху, и та быстро подыскала ему жену из семьи Лу. Вскоре жена понесла, не прошло года, и у старика родился сын. Все родственники пришли с поздравлениями к счастливому Чжану, и только дочь с зятем не радовались.

Старик нарек сына Ифэем, что означало Один Взлет, однако чаще мальчика звали Чжан Иланом, то есть Молодым Чжаном. Прошло два года. Однажды старый Чжан заболел, да так тяжело, что не мог подняться с постели. Чувствуя, что дни его сочтены, он написал два завещания. Передавая один лист жене, он сказал:

— Я женился на тебе потому, что в свое время внук сильно обидел меня непочтительностью. Небо сжалилось надо мной и подарило сына, которому я сейчас отдаю все мое состояние. Жаль, конечно, что он еще мал годами. Поэтому хозяйством пока будет заниматься зять, одной тебе с ним не управиться — ведь как-никак ты женщина... Но свою последнюю волю я сейчас открыто высказать не могу — боюсь, что они замыслили супротив тебя зло. Поэтому я написал особое завещание, в котором скрыта загадка. Спрячь его, а когда сын подрастет, какой-нибудь умный и честный судья разрешит ее. Глядишь, все кончится благополучно!

Госпожа Лу, выполняя волю супруга, спрятала бумагу. Чжан позвал дочь и зятя. Отдав необходимые распоряжения, он достал второй лист завещания и протянул его зятю. Тот прочитал: «Чжан И — не мой сын. Все состояние отдаю моему зятю. Посторонние не имеют никаких прав». Обрадованный зять передал бумагу

жене. У старого Чжана были припрятаны кое-какие деньги, которые он отдал госпоже Лу на расходы и распорядился снять дом, где она могла бы отдельно жить с сыном.

Через несколько дней старик умер.

— Теперь все наше! — сказал зять после похорон тестя.

Надо ли говорить о том, сколь рады были супруги такому повороту дела?

А теперь мы расскажем о госпоже Лу и ее мальчике. Время летело быстро, и ребенок незаметно вырос. И тогда мать вспомнила о завещании мужа, нашла бумагу и отправилась с сыном в управу. Однако там ей ответили, что все состояние принадлежит дочери Чжана и ее мужу, именно так-де распорядился покойный. Зять, узнав о действиях вдовы, подкупил чиновников ямыня, и те отказались пересматривать дело. В родне быстро сообразили, что молодому Чжану не по плечу тягаться с зятем.

— Не завещание, а смех! — говорили они. — Старый Чжан во время болезни наговорил всякого вздору, из которого ровным счетом ничего не поймешь!

Через некоторое время в уезде появился новый начальник. Прослышав о том, что этот правитель человек деловой и справедливый, вдова с сыном решили попытаться счастья еще раз.

— Ваша светлость! — обратилась она к начальнику уезда. — Мой муж перед смертью сказал, что в завещании таится загадка.

Начальник уезда несколько раз внимательно прочитал бумагу и вдруг все понял. Он немедленно распорядился привести в управу дочь Чжана и ее мужа, а также всех родственников и старейшин.

— Ваш отец был, несомненно, очень умным человеком, — сказал чиновник дочери и ее мужу. — Если бы не эта бумага, вы, наверное, так бы и владели всем состоянием. Ну, а теперь слушайте, что на самом деле написано в завещании: «Чжан Ифэй — мой сын. Все состояние отдаю ему. Мой зять — посторонний, а посему не имеет никаких прав». Вы, конечно, спросите, почему знак *фэй* следует понимать по-другому². Я думаю, старик опасался, что вы станете строить козни и в конце концов обведете малолетнего Чжан Ифэя вокруг

пальца. Поскольку загадка разрешена, состояние должно перейти к законному владельцу. Ясно?

Начальник уезда подвинул кисть и начертал знак, обозначающий окончание дела. Состояние старика возвращалось молодому Чжану. Супруги остались недовольны таким решением, но вынуждены были смириться. Присутствие закрылось. Вот так все узнали, что старый Чжан еще тогда, когда нарек своего сына Ифэем, имел весьма далекий план. А теперь послушайте стихи:

Не вправе никто из чужого рода
законным наследником стать.

Отец, без сомнения, сыну хотел
богатство свое завещать.

Но смысл завещания долго никто
не мог до конца разгадать.

Лишь мудрый правитель уезда понял,
что наследник — сын, а не зять.

Из рассказанной истории видно, что родственные связи, как близкие, так и далекие, имеют свою определенность. Правда, порой разобраться в них весьма нелегко, однако прозорливый и честный судья рано или поздно все поймет и решит. От него ничего утаить невозможно. Ну, а сейчас я, ничтожный, расскажу еще одну историю, которая называется так: «Бао Драконова Печать ловко заполучил договор о наследстве». Вы спросите, когда и где приключилась эта история. А вот слушайте.

В годы династии Сун возле Западной Заставы Бяньляна³ в местечке под названием Идинфан, что значит Слобода Справедливого Установления, жил с женою по фамилии Ян некий Лю Тяньсян или, как его чаще величали, Лю Старший. Его брат, Лю Тяньжуй, он же Лю Второй, имел жену из рода Чжан. Чтобы не делить хозяйство на части, обе семьи проживали вместе. Лю Тяньсян был бездетным, но его супруга Ян, вышедшая за старшего Лю вторично, привела с собой в дом девочку — дочь от первого брака. Как говорится в таких случаях, притащила с собой бутылку с маслом. Что до Лю Тяньжуя, то он имел сына по имени Лю Аньчжу. Надо сказать, что в этом же местечке жил некий Ли — старейшина общины, у которого была дочь Динну, родившаяся в один год с Лю Аньчжу. Обе семьи дружили

между собой и еще до того, как у них появились дети, договорились в будущем их поженить. Когда Лю Альчжу исполнилось два года, его отец и старейшина Ли решили помолвить детей всерьез. Не всем это решение пришлось по вкусу. Очень недовольна была жена старшего брата. Женщина весьма недалекая и завистливая, она ждала, когда ее дочь вырастет и выйдет замуж — ведь тогда ей досталась бы вся доля. Не случайно, что в семье то и дело поднимался разговор о наследстве. К счастью, до скандала не доходило, так как братья жили в мире и дружбе, а жена Лю Тяньжуй отличалась добрым и покладистым нравом.

Как-то случился голодный год — не уродилось ни риса, ни другого зерна. Чтобы уменьшить число едоков в этих местах, власти разослали бумагу, в которой говорилось, что жителям разрешается идти в чужие края на прокорм. Об этом стали подумывать и братья Лю. Как-то Лю Тяньжуй сказал старшему брату:

— Ты уже в возрасте, тебе уезжать тяжелее. Попробуй-ка я счастья в чужих краях, поеду куда-нибудь с женой и сыном.

Лю Тяньсян одобрил решение брата, и они поделились своими планами со старейшиной Ли.

— Нынешний год — неурожайный, голодный, прокормиться здесь будет трудно, — объяснил Лю Тяньсян. — К тому же начальство прислало бумагу, в которой советует отправляться в другие места, чтобы сократить число едоков в семьях. Мы с братом решили: лучше всего, если поедет он с семьей. Ты ведь знаешь, что мы и раньше не хотели делить хозяйства, пусть и сейчас останется все как есть. Но для порядка мы все же думаем составить две договорные бумаги, каждому по одной, в которых будет записано о доме с пристройками, о земле и имуществе. Если Лю Тяньжуй через год-другой вернется, все останется, как и было. Если же лет через десять он не придет, бумага будет доказательством моих прав на имущество. Всякое в жизни может случиться. Мы пригласили тебя сегодня, чтобы ты приложил свою подпись как свидетель.

— Я согласен, — сказал Ли.

Лю Тяньсян достал два листа бумаги и кистью написал: «Хозяин Лю Тяньсян из Слободы Справедливого Установления, что у Западной Заставы в Восточной

столице, а также его брат Лю Тяньжуй и племянник Аньчжу сообщаем. Поскольку наша семья не собрала урожая, младший брат Тяньжуй, исполняя указ властей об уходе в другие края на прокорм, дабы сократить число едоков, добровольно принял решение вместе с женой и сыном идти в чужие места. Имущество и дом мы согласились не разделять. Сей день мы составили две договорные бумаги, дабы каждый мог иметь их при себе как доказательство соглашения.

Год, месяц, день.

Бумагу составили Лю Тяньсян и младший брат Лю Тяньжуй. Свидетель: старейшина Ли».

Все трое поставили подписи, и, после того как каждый из братьев взял по одной бумаге, старейшина Ли отправился домой.

Семья Тяньжуя собрала пожитки и ожидала лишь благоприятного дня для отъезда. И вот такой день наступил. Братья при расставании всплакнули, что до жены Лю Тяньсяна, то она была очень довольна и с нетерпением ждала отъезда родственников. В связи с этим уместно вспомнить стихи, сложенные на мотив песни «Люй, небожитель, любит цветы». Послушайте их:

Две договорных бумаги составили,
каждому брату — своя.
День расставания наступил,
в безмерной печали семья.
Пусто возле жнивья.
Покидают люди дома,
Уходят в чужие края.
Погиб урожай —
здесь не будет житья.
Родину оставляют,
грусть в душе затая.

Рассказывают, что Лю Тяньжую и его семье пришлось перенести много невзгод. Как говорится в таких случаях: спали они у воды, ели они на ветру; у моста с лошади слезут, у переправы садятся в лодку. Прошло немало дней, прежде чем беженцы добрались до уезда Гаопин округа Лучжоу провинции Шаньси и остановились в деревне Сямацунь — Долой с Коня. В этих местах год выдался урожайным, потому и торговые дела шли хорошо. Лю Тяньжуй решил здесь остаться и снял домик у одного местного жителя по имени Чжан Бинъи.

Он и жена его Го были люди справедливые, добрые, всегда помогали другим и, хотя были богаты, совсем не гнались за наживой. Чжан имел, кажется, все: дом и землю, только вот детей не было, что, понятно, сильно удручало супругов. Семья Лю с их обходительностью и вежливостью сразу пришлась по душе хозяевам, но особенно им полюбился смысленый и симпатичный малыш Аньчжу, которому в то время уже исполнилось три года. Однажды Чжан, посоветовавшись с женой, решил сделать маленького Аньчжу своим наследником и послал слугу к Лю Тяньжюю. Слуга сказал:

— Господину Чжану очень полюбился ваш малыш, и он решил его усыновить. Значит, вы можете породниться. Хозяин ждет только вашего согласия.

Какие могли быть возражения у супругов Лю, если такой богатый человек, как Чжан, решил сделать их сына своим наследником! Понятно, они сразу же согласились. Лю Тяньжуй при этом заметил:

— Мы, бедняки, не могли об этом и мечтать! Теперь нам следует особенно стараться, не ударить лицом в грязь, быть достойными нашего хозяина.

Такой ответ очень обрадовал Чжана и его жену. В один из благоприятных дней, специально выбранных для церемонии наследования, маленький Аньчжу получил фамилию Чжан. Поскольку его мать имела ту же фамилию, она стала величать хозяина дома старшим братом. Лю Тяньжуй и господин Чжан постоянно ходили друг к другу в гости и так подружились, что стали вроде как родные братья. Причем почтенный Чжан не позволял новой родне даже тратиться на одежду и пищу или нести какие-то расходы по дому.

Прошло полгода, и неожиданно-негаданно обрушилось горе. Супруги Лю вдруг заболели заразной болезнью, слегли и уже больше не встали.

Суровый ипей внезапно лег
на молодую траву.
Нагрянуло горе, и счастье ушло,
словно по волшебству.

Почтенный Чжап не раз вызывал лекаря — ведь супруги Лю стали для него ближе самых близких родственников. Но, увы, лечение не помогло, больным становилось все хуже и хуже. Через несколько дней супру-

га Лю Тяньжуня скончалась. Хозяин дома купил гроб и устроил похороны. Убитый горем Лю Тяньжуня чувствовал себя все хуже. Когда он окончательно понял, что ему уж не выкарабкаться из болезни, он позвал к себе Чжана и сказал:

— Благодетель! Я давно хотел раскрыть одну тайну, да все не решался!

— Брат, мы с тобой близкие люди, все равно что мясо с костями, не таись от меня, говори откровенно! Быть может, по своему неразумию я не смогу помочь, но все же скажи, что тебя беспокоит?

— Перед отъездом из родных мест мы с братом написали две договорные бумаги об имуществе, и каждый взял себе по одной. Всякое может случиться в жизни, а здесь как-никак есть доказательство. Потом, как ты знаешь, я пришел в ваши края и благодаря твоей доброте остался в твоём доме. Но, увы, мой удел оказался коротким, злая судьба хочет, чтобы стал я бесприютным духом... Раньше меня очень тревожило будущее сына, который еще мал годами и неразумен. К счастью, мой благодетель, ты усыновил его, и я уверен, что сын с твоей помощью встанет на ноги. Ведь ты человек редких достоинств и качеств... Я прошу тебя, когда мальчик подрастет, дай ему бумагу с договором и вели отвезти прах его родителей на наше родовое кладбище. Мой сын не должен забывать своего рода! Сейчас я уже ничем не смогу возблагодарить тебя, но в будущей жизни я отплачу за всю твою доброту: буду служить тебе, как осел или лошадь.

Из глаз Лю Тяньжуня полились слезы. Почтенный Чжан, вытирая глаза, принялся успокаивать умирающего и обещал сделать все, как он сказал.

Лю Тяньжуня передал бумагу, а к вечеру его не стало. Чжан купил гроб, заказал похоронные одежды, и супруги были погребены подле родовой могилы семьи Чжан. С этих пор Чжан и его жена стали воспитывать Аньчжу как родного сына, но до поры до времени не раскрывали тайны его происхождения. Постепенно Аньчжу вырос, и его отдали учиться. Смышленный и развитой не по годам, Аньчжу в десять лет прочитал все сочинения историков и философов, не говоря о Пятикнижии⁴. Ему достаточно было одним глазом взглянуть в книгу, и он мог пересказать ее нанзуть. Чжан и его

жена души не чаяли в мальчике, который им платил такой же любовью и заботливостью. Ежегодно весной и осенью они брали Аньчжу на кладбище⁵ и там заставляли свершать поклоны перед могилой покойных родителей, но при этом ничего ему не объясняли.

Время, словно стрела, летит, солнце с луною мелькают, будто челнок; щелкнешь пальцами — пролетели многие годы. Прошло пятнадцать лет, и Аньчжу исполнилось восемнадцать. Почтенный Чжан, посоветовавшись с женой, решил, что наступила пора рассказать юноше о его родителях и посоветовать ему отвезти их прах в родные места для погребения на родовом кладбище. Как-то во время Праздника Чистых и Светлых Дней, когда совершается поминовение усопших, все трое отправились на кладбище. Аньчжу, остановившись возле могилы родителей, вдруг спросил:

— Батюшка! Почему вы всегда заставляете меня совершать перед этой могилой поклон? Раньше я не спрашивал, а теперь решил узнать: какие родственники здесь похоронены?

— Сынок! Я давно собирался тебе рассказать, да все боялся, что ты, узнав о своих настоящих родителях, охладеешь к нам, забудешь, что мы тебя растили... Так вот слушай! На самом деле твоя фамилия не Чжан и ты не из наших мест. Твоя настоящая фамилия Лю. Ты — сын Лю Тяньжуня из Восточной столицы. Он проживал там возле Западной Заставы в Слободе Справедливого Установления. У тебя есть дядя Лю Тяньсян, который и сейчас живет в тех местах. Случилось как-то, что год выцал голодный, и власти решили сократить в тех местах число едоков. И тогда твои родители приехали с тобой в наши места на прокорм. К несчастью, они неожиданно умерли, и я похоронил их здесь. Твой отец перед кончиной передал мне одну бумагу — договор о вашей земле и доме. Он велел мне, когда ты вырастешь, рассказать тебе обо всем, а ты чтобы показал бумагу родственникам. Еще он наказал захоронить прах его и матушки твоей на родовом кладбище. Сейчас ты все знаешь!.. Я надеюсь, ты не бросишь нас, стариков, не забудешь, что мы растили тебя целых пятнадцать лет.

Аньчжу, горько заплакав, упал подле могилы. Почтенный Чжан с женой бросились его поднимать.

— Сейчас, когда я узнал о своих настоящих родите-

лях, мне нельзя дольше здесь оставаться!.. — воскликнул юноша и сделал низкий поклон. — Батюшка! Матушка! Мне надо без промедления ехать на родину. Дайте мне эту бумагу! Я поеду в Восточную столицу и захороню прах родителей, а потом снова вернусь сюда и буду ухаживать за вами. Будет ли на то ваша воля? Ответствуйте!

— Разве можно мешать исполнению сыновнего долга? — воскликнул Чжан. — Одного лишь хочу: поскорей возвращайся, не заставляй нас, стариков, расстраиваться и волноваться!

Вернувшись с кладбища, Аньчжу сложил свои вещи, а на следующий день пришел к приемным родителям проститься. Почтенный Чжан передал ему бумагу и велел слуге принести прах.

— Постарайся не задерживаться! Не забывай нас! — напутствовал он юношу.

— Могу ли я забыть вашу доброту! Как только исполню похоронный обряд, сразу же вернусь обратно, чтобы ухаживать за вами.

Смахнув набежавшие слезы, они простились, и Аньчжу уехал. В пути он старался нигде не задерживаться, поэтому добрался до Восточной столицы довольно быстро. Найдя слободу Идинфан, что у Западной Заставы, он спросил, где живет семья Лю. Ему показали. У ворот дома он заметил женщину и, поздоровавшись с ней, сказал:

— Позвольте вас беспокоить, сударыня! Где живет Лю Тяньсян? Я Лю Аньчжу, сын Лю Тяньжуя, приехал выразить свое почтение родственникам.

Женщина переменялась в лице.

— А где сейчас второй брат с женой? — спросила она. — Если ты Аньчжу, у тебя должна быть бумага. Без нее никто не поверит постороннему человеку.

— Мои родители пятнадцать лет назад умерли в Лучжоу. Но, к счастью, у меня есть приемные родители, которые все это время воспитывали меня. А бумага при мне.

— А я — жена старшего Лю, — сказала женщина. — Если у тебя есть бумага, значит, все в порядке. Только ты сначала все же ее покажи! Сам ты пока постой здесь, я ее слычу со своей, а потом пусти тебя в дом.

— Так вы моя тетушка! Простите меня за невеж-

ливость! — вскрикнул юноша. Поспешно открыв корзину с вещами, он достал бумагу и, держа ее обеими руками, почтительно протянул женщине. Тетка ушла с бумагой в дом, а юноша остался ждать у ворот. Женщина больше не появилась.

Надо вам сказать, что дочь госпожи Ян к этому времени уже вышла замуж и мать, надеясь передать ей состояние семьи, очень боялась возвращения Лю Тяньжуя. Нынче неожиданно оказалось, что Второй Лю и его жена давно в могиле. Правда, остался племянник, но ведь здесь его никто не знает — даже сам дядя не помнит, так много лет прошло с тех пор. На этом ловко можно было сыграть. Надежно спрятав бумагу под кофтой, тетка решила, что, если племянник поднимет шум, она его мигом утихомирит, так как бумага находится в ее руках. Да, не повезло бедному Аньчжу! Если бы он встретил не тетку, а Лю Тяньсяна, все, быть может, оказалось бы иначе!

Но вернемся к Аньчжу, который устал от ожидания и изнывал от жажды. Юноша находился в полной растерянности. Что делать? Войти в дом — неудобно. Ждать у ворот? Но из дома никто не выходит. И вдруг он увидел пожилого мужчину, направлявшегося к воротам.

— Эй, парень! Ты откуда? Чего торчишь у ворот моего дома? — спросил мужчина.

— Вы, наверное, мой дядя! — обрадовался юноша. — Я — Лю Аньчжу, ваш племянник. Мои родители пятнадцать лет назад уехали со мной в Лучжоу, спасаясь от голода.

— Значит, племянник?.. А где договорная бумага?

— Ее забрала в дом тетушка!

Лю Тяньсян, широко улыбнувшись, взял юношу за руку и повел в переднюю комнату, служившую гостиной. Аньчжу опустился перед дядей на колени.

— Сынок! К чему эти церемонии? Ты ведь устал с дороги... — сказал Лю Тяньсян, помогая племяннику встать. — А мы с женой совсем постарели, словно свечки на ветру — вот-вот погаснем... Да, пятнадцать лет пролетело, как вы уехали из родных мест. И за все это время никаких вестей... А мы с братом когда-то возлагали на тебя большие надежды. Как-никак состояние большое, а наследовать некому. Я вот от разных забот

даже зрение потерял, да и на ухо стал туг. Да, большая радость, что ты вернулся, мой мальчик! Ну, а как отец, мать? Где они? Почему приехал без них?

Вытирая глаза, юноша рассказал о кончине родителей и о том, как его усыновили в семье Чжан. Лю Тяньсян, всплакнув, позвал жену:

— Жена! Гляди-ка, наш племянник вернулся!

— Какой еще племянник? — удивилась Ян.

— Ну, тот, что уехал пятнадцать лет назад, — наш Аньчжу!

— Так уж и он? Много здесь ходит всяких проходимцев! Видно, пронюхал, что у нас есть деньги, вот и назвался племянником! Ну да проверить нетрудно. Ведь в свое время была договорная бумага, составленная перед их отъездом. Если она у него, значит, это он и есть, а коли нет, мошенник он...

— Мальчик сказал, что он отдал бумагу тебе!

— Никакой бумаги я и в глаза не видала!

— Что вы такое говорите, тетушка? Ведь я ее вам отдал собственными руками! — вскричал юноша.

— Жена! Будет меня разыгрывать! Мальчик говорит, что бумага у тебя!

Женщина замотала головой и стала твердить, что никакой бумаги не было.

— Так где же она в самом деле? — спросил Лю племянника. — Говори правду!

— Дядюшка, разве могу я вас обманывать? Я действительно отдал ее тетушке! Небо мне свидетель! Почему только она отпирается?

— Ах ты, брехун! — вскричала тетка. — Бессовестный щенок! Я не видала никакой бумаги!

— Ну, хватит шуметь! — остановил ее Лю. — Дай мне на нее хотя бы взглянуть!

— Старый дурень! Ты что, рехнулся? — обрушилась на него Ян. — Сколько мы прожили вместе, а ты мне не веришь! Поверил какому-то постороннему, проходимцу! Зачем мне нужна его бумага? Я бы и окна ею не стала заклеивать! Неужели ты думаешь, что я не обрадовалась бы приезду племянника? К чему мне все это? Этот мошенник все выдумал, обмануть нас хочет, деньги выманить!

— Дядюшка! — вскричал Аньчжу. — Мне не нужно никаких денег! Дайте только захоронить прах родителей

на родовом кладбище, и я уеду в Лучжоу. Там мой дом, там — очаг!

— Кто поверит этим лживым да хвастливым речам! — закричала женщина. Схватив тяжелую скалку, она принялась колотить юношу, и все норовила попасть по затылку, пока у него не выступила кровь. Лю Тяньсян пытался остановить жену и получше расспросить юношу, но унять ее было невозможно. Что же делать? Сам старик успел забыть племянника, а жена от всего отказывалась. Кто из них прав? Загадка! И старик пошел на попятную. Женщина, вытолкав юношу за порог, заперла дверь. Есть поговорка, которую уместно привести:

У черных змей
по жалу стекает яд.
У желтых пчел
ядовитые иглы торчат.
Иглы и жало
хоть кого устроят,
Но женская злоба
еще ядовитей стократ.

Аньчжу, которого тетка выгнала из дома, упал возле ворот и потерял сознание. Прошло довольно много времени, прежде чем он пришел в себя. «Как жестоко обошлись со мной родственники!» — проговорил он, прижимая к груди ящичек с прахом. Из глаз юноши полились слезы. В этот момент к нему подошел какой-то человек.

— Вы что плачете, юноша? Откуда вы? — спросил он.

— Меня зовут Лю Аньчжу. Лет пятнадцать назад я уехал отсюда с родителями в чужие края, спасаясь от голода.

Незнакомец, удивленный ответом юноши, внимательно взглянул на него.

— Кто вас так отделал? Вся голова разбита!

— Моя тетка! Она отняла у меня бумагу с договором и отказалась признать меня... Дядюшка здесь ни при чем!

— Меня зовут Ли. Я — старейшина нашей общины. Судя по тому, что вы здесь сказали, вы, кажется, мой будущий зять. Расскажите, что произошло за эти долгие годы. Может быть, я сумею чем-то помочь!

Ююша почтительно поклонился мужчине, который назвался его будущим тестем.

— Моя история такова... — начал он и вытер выступившие на глаза слезы. — Много лет назад я с отцом и матушкой уехал в Лучжоуский округ провинции Шаньси. Там мы остановились в доме господина Чжан Бинъи, что живет в деревне Сямацунь Гаопинского уезда. Мои родители умерли от злой болезни, а я остался сиротой, но, к счастью, господин Чжан усыновил меня и вырастил. Сейчас мне исполнилось восемнадцать лет. Недавно приемный отец рассказал мне о моем происхождении. Он велел отвезти на родину прах родителей и познакомиться с дядей, что я и сделал. Но моя тетка выманила у меня бумагу с договором и вдобавок избила. Не знаю, куда мне теперь и жаловаться... — Из глаз молодого человека ручьем полились слезы.

Рассказ привел почтенного Ли в большое волнение. Его лицо покраснело от гнева.

— Вы помните, что было в бумаге? — спросил он.

— Как не помнить!

— Расскажите!

Аньчжу слово в слово повторил содержащие бумаги, не сделав при этом ни единой ошибки.

— Все ясно, вы — действительно мой зять! — проговорил Ли. — Ах, эта Ян! Ну и пройдоха, ну и шельма! Я сейчас же пойду к ним и потребую бумагу. Если они не отдадут, обращусь в кайфынскую управу к самому судье Бао. Он человек мудрый и сразу во всем разберется. Подадим жалобу от нас обоих. Увидим, удастся ли им присвоить вашу долю наследства!

— Уважаемый тесть, я весь в вашем распоряжении! Ли направился в дом Лю Тяньсяна.

— Где же справедливость, родственники? — закричал он. — Приехал родной племянник, а вы отказываетесь его признавать! Даже голову ему пробили!

— Почтенный Ли! Неужели тебе не ясно, что он обманщик, который явился, чтобы нас одурачить? — возразила Ян. — Если он племянник, у него должна быть бумага с вашей же подписью. Коли она у него есть, значит, он действительно Лю Аньчжу.

— Он сказал, что вы завладели бумагой и спрятали, перестаньте хитрить!

— Смешно! Я в глаза не видала никакой бумаги.

Все, что он говорит, сушее врапье и чертовщина!.. И вообще, с какой стати вы-то вмешиваетесь в чужие дела?

Женщина подняла скалку, собираясь вновь обрушить ее на юношу, который стоял тут же, но почтенный Ли ей помешал.

— Злобная, коварная баба! — проговорил он, уводя юношу из дома дяди.— Пусть бы не признала, но она еще издевается! Ну, ничего, мой мальчик, не огорчайся! Бери свои пожитки, ящик с прахом и пошли ко мне. Започуешь, а завтра подадим жалобу в кайфышскую управу.

Вместе с почтенным Ли юноша отправился к нему домой. Он познакомился с будущей тещей, которая, перевязав ему голову, накрыла для гостя стол с угощениями. Утром они сочинили жалобу и пошли в управу Кайфына. В положенное время открылось присутствие. Судья Бао по прозвищу Драконова Печать занял свое место. По этому поводу можно сказать:

В кайфынской управе
барабаны грозно гудят.
Чиновники важные
вдоль стен рядами стоят.

Похоже, что это —
Яньвана страшный чертог,
Владыка Восточного Пика⁶
с душами смертных жесток.

Старейшина Ли и Лю Аньчжу рассказали судье Бао о нанесенных им обидах и передали письменную жалобу. Ознакомившись с бумагой, Бао Драконова Печать сначала расспросил старейшину Ли. Тот обстоятельно все ему рассказал.

— А, может быть, ты нарочно подбил парня на судебную тяжбу? — проговорил судья.

— Он — мой будущий зять, — возразил Ли.— К тому же молод годами и неопытен. Понятно, что я решил ему помочь с прошением. А вот обмана здесь никакого нет, ведь на бумаге стояла и моя подпись. Я чист перед Небом!

— Скажи, а сам-то ты узнаешь этого племянника?

— По правде говоря, не очень! Мальчика увезли, когда ему было всего три года.

— Племянника не признаешь, бумага потеряна... Откуда такая уверенность, тот ли он человек, за кого себя выдает?

— Бумагу с договором, кроме меня с братьями, никто не видел. А парень читает ее наизусть, без единой ошибки. Какие еще доказательства?

Судья Бао вызвал на допрос юношу. Аньчжу подробно все рассказал и даже показал свои раны.

— Скажи откровенно, может быть, ты не сын Лю Тяньжуня, а просто мошенник? — сказал Бао.

— Господин судья! — вскричал юноша. — Конечно, в Поднебесной много всякого обмана и мало правды. Но только мне-то с какой стати лукавить? У моего приемного отца Чжан Бинъи есть дом и много земли. Его богатств мне хватит на всю жизнь. Поэтому я с самого начала сказал, что отказываюсь от доли моего батюшки. Я хочу одного — захоронить прах родителей и вернуться в Лучжоу к приемному отцу. Господин судья, прошу вас, расследуйте мое дело по справедливости!

Убедившись в искренности Ли и юноши, судья Бао принял жалобу и вызвал на допрос Лю Тяньсяна с женой.

— Ты хозяин дома, а своего мнения у тебя нет. Говоришь только то, что подсказывает жена, — сказал судья Лю Тяньсяну. — Ведь сначала ты сказал, что этот парень твой племянник, а потом отказался от своих же слов.

— Ваша милость! Ничтожный совсем не помнит своего племянника. Я полагаюсь только на бумагу. Парень говорит, что бумага была, а жена клянется, что никогда ее не видела. Кому верить? Ведь глаза-то у меня одни, на спине других нет!

Судья допросил женщину, но та твердила одно — не видела никакой бумаги, и все тут. Тогда судья вызвал Аньчжу.

— Твои родственники бессовестные люди, поэтому я решил их строго наказать. Если хочешь — сам можешь отомстить за все обиды, которые они тебе нанесли!

— Нет, я не могу! — испуганно вскричал юноша, и на глазах его навернулись слезы. — Мой отец и дядя родные братья! У меня рука не поднимется ударить родного дядю! К тому же я приехал не за наследством, а по долгу сыновней совести, чтобы захоронить прах и

познакомиться с родственниками. Такого страшного поступка я совершить не могу!

Судью тронула искренность молодого человека.

А сейчас послушайте такое стихотворение:

Бао-судья, как святой мудрец,
всеведущ и прозорлив.
С первого взгляда узнает он,
кто правду сказал, кто лжив.

Не пытать преступника-дядю молил
племянник в зале суда.
Понял судья, что родной человек
родным остается всегда.

Бао Чжэн вызвал на допрос жену Лю Тяньсяна.

— Этот парень — несомненно мошенник, поэтому отпустить его без наказания никак нельзя. Я посажу его в тюрьму, а через день-другой допрошу под пыткой. А вы с мужем возвращайтесь домой.

Супруги Лю и старейшина Ли, поклонившись судье, пошли домой. Юношу отправили в тюрьму, чему тетка несказанно обрадовалась. Надо ли говорить, что старейшина Ли и молодой человек остались очень недовольны подобным решением и усомнились в пронизательности и честности судьи Бао. Ведь сегодня он умудрился заключить в тюрьму ни в чем не повинного человека.

Вернемся, однако, к судье. Арестовав Лю Аньчжу, он тотчас вызвал к себе тюремщика и повелел ему особенно не притеснять заключенного. В то же время нескольким служащим ямыня судья приказал распусть слух о том, что юноша-де от ран заболел и вот-вот ноги протянет. Один гонец отправился в Лучжоу за Чжан Бинъи, который без промедления прибыл в столицу. Подробный разговор с этим почтенным человеком развеял все сомнения. Судья вновь дал наказ тюремщикам ухаживать за юношей и обходиться с ним наилучшим образом и подписал бумагу об открытии дела. Отдав тайные распоряжения судебным исполнителям, он велел привести в суд всех, кто был причастен к делу... Суд начался с допроса почтенного Чжана и жены Лю Тяньсяна. Женщина держалась прежних своих показаний и твердила одно и то же. Тогда судья приказал привести Лю Аньчжу. Через некоторое время тюремщики доложили:

— Лю Аньчжу тяжело заболел и находится при смерти. Он не может подняться на ноги!

Присутствующие в зале зашептались. Между старейшиной Ли и женщиной Ян началась перепалка. В этот момент прибежал другой тюремщик.

— Лю Аньчжу умер! — закричал он.

— Хвала тебе, о великое Небо! — воскликнула женщина. — Все-таки протянул ноги! Наконец-то мы избавились от всех неприятностей.

— Немедленно осмотреть тело и установить причину смерти! — приказал судья следственному чину.

Через некоторое время чиновник возвратился.

— Докладываю о результатах осмотра. Умершему около восемнадцати лет. Возле виска обнаружена рана от удара каким-то предметом, она и является причиной смерти. Все тело в кровоподтеках и ссадинах.

— Ах вот как! Значит, это убийство! Дело стаповится серьезным! — проговорил судья и обратился к жене Лю. — Кем же все-таки приходится тебе парень? Родственник он или нет?

— Никакие мы не родственники, господин судья! — воскликнула женщина.

— Жаль! Если бы вы были родственники, все было бы проще. Ты старшая, он младший. Даже если бы ты прибила его насмерть, можно сказать, что это случилось нечаянно. Смерть младшего от старшего из родни не считается убийством, и мы бы ограничились простым штрафом. А вот ежели вы не родня, дело усложняется. На этот счет есть такое правило: «Взял в долг — верни, убил человека — заплати жизнью!» Этот юноша из чужих мест, и ты, женщина, могла его просто прогнать, не признав. Между тем ты скалкой пробила ему голову, то есть нанесла рану, которая свела его в могилу. В судебнике же на этот счет сказано следующее: «Если избиение человека привело к его смерти, виновный лишается жизни». Эй, стражники! Надеть на нее кангу и бросить в камеру смертников! Она будет казнена за убийство молодого человека!

— Слушаем! — рявкнули стражи, обликом свирепые, точно волки или тигры. При виде колодок женщина позеленела.

— Ваша светлость, господин судья! — закричала она. — Он мой племянник!

— А где доказательства?

— У меня есть его договорная бумага.— И она вытащила из-за пазухи документ.

По этому поводу можно сказать:

Сначала она в зале суда
отпиралась, ловчила, лгала.
Но, узнав о том, что грозит ей смерть,
правду скрыть не могла.

В ловушку, расставленную судьей,
печально попала она.
И вот в руках у судьи бумага,
которая так важна.

Судья Бао пробежал документ глазами.

— Ну что ж! Если он твой племянник, я велю сейчас же принести его тело, и вы обязаны похоронить его как положено и без всякого промедления.

— Будет исполнено, господин судья! — воскликнула Ян.

Судья отдал распоряжение привести Лю Аньчжу. В присутственном зале появился юноша, живой и невредимый. Казалось, у него даже зажили раны на голове. Госпожа Ян обомлела.

— Лю Аньчжу! — обратился к нему судья Бао.— Мне удалось добыть твою бумагу.

— Ах, господин судья, если бы не вы, я бы погиб! — воскликнул молодой человек.

Тетка стояла, низко опустив голову, с красным от стыда лицом. Судья Бао поднял кисть и начертал приговор, который гласил:

«Лю Аньчжу проявил редкую почтительность к старшим, а Чжан Бинъи — великую человечность. Сии качества, являющиеся украшением рода, должны быть особо отмечены. Старейшине Ли следует в подходящий день сыграть свадьбу. Останки Лю Тяньжуня и его супруги захоронить на родовом кладбище семьи Лю. Лю Тяньсяна, проявившего неразумие и тупость, от наказания освободить ввиду преклонного возраста. Его жена Ян, совершившая тяжкое преступление, облагается денежным штрафом. Ее зятю, родственных уз с родом Лю не имеющему, пользоваться состоянием семьи не разрешается!»

Написав такой приговор, судья Бао повелел всем ра-

зойтись по домам, что они и сделали, совершив положенные поклоны. Почтенный Чжан, оставив Лю Тяньсяну свою визитную карточку, сразу же уехал в Лучжоу. Лю Тяньсян, хорошенько отругав жену, занялся вместе с племянником захоронением праха. Старейшина Ли в один из подходящих дней устроил свадьбу молодых, которые спустя месяц отправились в Лучжоу навестить Чжана и его супругу. Впоследствии Лю Аньчжу вступил на чиновную стезю и скоро добился славы и богатства. Поскольку Лю Тяньсян, как и почтенный Чжан, не имел наследников, состояние обеих семей перешло к Лю Аньчжу. Отсюда следует, что процветание человека, как, впрочем, и его безвестность предreshены заранее, а посему не должно гнаться за выгодой и домогаться её любыми способами. Что до родственных отношений, то в них не должно быть лжи или обмана, ипаче будет нанесен вред первородному духу. Мы рассказали эту историю, дабы предупредить людей не рваться даже за малым богатством, ибо такая погоня может разрушить природные качества человека и его внутренние достоинства. Наш рассказ венчают стихи:

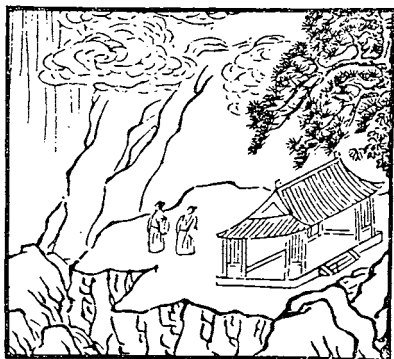
Названный отец и приемный сын
добродетельны и чисты.

А родные люди встали на путь
злости и клеветы.

В жизни все предначертано свыше,
от своей судьбы не уйдешь.

К чему же тогда коварные планы,
хитрость, лукавство, ложь?!

ТРИЖДЫ ОЖИВШИЙ СУНЬ

Рано Гань Ло¹ добился почета,
Цзыя² — на старости лет.
Умер совсем молодым Янь Хуэй³,
Пэн Цзю⁴ — седым стариком.
Ученый Фань Дань⁵ — из бедных бедняк,
богаче Ши Чуна — нет.
В судьбе человека с рожденья заложен
будущей жизни секрет.

Рассказывают, что в годы Изначального Покровительства Великой династии Сун⁶ жил знаменитый савонник Чэнь Я, ведавший при дворе жертвоприношениями и церемониями. Однажды он выступил против тогдашнего канцлера Чжан Цзыхоу, но, увы, своего не добился. Его понизили в должности, назначив выездным инспектором и начальником области Цзянькан. Как-то, пируя с чиновниками в Линьцзянтин — Беседке Подле Реки, он услышал чей-то голос:

— Без помощи Пяти Стихий и Четырех Подпор⁷ я угадываю грядущую судьбу человека. Узнаю, что ждет его: счастье или горе, слава или беды.

— Кто там болтает? — крикнул Чэнь.

— Это слепой гадатель Бянь из Напкина, — ответил один из сотрапезников.

— Позовите-ка его сюда! — приказал вельможа.

У дверей беседки появился старый ворожей с сучковатым посохом в руке.

Нахлобучена рваная шапка,
Болтается темный халат,
Слепые глаза, голова бела,
Скрючен весь в горбат.

Ворожей поклонился и, ощутив рукою лестницу, опустился на ступеньку.

— Слепец! Тебе не дано читать древние священные книги. Как ты смеешь поносить учение о Пяти Стихиях? Надо меру знать! — сказал Чэнь с раздражением.

— Сиятельный господин! По стуку гадательных бирок я догадываюсь, вознесется ли человек вверх или низвергнется вниз. Простое шаркапье туфель мне подскажет, умер ли кто-то или родился на свет.

— И ты способен это доказать? — спросил Чэнь.

Взглянув в сторону реки, он заметил богатое судно, плывущее вниз по течению. До пирующих доносился скрип уключин.

— Скажи, что там у них на лодке, горе или радость?

— Весла доносят звуки скорби, значит, они везут покойника. Очевидно, это — крупный чиновник.

Чэнь послал слугу узнать. И что же? Действительно, на лодке находился гроб с телом военного инспектора Ли из Линьцзяна. Он умер на службе в чужих краях, и сейчас его прах везли на родину.

— Если бы даже воскрес Дунфан Шо⁸, он не смог бы тебя превзойти в искусстве гадания! — воскликнул изумленный Чэнь и велел налить ворожею десять чарок вина, а потом подарил ему десять лянов серебра.

Только что мы вам рассказали о слепом гадателе Бяпе, который по шуму весел узнал, что происходило на лодке, а теперь поведаем вам о другом ворожее, по имени Ли Цзе из Восточной Столицы, который гадал по триграммам⁹. Однажды Ли Цзе отправился в уезд Фэнфу Яньчжоуской области, открыл гадальню и вход украсил оклеенным золотой бумагой мечом Тайэ¹⁰ и вывеской с надписью: «Караю тех собратьев по ремеслу, кто не смыслит в своей науке». Надо сказать, что этот Ли был и вправду очень сведущ в учении о темных и светлых силах¹¹. О его искусстве лучше всего скажут такие слова:

Великий «Ицзин»¹² понял старик,
Шесть основ гаданья постиг.
Только увидит знаменье Неба —
смысл его тотчас поймет,
Узнает, едва поглядев на землю,
значение Ветров и Вод.
Пяты Планет ему ведом ход.

Знает он, где будет покой,
а где несчастье грядет,
Прозревает, кому предстоит паденье,
а кого ожидает взлет.

Едва гадатель водрузил вывеску, как заметил приближавшегося незнакомца. Если хотите узнать, как одет был тот, послушайте:

Высокая шапка
 повязана лентой цветной,
Две черные куртки надеты
 одна поверх другой.
В чистые туфли обут он,
 на ногах белеют чулки,
Свиток заправлен в рукав, а на свитке —
 странные значки.

Поклонившись ворожею — владельцу Золотого Меча, — незнакомец попросил его погадать и назвал знаки своего рождения.

— Вашу судьбу предсказать невозможно! — проговорил ворожей, составив картину триграмм.

Сунь Вэнь (так звали незнакомца, который оказался старшим стряпчим из судебного приказа) спросил:

— Отчего ж невозможно?

— В определении вашей судьбы, почтенный, я предвижу много трудностей, — отвечивал гадатель.

— Какие еще трудности? — удивился Сунь.

— Достопочтенный господин! Дам вам совет: никогда не следуйте по дурному пути, а если у вас есть пристрастие к вину — поскорей избавьтесь от него!

— Я не пью вина, да и дурного, кажется, не делаю.

— Ну, ладно! Тогда еще раз скажите знаки вашей жизни. Быть может, я в чем и ошибся!

Сунь Вэнь повторил все восемь знаков своего рождения. Ворожей снова нарисовал триграммы, но опять прервал гадание.

— Нет, не могу!

— Говори без утайки! Я ничего не боюсь!

— Очень плохо ложатся триграммы! — вымолвил, наконец, гадатель и написал четыре фразы:

Белый тигр
 нынче к тебе придет,
Значит, должна
 случиться большая беда.

Не позже утра
несчастье произойдет,
В великую скорбь
твой погрузится род.

— Что же все-таки показывают знаки? — спросил
стряпчий.

— Не скрою, сударь, вас ожидает кончина.

— В каком году это может случиться?

— В этом.

— А в какую луну?

— В нынешнюю...

— А какого числа?

— Сегодня!

— ...В какое же время?

— Вас ждет смерть нынче в третью стражу.

— Что ж, коль я должен нынче скончаться, значит,
так тому и быть. Но если я останусь цел и невредим, то
завтра мы потолкуем с тобой в уездной управе...

— Если я в чем солгал, вы можете вот этим мечом,
карающим невежд, отсечь мою голову напрочь!

Слова ворожея рассердили Сунь Вэня. Как говорят:
гнев его поднялся из самого сердца, ярость переполни-
ла печень. Он схватил гадалея за шиворот и потянул
из лавки на улицу. А как же колдун? О нем можно ска-
зать, не иначе, такими словами:

Была ему ведома
посторонних людей судьба,
А самому только беды
приносила всегда ворожба.

Как раз в это время из ямыня шли несколько мелких
чиновников. Обступив Суня, стали расспрашивать, в
чем дело.

— На что это похоже?! — возмущался Сунь. — Я
просил его погадать, а он нагадал невесть что — будто
нынешней ночью я найду смерть. Посудите сами, почтен-
ные, могу ли я умереть, если нет у меня никакой хвори?
Вот и тащу его в управу, чтобы вывели его там на чи-
стую воду!

— Поверишь этим мошенникам — хоть дом прода-
вай! — заметил кто-то из присутствующих, а другой до-
бавил:

— Пасть у гадалея, что ковш без дна!

Все заговорили, загалдели. Одни принялись успокаивать Суня, другие — корить и ругать предсказателя.

— Ай-ай! Учитель Ли! — воскликнул кто-то с украинской. — Такого уважаемого человека и так обидеть! Никуда не годится твое гадание! Забыл ты, наверное, что еще в древности говорили: бедность и сирость легко угадать, судьбу человека нельзя предсказать! Ты ведь не родственник владыки ада Яньвана или судей загробного царства, а потому не дано тебе предрекать, когда человек появится на свет, а когда опочитет, да еще определять с точностью: в такой-то день, в такой-то час... Придется тебе держать ответ!

Старик вздохнул.

— Верно говорят: если хочешь пострадать, утаивай при гадании правду; коли скажешь ее, непременно кого-то заденешь... Видно, придется мне уходить отсюда. Как в поговорке: если в одном месте не удержался, другое ищи, что тебе по душе.

Ворожей собрал свой скарб и пошел прочь.

Стряпчий Сунь, несмотря на уговоры и утешения друзей, все же чувствовал себя не в своей тарелке. Вернувшись в ямынь, он принялся за свои бумажные дела, а после работы побрел домой, охваченный нерадостными думами.

— Что у тебя стряслось? — спросила жена, заметив его сумрачный и встревоженный вид. — Случилось что в управе? Ошибся в каком документе?

— Не пытай меня! — ответил муж в сердцах.

— Наверное, тебе сделал выговор начальник уезда! — не унималась жена.

— Да нет же!

— С кем-нибудь поругался?

— Тоже нет... Сегодня я решил погадать возле нашего ямыня, и ворожей сказал, что нынешней ночью, в третью стражу, я должен умереть.

— Здоровый человек — и вдруг, на тебе, умереть! Так не бывает! — Тонкие, как ивовый лист, брови жены удивленно взметнулись вверх, а глаза округлились. — Нужно было стащить обманщика к уездному!

— Я и сам хотел, да меня отговорили.

— Муженек! — сказала жена. — Ты посиди дома, а я отойду ненадолго. Заодно зайду к уездному и пожалуюсь ему вместо тебя. Пусть пошлет людей за мошен-

ником и допросит его с пристрастием. С какой стати ты должен нынче умереть? Деньги казенные не крал, взятки не брал, никакой суд тебе не угрожает...

— Нет, в ямынь тебе идти не пристало, ты все-таки женщина. Если я останусь жив и здоров, я сам с ним завтра рассчитаюсь, по-мужски.

Наступил вечер.

— Приготовь мне вина,— сказал Сунь жене.— Нынче ночью я спать не лягу, буду бодрствовать и веселиться!

Он выпил чарку, за ней опорожнил вторую, третью. Очень скоро от вина Суня разморило, глаза его потускнели, и он стал клевать носом. Видя, что муж, сидя в кресле, задремал, жена спросила:

— Муженек! Да никак ты заснул?! — Она позвала служанку:— Инъэр! Растолкай господина!

Инъэр окликнула хозяина, но не получила ответа. Она стала трясти его, но тот не просыпался.

— Надо отвести его в комнату, пусть проспится,— сказала хозяйка.

Эх! Если бы в этот момент рядом с Сунем оказался какой-нибудь молодец, вроде вашего рассказчика — такой же здоровяк с широкими плечами. Обхватил бы он Суня за пояс, да повернул бы обратно пить вино, не позволил бы он ему идти в постель. Вот тогда, быть может, стряпчий Сунь не умер бы в ту ночь смертью жестокой, как погиб Ли Цуньсяо¹³, упомянутый в «Истории Пяти династий», или Пэн Юэ, о котором повествует «Книга о династии Хань»¹⁴. Но как говорят:

Ветер злой чует цикада,
когда он еще не возник.
Но ведом лишь духам смерти
смерти грядущей миг.

Жена Суня, уложив хозяина спать, велела Инъэр погасить в кухне свечу и идти к себе.

— Ты слыхала, что сказал господин? — спросила она девушку.— Ворожей ему нагадал, что нынешней ночью, в третью стражу, он будто бы умрет.

— Слыхала, хозяйка, только разве можно этому верить?

— Инъэр! Мы с тобой займемся рукоделием, и посмотрим, что будет! Если хозяин останется жив, завтра гадателю несдобровать!.. Только не засни!

— Что вы, хозяйка!

Скоро служанка уже клевала носом.

— Инъэр! Я же не велела тебе спать, а ты все-таки заснула.

— Я не сплю,— пробормотала служанка и снова задремала.

Через некоторое время хозяйка снова окликнула ее и спросила, который час. Где-то возле уездной управы раздались удары колотушки. Пробили ровно три раза.

— Инъэр! Не спи! Пришло как раз то самое время!

Но служанка не откликнулась на зов хозяйки. Она сладко спала.

И тут послышались шаги, будто кто-то сошел с постели. Через несколько мгновений раздался скрип двери. Хозяйка бросилась к служанке и, растолкав ее, велела зажечь лампу. В этот момент хлопнула наружная дверь. Обе женщины выбежали из комнаты с лампой в руках. И вдруг видят какого-то человека в белом. Прикрыв рукой лицо, он выскочил на улицу и побежал прямо к реке. Раздался всплеск, и... все замерло. Верно говорят:

Пошли такие дела,
что о них и сказать невмочь.
Лучше, чтоб их унес
ветер восточный прочь.

Надо вам знать, что река в уезде Фэнфу впадала в Хуанхэ и течение здесь было очень быстрое. Не удивительно, что утопленников здесь находили лишь с превеликим трудом. Госпожа Сунь и служанка Инъэр подбежали к берегу.

— Господин! — закричала женщина. — На кого ты оставил нас, несчастных? Зачем ты утопился?

Крики и причитания женщин всполошили соседей. Сбежались все, и среди них, конечно, тетка Дяо, жившая в верхнем конце, тетка Мао, что жила пониже, и Гао — из дома, что напротив.

Госпожа Сунь принялась рассказывать им о том, что стряслось.

— Надо же такому случиться! — заохала тетка Дяо. — Непостижимо!

— Только нынче я его видела, мы еще поздоровались,— пробормотала Мао. — Он шел в черной куртке, а в рукаве держал какую-то бумагу.

— Вот-вот! И я с ним поздоровалась,— поддакнула тетушка Гао.

Еще одна соседка, по имени Бао, рассказала:

— Вышла я из дома сегодня пораньше (дело надо было одно уладить) и вот возле ямыня вижу: господин Сунь держит гадалея за шиворот. Помнится, пришла я домой и рассказала, а мне еще никто не поверил... Надо же, а он, на тебе,— помер!

— Ах, служивый, служивый! — снова запричитала Дяо.— Почему ты ничего не рассказал нам, соседям, за чем сгубил себя? — Она заплакала.

— А какой был замечательный человек!.. Какое горе стряслось! — заголосила Мао.

— Никогда-то мы больше тебя не увидим! — воскликнула Бао.

Как и положено, местный староста направил в уездный ямынь бумагу с объяснением. А госпожа Сунь совершила заупокойную службу, дабы проводить душу мужа в загробное царство.

Быстро пролетело три месяца. Однажды госпожа Сунь вместе с Инъэр сидела, как обычно, дома, и тут занавеска, прикрывавшая дверь, отдернулась, и на пороге появились две женщины. Их лица были пунцовыми от только что выпитого вина. Одна держала бутылку с вином, вторая — два пучка цветов тунцао¹⁵.

— А вот и наша хозяйка! — крикнула первая, увидев жену стряпчего.

Госпожа Сунь с первого же взгляда узнала свах. Одну звали тетушкой Чжан, вторую — тетушкой Ли.

— Давненько я вас не видела!.. — проговорила хозяйка.

— Не обижайся, госпожа, что мы вовремя не поднесли тебе обрядной бумаги¹⁶... Мы ничего не знали... Сколько времени прошло со дня его смерти? Умаялась ты, бедняжка!

— Позавчера исполнилось сто дней.

— Ишь ты, как быстро летит время! Уже минуло сто дней! — проговорила одна из свах.— Да, хороший был человек господин стряпчий. Бывало, поздоровалась с ним, непременно тебе поклонится...

— Надо же, сколько времени уже прошло, как он умер!.. А в доме все постыло, одиноко... Между прочим, мы пришли поговорить с тобою о свадьбе...

— Вряд ли найдется человек, который родился в одно время с моим мужем! — воскликнула молодая женщина.

— Не скажи! И такого отыскать возможно! — сказала одна из свах.— Есть у нас на примете.

— Будет вам болтать! Не может он походить на покойного мужа!

Свахи испили чаю и ушли, а через несколько дней появились опять и снова завели разговор о свадьбе.

— Опять заладили! — проговорила хозяйка.— Так и быть! Выкладывайте, кто у вас на примете! Только прежде я скажу вам три условия. Если вы их не выполните, лучше не заикайтесь о браке. Пусть уж я остаюсь вдовой до конца своих дней.

По этому поводу можно сказать: как видно, судьба предвещала ей встретиться с лютым врагом, что появилось во свете еще пятьсот лет назад. Она умерла, и каре жестокой подвергся еще один человек. Поистине:

При циньском дворе загадку с оленем¹⁷
не решило много людей.

Кто знает, бабочка снилась Чжуанцзы,
иль Чжуанцзы приснился ей¹⁸.

— Каковы твои условия? — поинтересовались свахи.

— Первое — я выйду замуж лишь за того, кто носит фамилию Сунь, как у моего мужа. Второе — поскольку мой супруг был стряпчим в уезде Фэнфу, у нового мужа должна быть такая же должность. И, наконец, последнее — я не собираюсь уезжать из своего дома, пускай новый муж сам переселяется ко мне.

— Так-так! Значит, хочешь выйти за человека по фамилии Сунь и чтобы он служил в судебной палате, к тому же не желаешь идти к нему в дом, а чтобы он пришел сюда,— сказала одна из свах.— Так и быть! Мы принимаем эти условия... Может быть, другие бы нам не подошли, а эти мы принимаем.

— Госпожа, тебе, конечно, известно, что твоего супруга величали Старшим Сунем, потому что он служил главным стряпчим в уезде. Но в ямыне есть еще один стряпчий — тоже по фамилии Сунь. Он-то и сватается к тебе! После смерти твоего мужа его повысили в должности и сделали старшим. Младший Сунь (как его все

называют) не прочь переехать к тебе. Вот мы и предлагаем тебе выйти за него. Согласна?

— Сколько совпадений! Даже не верится! — воскликнула молодая женщина.

— Я уже старуха, — сказала тетушка Чжан, — мне нынче исполнилось семьдесят два. Коли я соврала, пусть из меня выйдут семьдесят две суки и пусть они в твоём доме станут поедать нечистоты!

— Ну что же, почтенные, если то, что мне здесь сказали, правда, можете дать ему мое согласие... Только не знаю, удачный ли вы выбрали день?

— Ещё бы! Самый наисчастливейший! — обрадовалась сваха Чжан. — Вот только нужно послать свадебную карточку...

— У меня её нет!

— На то мы и свахи, чтобы у нас было все под рукой, — сказала тетушка Ли и достала из-за пазухи цветной лист с изображением пяти сынов и двух дочерей.

Как говорят в таких случаях:

Белую цаплю в метель не увидишь,
коль она не вспорхнет на миг.
Поймешь, что на иве сидит поугай,
только заслышав крик.

Госпожа Сунь велела служанке Инъэр принести письменный прибор. Получив от молодой женщины карточку с благоприятным ответом, свахи покинули дом. Вскоре от жениха, как положено, прислали свадебные дары, а через два месяца в доме появился новый муж — стряпчий Сунь. Молодые супруги оказались хорошей парой. Как видно, ловкие старухи удачно свели их вместе...

Однажды муж и жена решили выпить вина, после чего, как водится, сильно захмелели. Хозяин приказал служанке приготовить протрезвляющего отвару. Инъэр нехотя отправилась на кухню.

— Когда был жив старый хозяин, я в такое время давно уже спала, а сейчас приходится делать какой-то отвар! — недовольно ворчала она себе под нос.

Огонь в печи не разгорался: видно, трубу забило сажей. Инъэр сняла её и стукнула по основанию очага несколько раз. Вдруг видит, что очаг начал медленно приподниматься — поднялся на целый чи или больше,

а под очагом сидит человек с колодезной решеткой на шее. Волосы растрепались, язык вывалился изо рта, из глаз капают кровавые слезы.

— Инъэр! — прохрипел он. — Ты должна мне помочь!

Объятая ужасом, служанка закричала дурным голосом и грохнулась оземь. Лицо ее посерело, глаза помутнели, губы сделались лиловыми, а кончики пальцев посинели. Как говорится в подобных случаях: не знаем, что случилось с пятью внутренними органами, но члены ее стали неподвижными. Есть по этому поводу такая присказка:

Жизнь ее словно тающий месяц,
что к рассвету повис над горой.
Как лампа, в которой кончается масло
предутреннею порой.

На крик прибежали муж с женою, стали приводить ее в чувство, а потом дали укрепляющего настоя.

— Почему упала? Иль что заметила? — спросила хозяйка.

— Стала я разводить огонь и вдруг вижу, очаг начал медленно приподниматься, а под ним... наш старый хозяин. На шее у него решетка от колодца, волосы взлохмачены, из глаз капает кровь. Он позвал меня... и тут я со страху потеряла сознание.

— Ах ты, мерзавка! — закричала хозяйка и дала служанке затрепину. — Тебе было велено приготовить отвар! Где он? Сказала бы, что поленилась, а то придумала разные страхи. Нечего прикидываться дурочкой!.. А ну, пошла спать! Да не забудь погасить огонь в печи!

Инъэр отправилась к себе, а супруги вернулись в комнату.

— Муженек! — тихо сказала жена. — Эту девку не следует больше держать в доме, после того что она здесь наговорила. Пусть убирается прочь!

— Куда же мы ее денем? — спросил Сунь.

— Есть у меня один улан.

Утром после завтрака, когда муж ушел в ямынь, госпожа Сунь позвала служанку к себе.

— Инъэр! Ты живешь у нас уже семь или восемь лет. Я привыкла к тебе. Но сейчас ты стала работать хуже. Думается мне, ты подумываешь о муженьке. Хочешь, я помогу тебе?

— Я не смела даже мечтать! — воскликнула Инъэр. — А за кого вы меня хотите выдать, хозяйка?

Из-за того, что хозяйка позволила служанке выйти замуж, ей пришлось еще теснее связать свою судьбу с судьбою покойного мужа.

По этому поводу можно вспомнить такие стихи:

Только затихнет ветер —
сразу цикада слышна.
Едва потускнеет лампа —
станет заметна луна.

Так вот, хозяйка, не спрашивая Инъэр, за кого она хочет выйти, отдала ее замуж за Ван Сина по прозвищу Пьянчужка — большого любителя не только попок, но и азартных игр. Уже через месяца три Инъэр пришлось расстаться с вещами, которые она принесла в дом мужа: одеждой и даже постелью. Ван Син, то и дело приходивший домой хмельным, по всякому поводу набрасывался на жену с попреками и бранью.

— Подлая баба! Переломать тебе хребет, и то мало! — лаялся он. — Видишь, как я бедствую, но все не хочешь сходить к бывшей хозяйке и занять у нее какие-нибудь триста или пятьсот монет.

Не выдержав упреков, Инъэр оделась попримличнее и направилась к Суням.

— Инъэр! У тебя же есть теперь муж! Что тебе нужно от меня? — спросила ее госпожа Сунь.

— Не скрою, хозяйка, мое замужество оказалось не слишком счастливым. Пьет он, играет... Не прошло трех месяцев, а он умудрился спустить все мое приданое. Вот и приходится теперь просить у вас денег: дайте мне монет триста-пятьсот на расходы.

— Если тебе не повезло с мужем — это твоя забота... Так и быть — дам тебе лян серебра, но только больше сюда не ходи!

Инъэр поблагодарила хозяйку и отправилась домой. Через четыре-пять дней от денег не осталось и следа. Как-то вечером Пьянчужка пришел домой сильно навеселе.

— Подлая баба! — закричал он, едва переступив порог. — Взгляни, до чего мы стали бедны! Пойди еще раз к своей старой хозяйке!

— Не могу я больше туда идти! В прошлый раз,

когда она дала мне лян серебра, мне пришлось выслушать целую проповедь в тысячу слов.

— Тварь! Если не пойдешь, я тебе ноги переломаю!

Инъэр побежала к Суням. В этот поздний час ворота дома оказались на запоре, и женщина не решилась стучать. Постояв в нерешительности возле ворот, она повернула назад и прошла дома два-три, как вдруг заметила фигуру мужчины. Надо вам сказать, почтенные слушатели, что как раз из-за этого человека, которого повстречала Инъэр, у госпожи Сунь и ее нового супруга и возникли пресерьезные неприятности. Мужчина стоял под карнизом дома, и женщина могла его хорошенько разглядеть. Недаром говорят:

Когда черепаха плывет в воде,
ее разглядишь тотчас.
На вершине сосны не спрячется аист
от посторонних глаз.

На незнакомце была шелковая шляпа с отворотами, будто крыльями, пурпурный халат, перевязанный поясом, украшенным роговыми пластинами. В руках — свиток, испещренный иероглифами.

— Инъэр! А ведь я твой прежний хозяин — старший стряпчий Сунь... Есть у меня к тебе дело, но не хочу здесь о нем говорить. Протяни свою руку, я дам тебе одну вещь!

Женщина сделала, что ей сказали. Стряпчий сунул ей что-то и тут же исчез. Инъэр взглянула — то был сверток, а в нем серебро. Инъэр что есть духу бросилась домой и заколотила в дверь.

— Это ты, жена? — послышался голос Пьянчужки. — Почему так рано вернулась?

— Обожди, сейчас я все объясню! — едва выговорила Инъэр. — Пошла я к хозяйке, думаю, попрошу у нее хотя бы риса, а ворота уже закрыты. Я не стала стучать — побоялась, что она рассердится, — и повернула было обратно. Вдруг вижу: возле одного дома, под крышей, стоит человек. Кто, ты думаешь?.. Мой прежний хозяин — стряпчий. На нем шелковая шляпа с отворотами, будто крыльями, пурпурный халат, перевязанный поясом, украшенным роговыми пластинами. Он мне дал вот это — сверток с серебром.

— Подлая баба! — разъярился Ван. — Что за чер-

товщину ты несешь!.. Ну да ладно, входи в дом... А все-таки непонятно мне, откуда у тебя серебро?

Когда они вошли в комнату, муж спросил:

— Ты мне как-то говорила, что возле очага тебе будто привиделся прежний хозяин. Я запомнил твой рассказ... Очень он мне показался странным!.. А сейчас я накричал на тебя только потому, что побоялся соседей. Вот что: завтра же это серебро надо отнести в ямынь и подать челобитную.

По этому случаю можно вспомнить такие слова:

Холишь цветок, а он не растет —
все твои усилия впустую.
Дикий побег без ухода разросся —
дает уже тень густую.

Утром, перед тем как отправиться в ямынь, Ван Син прикинул в уме: «Нет, с управой надобно обождать. На то есть целых две причины. Во-первых, против Младшего Суня идти опасно. Он как-никак старший стряпчий в уезде. Во-вторых, нет у меня никаких доказательств. Подашь жалобу, а где виноватый? Только деньги ушлывут в казну... Нет, лучше будет заложить свою одежонку, купить два короба подарков и с ними напрямик к Суням. Так будет вернее!»

Недолго думая Ван Син пошел за подарками. И вот муж и жена, одевшись понаряднее, направились в дом Суней. Вид разодетых гостей с дарами изрядно удивил госпожу Сунь.

— У вас, как я вижу, завелись деньги. Откуда это? — спросила она.

— Вчера ко мне попала одна жалоба, на которой я заработал два яна серебра,— соврал Ван Син.— Вот мы и решили вас отблагодарить. К тому же я теперь не пью, не играю...

— Ван Син! — сказала хозяйка.— Ты иди домой, а жена пусть погостит у меня денек-другой.

Ван Син ушел.

— Мы завтра пойдем с тобой на богомолье в Храм Восточного Пика,— сказала хозяйка.— Хочу поставить богам свечу.

О том, что было в этот вечер, мы больше говорить не будем. Утром, когда стряпчий ушел на работу, госпожа Сунь, заперев двери дома, отправилась с Инъэр в храм.

Сначала госпожа Сунь зажгла свечи в главном зале храма, потом воскурила благовония в обоих приделах, после чего женщины вошли в Зал Воздаяния, где находились пзваяния судей загробного мира, ведающих жизнью и смертью людей. И тут Инъэр почувствовала, что пояс, стягивающий ее платье, как-то странно ослаб, вот-вот развяжется вовсе и упадет. Она остановилась, чтобы затянуть его покрепче. Хозяйка тем временем пошла вперед.

— Инъэр! — неожиданно раздался голос.

Среди судей загробного мира женщина заметила чиновника в шелковой шляпе с отворотами, будто крыльями, в пурпурном халате, перевязанном поясом, украшенным роговыми пластинами.

— Инъэр! Я твой прежний хозяин. Передай за меня жалобу! На-ка, возьми!

— Чудеса! Оказывается, глиняные истуканы умеют разговаривать! — Инъэр протянула руку. — Что ты мне даешь?

По этому случаю можно сказать:

Такое диво вовек не увидишь,
хоть разверзнутся небеса!
И в былые года никогда не случались
подобные чудеса.

Инъэр взяла вещь, которую протянул ей прежний хозяин, и поспешно сунула за пазуху, чтобы не заметила госпожа Сунь. После богомолья женщины вернулись домой, а потом Инъэр отправилась к себе. Когда она рассказала мужу о том, что произошло в храме, Ван велел ей показать ту вещь, что дал старый хозяин. Оказалось, это простой лист бумаги, но с надписью: «Сын старшей дочери и сын младшей дочери. Первый впереди пашет, а второй собирает плоды. Чтобы узнать о случившемся в третью стражу, надобно воду открыть под огнем. В будущий год, во вторую иль в третью луну, „фраза кончится“ и разгадают ее». Ван Син, понимается, ничего не понял, но на всякий случай сказал жене, чтобы она помалкивала. Все же он смекнул, что во вторую или третью луну будущего года обязательно что-то случится.

Быстро пролетело время, и вот уже наступила вторая луна. Как раз в это время в уезде сменился началь-

ник. На пост правителя прислали Бао Чжэна — уроженца города Цзиньдоу из округа Лучжоу. Это был тот самый знаменитый судья Бао, которого сейчас все величают Бао Драконова Печать, потому что он дослужился до поста Ученого из Кабинета Драконовой Печати. Пост начальника уезда была его первая должность. Как известно, судья Бао с малых лет отличался необыкновенной пронизательностью и честностью. Дела он решал самые запутанные и таинственные, а суды вершил самые сложные. На третий день по приезде в уезд Бао ночью увидел сон. Видит, будто сидит он в зале, а перед ним висят два парных свитка¹⁹ с такой надписью: «Чтобы узнать о случившемся в третью стражу, надобно воду открыть под огнем». На следующий день, заняв место в присутственной зале, Бао Чжэн велел стряпчим разъяснить смысл таинственных слов, однако никто не сумел отгадать. Тогда судья приказал переписать их уставным письмом на белую дощечку. Когда стряпчий Сунь кончил их писать, судья красной тушью приписал такую фразу: «Всякий, кто разъяснит словеса, получит награду — десять лянов серебра» — и повелел вывесить таблицу перед управой.

Новость вызвала большое оживление среди служивых и простого люда. Перед таблицей стояла густая толпа народа. Каждый норовил протиснуться вперед, как можно ближе к объявлению в надежде, что ему повезет и он получит награду. В это самое время Ван Пьянчужка возле управы покупал сладкие лепешки с финиковой начинкой. Само собой, он услышал о странной надписи, которую приказал вывесить начальник уезда. Ван Син подошел ближе и взглянул: слова на таблице оказались точно такими же, как на бумаге, которую жене передал в Зале Воздаяния судья загробного мира. Ван удивился, но виду не подал.

«Надо пойти заявить,— подумал он.— Вот только, по слухам, новый уездный очень чудной. Не ровен час, разольется! Нет, пока обожду. Если никто не поймет, тогда пойду я».

Приняв такое решение, Ван купил лепешек и отправился домой. Когда он рассказал жене о новости, та ответила:

— Прежний хозяин трижды являлся ко мне и всякий раз просил передать жалобу. К тому же он подарил

нам сверток с серебром. Если не заявить об этом, дух может обидеться!

Озадаченный Ван снова пошел к уездной управе. По дороге ему встретился сосед по фамилии Пэй, служивший письмоводителем в управе. Зная, что Пэй поднагреб в разных сутяжных делах, Ван Син отвел его в укромный уголок и все рассказал.

— Не знаю, что делать, сосед, идти или нет? — растерянно проговорил он.

— А где бумага, что дал загробный судья? — спросил Пэй.

— В сундуке, где лежат женины платья.

— Возвращайся домой за бумагой и иди с ней прямо в управу, а я тем временем доложу начальнику. Когда он тебя вызовет, ты ее и покажешь как доказательство.

Ван Син побежал домой, а Пэй поспешил в ямынь. К этому времени начальник уезда уже закончил присутствие. Увидев, что стряпчего Суня поблизости нет, Пэй приблизился к начальнику и упал перед ним на колени.

— Ваша светлость! — проговорил он. — По соседству со мной живет некий Ван Син, который может разгадать надпись на таблице. Он рассказал мне, что в Зале Воздаяния, в Храме Восточного Пика, его жене будто бы передали бумагу, в которой есть те же слова, как и на вашей таблице.

— Где он сейчас, этот Ван Син?

— Пошел за бумагой.

Начальник уезда приказал посыльному немедленно привести Ван Сина в управу.

В это время Ван Син, вернувшись домой, бросился к сундучку и поспешно открыл его. Но, развернув лист, он, к своему ужасу, увидел, что бумага совершенно чиста — ни единого знака. С чем идти в уездную управу? Ван Син, забившись в самый дальний угол, трясся от страха. И тут появился посыльный со срочным приказом начальника уезда. Конец! Теперь не открутишься! Бедняге ничего не оставалось, как с пустым листом отправиться в ямынь. Посыльный проводил его в зал, где сидел судья Бао. Удалив посторонних, Бао Чжэн велел остаться одному Пэю.

— Наш служащий Пэй сообщил нам, что в храме тебе будто передали какую-то бумагу. Покажи!

Ван Син бросился на колени.

— Господин начальник! В прошлом году моя жена пошла на богомолье в Храм Восточного Пика. В Зале Воздаяния она вдруг увидела духа, который дал ей лист с таинственной надписью. В нем были слова, точно такие же, как на вашей таблице. Я спрятал бумагу в сундук с одежей. Сегодня решил взять ее... Посмотрел — а на ней все пусто. Я принес ее с собой. Вот она!

Бао Чжэн, взглянув на чистый лист, спросил:

— Ты запомнил, что на нем было написано?

— Запомнил,— ответил Ван и повторил надпись слово в слово.

Начальник уезда записал то, что сказал Ван, и стал внимательно вчитываться в таинственные слова.

— Ван Син! — вдруг сказал он. — Вот что я хочу спросить. Когда дух давал твоей жене эту записку, он говорил что-нибудь или нет?

— Он просил передать какую-то жалобу.

— Чуть! — рассердился Бао. — Будто ему негде пожаловаться! Он же дух! Зачем ему было об этом просить твою жену? Как видно, ты решил меня обмануть!

— Есть еще одна причина, ваша светлость... — воскликнул Ван, отбивая поклон.

— Тогда выкладывай, да только все по порядку. Если будет в твоих словах смысл, получишь награду, если нет — быть тебе битым!

— Моя жена раньше служила в доме Суня — старшего стряпчего из нашего уездного ямыня. Как-то один ворожей нагадал Суню, что он умрет в том же году, в том же месяце, в тот же день, ровно в третью стражу, то есть ночью. Так и случилось. Сунь, точно, скончался. Хозяйка вышла потом замуж за Младшего Суня из нашего же ямыня, а Инъэр (так зовут мою жену) отдала мне в жены. В первый раз моя жена увидела хозяина на кухне. У него на шее была колодезная решетка, волосы всклокочены, язык вывалился изо рта, а из глаз лились кровавые слезы. Он сказал ей: «Инъэр! Ты должна мне помочь!» Во второй раз он явился ей ночью возле ворот дома. На нем уже была шелковая шляпа с отворотами будто крыльями, пурпурный халат, перевязанный поясом, украшенным роговыми пластинами. На этот раз он дал жене сверток с серебром. В третий раз он явился жене судьей из загробного царства, а случилось это в Зале Воздаяния. Он дал ей эту самую бумагу

и велел передать жалобу в ямынь. По обличью своему он был вылитый Сунь — ее прежний хозяин.

— Вот, оказывается, в чем дело! — усмехнулся судья и тотчас приказал подчиненным привести к нему Суня вместе с женой. Через некоторое время стряпчий Сунь и женщина стояли перед судьей.

— Хорошеньких дел вы натворили! — вскричал Бао.

— За мной нет никакого проступка! — проговорил Сунь.

— Может быть, объяснишь, что означает такая фраза?.. — Бао Чжэн показал ему надпись: «Сын старшей дочери и сын младшей дочери», а потом стал ее сам объяснять:

— Известно, что сын дочери есть внук, а внук обозначается иероглифом «Сунь», который используется и как фамилия. Значит, речь идет о стряпчем по фамилии Сунь. Теперь такая фраза: «Первый впереди пахнет, а второй собирает плоды». Это значит, что ты получил его жену и захватил его богатства. А о чем говорят такие слова: «Чтобы узнать о случившемся в третью стражу, надобно воду открыть под огнем». Как известно, Сунь умер ночью в третью стражу. Чтобы выяснить причину смерти, следует «воду открыть под огнем». Как известно, Иньэр увидела хозяина возле очага. Он был со всклоченными волосами, вывалившимся языком, а глаза его кровоточили. Это значит, хозяина удавили. А причем тут колодезная решетка? Колодезь — это значит вода, очаг — огонь. Поэтому сказано: «Вода под огнем». Очевидно, очаг в доме сложен над колодцем и тело надо искать там. И, наконец, последнее: «В будущий год, во вторую иль третью луну...» — это означает сегодняшний день. И самые последние слова: «фраза кончится и загадают ее». «Фраза кончится» состоит из двух иероглифов. Соединенные вместе, они образуют иероглиф «Бао». Таким образом, некий Бао, заступив на свой пост, загадает смысл этих слов и отмстит за невинно убитого.

Бао Чжэн приказал стражникам тащить стряпчего Суня в его дом и там искать тело убитого, а потом продолжить допрос. Надо вам знать, стражники шли, охваченные сомнениями, но, разобрав очаг, они действительно обнаружили каменную плиту, которая закрывала горловину колодца. Стражники позвали рабочих и велели им вычерпать из колодца воду. Потом в колодец спу-

стили человека в корзине. Он принялся шарить багром и выловил тело, которое сейчас же вытащили наружу. Многие из присутствующих сразу признали Суня, потому что лицо стряпчего почти не изменилось. На шее мертвеца болталось полотенце, которым его удавили. Младший Сунь онемел от ужаса. Да и остальные присутствующие стояли, объятые ужасом.

Как же все произошло? Оказывается, в свое время Старший Сунь спас Младшего Суня, который во время метели чуть было не замерз на дороге в снегу. Стряпчему понравился паренек, и он стал учить его грамоте, а потом писать разные бумаги. Стряпчий, конечно, никак не мог подумать, что парень может спутаться с его женой. В злополучный день гадания Младший Сунь прятался в его доме. Услышав, что ворожей нагадал стряпчему смерть в третью стражу, злодей подговорил хозяйку напоить мужа допьяна, ночью убил его, а тело бросил в колодец. Сам он, прикрывши лицо рукой, побежал к реке и швырнул в воду большой камень. Раздался громкий всплеск. Все соседи тогда решили, что это упал в воду Сунь. Потом Младший Сунь поставил очаг над горловиной колодца. А вскоре Сунь объявил о свадьбе.

Обо всем, что произошло, как и положено, доложили судье Бао. Младший Сунь и жена без пыток сознались в своем преступлении, и их обоих приговорили к смерти. Так они заплатили за жлзнь стряпчего. Бао сдержал свое слово и наградил Вап Сина десятью ляннами серебра, из которых три лянна тот отдал письмоводителю Пяю. Но об этом распространяться не стоит. Надо сказать, судья Бао, совсем недавно занявший свою первую должность, после решения этого сложного дела сразу прославился во всей Поднебесной. До сего времени люди говорят, что Бао Драконова Печать днем судит людей, а ночью — духов. Есть такие стихи в подтверждение:

В словах и делах таится загадка,
но как ее разгадать?
А Бао тайну раскрыл и заставил
демопов трепетать.

Надо, чтоб весть об этом событии
до всех злодеев дошла.
Пусть они знают, что мудрое Небо
никогда не потерпит зла.

БУНТ ВАН СИНЬЧЖИ

Когда-то седая старуха
у дамбы Суди¹ жила.
Не ведал никто в округе,
сколько ей было лет.
На юг она перебралась
за двором императорским вслед²,
И часто о жизни в Бяньляне
она рассказы вела.

Однажды спросил владыка
о деяньях былых времен,
И, услышав ответ старухи,
император был огорчен.
Тогда ухи ароматной,
той, что варила сама,
Она поднесла государю,
и тот был доволен весьма.

Рассказывают, что в годы Небесного Пути и Ясного Сияния³ Великой династии Сун на престоле страны был Сяоцзун, а его царственный родитель — государь Гаоцзун, которого величали Великим Владыкой, к тому времени уже удалился на покой. В ту пору с соседним государством Цзинь⁴ страна жила в мире, а потому повсюду в ее границах царило спокойствие. Позабыв о сражениях и войнах, государь Сяоцзун обратился к мирным деяниям, разделяя с народом радости счастливого бытия. Нередко вместе со своим царственным родителем он отправлялся в драконовой ладье⁵ на озеро Сиху, дабы порадовать глаз окрестным пейзажем. Во время государевых прогулок власти позволяли мелким торговцам заниматься своим ремеслом и не чинили им запретов, поэтому торговля на берегу шла бойко и оживлен-

но. Надо вам знать, что только питейных заведений здесь было более ста.

В те далекие годы в местах, о которых идет сейчас речь, проживала некая Сун — хозяйка винной лавки, однако чаще ее звали Пятой Тетушкой Сун, так как она родилась в семье пятой по счету. В свое время она жила в столице, где снискала себе славу как великая мастерица варить уху. В годы Созидательного Сияния⁶ она вслед за двором переехала на юг и поселилась возле дамбы Суду. Однажды ладья, в которой находился правитель, пристала к берегу, и государь услышал голоса людей, говоривших на столичном наречии. Он послал в лавку придворного, и тот привел к нему старую женщину. Лишь один человек из свиты государя — престарелый евнух узнал известную мастерицу варить уху, Пятую Суп, которая в стародавние времена служила в Бяньцзине в питейном заведении под названием Башня Паня. Вспомнив былые годы, государь погрустнел. Он велел старухе подать ему миску ухи и, вкусив ее, пришел в такой восторг, что сразу же заплатил хозяйке сто монет. Само собой, история о тетушке Сун мгновенно распространилась по всей Линьани. Отпрыски знатных фамилий — все богатые и именитые люди — толпой повалили к Пятой Тетушке Сун, чтобы отведать знаменитого блюда. Очень скоро старуха благодаря своему кушанью сколотила целое состояние. По этому случаю уместно вспомнить такие стихи:

Неужели миска простой ухи
так ценилась тогда?
Просто растрогался государь,
вспомнив былые года.

Вельможи платили тройную цену,
чтоб отведать рыбной стряпни —
Надеялись вместе с ухой купить
государеву милость они.

В другой раз государева ладья проплывала возле Оборванного Моста⁷. Государь вышел на берег прогуляться и тут невдалеке заметил изящного вида строение, по случайности также оказавшееся винной лавкой. В зале стоял экран, на белой стенке которого были начертаны стихи, сложенные на мотив «Ветер в соснах».

Все покупают цветы,
 когда наступает весна.
 Гуляют по берегам Сиху,
 захмелев от вина.
 Моя гнедая необычайно умна —
 к озеру знает дорогу она
 И тотчас заржет, если вдали
 винная лавка видна.
 Среди алых цветов абрикоса
 звонкая песня слышна.
 Ввысь взлетают качели
 в тени тополей густых,
 Легкий ветер ласкает
 лица красавиц молодых,
 И нежно цветы касаются
 пышных причесок их.
 По воде скользят
 расписные челны,
 Люди от дымки озерной
 чувств весенних полны.
 Выпьем остаток вина —
 уже светлеет восток,
 И среди расцветших цветов
 прекрасный отыщем цветок.

Стихи привели высокого гостя в восторг. Он спросил хозяина, кто автор.

— Их сочинил один ученый по имени Юй Гобао. Помнится, в тот день он был в сильном подпитии, — ответил хозяин.

— Прекрасные стихи, — улыбнулся государь. — Пожалуй, лишь последние строки звучат несколько уныло. — Государь потребовал кисть и вместо строк «выпьем остаток вина» написал: «Новый день наступает, а я все такой же хмельной». Потом он повелел вызвать к нему Юй Гобао и тут же назначил его на должность Ожидающего Приказы⁸ в Академии Ханьлиней. С тех пор как в питейном заведении появилась строка, написанная рукою государя, там не стало отбоя от посетителей. Они приходили лишь для того, чтобы взглянуть на надпись, сделанную владыкой, но, само собой, оставались выпить вина, отчего хозяин лавки быстро разбогател. Впоследствии кто-то сложил стихи об ученом Юй Гобао, которому улыбнулось счастье.

Однажды некий пьяный ученый
 в лавке стихи написал.
 Он и не думал, что эти стихи
 государь удостоит похвал.

Вы, верно, спросите, кто же еще
прославился и преуспел?
Хозяин лавки, Вэй Неизвестный,
неожиданно разбогател.

Есть и другое стихотворение, сложенное в похвалу
хозяину питейного заведения.

Государь в стихах исправил строку
собственной рукой.
Еще не высохла тушь, а народ
в лавку потек рекой.

Теперь в захудалой лавке толпятся
люди и ночью и днем.
Поистине, государева милость
схожа с обильным дождем.

Надо вам знать, что в те мирные годы Южной династии Сун великое множество людей неожиданно удостоились благоволения и милости двора. Однако ж бывало и по-другому: немало людей, владевших литературным талантом, а также героев-рыцарей, имевших ратные заслуги, так и не встретились со счастливой судьбой. Напротив, став мишенью для насмешек и клеветы подлых людишек, они попадали во всякие истории, а нередко вокруг них слагалось немало презабавных рассказов. Недаром говорят: судьба! — и правда:

Ветер в беседку Тэнского князя⁹
залетит при счастливой судьбе.
А ударит молния в стелу Цзяньфу,
значит, нет удачи тебе¹⁰.

В годы Небесного Пути в уезде Суйань близ Яньчжоу¹¹ жил пекий богач Ван Фу, или Ван Шичжун, в свое время рекомендованный на экзамены в столицу. Деньги, которыми он обладал, помогли ему подмять под себя всю волость и держать в руках местные власти. Словом, жители тамошних мест считали Ван Фу суцим деспотом и злодеем. В конце концов, совершив смертоубийство, он попал под суд, и его сослали в Цзяньфу округ провинции Гуандун¹². Однако, воспользовавшись знакомством с вельможей Чжаи Цзюнем, имевшим титул Вэйского гуна¹³, он сумел получить прощение, ссылаясь на свои заслуги при наборе в государевы солдаты. Вернувшись в родные места, он принялся умно-

жать свои богатства и вскоре разбогател еще больше. У Ван Фу был брат (его звали Ван Гэ, или Ван Синьчжи) — человек, надо заметить, весьма одаренный как в ратном деле, так и в литературном. С малых лет братья жили вместе. И вот однажды за чаркой вина Ван Фу позволил себе злую шутку. Братья повздорили, и Ван Синьчжи, обидевшись, ушел из дома.

— Не вернусь до тех пор, пока не заработаю тысячи золотых, — сказал он себе.

Так и получилось, что вышел он из дома лишь с одним зонтом и без единой монеты в кармане.

«Куда ж мне идти? — подумал он. — Может быть, в Хуайцин? Я слышал, что в тех краях можно хорошо подработать, занимаясь землепашеством или ремеслом. Пойду туда, а там видно будет».

Но как отправляться в дальний путь без денег? И тогда он вспомнил о ратном деле, коим занимался с юных лет: умел он колоть пикой, вертеть дубинкой, владел искусством кулачного боя. Как говорится, он мог показать разные способы боя, стоило только закатать рукава халата. Почему бы и сейчас не поучить других приемам кулачного искусства или владения копьём, пользуясь вместо оружия обыкновенным зонтом? Глядишь, кому-нибудь понадобится его мастерство и он заработает несколько вэпей на закуску и выпивку. Так он и сделал.

Прошло несколько дней. Ван Синьчжи переправился через Янцзы и пошел по дороге на Аньцин¹⁴. Возле города он пересек Сусун, а через тридцать ли оказался в местечке Мадино — Конопляный Склон. Никакого жилья вокруг. Лишь дикие пустынные горы, да ветхая полуразрушенная кумирня. Заметив в окрестных горах много сучьев и хвороста, он подумал: «А что, если устроить плавильню? Топлива здесь пропасть. Может быть, на этом разбогатею?»

Он поселился в кумирне и, набрав себе подмастерьев — людей без роду и племени, принялся заготавливать уголь. На вырученные от его продажи деньги он купил железа и развернул плавильное дело. Изделия, которые изготовлялись в его мастерской, везли потом в город на продажу. Надо сказать, что среди подмастерьев, которые овладели у него разными ремеслами, он снискал большое уважение своей добротой и справед-

ливостью. Через несколько лет Ван Синьчжи разбогател так, что построил в Мадипо огромный дом с множеством комнат и построек и послал человека в Яньчжоу за женой. А вскоре ему удалось еще приобрести питейное заведение, которое стало приносить немалую прибыль.

Как-то Ван Синьчжи услышал, что в уезде Ванцзян есть озеро Тяньхуанху — Небесная Пустошь, в окружности что-то около 70 ли, не более. Несколько сотен семейств здесь занимались рыболовством и добычей камыша. С помощью ссуд и всяких займов Вану удалось подчинить себе тамошних рыбаков, и те стали платить ему ежегодную подать. Он приобрел такую силу, что вскорости под его власть попала вся округа Мадипо. Любое дело он предпочитал решать самолично и по своему усмотрению. Из дома он выезжал вооруженный мечом или кинжалом, в окружении челяди, — ну прямо как знатный сановник. Окрестная гольтыба валила к нему валом. Многие готовы были отдать ему последний кусок, а иные — даже пожертвовать своей жизнью.

Большие деньги помогли Ван Синьчжи завести связи с чиновниками из уезда и волости. Тех, кто с ним ладил, он щедро угощал вином, а тех, кто осмелился пойти против него, мог и погубить. Иной раз, чтоб ослабить противника, он посылал своего человека с жалобой к властям, а порою приказывал прикончить врага где-нибудь на дороге без следов и лишнего шума. Да, не зря все боялись Ван Гэ, и те, кто водили с ним знакомство, испытывали тайный страх. По этому случаю можно вспомнить такие слова:

Будто Го Цзе возродился вдруг
Или Чжу Цзя с удалцами своими¹⁵.
Властвует он надо всеми вокруг,
Повсюду гремит его имя.

В этом месте наша история разделяется на две части, и сейчас мы поведем рассказ о другом человеке — Хуанфу Ти, который служил военным инспектором в Цзянхуае¹⁶. Это был муж широкой натуры и щедрый, обладавший поистине рыцарской душою. Он собрал у себя в доме удалцов со всех четырех сторон. Отобрав из них самых отважных, он дал им много денег, зерна и принялся с утра до вечера обучать боевому ремеслу

свой отряд, назвав его Ратью Верных и Справедливых. Как раз в это время первым министром при дворе был некий Тан Сытуй, который уже давно завидовал славе Хуанфу и замыслил передать его должность своему ученику Лю Гуанцзу. Однажды он подговорил верного человека — столичного ревизора, и тот подал государю бумагу о том, что Хуанфу Ти пускает-де деньги и казенный провиант на ветер, он собрал вокруг себя разных нечестивцев да лиходеев, которые с врагом не воюют, в поход не идут и в один прекрасный день могут, мол, создать для этих мест большую опасность. Двор повелел снять Хуанфу с поста, а на его место назначили Лю Гуанцзу, человека, к слову сказать, трусливого и жестокого. Желая угодить первому министру, Лю принялся все делать обратно тому, что до него делал Хуанфу, а первое — распустил Рать Верных и Справедливых и не разрешил удалцам в дальнейшем селиться в этих местах, чтобы, как он сказал, не создавать лишних осложнений. Увы, усилия, которые много лет прилагал Хуанфу для обучения воинов, оказались затраченными впустую — его отряд разогнали. Часть воинов вернулась в родные места, а другая — ушла в зеленые леса.

В свое время в отряде Хуанфу служили два брата, уроженцы Цзинчжоу: Чэн Бяо, или Барс, и Чэн Ху — Тигр, большие мастера ратного дела. После того как Лю Гуанцзу их прогнал из отряда, они быстро растратили деньги, что им удалось скопить, и оказались на мели. Куда податься? И братья вспомнили про наставника Хун Гуна, который, по слухам, держал чайную в Амбарном Переулке, что у южных ворот уездного города Тайху. И правда, почему бы к нему не пойти? В свое время Хун тоже был военным, и братья водили с ним знакомство. Быть может, он даст дельный совет, а то, глядишь, и поможет деньгами. Братья сложили свой скарб и отправились в Тайху на поиски старого друга. К счастью, Хун Гун оказался на месте. Они поздоровались, поговорили о том и о сем и сообщили хозяйну о цели своего визита. Вечером Хун зарезал курицу, приготовил разных угощений попотчевать гостей, но ночевать в своем скромном жилище все ж не оставил. Он проводил братьев в кумирню, что стояла напротив, и там они провели ночь. На следующее утро Хун пригласил их к себе, а во время завтрака показал письмо.

— Вы прибыли издалека, — сказал он, — и мне следовало бы оставить вас у себя. Однако живу я, как видите, слишком бедно, чтобы принять вас как следует. Но у меня на примете есть одно место, куда вы можете сейчас же отправиться. Думаю, оно придется вам по душе. Быть может, заработаете там немало.

На конверте братья разобрали слова: «Письмо, адресованное господину Ван Синьчжи с Конопляного Склона, что в Сусунском уезде». Братья поблагодарили хозяина и двинулись в путь. Добравшись, как было им наказано, до Мадипо, они нашли Вана и передали ему письмо Хун Гуна. Ван Синьчжи распечатал конверт. «Ваша милость, господин Синьчжи, Вам кланяется покорный слуга Хун Гун. С момента нашей разлуки я то и дело вспоминал Вас. Настоящим сообщаю, что братья Чэн по прозванию Барс и Тигр, служившие в Рати Верных и Справедливых, являются большими мастерами военного дела. Однако ж начальство их рассчитало, и они оказались без дела. Я ручаюсь за них и прошу оставить у себя. Ваш отпрыск может получить от них большую пользу. Одновременно сообщаю, что в нашем уезде имеется несколько озер с богатым промыслом. Помните, Вы, Ваша милость, много раз хотели приехать и посмотреть собственными глазами, однако до сих пор не изволили пожаловать в наши места. Стоит ли медлить? Надеюсь, Вы сумете выкроить время и нас посетить. Если Вам удастся приобрести приозерные земли, Вы можете открыть весьма прибыльное дело».

Письмо обрадовало Вана. Он щедро угостил гостей, а потом позвал сына Ван Шисюна, чтобы тот тоже приветствовал воинов. Братьям выделили помещение в доме, и они остались. С того дня Чэн Барс и Тигр стали жить в поместье Вана, с утра и до вечера обучая сына хозяина стрелковому делу и верховой езде, а также искусству владения копьём и палицей.

Незаметно пролетело больше трех месяцев. Однажды Ван должен был отправиться по своим делам в Линьянь. Узнав об отъезде хозяина, братья решили, что им тоже пора уезжать, и пришли проститься.

— Куда вы теперь пойдёте, почтенные? — поинтересовался Ван.

— Вернёмся в Тайху к паставнику Хуну, — ответили воины.

Хозяин написал Хуну письмо и передал братьям. В это время вошел сын.

— Отец! Мне бы хотелось, чтоб они остались у нас еще немного. Пусть поучат меня ратному делу — ведь я еще не овладел им в совершенстве.

Отец согласился.

— Если мой Шисюп говорит, что не полностью овладел вашими секретами, тогда оставайтесь еще месяца на два и дожидайтесь моего возвращения.

Настойчивая просьба хозяина побудила братьев остаться, а Ван Сипьчжи уехал в Линьань. Покончив с делами, он собрался было возвращаться домой, как вдруг при дворе поползли слухи, что царство Цзинь будто бы снова нарушило союз. Государь потребовал немедленно составить план обороны страны. Подготовил свой доклад и Ван Сипьчжи. В нем, в частности, говорилось, что заключение мира с государством Цзинь было большой ошибкой. «Хотя наша страна и живет в спокойствии, — писал Ван, — однако невнимания к возможности войны никак нельзя допустить. Одним из важных районов на юго-востоке является Цзянхуай, а посему следует считать непростительным упущением роспуск Рати Верных и Справедливых». В заключении своего доклада он писал: «Ваш бесталанный слуга готов повести за собой верных солдат двух районов Хуай¹⁷ на передние рубежи отчины, дабы вернуть Среднюю Равнину и отмстить за причиненные обиды. Именно так Ваш мелкий подданный готов выразить свою преданность».

Ознакомившись с бумагой Вана, государь тотчас повелел собрать Тайный Совет, с тем чтобы обсудить предложения. Надо вам знать, что вельможи Совета, отличавшиеся крайней робостью и нерешительностью, насколько не торопились. Недаром есть хорошая поговорка: «Роят колодец лишь тогда, когда обуяла их жажда». Или еще: «Стоит ли подкладывать хворост, коль огонь еще не вспыхнул?» Так думали эти сановники двора. К тому же бумага исходила от человека в холщовой одежде, то бишь простолюдина. К чему ради него ломать заведенный этикет? И вообще, кому точно известно, что варвары из страны Цзинь действительно пошли войною? Одним словом, вельможи из Совета решили государю ничего не докладывать, отделавшись лишь

приятными речами. Но, на всякий случай, Ван был оставлен при дворе. Вот почему он задержался в Липьяни и не смог вовремя вернуться домой. Вот уж поистине:

Не сыскать при дворе дельных людей,
коль ослабела страна:
Простолюдин свой план предложил,
но отвергли его вельможи.
Вкопеец истрепалась соболья шуба,
золотая иссиякла казна...
Зачем отправил письмо в Сяньян? ¹⁸
Вана раскаянье гложет.

Здесь наш рассказ снова разделяется на две части, и мы возвратимся к братьям Чэн, которые остались в доме Вана и прожили здесь чуть ли не год. За это время они передали Ван Шисюну все свои знания, надеясь при этом, что он не останется в долгу. Сын Вана действительно хотел щедро их наградить и ждал лишь возвращения отца, а тот все не ехал. Братьям надоело бесполезное ожидание, и они настойчиво заявили об отъезде. Ван Шисюн раз-другой пытался уговорить их остаться, однако братья стояли на своем. У молодого хозяина больших денег под рукой не было, ему удалось собрать всего пятьдесят лянов серебра — каждому по двадцать пять. Кроме того, он подарил братьям два набора одежды. Во время проводов, устроенных в их честь, Ван Шисюн сказал:

— Мои почтенные и мудрые наставники, я должен был гораздо щедрее наградить вас за то искусство, которое вы мне преподали. Однако мой родитель надолго задержался в Линьяни, между тем вы твердо решили уехать. Сейчас у меня нет больших денег — всего лишь вот эта мелочь, которой вам хватит на дорожные расходы. Если в будущем вы окажетесь в наших местах и заглянете к нам, мы отблагодарим вас сторицей.

Разочарованные скудным даром, братья, однако, не высказали своего огорчения, но про себя подумали: «Учитель Хун говорил, что оба Вана, старший и младший, не только справедливы, но и щедры. Он сулил нам солидные деньги. Мы специально приехали сюда, прожили целый год, и вот на тебе — нам подбросили мелочь, которой хватит лишь на дорожные расходы. Это даже меньше, чем получали в нашем отряде. Если бы

знать, что все так обернется, давно бы распрощались с этим домом... ещё тогда, когда хозяин был здесь, и получили бы те же деньги на дорогу... Что же делать? Ждать его возвращения? Вроде неудобно — ведь уже устроили проводы». И недовольные гости стали прощаться. Они попросили младшего Вана написать письмо Хуну, но тот, к слову сказать, не слишком сведущий в грамоте, ограничился тем, что отдал им послание, которое когда-то написал отец, и велел передать Хуну привет. Проводив гостей, он вернулся домой.

В этот вечер братья, сильно уставшие в пути, решили заночевать на постоялом дворе. За чаркой вина они поделились друг с другом своими обидами и разочарованием.

— Прикинулся бедняком и вел себя будто трехлетний младенец, — сказал Чэн Тигр. — Лишняя сотня связок монет у него, наверное, нашлась бы... Так упизить друзей!

— Молокосос прижимист, это точно, но все ж у него есть какая-то совесть, — заметил Чэн Барс. — А вот его распроклятый родитель — тот действительно хорош! Оставил нас силой и не оказал никакого уважения! За несколько месяцев не прислал нам ни строчки! Перед отъездом небось клялся, что, когда вернется, проводит нас самым торжественным образом, а сам будто сгинул. А если и через десять лет не вернется? Изволь его ждать все это время?

— Да, не выйдет из него хлебосола Мэнчана¹⁹, — согласился Тигр. — Единственно, на что он способен, — это творить безобразия в своей волости, пользуясь силой и властью. А как дело доходит до денег — даже сыну их тронуть пальцем не позволяет. Ничтожество!

— И этот Хун... тоже хорош! Совсем не разбирается в людях, — заметил Барс. — Послал сюда, будто нет у него других знакомых!

Беседа братьев затянулась до полуночи. К этому времени они успели сильно поднагрузиться.

— Послушай! — вдруг сказал Чэн Тигр. — Интересно, что написал Ван наставнику Хуну. Давай вскроем письмо и прочитаем!

Барс, достав из сумы письмо, отмочил склеенное место и вынул послание из конверта. В письме говорилось:

«Наставнику Цзыцзину низкий поклон от ученика Ван Гэ. В ответ на Ваше письмо сообщаю. За долгие годы нашей разлуки я часто вспоминал Вас. Можете представить мою радость, когда я получил Ваше послание. Прочитав его, я будто увидел Вас перед собой. Вы послали ко мне братьев Чэн, чтобы я их приютил в своем доме, а они обучили бы моего сына ратному делу. Сейчас они вдруг решили уехать, а мне, между тем, предстоит поездка в Линьянь. Так получилось, что я не смог, как положено, отблагодарить их, чем крайне смущен, ибо не сумел оправдать цель визита». В конце письма была строка, написанная мелкими иероглифами: «Особо сообщаю Вам, что я исполню свой долг по возвращении из Линьяни, откуда собираюсь вернуться к осенним холодам. Ван Гэ бьет челом!»

— Толстосум! Мог бы раскошелиться сразу, при знакомстве! — воскликнул Тигр в сердцах. — К нему приехали специально, а он, видите ли, назначает сроки, будто мы батраки или арендаторы... И еще заявляет, что мы, мол, торопимся с отъездом, а потому он не может щедро нас одарить! Ясно, что он с самого начала не собирался тратить!

Чэн Тигр хотел было разорвать письмо или сжечь, но брат его остановил и снова спрятал послание в свою суму.

— Учитель Хун замолвил за нас слово, и мы должны передать ему ответ, — сказал он. — Пусть знает, что мы возвращаемся с пустыми руками. Как говорят: не досталось ни капли навара!

— Верно! — буркнул Тигр.

Братья пошли спать, о чем можно и не рассказывать, а на утро снова тронулись в путь. На третьи сутки они добрались до уезда Тайху и сразу же отправились к Хун Гуну, которого застали в чайной. Гости и хозяин, как положено, обменялись приветствиями. Надо вам знать, что в свое время Хун взял себе наложницу по имени Сии. Эта трудолюбивая женщина не гнушалась никакой работой: хлопотала по дому, смотрела за тутовым шелкопрядом, ткала пряжу. Понятно, что Хун Гун души в ней не чаял. Прилежная и расторопная, Сии, однако, была на редкость прижимиста: не подаст гостю даже чашку простой воды. В первый раз, когда братья приехали к Хуну, хозяин отправил их но-

чевать в кумирню, но ужин и завтрак устроил у себя, из-за чего женщина ворчала на него несколько дней. Поэтому во второй раз он остерегся потчевать гостей или, тем паче, — дарить им деньги. И все же он решил подарить братьям несколько кусков шелка, который ткался в его доме. Опасаясь, что женщина будет недовольна, он спрятал четыре куска за пазухой и собрался уже выйти к гостям, как вдруг перед ним появилась сама Сии.

— Старый дурень! Куда ты потащил эти куски?

Хун Гуну не удалось скрыть правду.

— Братья Чэн — мои давние друзья... — стал объяснять он, будто извиняясь. — Они пришли издалека, а сейчас возвращаются домой... Мне нечего им подарить, кроме этого шелка. Позволь мне взять, не упрячься!

— А ты знаешь, сколько сил я потратила, чтобы его выткать? Задаром отдавать не позволю! Если у тебя есть свой, ты его и дари. Меня это не касается! — ответила Сии.

— Это же мои друзья, издалека пришли поведать меня... А я даже чарку вина им не поставил! Неужели тебе жалко каких-то четырех кусков?.. Женушка моя ненаглядная! Уважь! Дай мне их отправить по-хорошему, а я тебе что-нибудь подарю! — Мужчина направился к двери, но женщина схватила его за рукав.

— Твердишь, что они пришли издалека, как друзья?.. Я уже в тот раз их кормила. И сейчас на них тратиться больше не собираюсь! Из этого шелка мне платье себе жалко сделать, а ты хочешь его отдать! Будто они наши родственники! Если им нужен мой шелк, пускай выкладывают деньги!

Чувствуя, что гости его заждались, а женщину все равно не унять, Хун рассердился, рванул рукав своего халата и пошел к выходу. Сзади раздался пронзительный визг.

— Бесстыдники, бродяги! Были бы хоть родственники, а то невесть кто! Голову пришли нам морочить! Занимался бы лучше своим делом, попрошайки!.. Будто у нас, у мелких торговцев, богатства горы!.. А у нас шаром покати. Если другим помогать — себя обобрать!.. И мой дурень хорош! Старая бестолочь! Водит в дом разных бездельников да бродяг, а ты корми их всех

подряд!.. Хотела бы я видеть этих дружков, когда у нас котел опустеет! Наверняка и рисинки не подадут!

Женщина изрыгала свои проклятья, намеренно подойдя вплотную к ширме, которая прикрывала дверь. Братья Чэн, конечно, слышала перепалку и каждое слово брани, которую хозяйка обрушила на них. Чаша терпения их переполнилась. Не простившись с хозяином, братья взяли свои пожитки и пошли прочь. Сзади послышался крик Хуна, который бросился вдогонку.

— Не обращайтесь на нее внимания, почтенные! Эти два дня баба просто не в себе, наговорила невесть что — всяких глупостей! Прошу вас, любезные, возьмите эти четыре куска шелка вместо угощения, которое я бы должен устроить. Не обессудьте, что так мало даю!

Однако братья наотрез отказались. Пришлось Хуну нести шелк обратно, чему Сии была весьма рада. Правильно говорится:

Женщины очень скупы —
давно известно о том.
Даже жалкий медяк
у них вырываешь с трудом.

Так случилось и ныне,
опозорила мужа жена:
Связи его с друзьями
разорвала злобно она.

Бережливость и рачительность женщины — качества, понятно, прекрасные, но особенно если они сочетаются с приветливостью и доброжелательностью. Что до Сии, то ее скарденность нанесла большой вред репутации Хуна. Сама Сии могла, конечно, отсидеться дома, но мужчине, как известно, положено выходить на люди. А какими глазами изволите смотреть на них? В таком случае бывшая дружба в любой момент может обернуться враждой, и быть тогда большой бедой. Еще в древности говорили: если жена умна, у супруга бед не бывает, если почтительны дети, на сердце отца спокойно.

Но оставим в стороне праздные разговоры, а лучше обратимся к нашему рассказу. Когда братья Чэн ехали к Хуну, они надеялись, что он примет их как положено, со всем благорасположением, оставит у себя, а потом даст рекомендации в какое-нибудь другое место. Однако их расчеты рухнули, и пришлось им перетерпеть не-

мало обиды и даже оскорбления, чего они никак не ожидали. Они вспомнили про письмо Ван Гэ, которое они так и не успели передать Хуну. Пришли на удивительные слова Вана о том, что-де он собирается исполнить какой-то долг по возвращении до осенних холодов... А может быть, расквитаться с этим Ван Гэ? Заявить властям, что он замыслил бунт?.. Дельная мысль! Но только осуществить ее не так-то просто. Как идти с челобитной, если в письме нет никаких доказательств?.. Правда, есть одна зацепка, которую можно использовать.

Обсудив свой план, братья отправились из Тайху в Цзянчжоу. За воротами города они отыскиали постоянный двор, где оставили скарб.

На следующий день, принарядившись, они направились в ямынь военного инспектора, побродили возле него какое-то время, присмотрелись, а потом вернулись на постоянный двор.

— Что-то мы давно не бывали возле Сюньянской башни²⁰, — проговорил один из братьев во время завтрака.

— Почему бы нам туда не сходить? — предложил второй.

Прихватив немного мелкого серебра, братья заперли дверь и направились к месту гуляний. Возле башни сновали толпы людей. Облокотившись на перила, братья стали любоваться окрестным пейзажем. Вдруг кто-то схватил Барса за рукав.

— Эй, брат Чэн, давно не виделись!

Барс обернулся. Перед ним стоял Лысый Чжан, который служил сыщиком в областном ямыне.

Барс позвал брата, стоявшего поодаль, и все трое церемонно раскланялись.

— Может, выпьем по чарочке? — предложил Барс. — Посидим, потолкуем. Здесь не поговорить!

Прятели нашли свободное место в одном из питейных заведений и велели слуге принести вина.

— Я слышал, вы жили в поместье Вана, обучали там ратному ремеслу? Вам спльно повезло! — сказал Лысый Чжан.

— Какое там повезло! — воскликнул Барс. — Чуть до беды не дошло! — Приблизив губы к уху собеседника, он тихо проговорил: — Этот Ван Гэ подмял под себя

всю волость... По всей видимости, замышляет бунт. Велел нам обучать его солдат военному ремеслу: стрельбе из лука, верховой езде и прочему... Надо тебе сказать, что в поместье у него песколько тысяч человек. Мы их всех обучали. Этот Ван Гэ имеет связь с Хуном из Тайху — наставником Хуном, как его еще кличут. Вместе с ним он осенью собирается поднять мятеж. Ван просил нас связаться с его старыми приятелями из отряда Верных и Справедливых, но мы отказались и ушли...

— А какие у вас доказательства? — заинтересовался Лысый.

— Он велел нам передать Хуну письмо, но мы его не отдали, — ответил Тигр.

— Где оно? Дайте взглянуть!

— На постоялом дворе.

Они вышли и, расплатившись, пошли на постоянный двор.

— Держите язык за зубами! — Это секрет огромной важности! — сказал Лысый, познакомившись с посланием Ван Сицзюжи. — Я доложу о нем военному инспектору. Уверен, что вас ждет крупная награда!

И они расстались.

На следующий день Лысый Чжан тайно доложил о вчерашнем разговоре военному инспектору Лю Гуанцзу, который немедленно распорядился посадить братьев в тюрьму для дачи показаний, а письмо направил в Тайный Совет. Перепуганные сановники, посоветовавшись между собой, пришли к решению без промедления арестовать Вана, который в это время служил в областной управе, и учинить ему строгий допрос. За ним послали стражников, но оказалось, что Ван уже исчез. Человек, как нам известно, справедливый, Ван полюбился многим служащим Тайного Совета. Кто-то рассказал ему о доносе, и Ван той же ночью скрылся из города. Встревоженные его исчезновением, сановники Тайного Совета отправили Сыну Неба докладную бумагу, а государь тотчас повелел арестовать Ван Гэ вместе с Хун Гуном. Военный инспектор Лю, которому поручили выполнение приказа, направил его аньцзинскому правителю области Ли, а тот отдал распоряжение об аресте властям уездов Тайху и Сусун.

Надо сказать, что наставник Хун имел в уездной управе Тайху свои глаза и уши, поэтому, прослышав о

приказе, он тотчас же скрылся. Ну, а Вану бежать было труднее, так как у него была большая семья, не говоря уже о громадном хозяйстве.

В то время, о котором идет наш рассказ, должность уездного оставалась свободной и обязанности начальника уезда исполнял чиновник по имени Хэ Нэн. Получив приказ начальника области, он немедленно собрал отряд из двухсот солдат и направил его к Копоплянному Склону. Отряд прошел всего десять ли, а Хэ Нэна стали одолевать сомнения.

«По слухам, этот Ван и его сын отличаются отвагой и воинственностью,— думал он, покачиваясь в седле.— К тому же у них всегда под рукой свыше тысячи человек рыбаков и прочего люда. Лезть туда — все равно что накинуть себе на шею петлю!»

Посоветовавшись с командиром — дутоу²¹, он принял решение отсидеться несколько дней в каком-нибудь безлюдном ущелье, после чего сделал правителю области такой доклад:

— Слухи о том, что Ван Гэ замышляет бунт, верны. В его поместье и оружие и боеприпасы находятся в полной готовности. Ваш покорный слуга не смог своими малыми силами одолеть столь многочисленного врага и вынужден был вернуться. Почтительно прошу назначить другого отважного военачальника, который принесет вам успех.

Правитель Ли вызвал к себе инспектора-дущзяня²² Го Цзэ, и тот доложил:

— Ван Гэ подмял под себя всю волость и не признает никакого начальства. Это уже тянется давно, все это так. Но где доказательства, что он замыслил мятеж? Или еще говорят, что он, мол, оказал сопротивление... А кто видел убитых или раненых? По моему неразумному мнению, войска пока посылать не следует, а надо бы все хорошенько выведать. Я готов поехать к нему сам, чтобы убедиться собственными глазами. Если у Вана нет бунтарских помыслов, следует убедить его приехать в область и дать объяснения. Если же он ехать откажется, значит, придется его наказать. И это сделать никогда не поздно!

— Верная мысль, господин дущзянь! — согласился правитель Ли. — Отправляйтесь в путь и постарайтесь тщательно все разузнать. Но только держите ухо востро!

— Я прекрасно вас понял! — ответил Го.

— Сколько вам нужно людей?

— С десятком... может, побольше, этого вполне хватит.

— Я дам вам в помощь одного моего человека, — сказал Ли и вызвал к себе сыщика по имени Ван Ли.

— Он очень силен и не знает страха, — сказал правитель, показав на сыщика, который, отвесив поклон, скромно стоял в сторонке. — Возьмите его с собой, в опасную минуту он вам пригодится!

Надо сказать, что Го Цзэ в свое время имел с Ван Гэ приятельские отношения. Поэтому, отправляясь к нему, он надеялся договориться и решить возникшее недоразумение миром. Он думал, что поедет один, и вдруг неожиданно начальник области подсунул ему сыщика Ван Ли, который, сославшись на приказ начальства, будет повсюду совать свой нос и болтать лишнее. Словом, он может загубить все дело. А что, если от него отказаться?.. Нет, это вызовет у начальника подозрение... И Го Цзэ скрепя сердце согласился.

На следующее утро Ван Ли пришел к Го Цзэ, чтобы поторопить его с отправлением.

— Не забудьте захватить с собой приказ об аресте, — сказал он и добавил: — Если этот строптивец сам придет в область, все будет в порядке. Однако ж он может заупрямиться. Тогда вы ему на шею накинете вот эту пеньковую веревку. И уж тогда, я думаю, он от нас никуда не денется... Закон есть закон!

— Приказ я, конечно, возьму, но говорить о нем сразу не стану, — ответил с неудовольствием Го. — Буду действовать по обстоятельствам!

Сыщик захотел взглянуть на приказ, и Го Цзэ был вынужден показать бумагу. Ван Ли попытался было оставить приказ у себя, однако Го воспротивился и положил его в рукав.

Го Цзэ и Ван Ли вскочили на коней и в сопровождении двух десятков всадников отправились в Сусун.

Узнав о решении Тайного Совета, Ван Гэ так и не смог понять, откуда исходят обвинения, которые ему предъявили. Поскольку никаких мятежных действий он на самом деле не замышлял, а все намерения его были чисты и понятны, он мало-помалу успокоился. Однако вскоре ему сообщили, что к его поместью направляется

Хэ Нэн с отрядом солдат. Новость заставила его настрожиться. Потом он узнал, что к нему послан дущзянь Го с небольшим охранением примерно из двадцати солдат. Подозревая ловушку, он приказал своим людям быть начеку и хорошо подготовиться к встрече. Сыну он велел с отрядом воинов спрятаться в засаде и следить за событиями, а если появятся войска, то вступить в бой.

У сына Ван Гэ была жена — дочь одного торговца солью из Тайху по фамилии Чжан. Услышав от мужа о военных приготовлениях, эта разумная женщина сказала свекру:

— Ваши ратные подвиги, почтенный свекор, давно вызывают зависть у чиновников области, и, конечно, им сразу стали бы известны мятежные планы, если бы они существовали. Но их нет. А коли так, то, по моему разумению, вам следует самому поехать в область и все разъяснить начальству. Ведь вины за вами никакой нет. Таким образом вы сможете сохранить семью. Совсем другое дело, если вы окажете сопротивление. Тогда вам припишут то, чего не было, и вам не оправдаться, даже если б вы имели целых сто ртов. Потом раскаиваться будет поздно!

— Го Цзэ — мой давний приятель, — возразил Ван. — Мы с ним сразу столкнемся.

А теперь расскажем о Го Цзэ. Добравшись до Конопляного Склона, он остановился перед воротами поместья. Хозяин уже ждал его возле входа.

— Господин дущзянь, вот уж не думал, что вы пожалуете в наше захолустье, иначе я встретил бы вас как положено.

— Я прибыл к вам не по доброй воле... Вы, очевидно, догадываетесь...

Они поклонились друг другу, и хозяин пригласил гостя в залу, где усадил на почетное место. Они обменялись церемонными фразами. Го Цзэ сразу же бросилось в глаза, что в соседних пристройках царит оживление: туда и сюда сновали люди с обнаженными мечами и копьями. В сердце закралась тревога, но он не подал вида.

— Кто это с вами? — между тем спросил хозяин, указывая на Ван Ли.

— Это — господин Ван, чиновник из сыска, его послал со мной начальник области.

— Простите за оплошность... Примите мои извинения! — Хозяин поклонился Ван Ли и приказал управляющему проводить гостя в небольшую беседку сбоку от залы. Сопровождавшие Го стражники расположились в комнатах возле ворот. Для гостей приготовили три стола с угощениями: один — для Го Цзэ и хозяина, другой для Ван Ли, а третий — для стражников, которым принесли большое блюдо мяса и жбан вина, чтобы они наелись до отвала и напились вволю. Затем хозяин пригласил гостя в кабинет и спросил о цели визита. Гость, утаив от Вана приказ об аресте, сказал:

— До начальника области дошли нехорошие слухи, и он послал меня сюда, чтобы разобраться на месте. Господин Ван, думается, вам следует самому поехать в область и объясниться. Я со своей стороны сделаю все, что в моих силах, и помогу вам. Если же вы останетесь дома, многие решат, что дело нечисто.

— Мне нужно обдумать предложение, — проговорил Ван, — а пока прошу — выпьем.

Го Цзэ искренне хотел помочь Ван Синьчжи. Поскольку сыщика Вана поблизости не было, он принялся горячо убеждать хозяина дома, но эта настойчивость вызвала у Вана подозрение.

Было душно. Воздух был насыщен влажными испарениями, как это нередко бывает в шестую луну. Хозяин предложил гостю раздеться, чтобы было приятнее пить вино, однако Го отказался. Он несколько раз пытался встать, но хозяин его не отпускал. Так они просидели с часа сы до часа шэнь²³. Трапеза все продолжалась, и хозяин по-прежнему подливал гостю вина в большую чару. Стало темно. Опасаясь, что хозяин предложит ему ночевать, Го Цзэ решительно встал.

— Все, что я вам здесь говорил, — чистая правда! Я не кривлю душой и не обманываю. Соглашаться или нет — ваше право, но надо решать скорее. А подозревать друг друга совсем ни к чему!

— Сянь! — сказал захмелевший хозяин, назвав второе имя гостя. — Вы мой давнишний приятель, и я могу говорить с вами начистоту. Меня облыжно оклеветали, правда, до сих пор мне неизвестно, откуда пошла эта лживая сплетня. Если я сейчас появлюсь в области, правитель, не разобравшись, обвинит меня во всех тяжких грехах, лишь бы только потрафить начальству.

А ведь каждому дорога своя жизнь, даже какой-нибудь мыши или птахе, не говоря уже о человеке! Спяшь! У меня есть четыреста лянов, которые я хочу предложить вам в знак своего расположения. Прошу вас оттянуть срок моей поездки на два-три месяца. За это время я свяжусь с кем-нибудь из влиятельных лиц в Линьапи, и, быть может, мне удастся убедить сановников из Тайного Совета в своей невинности. Если начальство скажет, что дела мои в порядке, тогда я покажусь в области... Не отказывайтесь от денег в память о нашей прошлой дружбе.

Го Цзэ не хотел брать денег, но, боясь обидеть хозяина, все же согласился:

— К чему этот щедрый дар? Я и так помог бы вам по старой дружбе! — Го принужденно улыбнулся. — Но, если вы настаиваете, я принимаю подарок, хотя в свое время возвращу вам его сторицей. — И он взял деньги.

Кто бы мог подумать, что как раз в этот момент возле окна стоял Ван Ли, который слышал весь разговор и видел деньги! Обиженный, что его обошли, он в сердцах грохнул кулаком по переплету окна и пьяным голосом крикнул:

— Хорош господин инспектор! Тайный Совет по приказу самого государя повелел арестовать мятежника, а дуцзянь, видите ли, принимает от него деньги и обещает оттянуть сроки! Подумать надо, до чего дошел!

А в это время рядом в засаде находился Ван Шисюн со своими воинами. Услышав крики сыщика, он выскочил из тайного места и бросился к Го Цзэ.

— Значит, у тебя есть тайный приказ императора? — воскликнул он и приказал солдатам скрутить гостя веревкой. — Отцу толкуешь о дружбе, а сам хочешь его обманом затащить в область! Погубить его собираешься!

Видя, что дело принимает дурной оборот, сыщик Ван бросился наутек, но ему преградил дорогу верзила с тесаком в руке.

— Ты куда, прохвост? — заорал детина, которого звали Лю Цином по прозвищу Тысяча Цзиней. Он был приближенным хозяина дома.

Ван Ли, выхватив из-за пазухи нож, бросился на врага, намереваясь пробиться вперед, но Тысяча Цзиней хватил его тесаком по левой руке. Сыщик Ван, перевоз-

могая боль, побежал вперед, преследуемый по пятам противником. У ворот поместья послышались громкие крики. Оказывается, дворня Ван Гэ уже рубила стражников. Через несколько мгновений все было кончено. Ван Ли понял, что с такой раной, как у него, ему далеко не убежать. Воспользовавшись суматохой, он бросился на землю, притворившись мертвым. Дворня крючьями выволокла его наружу вместе с телами убитых и бросила возле стены. Там уже громоздилась высокая куча трупов.

Когда происходило сражение, Ван Синьчжи прошел в зал, куда привели связанного Го Цзэ. Инспектора обыскали и в рукаве халата обнаружили приказ, свернутый в трубку. Разъяренный хозяин приказал отсечь посланцу голову. Го Цзэ бросился на колени.

— Я ни в чем не виноват! Это уездный Хэ оклеветал вас. Он сказал правителю области, что вы будто бы оказали сопротивление войскам, и правитель сильно разгневался. Потом правитель приказал мне ехать к вам, и я вынужден был подчиниться приказу. Если бы здесь оказался этот Хэ, вы сами бы во всем убедились, а я добровольно принял бы смерть.

— Этот пес — уездный — мог наболтать всякого вздора, но и ты хорош, тебе тоже следует отрубить твою ослиную голову! — Ван распорядился запереть Го Цзэ во флигеле. Затем он велел сыну ехать в горы, в те места, где плавилы железо, и сообщить работникам, чтобы они были наготове.

Как известно, крестьяне, живущие в горных деревнях, — народ по большей части пугливый. Прослышав о мятеже, который поднял хозяин Ван, многие сразу же убежали в дальние горы и затаились. Другое дело — рабочий люд, что трудился в плавильнях. Эти отпетые головешки явились в поместье в один миг. Свыше трехсот человек пришли по кличу хозяина и сразу же стали готовить себе провиант — резать коров и лошадей. Четверо из этих удальцов выделялись особенной отвагой и смелостью. Звали их так: Гу Четыре Восьмерки, братья Дун Третий, Дун Четвертый и Цянь по прозвищу Четыре Двойки. Вместе со всеми, кто пришел в этот день в поместье, они сидели за пиршественным столом и с удовольствием пили вино. Пиршество продолжалось до пятой стражи, пока все не наелись и не напились до-

сыта. Тут перед ними появился хозяин Ван в облачении
воина.

Волосы собраны
в большой боевой пучок.
Из белой парчи
его парадный наряд.
Сапоги до колен
туго стянул шнурок.
В талии крепко
перепоясан халат.

Торчат из колчана
несколько гибких стрел.
Поднят в руке
тяжелый меч боевой.
Кто же еще
так величав и смел?!
Живет в Мадипо
воистину славный герой.

Надо вам знать, что в конюшне у Вапа стояли три
иноходца, которые в день могли пробежать несколько
сотен ли. Кони ценились дорого — по тысяче золотых
каждый. Звали их так: Сметливый Гнедой, Караковая
Малышка и Матушка Пань.

Хозяин Ван выехал верхом на кобыле Матушка
Пань, которую вел под уздцы Лю Цип по прозвищу
Тысяча Цзиней. Облик Лю Цина можно описать так:

Борода как щетина, злые глаза,
весьма свирепый взгляд.
Рост его — целых восемь чи,
сверкает парчовый наряд.

Длинные руки — железные палки,
с каждым готов на бой.
Встретив такого богатыря,
задрожит от страха любой.

Вап Гэ выехал во главе передового отряда из сотни
бойцов. Еще триста воинов вели сзади оба Дуна и
Цянь. Ван Шисюп верхом на Караковой Малышке в
сопровождении Гуна на Сметливом Гнедом, который
вел еще свыше ста человек, возглавлял тыльный отряд.
В нем находился связанный дущзянь Го Цзэ. Трижды
прозвучал боевой сигнал, и многочисленная кавалькада
двинулась в сторону уездного города Сусуна, где Ван
Гэ собирался захватить уездного чиновника Хэ Нэна.
Поистине:

Человек и не думает
тигру вред причинить.
А тигр, однако, замыслил
того человека сгубить.

Когда до города осталось всего пять ли, стало светать. Цянь Две Четверки обратился к Ван Гэ:

— Хозяин! Чтобы захватить уездного, надо в город заслать лазутчиков. Они свяжут его и притащут сюда. А устраивать шум совсем ни к чему.

Ван Гэ согласился. Велев Цяню стоять со всеми силами здесь, он вместе с двумя Дунами и Лю Цином во главе отряда из двадцати с небольшим человек направился к городу. Возле городского рва стайка мальчишек, взявшись за руки, пела песню:

Жила-была красotka,
И звали ее Вап.
Украла как-то лодку,
Переплыла Чанцяян.
Сколько на это
Она затратила дней?
Лучше выпить чарку,
Да проку не будет в ней.

Вап Гэ, пустив коня вскачь, подъехал к мальчишкам и шугаул их. Ребятишки мигом исчезли. В душу Вапа закралось нехорошее предчувствие. Он въехал в город. Возле уездного ямыня стояла непривычная тишина, хотя был час присутствия. Вап спешился. Из ямыня, что-то бормоча себе под нос, вышел старик — ночной сторож.

— Эй! — схватил его за рукав Лю Тысяча Цзипей. — Где уездный Хэ?

— Вчера поехал в Восточную деревню по какому-то делу, еще не вернулся.

Ван Гэ велел старику показать дорогу. Они выехали из восточных ворот, а через двадцать с небольшим ли увидели величественное здание, оказавшееся Храмом Грядущего Счастья. Жители уезда приходили сюда помолиться духам, которые являли им свою божественную силу.

— Там можно узнать! — проговорил старик, указывая на храм. — Когда начальник отправляется в деревню, он непременно останавливается здесь отдохнуть.

Ван Гэ слез с коня и вошел в ворота. Монахи, пере-

пуганные воинственным видом гостя и его спутников, вооруженных сверкающим оружием, упали на колени.

— Где уездный? — спросил Ван.

— Он почевал здесь, а утром в пятую стражу уехал... Куда, не знаю, — ответил монах.

Убедившись, что сторож ямыня сказал правду, Ван Гэ отпустил его и велел своим людям готовить обед, а еще несколькими воинам разведать все вокруг и узнать, где затаился уездный чиновник. Подошел час шэнь, а новостей все не поступало. Встревоженный Ван приказал людям поджечь храм, который вспыхнул, как факел, и сгорел дотла. Отряд отправился обратно.

— Начальник! — обратился к Вану Лю Тысяча Цзиней. — Уездный хотя и скрылся, но в ямыне наверняка остались его жены и дети, которых надо взять в заложники. Он тогда мигом явится!

Ван Гэ согласился. Отряд подъехал к восточным воротам, но они почему-то оказались запертыми, хотя еще и не стемнело. Что произошло? Оказывается, сыщику, который, как нам известно, прикинулся убитым, удалось бежать из поместья и незаметно пробраться в город. Он рассказал о том, что случилось, уездному коменданту. А тот, позеленев от страха, приказал немедленно закрыть городские ворота и приготовиться к обороне, а потом направил начальнику округа срочную бумагу о том-де, что Ван Гэ поднял мятеж, истребил много людей и что его следовало уже давно арестовать.

Тем временем Ван приказал поджечь ворота и готовиться к атаке. И вдруг неведь откуда налетел чудовищный вихрь, который поверг воинов Вана в смятение. Кобыла под Ваном, тревожно заржав, отпрянула назад и встала как вкопанная. Ван Гэ, вскрикнув от неожиданности, свалился на землю. Вот уж действительно:

Не знает никто —
он мертв или жив?
Наземь упал
и недвижим лежит.

Лю Цин, заметив, что хозяин упал с коня, бросился на помощь, но тот лежал недвижимый, будто мертвый. Лю Цин, обхватив его, посадил в седло и повел лошадь под уздцы. Оба Дуна ехали по бокам. У южных ворот им повстречался Вап Шисюн с отрядом из двадцати-

тридцати человек с факелами в руках. Они прошли около двух ли, и Ван Гэ постепенно пришел в себя.

— Со мной произошло что-то странное! — воскликнул он. — Я увидел какого-то духа ростом в несколько чжанов. Он был в белом халате, а поверх — золотые латы. Сидел он на городской стене, а ноги свешивались до самой земли. Подле него толпилось великое множество воинов. В руках они держали стяги с надписью «Грядущее Счастье». Вдруг дух поддел меня ногой, и я свалился с коня. По всей видимости, божество прогневалось на меня за то, что я сжег храм, и послало эту напасть... Но все равно завтра мы вновь пойдем в бой, только дождемся, когда подойдут главные силы.

— Отец, ты еще ничего не знаешь, — проговорил сын, — от нас ушел Цянь. Видно, испугался, что оборона будет затяжной... А за ним потянулись другие. Из трех отрядов сейчас остался только один. Нам лучше вернуться домой и там обсудить, что делать дальше.

Слова сына огорчили и встревожили Вана. В это время они подъехали к лагерю. Гун, верный своему слову, остался на месте. В этом отряде по-прежнему находился и Го Цзэ, заключенный под стражу. Не помня себя от гнева, Ван Гэ поднял свой меч и рассек узника на две половины, после чего приказал отряду возвращаться в Конопляный Склон. Пока они шли по дороге, разбежалось еще много людей, и в поместье вернулось не больше шестидесяти человек. Ван Гэ был подавлен.

— Я всегда соблюдал верность и долг, — вздохнул он, — однако напелся злодей, который оклеветал меня. Как я мог оправдаться перед властями? Оставалось одно — захватить этого чиновника Хэ и, узнав от него правду, смыть свой позор. Я когда-то мечтал, что с помощью удальцов-воинов, которых найму на казенные деньги, смогу навести порядок на берегах Чанцзяна и Хуайхэ и вычистить из ямыней казнокрадов и лихоимцев... Я думал и о славе, которая придет ко мне, и о милостях двора, которые последуют за те великие подвиги, что я свершу во имя Отчизны. Но, видно, планы мои никогда не сбудутся. Увы! Такова судьба!

Ван обратился к Гуну и воинам:

— Братья! Я многим вам обязан за то, что вы верно мне служили. Но вы знаете также, что свершивший преступление рано или поздно будет пойман и наказан.

Поэтому я вам советую: свяжите меня и передайте властям. Жизнью я своей не дорожу, а вы, быть может, избежите наказания.

— Что ты говоришь, хозяин! — воскликнул Гун. — Ты был добр к нам, и мы всегда чувствовали твою заботу, поэтому нынче, в минуту смертельной опасности, мы останемся подле тебя! Не равняй нас с Цянем! Мы тебя не предадим!

— И все ж я повторяю, Конопляный Склон стал гиблым местом. Когда придут солдаты, отступать будет поздно. Вы сами знаете, что государственное дело — дело особое и пощады от властей не жди, как нечего ее ждать от тигра или удава. В общем, лучше вовремя схорониться. Может быть, Небо смилостивится, сохранит нить нашего рода, и мои потомки останутся здесь. Иначе, куда деться моей душе после моей смерти?.. — На глазах Вана навернулись слезы. Гун и другие воины, склонив головы, стояли в скорбном молчании. Ван Шисюн заплакал.

— Медлить нельзя! Утром сюда нагрянут государственные солдаты. Вы можете спрятаться на озере Небесная Пустошь. Там живет несколько семей рыбаков, на которых можно положиться.

Ван Гэ достал золото и жемчуг. Половину драгоценностей он сразу же отдал двум Дунам. Он велел им сменить фамилию и, переодевшись торговцами, идти в Линьянь и рассказывать повсюду, что Ван Гэ не мыслил мятежа, а что его довел до бунта уездный Хэ. Словом, они должны объяснить людям, как произошла досадная несправедливость. Вторую половину драгоценностей Ван передал Гуну и попросил его укрыть трехлетнего внука в волости Уцзюнь.

— Начальство, конечно, решит, что я подамся на север, дабы связаться с врагами. Вряд ли им придет мысль, что я затаюсь где-то поблизости... А когда шум позатихнет, направляйтесь в Суйаньский уезд, что под Яньчжоу — к моему старшему брату Ван Шичжуну. Он вас приютит.

Оставались иноходцы, которых Ван решил подарить друзьям, но Гун от них отказался.

— Масти они необычной, их сразу приметят. На них далеко не уедешь!

— Чужим я тоже их не оставлю! — вскричал Ван

и, подняв меч, зарубил любимых коней. Во многих местах поместья запылали костры, пламя взметнулось к самому небу. Освещенные багровыми отблесками, Ван Гэ и его друзья расстались, смахивая слезы, выступившие на глазах. Жена Шисюна, узнав о решении свекра увести мальчика, оглашая воздух рыданиями, бросилась в огонь. Да! Если бы в свое время Ван внял словам невестки, вряд ли он пережил бы такой страшный день. Правильно говорится в стихах:

Лекарство полезное
всегда горчит.
Правдивая речь
всегда огорчит.
Есть жены на свете —
помни о том! —
Что превосходят
мужчину умом.

Как бы ни каялся и ни убивался сейчас Ван Гэ, помочь было ничему уже нельзя!

Когда небо посветлело, он велел своей дворне расходиться, кто куда хочет, а сам с женой и сыном, слугой Лю Цином и еще тридцатью верными людьми направился к озеру Небесная Пустошь, что в уезде Ванцзян. На берегу стояли пять рыбацких баркасов, в которых беглецы поплыли к камышовым зарослям, где намеревались укрыться.

Здесь наша история вновь разделяется на две части, и сейчас мы расскажем об аньцинском правителе области Ли. Бумага из Сусуна привела его в смятение. Составив срочный доклад начальству, он отправил в уезд приказ собрать войска против мятежника. Военный инспектор области Цзянхуай в бумаге, представленной трону, еще больше раздул события. Вскоре Сын Неба повелел Тайному Совету дать распоряжение местному командующему гарнизоном немедленно двинуть войска всех ближних волостей против мятежников, захватить бунтарей и уничтожить. Под началом Лю Гуанцзу набралась большая армия из четырех или пяти тысяч солдат. Командующему было уже известно, что Ван Гэ сжег свое поместье и подался в плавни, поэтому он приказал воинам сесть в лодки и преследовать противника по воде, а отряду из Пинцзяна велел перерезать дорогу и преградить путь мятежникам к отступлению.

Надо сказать, что командиры государевых войск, понаслышавшись о беспримерной отваге Ван Гэ и храбрости его многочисленных сподвижников, боялись встречи с ним и не отважились углубляться в плавни. Те, что командовали войсками на суше, оставались возле Ванцзяна, а те, кому было велено преследовать врага в лодках, кружили вдоль залива у самого берега. Солдаты занялись грабежом и тратили попусту казенный провиант. Так прошло больше двадцати дней. На озере по-прежнему было тихо.

Среди государевых солдат пашлись смельчаки, которые на легких и быстрых лодках подплывали к плавням, надеясь получше разведать обстановку. Они видели вдалеке, в зарослях тростника, неисчислимые огни и слышали гул барабанов и гонгов, но приближаться не решались.

Прошло еще несколько дней, и лазутчики донесли, что огни на озере потухли, а звуков не слышно. Командиры приказали вывести суда из залива. Многочисленные лодки с развевающимися стягами, под гром барабанов и гонгов и воинственные крики солдат поплыли к середине озера. Однако никаких судов противника они там не увидели, даже рыбацкие баркасы и те пропали неизвестно куда. Солдаты осмотрели камыши, в которых недавно горели огни, и не увидели ни души. Стояли лишь несколько обуглившихся и развалившихся баркасов, а возле них громоздились кучи стружек и соломы. По мелководью бродили едва двигавшиеся от голода козы. К ногам животных были привязаны большие барабаны, издававшие громкие звуки от ударов козких копыт. Огонь поднимался от стружек и сухостоя, подожженных заранее. Значит, Ван Гэ давным-давно ушел с озера и подался по реке на восток. Командиры государевых войск, встревоженные тем, что они упустили преступника, устремились за ним в погоню. Приблизившись к устью, они заметили пять рыбацких баркасов, в которых сразу же признали те, что стояли на озере. На палубе одного из них виднелась фигура человека. Когда суда сблизились, солдаты перепрыгнули на борт и, схватив незнакомца, потащили его к своему пачальству.

— Меня зовут Папъ Су! Я мелкий торговец из Сычуаня,— закричал человек со слезами в голосе.— Три

дня назад я, закончив свои дела, вместе с родственниками на двух больших судах приехал сюда. Неожиданно мы столкнулись с бандитами, которые напали на нас со своих рыбацких лодок. Их главарь (он назвался Двенадцатым Ваном) велел нам поменяться с ними судами, потому как хотел разместить своих людей на наших больших лодках, только мы не согласились. Тогда бандиты выхватили мечи и закричали, что нас прирежут, и мы, понятно, уступили. Взгляните, милостивые господа, разве в таких посудинах доплывешь до Сычуани? Горе нам, горе! Где мы теперь найдем свои лодки?

Начальники устроили совет.

— Ясно, что лодки торговцев захватил Ван Гэ, который назвался Двенадцатым Ваном,— сказал один.— Очевидно, большинство его людей разбежалось, а оставшиеся разместились на этих судах. Теперь-то мы с ним справимся. Будем преследовать!

И они устремились в погоню.

Когда отряд добрался до Скалы Сбор Камней, они увидели на воде множество боевых судов. Оказалось, это пришли войска из Тайпинского уезда, посланные с задачей перерезать мятежнику путь, если тот попытается проскользнуть. Солдаты проверяли все проходившие мимо скалы суда. Командиры отрядов встретились, чтобы обсудить обстановку.

— Ван Гэ удалось скрыться с озера и пробраться в Япцзы,— сказал начальник войск из Аньцина.— Там он захватил два больших торговых судна, на которых разместил семью и всю свою челядь. Он должен был пройти мимо скалы, но почему-то его здесь никто не заметил, хотя я его преследовал по пятам. Не знаю, в чем дело!

— Значит, этот бандит и меня обвел вокруг пальца! — воскликнул второй командир. В его голосе слышалась тревога.— Два дня назад под вечер здесь действительно проплывали два судна, на которых ехало много людей с детьми, очевидно, одна семья. Их глава, назвавшийся военным ревизором Ван Чжупъи из провинции Сычуань, посетил меня на борту, одетый в полную парадную форму. Он рассказал, что срок его прежней службы истек и он, получив повышение, едет сейчас на новое место. Конечно, это был Ван Гэ... Вот только куда он теперь девался?

Военачальники судили да рязали, что делать дальше, но было ясно одно — мятежника они прозевали и скрыть это было уже невозможно. Надо было срочно искать оправдание перед начальством. Узнав о новости, правитель области пришел в большое волнение. И не удивительно, ведь этот Ван Гэ все время ускользал от него, будто дух. Правитель обратился за помощью к Тайному Совету, испросив разрешения объявить награду за поимку преступника. Повсюду развесили портрет Ван Гэ с подробным описанием его внешности. В бумаге говорилось, что за поимку мятежника объявляется награда в десять тысяч связок монет и обещается повышение на три ранга. Если же схватят жену или кого из родни, тому назначается награда в три тысячи связок и повышение на один ранг.

А теперь нам пора вернуться к Ван Гэ, который с семьей и челядью на двух больших судах плыл в это время к озеру Тайху. Он хорошо знал, что солдаты преследуют его по пятам и могут вот-вот схватить. Поняв, что на Тайху ему от них не уйти, он затопил лодки, а семью отдал на попечение знакомых рыбаков, щедро им заплатив за хлопоты и пообещав, что через год он вернется. Сыну своему Шисюну и слуге Лю Цину он наказал идти с повинной в управу Увэйского округа к чиновнику, ведающему сбором налогов, и к начальнику уезда. Он велел им честно покаяться в своих прегрешениях и рассказать, что отец не помышлял о мятеже, а стал жертвой злого навета уездного Хэ. А в настоящее время отец-де скрывается в столице и ждет удобного случая объясниться, а потому слать за ним войска не надо. Ван Гэ сказал сыну, что действовать следует быстро, чтобы сохранить семью. Шисюн, выполняя волю отца, сделал все, как тот ему повелел. Начальник Увэйского округа, тщательно допросив явившегося с повинной Шисюна, отправил его под конвоем в Линьань, а сам, распорядившись о продолжении поисков Ван Гэ, отправил доклад в Тайный Совет.

Между тем Ван Гэ простился со своими ближними и, сменив платье, направился в Линьань. Несколько дней он прожил в городском предместье, ожидая вестей от сына, но так и не дождался. Ван вспомнил о старом приятеле Бай Чжэне, который служил в северном посаде чиновником по приему жалоб. Поздней ночью он

отправился к северной заставе, где стоял дом Бая, и постучал в дверь. Бай Чжэн, напуганный визитом неожиданного гостя, сначала не хотел его пускать.

— Брат! Не бойся! — сказал ему Ван. — Я не собираюсь тебя вовлекать в неприятности.

— Зачем ты сюда пришел, почтенный Ван? Ты же знаешь, что тебя всюду ищут!

— Решил явиться с повинной!

У Бай Чжэна отлегло от сердца.

Рассказав хозяину о своих обидах, Ван попросил помочь ему связаться с властями и поклялся, что готов дать любые показания.

— По крайней мере умру спокойно! — закончил он свой рассказ.

Гость остался ночевать, а на следующее утро Бай Чжэн отправился в Тайный Совет. Вана немедленно заключили в тюрьму при следственном приказе, и тюремные экзекуторы приступили к пыткам, чтобы узнать от него, где скрывается семья и кто его сподвижники.

— Жена и дети погибли во время пожара, — отвечал Ван на допросе. — В живых остался лишь сын Шисюн, который ушел в чужие края, и о нем я ничего не слышал. А воинами моими были окрестные крестьяне, но они все разбежались... имена их я запомнил!

Экзекуторы много раз его жестоко пытали, но Ван ничего нового не сказал.

Надо сказать, что Бай Чжэн, сообщая о Ван Гэ, совсем не помышлял ни о наградах, ни о повышении в звании. Ему было жаль Ван Гэ, и, когда тот попал в тюрьму, Бай всячески старался ему помочь, зная тюремные нравы и порядки. Между тем линьяньские власти повсюду оповестили, что мятежник Ван сам явился с повинной. Узнали об этой новости и братья Дун. Они дали в областном ямыне взятку, и тюремщики сделали заключенному послабление, что позволило ему написать челобитную высшим властям. В ней он общал:

«Челобитная от вассала Ван Гэ, писанная в такую-то луну, такого-то года. В прошлом я возглавлял войска из верных и преданных людей двух Хуай, с коими намеревался, разгромив врага, освободить Центральную Равнину. Я желал лишь одного — умереть за Отчизну! Других помыслов я не имел. Однако ж нашелся злодей,

который с темной целью оклеветал меня. Хотел бы я встретиться с ним, дабы при взаимном допросе разоблачить лжеца. Может быть, я и умру, но умру с пользой!»

Челобитная Вана дошла до самого императора, который повелел начальнику области Цзюцзян доставить в столицу братьев Чэн и учинить им допрос в следственном приказе. К этому времени в столицу пришла бумага от увэйских властей, а вслед за ней появился и Ван Шисюн, встреча которого с отцом была исполнена скорби и печали.

Наступил день суда, и в ямине царило большое оживление. Для Ван Гэ явилось полной неожиданностью то, что против него выступают братья Чэн. Только сейчас он узнал, как возникло судебное дело, и новость его потрясла. Судья приступил к допросу истцов, но братья не смогли привести ни одного убедительного доказательства, кроме письма, которое в свое время Ван написал Хун Гуноу.

Ван Гэ объяснил:

— В письме я действительно писал, что собираюсь выполнить уговор до осенних холодов. Только я собирался всего-навсего купить плавни в уезде Тайху. Это я и имел в виду.

— А где доказательства? — спросил судья. — Ведь Хун Гун исчез.

— Я слышал, что он сейчас как будто живет в Сюаньчэне. Можно за ним послать, и все прояснится, — ответил Ван.

Понимая, что иначе дело не решить, судья направил бумагу в область Нинго, а до получения ответа всех четверых заключил под стражу. Через несколько дней доставили под конвоем Хун Гуна в столицу. Лю Цину (а он до сих пор находился на свободе) удалось подкупить стражников, и те заранее во всех подробностях объяснили Хуну об обвинениях, которые выдвинули братья против Вана. Хун сразу понял, что обвинения не страшные, поэтому шел в суд смело. В ответе судье он рассказал, как он в свое время написал братьям рекомендательное письмо, в котором приглашал Вана в гости, чтобы тот сам мог посмотреть заозерные плавни. Хун объяснил подоплеку всей истории и причину недовольства братьев — им, как видно, мало за-

платили в поместье Вана. Хун не преминул напомнить случай с шелком, что он хотел подарить братьям, но они отказались. Выплыл еще случай с ответным письмом Ван Гэ: братья спрятали его у себя и не передали Хупу. Затаив злобу, они в конце концов осуществили свой черный замысел — оклеветали ни в чем не повинного человека. Записав показания Хуна, судья велел привести из темницы Вана с сыном и братьев Чэн. Когда Хун повторил свои показания, братья ничего не могли сказать в оправдание. Ван Гэ, давая свой ответ, сообщил о чиновнике Хэ Нэне из уезда, который, остановив свой отряд на полдороге, послал начальству клеветническую бумагу, где писал, что Ван будто бы оказал ему сопротивление. Понятно, что правитель области сильно разгневался. Судья задавал новые и новые вопросы, но все показания сходились. Судья, стремясь поскорее закончить дело, вынес такой приговор:

«В результате расследования установлено, что обвиняемый Ван Гэ, известный всем как отважный воин, совершать мятеж не собирался. Суть дела состоит в том, что братья Чэн, движимые злобой и завистью, исказили содержание письма. Из-за лживого донесения временного начальника уезда Хэ были подняты государевы войска, в чем, как выяснено ныне, Ван Гэ был совсем неповинен. Тем не менее обвиняемый Ван, отказавшись сдаться и объяснить причины волнений, собрал вокруг себя шайку разбойного люда, убил чиновника Го Цзэ, а с ним несколько государевых солдат. Сей тяжкий проступок искупить невозможно. Впоследствии Ван Гэ решил прийти с повинной, а это свидетельствует о том, что он не хотел оказывать сопротивление. Надобно сказать, что в мятежных действиях участие принимал не один Ван Гэ, но много людей, которые разбежались, а имен их подсудимый не помнит. В одном из докладов уезда названо имя Лю Цина, коего мы распорядились искать и наказать, ибо преступник не должен ускользнуть из сети правосудия. Мы затрудняемся утверждать, знал ли сын Вана о делах своего родителя. Из показаний, данных им в Увэйском уезде, следует, что Шисюн не помогал мятежникам, а посему, приняв его челобитную к сведению, возможно смягчить ему наказание. Постановляем бить Шисюна батогами и сослать на поселение за две тысячи ли. Ван Гэ, согласно зако-

ну, предать казни через четвертование, а голову выставить напоказ толпе. Исполнить незамедлительно!

Братьев Чэн по прозванию Барс и Тигр за облыжную жалобу бить батогами и сослать за тысячу ли. Суд над злодеем Лю Циню следует произвести, когда он будет схвачен. Хун Гуна за отсутствием вины отпустить. Временного начальника уезда Хэ Нэна за нерадивость, проявленную при поимке преступников, снять с должности и вычеркнуть из списка чиновников».

Отчет о суде был доложен государю, который утвердил приговор. Лю Цин, узнав новости, послал в тюрьму весточку, в которой советовал Ван Гэ принять яд, что тот и сделал. Он умер так, как говорилось в песенке, которую пели ребятишки у стен Сусуна. Помните? В ней были слова о красотке по фамилии Ван, которые намекали на Ван Гэ. В песенке говорилось о лодке, которую она украла. Так получилось и с Ваном — ведь он, как известно, отнял суда у торговцев. В песенке были и слова о чарке вина, в которой не будет пользы. Ван Гэ принял яд, выпив его с подогретым вином.

Издревле говорилось, что детская песнь есть знак радости или горя, так как его вещает Зачарованная Звезда, принявшая облик ребенка. Ван Гэ, как мы знаем, не совершил больших злодеяний, однако то, что он сделал, сильно напугало власти, и они вынуждены были послать против него солдат. Надо сказать, что история Ван Гэ вызвала волнения в других уездах и волостях, весть о чем, достигнув стольного града, весьма опечалила Сына Неба. Значит, как видим, не случайно появилась детская песенка, которая таила в себе предзнаменование.

Впрочем, оставим пустые разговоры и лучше расскажем, что случилось после смерти Ван Гэ, которого четвертовали в присутствии чиновников из следственного приказа, а голову выставили перед городскими воротами. Верному Лю Циню ночью удалось выкрасть голову и спрятать останки хозяина, а потом он их захоронил в десяти ли от северных ворот города. На следующий день он рассказал Третьему Дуну, где находится прах, после чего отправился с повинной в следственный приказ. Лю Цин взял на себя вину за содеянные убийства и сознался в том, что он выкрал останки своего господина. Экзекуторы устроили ему жестокую пытку, желая вы-

ведать место захоронения, однако Лю Цин ничего не сказал. В ту же ночь он, не перенеся мучений, скончался в темнице. Впоследствии ему сложили стихи с похвалою:

Признался в проступках перед Законом
и бесстрашно пошел в тюрьму.
Жизнь отдав, заплатил за милость
хозяину своему.

А при дворе, среди сытых вельмож,
не отыщется ни один,
Кто бы за правду мог жизнь отдать,
как отдал свою Лю Цин.

Со смертью Лю Цина в следственном приказе посчитали дело Вана законченным, а Ван Шисюна и братьев Чэн отправили в ссылку. Братья Дун, оставшиеся на воле, использовали разные ловкие ходы, подкупили экзекуторов, потому во время наказания Ван Шисюн особенно страдал. А вот Чэнам — Барсу и Тигру — досталось крепко. Да и во время пути они испытали много мучений, от которых Чэн Барс в конце концов заболел и умер, так что брат отправился в ссылку один. Потом он куда-то пропал, а куда — никому не известно. Что до Шисюна, то в дороге подкупленные конвоиры не придирались к нему без меры, а через триста-четырееста ли и вовсе отпустили его на волю, получив от Дунов кругленькую сумму. С тех пор Ван Шисюн скрывался на озерах и реках, обучая людей боевому искусству или занимаясь продажей снадобий. Но о нем мы пока рассказывать не будем.

Вернемся к Дунам. Забрав деньги, которые оставил им Ван, они отправились в Гусу на поиски Гуна и маленького внука Ван Гэ, после чего у рыбаков Тайху они разыскали других людей из семьи Ван. Три воина, переодевшись слугами, направились вместе с родней Вана в Суйаньский уезд под Яньчжоу, где жил страшный брат Ван Шичжун. Узнав о случившемся, тот, понятно, весьма опечалился. Он оставил родственников брата под своим кровом, а Гун вместе с братьями Дун поселился неподалеку от поместья. Местные власти боялись тронуть их даже пальцем, так как они находились под защитой всеильного Ван Шичжуна.

Прошло полгода. О деле Вана стали постепенно за-

бывать. Ван Шичжун велел Гуну и братьям Дун ехать в Конопляный Склон и узнать, что творится с прежним хозяйством. Оказалось, что там, как и раньше, добывают уголь, плавят железо, а всем хозяйством, которое когда-то принадлежало Ван Гэ, распоряжается теперь Цянь по прозвищу Четыре Двойки. Однако рыбаки с озера Небесная Пустошь подчиниться ему отказались.

— Предатель и злодей! — воскликнул Четвертый Дун, охваченный гневом. — Пользуется чужим добром и чувствует себя преспокойно! Я отомщу ему за нашего брата Ван Гэ!

Он схватился было за меч, собираясь сей же миг покарать Цяня, но Гун его остановил:

— Нельзя этого делать! Его могут поддержать местные крестьяне, ведь они тоже причастны к здешним делам. В одиночку нам их не одолеть, только людей насмешим! Лучше расскажем Шисюну, пускай он сам и решает!

И они поехали в Сусун. Так случилось, что Четвертый Дун вместе с Гуном проходили мимо дома покойного дущзяня Го и кто-то из местных жителей, узнав война, тотчас сказал Го Сину — слуге погибшего:

— Вон тот толстый коротышка — один из приближенных Ван Гэ. Его зовут Дун Сюэ, он четвертый по счету в семье.

«Врагу хозяина надо отомстить, и немедленно!» — решил Го и, пропустив Дуна мимо себя, неожиданно напал на него сзади и ударом кулака свалил на землю.

— Хватай злодея! — заорал он. — Здесь приспешник мятежника Вана!

На крики из дома выбежали пять здоровенных молодых. К месту происшествия поспешили прохожие. Гун, струхнув, улизнул, решив не помогать товарищу. Тем временем появился местный староста со стражниками, которые схватили Дуна, связали ему руки и, награждая тумачами, потащили в уездную управу.

В это время место начальника уезда все еще пустовало. Хэ Нэна, как известно, прогнали, а новый начальник еще не прибыл, поэтому всеми делами ведал уездный стряпчий. Понятно, что это дело он сам решать не посмел, а отправил Дуна в ямынь правителя области Ли, которому история Ван Гэ, как мы знаем, доставила много хлопот и неприятностей. Хотя бунт Ван Гэ и ока-

зался чистой выдумкой, однако же история эта вызвала дурные последствия, чем высокое начальство осталось весьма недовольно. И вот нынче правителю опять доложили о злополучном деле. Снова дело Вана! Правителя будто по голове ударили. Ведь в свое время он уже доложил государю, и владыка повелел покарать преступников за гибель Го Цзэ.

— Снова раздуваете? Снова баламутите народ? — набросился он на местного старосту. — И этот тупица стряпчий! Зачем он послал сюда этого человека? — Правитель приказал немедленно освободить Дуна, и тот, избитый, сей же час отправился в Суйань. Го Син и староста пошли прочь, так ничего и не добившись.

Тем временем Гун по возвращении в поместье рассказал, что произошло: о Цяне по прозвищу Четыре Двойки, который захватил чужое хозяйство, о Дупе, которого схватили в уезде Сусун. Ван Шичжун знал, что Дупа должны отправить в область, поэтому сразу же послал своего человека в Аньцин, велел ему сунуть кому надо. И вдруг появился сам Дун, без шапки, растрепанный. И рассказал о своих злоключениях.

— Если бы не правитель Ли с его добротой, мне бы пришлось, быть может, расстаться с жизнью, — закончил он свой рассказ.

— Судя по тому, что сделал начальник области, о деле моего брата стали забывать, — сказал Ван. — Почтенный Дун! Ты, конечно, хлебнул горя, но зато принес хорошие вести.

Через несколько дней Ван Шичжун с двадцатью челядинцами отправился в Конопляный Склон. Он намеревался поговорить с Цянем по душам, однако Цянь, узнав о предстоящем визите, этой же ночью убежал вместе с женой и детьми, бросив на произвол судьбы все хозяйство.

— Мне пользоваться вещами этого предателя унижительно! — сказал Ван, раздавая утварь местным угольщикам. Старый дом он снес, а вместо него построил новый. Для этой постройки он закупил дерева, а работники обожгли кирпич и сделали черепицу. Ван тщательно выяснял, как обстоит дело с плавильным хозяйством, и взял его в свои руки. Из Конопляного Склона Ван отправился на озеро Небесная Пустошь, где местные рыбаки, надеясь на его расположение, поднесли ему

в дар ткани и деньги. Озеро длиною в 70 ли вновь стало вотчиной Ванов. Ван Шичжун послал близких людей в областную управу и с помощью взяток крупным и мелким чиновникам получил бумагу на его владение. За десять с лишним месяцев, пока Ван Шичжун жил в Коноплянном Склоне, он привел в порядок все дела и, оставив вместо себя двух слуг, вернулся в Суйань.

Через некоторое время скончался прежний император, и на престол взошел новый государь, который дал указ о всепрощении в Поднебесной. Вскорости в Суйань вернулся из ссылки Ван Шисюн. Встретившись с дядей, он горько заплакал, однако его печаль сменилась радостью, когда он узнал, что родные целы и невредимы. Сып его вырос, и дядя дал ему взрослое имя Цяньи, что значило Один Из Тысячи. Через несколько дней Шисюн сказал дяде, что он вместе с Дуном собирается ехать в Линьань, чтобы перезахоронить прах родителя.

— Это твой долг, и я перечить тебе не могу. Только скорей возвращайся,— сказал дядя.— Я уже сделал кое-какие приготовления для свершения похоронного обряда. На нашем Холме Боевых Рубежей много свободного места и расположение гор весьма благоприятно.

Ван Шисюн поехал вместе с Третьим Дуном. В дороге никаких происшествий не было, и уже через несколько дней они вернулись домой. Остатки отца поместили в гроб, который предали земле в подходящий день. После похорон между дядей и племянником состоялся разговор.

— Хозяйство в Коноплянном Склоне идет хотя и не плохо, но жить тебе там все же будет тяжело, так как у твоего отца было в этих местах много врагов, которые пустили о нем дурную славу... Как-то давно в глупой перебранке я обидел брата, и он, озлившись на меня, уехал в Мадипо и весьма там преуспел. И вот сейчас, чтобы загладить прошлую свою вину, я решил передать все хозяйство тебе. Ведь ты в этом деле не новичок, поэтому оставайся здесь, где находится могила твоего отца, за которой тебе удобно будет ухаживать, да и ему будет спокойней у Девяти Источников²⁴... Ну, а я с семейством поеду в Мадипо. Мне бояться там некого.

Ван Шисюн поблагодарил дядю с низким поклоном. В тот же день дядя передал племяннику счетные книги

на хозяйство и объяснил дела. Дворню разделили поровну. Наступил день, когда Ван Шичжун с семьей отправился в путь. С тех пор две ветви семьи стали жить в Суйане и Сусуне и между ними установились самые тесные связи. Жители Суйаня относились к Шисюну с почтением, так как помнили его дядю, сила и богатство которого снискали у всех уважение. Шисюн часто вспоминал жену свою Чжан — ту, что погибла в огне, и во второй раз уже не женился, посвятив жизнь воспитанию сына. Впоследствии молодой Ван Цянь сдал экзамены на военную степень и занял должность младшего военачальника в государевых охранных войсках. Внуки Шисюна добились не меньшей славы и чета.

Такова наша повесть, которая называется: «О том, как Ван Синьчжи смертью своей спас всю семью». Кто-то из потомков сложил такие стихи:

Муж достойный быстро вознесся
и весьма знаменитым стал.
Дом покинул с пустыми руками,
но дело свое основал.

Были его сподвижники верные
все, как один, храбрецы.
Но гнусно оклеветали его
ничтожные подлецы.

Его заставили власти чиновные
обнажить отмщения меч.
А потом он пошел добровольно в тюрьму,
чтоб от смерти родных уберечь.

Шичжун поместье свое пожертвовал,
миру явив доброту.
Вспомнят потомки их имена,
несмотря на всю клевету!

ЧЖАН ПРОНЫРА ПОПАЛ ВПРОСАК

Полное название «Чжан Проныра строил коварные планы, однако Ли Хуэйян, проявив решимость, уладила свою свадьбу». — Л и н М э н ч у. Чукэ пайань цзинци (Рассказы совершенно удивительные. Сборник первый). Шанхай, 1957. Повесть № 16.

¹ Шестнадцатый год эры Нескончаемые Годы (Ваньли) — 1589 г. Ваньли — девиз, под которым правил император минской династии Шэньцзун (1573—1620).

² Сюцай — первая (низшая) ученая степень в старом Китае, которая обычно присваивалась после экзаменов в уезде.

³ Синие облака (так же как лазоревые или лиловые облака) — символ благовестного, радостного события. Легенда рассказывает, что в свое время люди народа юэчжи пришли с дарами к китайскому двору, сказав, что они видели в небе счастливое знамение в виде синих облаков на востоке, возвестивших им о мудром правлении. В исторических сочинениях (например, «Исторических записках» Сыма Цяня) этот образ используется как символ благородного и талантливое человека, перед которым раскрывается блестящее будущее.

⁴ Знаки жизни, или Восемь знаков, обозначали дату рождения человека — год, месяц, день и час, которые по традиционному китайскому времяисчислению обозначались по отдельности в виде двух циклических знаков.

⁵ Птица пэн — мифическая птица, которая встречается в одной из притч знаменитого философа Чжуанцзы. Впоследствии птица пэн, парящая в небе, стала символом талантливого человека, перед которым раскрывается блестящая карьера.

⁶ Согласно поверьям, из крови волшебной птицы луань добывался клей, обладавший чудесными свойствами. Скрепленная им нить — поэтический образ прочного супружеского союза.

⁷ В танской новелле «Правитель Нанькэ» Ли Гунцзо рассказывается о некоем Чуньюе, который во сне попал в Страну муравьев. Став правителем области Нанькэ этой волшебной страны, он добился там почета, славы, но все это пролетело быстро, как сон. Слова «сон Нанькэ» намекают на несбыточность желаний и быстротечность человеческого счастья.

⁸ Цзеюань (букв. «первейший из разъясвивших») — почетное звание сдавшего экзамены в провинции. Цзеюань — также обращение к образованному человеку.

⁹ Белый тигр — название звезды, служившей у гадателей знаком неблагоприятного события; синий дракон — символ радостного события, счастливого предзнаменование.

¹⁰ Согласно верованиям, после смерти человека в течение сорока девяти суток в природе рассеиваются семь «животных душ» (*по*). Поэтому полагалось каждые семь дней совершать заупокойную службу. На сорок девятый день (т. е. по истечении семи седмиц) этот ритуал заканчивался.

¹¹ Цветочные улицы и ивовые переулки — ипосказательное наименование веселых кварталов.

¹² Праздник Фонарей (Юаньсяо) отмечался в конце второй недели после Праздника Весны (Нового года по лунному календарю). Им обычно заканчивались новогодние торжества. Название он получил от обычной развешивать в эту ночь многочисленные и разнообразие фонари.

¹³ Цзиньши (букв. «продвинувшийся муж») — высшая ученая степень, которая присуждалась на столичных экзаменах, проходивших под наблюдением императора. Степень цзиньши давала право занимать высокие государственные посты.

¹⁴ Академия Ханьлин — высшее учебное учреждение в старом Китае, куда входили особо знаменитые ученые мужи — ханьлины (академики), которые занимались толкованием законов и составлением императорских указов, а также написанием других государственных документов. Часто ханьлины приглашались в качестве наставников к наследнику престола и являлись советниками императора.

¹⁵ Училище Сынов Отечества (Гоцзыцзянь) — привилегированное учебное заведение, в котором готовились люди для ответственных постов на государственной службе.

¹⁶ Геомант — гадатель, который, предсказывая судьбу человека или семьи, определял место для строительства дома, указывал место захоронения в зависимости от очертаний земной поверхности. В Китае геоманты назывались *фэншуй сяньшэн* (букв. «господин ветер-вода»), что выражало специфику гадания по природным явлениям.

¹⁷ Золотой ветер — символ осени. Эпитет «золотой» связан с учением о Пяти первоэлементах природы, в котором «золото» (металл) символизирует цвет осени.

¹⁸ По старым китайским поверьям, человек имеет девять душ (иногда считают, что десять): три называются *хунь*, а шесть (или семь) — *по*. *Хунь* связаны с духовным началом человека, *по* — с его телесной сущностью. При рождении сначала появляются души *по*, а потом *хунь*. При смерти вначале исчезают *хунь*. В тексте вся фраза буквально звучит так: «Три души *хунь* вырвались из макушки, а шесть душ *по* всколыхнулись под ногами».

¹⁹ Осенняя волна — поэтический образ женских глаз, чистых и прозрачных, как вода в осенней реке.

²⁰ Позднорожденный, т. е. младший по возрасту — традиционная форма выражения скромности и почтительности по отношению к старшему.

²¹ Цзюйжэнь (букв. «вознесшийся муж») — вторая (после сюдая) ученая степень в старом Китае, которая обычно присваивалась после прохождения экзаменов в провинции. Степень цзюйжэня давала возможность сдавать на высшую степень цзиньши, а также занять государственный пост. Первый по успехам цзюйжэнь в эпоху Мин назывался цзюанем.

²² В старом Китае серебряные деньги имели форму продолговатых брусочков. Ценность этих слитков зависела от их веса, определяемого в лянх.

²³ Лян — мера веса (37,3 г) и название денежной единицы.

КРАСОТКА МО ПРОСЧИТАЛАСЬ

Полное название «Сестрица Мо, совершив побег, дважды просчиталась, однако ж потом она сочеталась законным браком с Яном Вторым». — Ли и Мэн чю. Эркэ пайань цзинцзи (Рассказы совершенно удивительные. Сборник второй). Шанхай, 1957. Повесть № 38.

¹ Уезд Даюй области Наньань паходился на территории пыпешней провинции Цзянси.

² Ветропечучими — *фэнлю* (букв. «ветер-поток») называли людей свободного поведения, которые не связывали себя в жизни строгими обязательствами и обычно были склонны к любовным приключениям и авантюрам.

³ Девятнадцатый год эры Наследованной Радости (Шаосип) — 1150 г. Эра Шаосин — годы правления императора династии Южная Сун Гаоцзуна.

⁴ Встреча в тутах — любовное свидание, это выражение восходит к «Книге Песен» («Шицзин»).

⁵ Подлупшая нить означает брачный союз. В одной из легенд говорится о старце, который, обратясь к луне, читал волшебную книгу. Когда его спросили, что он читает, старец ответил, что в книге говорится о брачных союзах, и при этом показал красную нить, которой связываются судьбы людей.

⁶ Чжили — старое название провинции Хэбэй.

⁷ Понятие «ветер и луна» в литературе означало любовные приключения.

⁸ Изображения священных животных из бумаги предназначались для сожжения во время церемонии жертвоприношения духам.

⁹ Чертоги луны и дыма — образное название веселого заведения.

¹⁰ Бумажные деньги выполняли ту же функцию, что и изображения священных животных, и предназначались для жертвоприношений, символизируя настоящие деньги. В наши дни у китайцев Гонконга, Тайваня и других мест жертвенные деньги делаются в виде банкноты, похожей на настоящую, но с добавлением двух знаков: «Адский банк».

¹¹ Осенний срок — время, когда стоят долгие и темные ночи.

¹² Тучи и дождь — поэтическая метафора, намекающая на любовную связь. Этот образ восходит к легенде, рассказанной поэтом древности Сун Юем в «Оде о Гаотан». В ней говорится о чуском князе, которому во сне явилась прекрасная дева, назвавшая себя богиней гор Ушань (Ведьмины горы в провинции Сычуань). Она разделила с князем ложе, а при расставании сказала, что будет являться к нему по утрам в виде тучки, а вечером — в виде дождя.

¹³ Вторая стража — с 9 до 11 часов вечера. Вечернее и ночное время (с 7 часов вечера до 5 часов утра) делилось на пять отрезков (страж) по два часа каждый. Начало стражи обозначалось стуком деревянных колотушек.

¹⁴ Ли — китайская верста, равная 576 м.

¹⁵ Ямынь — старая китайская управа в уезде, области и т. д., где вершились различные административные дела, в том числе суд.

ПУТЬ К ЗАОБЛАЧНЫМ ВРАТАМ

Полное название «Повесть о том, как праведник Ли один отправился к Заоблачным Вратам». — Фэи Мэйлуи. Синши хэньянь (Слово вечное, мир пробуждающее). Пекин, 1957. Повесть № 38.

¹ Династия Суй правила в Китае с 581 по 618 г. Вэньди был на престоле с 581 по 604 г. Начало его правления — с 581 по 600 г. было названо Кайхуан, что значит Изначальное Правление.

² Заоблачный странник (букв. «гуляющий в облаках») — метафорическое название даоса. По поверьям, тот, кто постигал тайны даосского учения, мог передвигаться, «оседлав облако».

³ Чжап — мера длины, равная 3,2 м.

⁴ Четыре Моря — одно из образных названий Китая. По старым китайским представлениям, Среднюю Империю окружают четыре моря.

⁵ Дао буквально означает «дорога». В философском понимании это путь жизни, путь познания и прозрения. Этим понятием широко пользовались как конфуцианцы, так и даосы, а также буддисты, вкладывая в него свое понимание и религиозно-философское содержание. Слово «дао» легло в название философии и веры. Дао в даосском понимании — путь постижения Истины бытия, путь гармонического слияния с природой.

⁶ Существует легенда об одном небожителе даосе, который продавал на рынке лекарственные травы и снадобья, а потом исчез в чайнике, который был при нем.

У даосов есть понятие Неба-чайника (своеобразная мистическая формула), в котором чайник уподобляется емкости всего сущего. В одной из легенд рассказывается о пекоем Чжап Шэне и его Волшебном чайнике, в котором помещались Небо, Земля, Солнце, Луна и т. д.

⁷ Государь Сюань Юань — легендарный правитель древности Хуанди (Желтый Предок, или Желтый Государь) — своего рода прародитель китайцев. С его именем, как и с именами других мифических государей, связано представление о золотом веке. Сюань Юань означает также звезду — божество даосского пантеона.

⁸ Чи — мера длины, равная 0,32 м.

⁹ Яньван (Яньло, или Яньцзюнь) — букв. Государь Янь, или Властитель Янь — правитель загробного мира (индийский Яма). По китайским религиозным (в основном буддийским)

представлениям, ад состоял из нескольких отделов, во главе каждого из них находился свой правитель. Иногда также говорится о Яньване — властителе Пятого Ада. Одной из важных функций властителя загробного царства была оценка земных деяний человека и вынесение соответствующего приговора и наказания. Он же определял сроки жизни людей на земле.

¹⁰ Синюю или темную одежду (*цинзи*) обычно носили люди, находившиеся в услужении.

¹¹ Луань — мифическая птица, провозвестник счастливого события. С ней связана также идея бессмертия. Например, выражение «улететь на птице луань» означало приобщение к сонму небожителей. Часто понятие «луань» сочеталось с наименованиями других фантастических птиц: пэн или фэнхуан (феникс).

¹² Цилян — фантастическое благовещее животное. Эпитет «киноварный» подчеркивает его сказочный облик. Киноварный цвет, как и киноварь (*дань*) имели символический смысл, ассоциируясь с идеей бессмертия. Например, у даосов выражение «плавить киноварь» (*ляндань*) означало добывать эликсир бессмертия. Понятие *дань* тесно связано с алхимической практикой и волшебной, а также с медициной.

¹³ Белый олень — символ долготелетия.

¹⁴ Жуи (букв. «согласно желанию») — жезл изогнутой формы, который преподносили как знак счастья и благополучия. Он делался из дорогих пород дерева, бронзы, нефрита и других материалов.

¹⁵ Гора Пэнлай — одно из священных мест у даосов, обитель бессмертных. Этот даосский Элизиум, по преданиям, был расположен в Восточном море — Бохай. Имеются сведения о поисках счастливой земли Пэнлая (например, в годы правления императора Цинь Шихуана).

¹⁶ Богиня Запада Сиванму (букв. Мать-государыня Запада) — популярный персонаж китайских мифов и одно из божеств даосского пантеона. Легенда рассказывает, что в ее дворце, расположенном в западных краях, находился Нефритовый Пруд, по берегам которого росли персиковые деревья с плодами бессмертия.

¹⁷ Предание о дровосеке Ван Чжи, который однажды на горе Ланькэшань встретил двух старцев-небожителей, рассказывается во многих старых книгах. Гора Ланькэшань (Гора Сгнившего Топорища), находившаяся в провинции Чжэцзян, была для даосов священным местом, так как считалась одним из путей на Небо. Выражение «сгнило топориче» означает мимолетность и быстротечность человеческой жизни.

¹⁸ «Книга Захоронений» («Цзанцзин») — название гадательного трактата. Авторство приписывают известному ученому и литератору Го Пу (276—324), с именем которого нередко связывалось искусство волшебства.

¹⁹ Направленность горных кряжей учитывалась геомантами при определении места захоронения. От правильного его выбора зависело, насколько будет счастлива душа умершего в загробном царстве и насколько благополучной будет жизнь его потомков.

²⁰ Рыбий барабанчик — своеобразный музыкальный инст-

румент, представлявший собой колено бамбука, с двух сторон заклеенное рыбьей кожей. Как и деревянными дощечками, им пользовались сказители во время своих выступлений.

²¹ Известен рассказ о том, как знаменитый философ Чжуанцзы однажды нашел череп и, созерцая его, размышлял о бренности бытия, о непостоянстве жизни. Эта история послужила основой для многих литературных сюжетов. (На русском языке см. «Рассказы древности и современности». М., 1962).

²² Пятый год эры Вечного Благоденствия (Юпхуэй) — 655 г.

²³ Если судить по расчетам слепца, то за этот период должно было пройти несколько больше времени, чем семьдесят два года.

²⁴ В начале VII в. в стране началась смута, закончившаяся падением династии Суй (618 г.). В данном случае имеется в виду мятеж одного из царедворцев и фаворитов императора — крупного сановника Ван Шичуна, выступившего против двора. Суйский Янди правил с 605 по 617 г.

²⁵ Иероглиф *цзинь* имеет много значений («золото», «металл» и др.), выступает и в качестве фамильного знака. В данном случае обыгрывается семантика слова «золото».

²⁶ Имеются в виду врачи, лечащие взрослых.

²⁷ Щупать пульс — одно из важных положений традиционной китайской медицины. Лекари по пульсу (как и по внешнему виду человека, цвету лица и т. д.) определяли не только состояние больного, но и характер недуга.

²⁸ Ци и Лу — названия древних княжеств на территории нынешней провинции Шаньдун. В конце династии Суй и начале Тан они частично входили в административный округ Цинчжоу, где происходит действие повести.

²⁹ Чжао Ко — военачальник эпохи Борющихся (или Сражающихся) Царств (V—III вв. до н. э.). Он полагал, что книжные знания обеспечат ему победу на поле боя. Однако во время сражения с войсками княжества Цинь его армия была разгромлена, а сам он убит.

³⁰ Первый год эры Вечной Доброты (Юпчунь) — 682 г. Эра Юпчунь — годы правления императора Гаоцзуна (682—683).

³¹ Гора Тайшань в провинции Шаньдун славилась как одна из священных гор Китая. На ее склонах располагалось множество храмов и кумирен, где свершались торжественные ритуалы.

³² Император Уди (Воинственный) находился на престоле с 140 по 87 г. до н. э. С его именем связаны мероприятия, направленные на укрепление государственности.

³³ Великий Юй — мифический государь древности, усмиривший потоп, который бушевал в то время в стране.

³⁴ Линнань (букв. «к югу от хребта») — район в Южном Китае, одно из названий провинции Гуандун.

³⁵ Цзян Тайгун (букв. Великий гун Цзян; гун — здесь титул), или Цзян Цзыя — имя министра при дворе чжоуских Ваньвана и Увана (примерно XII в. до н. э.). Оракул предсказал Ваньвану, что он найдет мудреца, который станет его советником. Однажды государь увидел на берегу реки старого рыбака. Это и был Цзян Цзыя, которому в ту пору было свыше

восьмидесяти лет. Государь пригласил его ко двору и сделал своим советником.

Цзян Цзыя — популярный персонаж многих средневековых романов, например известного фантастического романа «Возведение в ранг духов» («Фэншэнь янь»).

³⁶ Сюй Фу, или Сюй Ши — известный маг, живший во времена императора Цинь Шихуана (III в. до н. э.). Сюй как-то поведал приятелю о трех священных горах, где будто бы живут бессмертные. Цинь Шихуан повелел ему искать дивные земли и определял многочисленную свиту отроков и юных дев. Сюй ушел вместе с ними на поиски чудесных земель и больше не вернулся.

³⁷ Ли Шаоцзюнь, живший во времена ханьского Уди, занимался поисками эликсира бессмертия и способов добывания золота. Как говорится в книге знаменитого историка Сыма Цяня «Исторические записки», почетный титул был присвоен не Ли Шаоцзюню, а вельможе Ли Вэну.

³⁸ Дун Фэн и Хань Кан — даосские отшельники и врачи. Дун Фэн жил в эпоху Трех Царств (III в.), врачюя в горах Лушань. Легенда гласит, что он не брал с больных денег, а заставлял каждого выздоровевшего посадить абрикосовое дерево. Хань Кан жил в эпоху Поздняя (Восточная) Хань. Он продавал лекарственные травы и спадобья. Ханьский государь, прослышав о высоком искусстве этого лекаря, хотел пригласить его ко двору, но Хань отверг предложение владыки и скрылся в горах.

³⁹ С именем Конфуция связаны истории о комке ряски и об Одноногой птице шанъян. Однажды о борт лодки, в которой ехал чуский князь Чжаоуан, ударился ком ряски. Государь спросил, что это значит, и мудрец разъяснил ему, что такое может случиться лишь с могущественным владыкой, т. е. это счастливое знамение. Вторая легенда рассказывает об одноногой птице шагъян, которая якобы водилась в княжестве Ци. У этой почной птицы были разноцветные перья и красный клюв. Она издавала звуки, напоминающие стои человека. Конфуций объяснил правителю Ци, что появление чудесной птицы сопряжено с ливневыми дождями.

⁴⁰ У Цзэтянь находилась на престоле с 684 по 705 г. после смерти мужа. Она прославилась как умная, властная правительница. Во многих исторических и литературных памятниках говорится о ее склонности к политическим интригам и любовным похождениям. Цзэтянь (букв. Образец-Небо) — ее монаршее прозвание.

⁴¹ Эра Открытого Начинания (Кайюань) — годы правления танского императора Сюаньцзуна (713—741), известного также под именем Минхуана (Государя Ясного). Первые годы его правления (712—713) назывались Сяптянь, т. е. Изначальное Небо.

⁴² По буддийским верованиям, вокруг центра вселенной — священного острова и горы Сюймишань (Меру) есть четыре больших острова-материка, которые плывут в бескрайнем океане. Один из них, южный, — Яньфути (Яньфуши), или Джамбудвипа (санскр.), по форме напоминающий лист тро-

нического дерева джамбу или деревянный короб телеги. Буддийско-даосские верования связывали это место с обителью бессмертных.

⁴³ Черно-белое и ало-желтое начала символизировали магическое искусство волхвов и алхимиков. Например, сочетание черного и желтого (*сюань* и *хуан*) обозначало Небо и Землю, белый цвет (*су*) ассоциировался с идеей очищения, красный цвет (*чи* — «алый», «пунцовый») подразумевал известное в алхимии понятие *дань* — киноварь, эликсир бессмертия.

⁴⁴ Бэйхай (букв. Северное море) имело много значений. В частности, это одно из названий Бохая — района близ Желтого моря. Так же назывался древний округ в провинции Шаньдун.

⁴⁵ Звание *гайчан боши* — почетный титул паставника при государственном училище Годзыцзянь.

⁴⁶ По даосским представлениям, человек, достигший высшего понимания Дао, т. е. приобщившийся к сонму небожителей, уходил из мира не как простой смертный, он не умирал физически, но исчезал, уносясь ввысь, подобно птице.

⁴⁷ Имеются в виду Пять первоэлементов природы, которые составляют основу всего сущего, в том числе и самого человека. Их комбинация у разных людей различна, поэтому и умирают люди не одинаково.

⁴⁸ Пятая стража — с 3 до 5 часов утра.

⁴⁹ Дунфан Шо — государственный деятель времен ханьского Уди, прославившийся редкой прозорливостью и находчивостью, а также склонностью к оккультным наукам и магии. Впоследствии история его жизни обросла легендами, его отождествляли с Золотой звездой (Венерой), воплощением которой он якобы являлся.

⁵⁰ Тап и Юй — мифические государи Яо и Шунь, с которыми у китайцев связывалось представление о счастливом веке, когда жизнь людей сливалась с природой, образуя гармоничное единство.

⁵¹ Вэнь и Цзин — ханьские правители (отец и сын), прославившиеся мудростью, с какой они вели государственные дела.

⁵² Ань Цишэн — житель местечка Ланье близ Восточного моря. По легендам, он занимался продажей лекарственных спадобий и врачеванием. Прослышав о его магическом искусстве, Цинь Шихуан решил пригласить его ко двору, но Ань неожиданно исчез. Он оставил для правителя письмо, в котором говорилось, что его можно найти на Пэнлае, да пару пурпурных туфель для императора.

ЗАКЛЯТИЕ ДАОСА

Полное название «Старик-крестьянин постоянно думает о хозяйстве; парень-пастух каждую ночь наслаждается почетом и славой». — Лин Мэньчу. Эркэ пайань цзинци. Повесть № 19.

¹ Хуэйань — религиозное имя (идущее от названия кабинета) знаменитого философа, основоположника неоконфуцианства, государственного деятеля эпохи Сун Чжу Си (1130—

1200), с именем которого, в частности, связано комментирование канонов, разработка основ учения о нравственном законе *ли* (*лисюэ*). В философской системе Чжу Си нашли отражение доктрины буддизма и даосизма.

² Сюаньбилан — название должности чиновника, советника, занимавшегося административными делами в провинции.

³ Округ Цяньтан был расположен на территории нынешней провинции Чжэцзян.

⁴ Годы Счастливой Помощи (Цзяю) — годы правления Сунского императора Жэньцзуна (1055—1063).

⁵ Вань — десять тысяч. Иероглиф *вань* может быть и фамильным знаком.

⁶ Дувэй — начальник гарнизона. В данном случае имеется в виду начальник столичного гарнизона.

⁷ Шоусин (букв. Звезда Долголетия) — даосское божество, обычно изображалось в виде седобородого старца с удлиненной головой. Рядом с Шоусином часто изображались священные животные и предметы, имеющие символический смысл: черепаха, аист или журавль, белый олень, тыква-горлянка, персик и др.

⁸ Пять стихий, или Пять первоэлементов, природы: огонь, вода, земля, металл, дерево. Пять стихий (*у син*) — одна из важнейших категорий древнекитайской натурфилософии и гадательной практики. Пять стихий, а также Две силы (*инь* и *ян*, т. е. темная и светлая силы природы) составляют основу всего мироздания.

⁹ Цин — мера площади, равная примерно 6 га.

¹⁰ Цай Цзин — государственный деятель династии Сун (XII в.). Он оставил по себе дурную память как злой и коварный царедворец. В литературных произведениях (например, в известном средневековом романе «Речные заводи») он предстает как один из инициаторов борьбы против героев-повстанцев из Ляншаньбо.

¹¹ «Ханьданский сон» — драма жанра *кунъюй*, принадлежащая перу известного минского драматурга Тань Сяньцзу. Ее сюжет восходит к ганской новелле «Записки об изголовье». В ней рассказывается о некоем юноше, который с помощью чудесного изголовья, подаренного ему даосом, погрузился в сон и пережил в нем целую жизнь.

«Вишневый сон» — название драмы о вещем сне драматурга Чэнь Юйсяо. Ее сюжет восходит к волшебному рассказу, помещенному в знаменитой сунской антологии «Обширные записки годов Великого Мира». В нем говорится о юноше Луцзы, который во сне увидел девушку-служанку с корзинкой вишен. Она привела его в дом, где он нашел жену. В комментируемом тексте имеются в виду прежде всего те рассказы о вещих снах, к которым эти драмы восходили.

¹² Чжуанцзы — выдающийся философ даосского направления (приблизительные годы его жизни: 369—286 гг. до н. э.). Его учение отражено в книге-трактате «Чжуанцзы», которая представляет собой собрание притч и афоризмов, глубоких по мысли и ярких по форме.

¹³ Весны и Осени — исторический период, охватывающий

время с VIII по V вв. до н. э. «Весны и Осени» — также название книги-летописи, якобы написанной самим Конфуцием.

¹⁴ Горы Наньхуашань в древнем княжестве Лу (нынешняя провинция Шаньдун) были местом отшельничества китайских даосов. По преданию, здесь жил философ Чжуанцзы.

¹⁵ Му — мера площади, равная 1/16 га.

¹⁶ Яшмовый заяц — образ луны, на которой, по народным преданиям, живет священный заяц, готовящий в ступе спадобье бессмертия.

¹⁷ Страна Хуасюй — волшебная страна, своего рода древнекитайская Утопия. Название восходит к даосскому трактату философа Лэцзы, где рассказывается о блаженном крае — стране Хуасюй.

¹⁸ Особо важные объявления вывешивались на специальном щите желтого цвета, который был символом императорской власти.

¹⁹ Значок в виде небольшого кружка ставился при проверке экзаменационных сочинений для обозначения удачных мест.

²⁰ Звезда Шэнь — китайское название созвездия Орион. Выражение «повернулся Ковш и склонилась к западу звезда Шэнь» означает наступление рассвета.

²¹ Юйтоу — корнеплод. Нижняя часть его утолщенного стебля употребляется в пищу.

²² В старом Китае удлиненное лицо и крупные уши считались признаком благородства. В литературе нередко говорится о квадратном лице и ушах, свисающих до плеч, что также являло благородный облик.

²³ Страна Черных Трав и Страна Радостных Волн (Сюаньту и Лэлап) — названия древних областей, которые в эпоху Хань принадлежали Корее. В настоящей повести эти названия имеют не исторический, а, скорее, фантастический смысл.

²⁴ Девять почетных регалий (или символов почетной должности) обычно жаловались удельным князьям. Это были: экипаж, запряженный конями, парадное платье, музыканты, красные ворота, парадное крыльцо дома, свита, лук и стрелы, топор и секира, жертвенные сосуды.

²⁵ Вэй Сян — цзиньский вельможа, живший в эпоху Весен и Осеней. Он склонил своего государя к миру с кочевниками. В тексте говорится о жунах — общее название западных ипородцев, которые нередко ассоциировались с народом сюнцзу.

²⁶ Имеются в виду удельные княжества периода Борющихся Царств (V—III вв. до н. э.).

²⁷ Подразумеваются три легендарных обиталища небожителей: Пэнлай, Фанчан, Инчжоу.

²⁸ Муж из Черного Сада (Циюань) — одно из прозваний философа Чжуанцзы. Циюань — название места, где Чжуанцзы служил чиновником.

²⁹ «Хуаяньцзин» — одна из священных книг буддистов.

³⁰ Земля Джамбудвипа, страна Матадха, град Капила (Капилаваста) — священные места, часто упоминающиеся в буддийских книгах.

³¹ Имя духа ночи в данной повести совпадает с магической формулой-заклятием, которое даос дал герою.

³² Уйти из семьи обычно означало уход в буддийские мо-

нахи. Здесь это выражение означает достижение даосской Истины.

³³ Небожитель Циюань с Южных Гор — одно из прозвищ Чжуанцзы.

³⁴ Окрик и действие (букв. «дубинка и брапь») — один из способов обучения последователей буддизма (иногда и даосизма). Такого рода внезапный шок считался путем приобщения к Истине и достижения прозрения.

ХИТРОУМНЫЙ ЯНЬ ИН

Полное название «Янь Пинчжун с помощью двух персиков избавился от трех великанов». — Фэн Мэйлу. Гуцзинь сяошо (Рассказы древности и современности). Пекин, 1958. Повесть № 25.

¹ Юй — мифический герой древности, спасший людей от потопа и совершивший другие подвиги, за что правитель Шунь впоследствии передал ему троп.

² Горы Тушань находились на территории теперешней провинции Аньхуэй. Здесь (по другим легендам, в горах Гуйцзишань) Юй собрал богов-вассалов, дабы посоветоваться с ними о борьбе против злого демона Гунгуна, который мешал усмирить наводнение.

³ В эпоху Вёсен и Осеней жители обнаружили в горе Гуйцзишань громадную кость, едва поместившуюся на телеге; Конфуций объяснил, что она принадлежит Фан Фэну, которого здесь казнил Юй.

⁴ Три монарха (Суйжэнь, Шэньлун, Фуси) и пять государей (Хуанди, Чжуансюй, Яо, Юй, Шунь) — легендарные правители Китая. С ними связаны многочисленные предания о золотом веке.

⁵ Гунь (отец Юя) — один из сподвижников правителя Шуня. Когда начался потоп, Шунь приказал усмирить стихию ему, но Гунь не сумел это сделать и был казнен.

⁶ Учитель Кун — Конфуций (551—479 гг. до н. э.), знаменитый мыслитель древности, основоположник философского и морально-этического учения — конфуцианства.

⁷ Шэньлун (Сяньлун — Первый Землепашец) — мифический правитель, дух-покровитель земледелия.

⁸ Разделенные (или Отдельные) Царства — название периода, существовавшего в рамках эпохи Вёсен и Осеней, когда страна была разделена на множество княжеств, враждовавших между собой.

⁹ Ци — одно из древних княжеств, расположенное в бассейне Хуанхэ на территории нынешней провинции Шаньдун.

¹⁰ Цзинь — мера веса, примерно 0,5 кг.

¹¹ Цинь — крупное княжество, существовавшее на территории нынешних провинций Шэньси и Сычуань. Правитель этого княжества Цинь Шихуан в III в. до н. э. завоевал соседние княжества и основал первое централизованное государство и династию Цинь.

¹² Государство Чу, граничившее с Ци на юге, занимало большую территорию в бассейне Янцзы и Хуанхэ.

¹³ Цунь — китайский вершок, 3,2 см.

¹⁴ Вэй, Чжао, Янь, У — названия удельных княжеств, существовавших на территории Китая в период Весен и Осеней. Княжество Вэй было расположено в западной части бассейна Хуанхэ, Чжао — к северу от него, Янь занимало территорию нынешней провинции Хэбэй, У находилось в нижнем течении Ялцзы.

¹⁵ Отряд золототыквенных — охранные войска при императорском дворе. Такое наименование идет от названия украшения, по форме напоминающего позлащенную тыкву, прикрепленного к концу красного древка.

¹⁶ Южпоречье (Цзяннань) — крупный район к югу от Ялцзы, известный своими культурными традициями. Дунтинху — озеро в Центральном Китае.

¹⁷ Рожденные в травах — простолюдины. В книге исторических преданий «Шуцзин» есть фраза: «Спяние правителя льется с небес и освещает уголки моря и все, рожденное в травах».

¹⁸ В период Весен и Осеней были дружественные княжества Юй и Го. Но однажды государь княжества Юй, соблазненный подарками правителя княжества Цзинь, позволил ему провести через свою территорию войска против княжества Го. Вскоре после этого его страна была завоевана воинственным соседом. Отсюда известная поговорка: «Если пропадают губы, становится холодно зубам».

¹⁹ Одинокий — так обычно называли себя китайские императоры, которые не говорили о себе в первом лице.

²⁰ Чжугэ Купмин, или Чжугэ Лян — знаменитый полководец эпохи Троецарствия (III в.), прославившийся стратегическим талантом и необыкновенной проницательностью. Чжугэ Лян — один из центральных образов средневекового романа «Троецарствие».

ЗОЛОТОЙ УГОРЬ

Полное название «Повесть о том, как у конвойного Цзи стряслась беда из-за золотого угря». — Фэн Мэньлуан. Цзиньши тунъянь (Слово доступное, мир предостерегающее). Повесть № 20.

¹ По буддийским верованиям, «быстротечность» человеческой жизни уподобляется потоку воды. Эфемерность земного бытия, полное невзгод и страданий, подчеркивается в тексте словом «проплывет».

² Династия Сун правила в Китае с 960 по 1279 г. В XIII в. в стране воцарилась монгольская династия Юань.

³ Тайвэй — военное звание; в эпоху Сун, о которой идет речь, соответствовало должности начальника гарнизона, командующего войсками какого-то района.

⁴ Эра Спокойствия и Процветания (Цзинькап) — годы правления Циньцзуна — императора династии Северная Сун (1126—1127).

⁵ В XII в. Китай подвергался частым набегам северных соседей чжурчжэней. Постоянные войны в конце концов подточили силы династии Сун и привели ее к гибели.

⁶ Лишань — старое название города и области Ханчжоу в

Центральном Китае. Линьянь стал столицей династии Южная Сун после бегства императорского двора на юг под натиском чжурчжэней.

⁷ Образ вороны обычно ассоциируется с худым предзнаменованием, а сороки — со счастливым (в слово «ворона» входит элемент *y* — «черный», а в слово «сорока» — элемент *си* — «счастье»).

⁸ Отряд Крылатых Тигров — название охранных войск при особе императора.

⁹ Согласно обычаю жених и невеста обменивались особыми карточками, в которых обозначались «восемь знаков», связанных с датами их жизни. Это было пужно для составления гороскопов, по которым определяли, благоприятен ли данный брак.

¹⁰ Чжан и Ли — распространенные фамилии в Китае (как у русских Иванов или Петров). Они входили в многочисленные фразеологизмы для обозначения «каких-то» людей.

¹¹ Гаюю — местность в провинции Цзянсу.

¹² Праздник Холодной Пищи отмечался в память о добродетельном отшельнике Цзе Чжитуе, который, согласно легенде, предпочел смерть в огне чиновной службе. Впоследствии в день его гибели ели только холодную пищу, так как в течение трех дней не полагалось разжигать огонь в печи. О Празднике Фонарей см. с. 316. Весь этот оборот соответствует выражению «не жизнь, а сплошной праздник».

¹³ Судья Бао, он же Бао Чжэп (или Баогун, Бао Лунту — Бао Драконова Печать), живший в XI в. во времена династии Сун, прославился неподкупностью и честностью как защитник справедливости и правопорядка. Баогун — один из популярных персонажей средневековых повестей и романов — *гунъянь сяошо* — повествований о загадочных судебных делах. Прозвание Драконова Печать идет от названия государственного учреждения — Кабинета Драконовой Печати (Лунтугэ), в котором составлялись важные императорские постановления. Бао какое-то время служил там начальником.

¹⁴ Желтые Источники, или Девять Источников — образное название потустороннего мира.

¹⁵ По старым поверьям, человек перед смертью должен вернуться в родные края. Умерший на чужбине становится бесприютным духом, который не знает покоя.

¹⁶ Запретный город — район, где располагался императорский дворец.

¹⁷ Шэнь равен 1,03 л.

¹⁸ Кодекс Сяо Хэ — свод судебных постановлений, своего рода уголовный кодекс, составленный сановником Сяо Хэ, который служил при ханьском дворе.

¹⁹ Одна легенда рассказывает, что некий Ли Юань в реке Уцзян спас небольшую красную змею, которая оказалась в действительности маленьким драконом. За это владыка драконов отдал ему в жены свою дочь.

²⁰ Сунь Й (он же Сунь Сымо), живший при династии Тан, по преданию, спас в Куньминском пруду водяного дракона, за что тот подарил ему три тысячи медицинских рецептов. С их

помощью, как гласит легенда, лекарь Сун написал книгу, которую назвал «Тысяча золотых рецептов» («Цяньцзинь фан»).

МОШЕННИК ЧЖАО И ЕГО ДРУЖКИ

Полное название «Четвертый Сун устроил большие неприятности Чжапу по прозвищу Жадная Утроба». — Фэн Мэнлу. Гуцзинь сяошо. Повесть № 36.

¹ Ши Чун — знаменитый богач, живший во времена династии Цзинь (III—V вв.). Его имя стало нарицательным, обозначая пексазипно богатого человека.

² Династия Цзинь правила в Китае с 265 по 420 г. Ей предшествовала эпоха феодальной раздробленности — Троецарствие (III в.), а после нее был период, получивший в истории название Южные и Северные Династии (V—VI вв.).

³ Третья стража — с 23 часов до 1 часа.

⁴ Цзяншань, или Чжуншань — невысокая гора в восточных окрестностях Напкша.

⁵ В старом Китае «вап» (букв. «государь», «правитель», «князь») — почетный титул, который давался представителям придворной знати, крупным чиновникам-феодалам.

⁶ Ху Цзэн (IX в.) — поэт и политический деятель эпохи Тан.

⁷ Вэнь — мелкая медная монета в старом Китае.

⁸ Маьтоу — пресные лепешки, которые готовят на пару, иногда добавляя начинку из овощей или мяса.

⁹ Треножник (*дин*) символизировал идею власти и могущества. В данном случае «треножник» — намек на богатую и влиятельную семью.

¹⁰ В свое время при правителе династии Лян Сяовапе в Кайфыне был разбит прекрасный сад, ставший гордостью города. С тех пор название этого сада нередко ассоциировалось с самим Кайфыном.

¹¹ В старом Китае питейное заведение украшалось флажком, который являлся своего рода его вывеской.

¹² Цветы абрикоса, или Деревня цветов абрикоса (Синхуацунь) — образное название питейных заведений. Выражение восходит к строфе из стихотворения известного танского поэта Ду Му.

¹³ В Китае при обращении часто называют человека не по имени и фамилии, а по степени родства, положению в семье и т. д. Выражение «второй брат» — обиходное обращение к трактирному слуге.

¹⁴ Некоторые продукты, которые продают на рынке или на улице, иногда (и до настоящего времени) завертывают в широкие листья лотоса или других растений.

¹⁵ Сяпжу — Сыма Сяпжу — известный поэт (179—117 гг. до н. э.). Он вел жизнь, полную лишений, поэтому в тексте говорится о том, что он «моет посуду».

¹⁶ Чжо Ваньцзюнь — поэтесса и музыкантша древности. Она была замужем, но потом овдовела. Встретив Сыма Сяпжу, Ваньцзюнь стала его женой, несмотря на существовавшие об-

щественные запреты. Супруги жили в бедности, поэтому в тексте говорится о хлопотах ее возле очага.

¹⁷ Имеются в виду изображения Восьми даосских святых, олицетворявшие свободную жизнь на природе.

¹⁸ Гость с рек и озер — популярное в китайском средневековье наименование «вольного человека»: бродяги, разбойника, странствующего рыцаря (своего рода вариант западноевропейского ваганта).

¹⁹ Храм Первого Вельможи (Сянгосы) — одна из достопримечательностей г. Кайфына, славился, в частности, крупным изваянием будды Майтрейи, отлитым из металла. Название храма идет от танского императора Жуйцзуна (VII в.), который до восшествия на престол имел титул Сянвана, т. е. Первого Вельможи (или министра).

²⁰ Город Динчжоу Чжуаншаньской области (нынешняя провинция Хэбэй) в эпоху Сун славился керамическими и фарфоровыми изделиями. Особо знамениты изделия из фарфора красноватых и лиловых тонов.

²¹ Государева колесница — здесь образное название трона, столицы страны.

²² Здесь использован своеобразный иероглифический шифр: иероглифы с перечисленными в стихотворной строке значениями входят как составные элементы в более сложный иероглиф, которым записывается имя героя.

²³ Китайские сутки делились на двенадцать отрезков по два часа каждый, начиная с 23 часов. Каждый отрезок обозначался циклическим знаком. Час *шэнь* — это девятая пара, т. е. с 5 до 7 часов вечера.

ПОДМЕТНОЕ ПИСЬМО

Полное название «Повесть о том, как монах с помощью письма ловко обманул жещу Хуанфу». — Фэн Мэнлуц. Гуэцзинь сяошо. Повесть № 35.

¹ Юймынь (Врата Юя) и Лунный зал ассоциируются с местом, где проходили какие-то торжественные события, например государственные экзамены.

² Цветок кассии, как и персика, символизировал ученость и достижение успеха на экзаменах.

³ Юйвэнь — букв. Просвещенность Мира.

⁴ Все стихотворение построено на трудно переводимой игре слов. В ее основе лежит семантика иероглифов, образующих двусложную фамилию, которая одновременно является и вполне осмысленным словосочетанием.

⁵ Щит Дракона и Тигра — образное название экзаменационного щита, сообщавшего о результатах экзаменов.

⁶ Первейший (чжуаньюань) — первый из выдержавших в столице экзамен на высшую ученую степень цзиньши.

⁷ Чжан Фэй и Цао Цао — полководцы периода Трех Царств. В знаменитой средневековой эпопее «Троецарствие» описывается бой на мосту Данъянцзяо между полководцем Чжан Фэем и правителем Вэй — Цао Цао.

⁸ Тунпань — управляющий отделом по местным делам (ча-

сто по делам инородцев) в областном или окружном ямыне. Этот же чин нередко соответствовал должности помощника начальника округа.

⁹ Пять Запретов — пять заповедей, которых должен придерживаться всякий, кто посвящал себя служению Будде: не убивать, не красть, не прелюбодействовать, не лжесвидетельствовать и не пить вина.

¹⁰ Чжэ — название двух районов в бассейне р. Цяньтан-цзян (современная провинция Чжэцзян).

¹¹ У и Юэ — названия древних царств, расположенных в нижнем течении Янцзы.

¹² Гуаньинь — популярное божество буддийского пантеона (китайский вариант индийского божества Авалакитешвара) — Богиня милосердия, дарующая людям радость, помогающая в бедах, приносящая детей и пр.

¹³ Цзиньган — один из важных богов буддийского пантеона, главный хранитель буддийских законов — воспринимался как символ суровой решимости и неодолимой силы. В храмах часто пзображался в виде одного или двух свирепого вида воинов, стоящих у ворот с алмазным скипетром в руке (*цзиньган* — букв. «алмаз», «диамант»). Нередко имя бодисатвы ассоциируется с Цзиньган еча (Ночной демон Цзиньган), олицетворяющим злой рок.

УТАЕННЫЙ ДОГОВОР

Полное название «Торговец Чжан заботливо отнесся к судьбе своего наследника; Бао Драконова Печать ловко заполучил договор о наследстве». — Ли и Мэнчу. Чжэ пайань цзинци. Повесть № 33.

¹ Династия Лян правила с 907 по 923 г. в так называемую эпоху Пяти Династий (X в.).

² Завещание построено на игре слов. Вместо иероглифа со значением «взлет», который входил в имя юноши, в завещании употреблен его омоним — отрицание «не».

³ Бяньлян — одно из названий Кайфыня, который был столицей страны при нескольких династиях.

⁴ Пятикнижие — пять конфуцианских канонов, или пять древних классических книг, знание которых было совершенно необходимо образованному книжнику: «Книга Песен» («Шицзин»), «Книга Истории», или «Исторические предания» («Шуцзин»), «Книга Перемен» («Ицзин»), «Записки о Ритуалах» («Лицзи»), летопись «Весны и Осени» («Чуньцю»).

⁵ Весной в Праздник Чистых и Светлых Дней (Цзиньин), связанный с поминовением усопших, а также осенью в Праздник Чаши Юйлань (Юйланьхуэй) все члены семьи или клана шли на родовое кладбище для совершения поминальных обрядов.

⁶ Под Восточным Пиком подразумевается Тайшань — священная гора даосов, на склонах которой в храмах приносились жертвы богам. Владыка Восточного Пика — божество даосского пантеона, распорядившееся жизнью и смертью людей (см. повесть «Союз Дракона и Тигра»).

ТРИЖДЫ ОЖИВШИЙ СУНЬ

Полное название «Бао Драконова Печать разрешает обиды трижды ожившего Суня». — Фэн Мэнлуи. Цзинши тунъянь. Повесть № 13.

¹ Гань Ло служил канцлером при дворе циньского государя. Как рассказывают исторические предания, он рано проявил свои таланты и стал сановником в двенадцать лет.

² Имеется в виду Цзян Цзыя — один из героев исторических повествований о делах и людях древней династии Чжоу. Слава к нему пришла лишь в восьмидесятилетнем возрасте, когда он встретился с чжоуским Вэньваном.

³ Янь Хуэй — любимый ученик Конфуция, умер в юном возрасте.

⁴ Пэн Цзу — сановник мифического государя Яо, по преданиям, дожил до восьмисот лет.

⁵ Фань Дань — ученый, живший во времена династии Хань. Он был настолько беден, что очаг в его доме был всегда холодным.

⁶ Эра Изначального Покровительства (Юанью) — годы правления сунского императора Чжэцзуну (1086—1094).

⁷ Четыре Подпоры — четыре календарных первоосновы (год, месяц, день, час), используемые в гадательной практике для определения судьбы человека.

⁸ С именем Дунфаи Шо связывалось искусство магии.

⁹ Триграммы — комбинация из целых и прерывистых линий (основных комбинаций восемь, поэтому часто говорится о «восьми триграммах»). В старом Китае триграммы использовались как своеобразный магический код для обозначения многих явлений и широко применялись в гадательной практике.

¹⁰ Тайэ — один из трех легендарных мечей, откованных знаменитым мастером — Плавильщиком Оу (Оу Едзы), который жил в эпоху Весен и Осеней. С мечом Тайэ связывали разные удивительные истории.

¹¹ Учение о темных и светлых силах (*инь* и *ян*) восходит к древнекитайской натурфилософии, в основе которой лежало дуалистическое представление о мире. Понятие *инь* — *ян* обычно соединялось с учением о Пяти первоэлементах (стихиях), имело широкое распространение в китайской медицине, в гадательной практике.

¹² «Ицзин» («Книга Перемен») — одна из книг древнекитайской натурфилософии и конфуцианского канона. «Книга Перемен» широко использовалась в гадательной практике, ей придавали магический, сакральный смысл.

¹³ Ли Цуньсяо — сановник, живший в эпоху Пяти Династий. В исторических памятниках говорится, что его оклеветали завистники и он был предан страшной казни: он был разорван лошадьми, к которым его привязали, погнав их затем в разные стороны.

¹⁴ О Пэн Юэ в «Книге о династии Хань» («Ханьшу») рассказывается, что его разрубили на мелкие части за то, что он якобы замыслил заговор против ханьского государя (о Пэн Юэ см. в повести «Сюцай в царстве теней»). Истории Ли Цунь-

сяо и Пэн Юэ приводились в литературе как примеры жестокой и страшной казни.

¹⁵ Здесь, по-видимому, имеется в виду растение *Tetrapanax parifera* — высокий кустарник, листья и травы которого применялись в китайской медицине. Из луба растения, превращенного путем особой переработки в бумагу, делали украшения. Цветы тунцао использовались также для украшения дамских причесок.

¹⁶ Имеется в виду особая бумага, пропитанная ароматическими веществами, которая сжигалась при поминальных обрядах.

¹⁷ Во времена династии Цинь (III в. до н. э.) всемогущий царедворец Чжао Гао однажды подарил государю Эршихуану оленя, назвав его при этом копей. Всякий, кто не захотел повторить эту пелепость, понадал за свою строптивость в опалу. И, наоборот, тот, кто подлаживался под вельможу, удостоивался его милости. Впоследствии слова «загадка с оленем» стали обозначать испытание, определяющее искреннее или же угодливое, лицемерное поведение.

¹⁸ Имеется в виду знаменитая притча, изложенная в книге философа Чжуанцзы. Однажды ему приснилось, что он стал бабочкой. Проснувшись, он никак не мог понять, снилось ли ему, что он бабочка, или бабочке снится, что она Чжуанцзы. Эта притча обычно приводится как иллюстрация относительности человеческих представлений.

¹⁹ Парные свитки (*дуйлянь*, или *дуйцзы*) — бумажные, шелковые полотнища с изречениями, стихотворениями, текст которых состоит из равного числа знаков. С двух сторон дверей дома часто прикреплялись деревянные доски с вырезанными на них благопожеланиями в виде парных надписей.

БУНТ ВАН СИНЬЧЖИ

Полное название «О том, как Ван Синьчжи смертью своей спас всю семью». — Фэн Мэнлуан. Гудзинь сяошо. Повесть № 39.

¹ Дамба Суди была возведена на оз. Сиху в Ханчжоу знаменитым поэтом, ученым и государственным деятелем Су Дунпо (1036—1101), который служил в этих местах.

² В XII в. Сунский двор под патиском кочевников-соседей покинул столицу Кайфын и переселился на юг. Столицей империи (Южная Сун) стал город Ханчжоу, или Линьянь.

³ Годы Небесного Пути (Цяньдао) — эра правления императора Южной династии Сун Сяоцзун (1165—1173). Годы Ясного Сияния (Чуньси) — эра правления того же императора, приходившаяся на другие годы: 1174—1189.

⁴ Государство Цзинь существовало в Северном Китае с 1115 по 1234 г. Южные Суны вели с ним частые войны. Государство Цзинь занимало обширный район в бассейне р. Хуанхэ и земли к северу, включая нынешний Дунбэй.

⁵ Драконова ладья — судно императора. Дракон — широкоупотребительный эпитет, относящийся к персоне государя.

⁶ Годы Созидательного Сияния (Цзиньянь) — эра правления государя Гаоцзуня (1127—1130).

⁷ Оборванный Мост (Дуаньцяо) — одна из достопримечательностей оз. Сиху. Мост однопролетный и очень крутой. Когда зимой под лучами солнца на верхней части моста тает снег, кажется, что мост висит в воздухе.

⁸ Ожидающий Приказы (Дайчжао) — должность чиновника, ведавшего составлением бумаг для трона. В других случаях слово *дайчжао* имеет значение «мастер своего дела».

⁹ Название Беседка Тэнского князя связано с именем знаменитого поэта эпохи Тан — Ван Бо (650—675), описавшего эту древнюю беседку в своем стихотворении. Приведенная строка, говорящая о «счастливой судьбе», намекает на Ван Бо, гений которого был признан с юных лет.

¹⁰ Стела Цзяньфу стояла в беседке луского гуна, расположенной в горах Цзяньфушань. Она знаменита тем, что надпись была сделана поэтом Оуян Сюнем. Крупный чиновник Фань Сивэнь решил приобрести оттиск с надписи, но неожиданный удар молнии разрушил стелу. Эта история приводилась как пример недоброго знаменья. Она изложена, в частности, в пьесе известного драматурга Ма Чжюаня.

¹¹ Яньчжоу — название города и древнего округа в провинции Чжэцзян.

¹² Гуандун — южная провинция Китая, центр ее — город Гуанчжоу (Кантон).

¹³ Гун — почетный титул, второй по значимости (после вапа) в старом Китае.

¹⁴ Аньцин — город в Центральном Китае. В настоящее время находится в провинции Аньхуэй.

¹⁵ Го Цзе и Чжу Цзя — знаменитые рыцари-удальцы, жившие во времена династии Хань.

¹⁶ Цзянхуай — большой район в центральном течении р. Янцзы и бассейне р. Хуайшуй.

¹⁷ Два района Хуай в прошлом — два больших административных района к югу и к северу от р. Хуайшуй.

¹⁸ Сяньян (ныне город в провинции Шаньси) — столица страны в период династии Цинь.

¹⁹ Мэнчап, или Мэнчап-цзюнь (Мэнчанский Правитель), — прозвание известного вельможи Тянь Вэня, который жил в эпоху Борющихся Царств и славился хлебосольством. Впоследствии имя Мэнчана стало нарицательным, обозначая гостеприимного хозяина.

²⁰ Сюньян — название реки и древней области в провинции Цзянси.

²¹ Дутоу — младший военный чин.

²² Дуцзянь — военная должность, пачальник небольшого гарнизона.

²³ *Сы* — время с 11 до 13 часов, *шэнь* — с 17 до 19 часов. С часа *сы* до часа *шэнь* — с 11 часов утра до 7 часов вечера.

²⁴ Девять Источников — образное название потустороннего мира.

СОДЕРЖАНИЕ

КИТАЙСКАЯ ПОВЕСТЬ XVII ВЕКА. Д. Н. ВОСКРЕСЕНСКИЙ	5
ЧЖАН ПРОНЫРА ПОПАЛ ВПРОСАК	31
КРАСОТКА МО ПРОСЧИТАЛАСЬ	52
ПУТЬ К ЗАОБЛАЧНЫМ ВРАТАМ	77
ЗАКЛЯТИЕ ДАОСА	121
ХИТРОУМНЫЙ ЯНЬ ИН	146
ЗОЛОТОЙ УГОРЬ	158
МОШЕННИК ЧЖАО И ЕГО ДРУЖКИ	178
ПОДМЕТНОЕ ПИСЬМО	215
УТАЕННЫЙ ДОГОВОР	234
ТРИЖДЫ ОЖИВШИЙ СУНЬ	255
БУНТ ВАН СИНЬЧЖИ	275
КОММЕНТАРИЙ	315

Заклятие даоса. Китайские повести XVII века.
З-18 Пер., предисл. и коммент. Д. Н. Воскресенского.
М., Главная редакция восточной литературы изда-
тельства «Наука», 1982.

334 с.

Книга знакомит читателей с одним из ведущих жанров средневековой китайской литературы — городской повестью; в нее включены произведения из знаменитых сборников, составленных в XVII в. Фан Мэнлуном и Лин Мэнчу. Ряд повестей принадлежит к «судебному циклу», в других читатель найдет образцы дидактических или авантюрных сюжетов, всегда занимательных и оригинальных. В предисловии переводчик говорит об особенностях повестей, о месте этого жанра в средневековой китайской литературе. Комментарий поможет читателю ориентироваться в философских и литературных истоках произведений, в реалиях быта средневекового китайского города. Все повести переведены на русский язык впервые.

З $\frac{4703000000-001}{013(02)-82}$ 195-82.

8И (Кит)

ЗАКЛЯТИЕ ДАОСА

Китайские повести XVII века

Редактор *О. С. Ривкина*
Младший редактор *Г. А. Бурова*
Художник *Н. И. Крылов*
Художественный редактор *Э. Л. Эрман*
Технический редактор *Л. Е. Синенко*
Корректор *Г. А. Дейгина*

ИБ № 14563

Сдано в набор 23.04.81. Подписано к печати 08.09.81. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая. Усл. печ. л. 17,64. Усл. кр.-отт. 17,94. Уч.-изд. л. 18,37. Тираж 50 000 экз. Изд. № 4733. Зак. № 1170. Цена 1 р. 60 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

Ордена Ленина
типография «Красный пролетарий»
103473 Москва И-473,
Краснопролетарская, 16

1 р. 60 к.